В. И. БОРИСОВ

НА БЕРЕГАХ КАМЧАТСКИХ РЕК

«Новая книга»
Петропавловск-Камчатский
2023

УДК 908(571.66)
ББК 63.2(Камч)
Б82

Борисов В. И.
Б82 На берегах камчатских рек. — Петропавловск-Камчатский: «Новая книга», 2023. — 752 с., ил.

ISBN 978–5–907448–46–9

Книга рассказывает о малоизвестных сторонах камчатской истории XVII—XX вв.: появлении и развитии различных населённых пунктов; особенностях формирования их населения, развитии его промыслов и культуры. Отражены судьбы отдельных людей, как аборигенов, так и пришлых, поколениями живших на полуострове. Показано, как социальные и политические события изменяли быт и занятия местных жителей. Включены географические, демографические и статистические сведения о разных местах полуострова, затронуты вопросы религиозной жизни и школьного образования, приведены сведения о некоторых исследователях и экспедициях, изучавших Камчатку в разное время. Содержатся биографические сведения об авторе.

Книга предназначена для всех интересующихся историей Камчатки и Северо-Востока России.

УДК 908(571.66)
ББК 63.2(Камч)

Редактор-составитель С. В. Гаврилов

На обложке: репродукция картины А. П. Мешкова «Селение Кресты»

© Борисов В. И., 2023
© Гаврилов С. В., составление, 2023

ISBN 978–5–907448–46–9

От редактора

Восьмая книга серии «Библиотека “Вопросов истории Камчатки”» посвящена творчеству ныне здравствующего и плодотворно работающего известного краеведа — Виктора Ивановича Борисова. Ещё в конце 1980-х гг. он занялся изучением истории полуострова и его населённых пунктов, того, как складывалось их народонаселение, развивались его занятия и культура. Особый интерес исследователя всегда привлекали судьбы простых людей, как аборигенов, так и пришлых, поколениями живших на нашей земле, осваивавших её, создававших удивительную среду, всегда отличавшую Камчатку от других местностей нашей огромной страны.

Книга состоит из шести разделов. Самый объёмный — первый — «Из истории населённых пунктов полуострова Камчатка». Он включает исторические, географические, демографические и статистические сведения о множестве мест обитания наших предков, как существующих поныне, так давно закрытых и заброшенных.

Второй раздел — «На карте сама жизнь внесла изменения...» — рассказывает о том, как менялась местная топонимика, содержит интересные описания отдельных географических изысканий, данные о некоторых селениях и промышленных объектах. Здесь же освещена малоизвестная страница времён гражданского противостояния 1920—1922 гг., касающаяся деятельности партизанских отрядов, в частности, собранных в Усть-Камчатске; затронуты вопросы религиозной жизни и школьного образования.

Об экспедициях и путешествиях, состоявшихся в основном в первой половине XX в., повествует третий раздел. Упомянуты не только участники многочисленных походов по полуострову, но и их отдельные, лишь очень немногие из сотен камчадалов, проводники, сведения о которых сохранились в народной памяти.

В разделе «О камчатской старине» приведено несколько легенд, мифов и рассказов старожилов, раскрыта история отдельных предметов. Весьма интересные характеристики и жизнеописания некоторых знаковых личностей, живших на полуострове и исследовавших его в XIX—XX вв., включены в раздел «Персоналии».

Завершающий раздел «О времени и о себе» носит биографический характер, внося дополнительные штрихи в жизнеописание автора и личностную оценку интересных общественно-политических и социально-экономических событий 1960—2000-х гг., протекавших на его малой родине, а также затрагивающих творческую и исследовательскую работу.

«Интерес к истории зародился в семье...»

Я родился 27 июля 1959 г. в обычной семье, жившей в рабочем посёлке рыбоконсервного завода. В свидетельстве о рождении так и записано: «Место рождения — РКЗ-66». Родители большую часть времени проводили на работе.

Отец, Иван Васильевич Борисов, 1932 г. р., приехал в Усть-Камчатск с семьёй в 1941 г. Трудиться начал мотористом катера, возившего грузы по реке Камчатке вплоть до селения Кирганик. Позже, не имея даже среднего образования, он работал техником-строителем. Мать, Алла Ильинична Борисова (Брагинцева), родилась в 1936 г. в селе Крутоберегово Усть-Камчатского района. Всю жизнь проработала бухгалтером торговой базы Облрыболовпотребсоюза, отсюда ушла на пенсию.

Мой прадед по материнской линии Фёдор Машкин был строителем, возвёл много домов в Усть-Камчатске и Крутоберегово. Его дочь, моя бабушка Евдокия Фёдоровна Машкина (Брагинцева), родила одиннадцать детей, награждена орденом «Мать-героиня». Они приехали из деревни Кадисниково из-под Вятки.

Дед Илья Корнилович Брагинцев шестнадцатилетним в 1931 г. прибыл на строительство Ключевского деревообрабатывающего комбината из Забайкалья, участвовал в Курильской десантной операции в составе 302-го стрелкового полка, был пулемётчиком.

Дед Василий Андреевич Борисов тоже был строителем, награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Бабушка Анна Емельяновна Мурзаева — домохозяйка, много времени отдававшая огородничеству и сбору даров леса. Она родилась 21 января 1904 г. в большой семье, жившей не бедно, торговавшей зерном, возившей его в Арзамас. Рассказывала о своей бабушке, та дожила почти до ста лет, ослепла. Говорила: «Сидит на лавочке и всё знает, что в деревне происходит». Недавно разыскал свою родню. Узнал, что прадед Емельян был человеком с хозяйской жилкой. Перед революцией 1917 г. купил молотилку для зерна, другое оборудование. Потом его трижды раскулачивали. Один из моих прадедов, видимо, был военным. Отец в детстве видел его фотографию: тот сидел на лошади в дореволюционной форме. Говорили, что был гусаром.

Родословную по отцовской линии с помощью архивов удалось проследить с 1590-х гг. Мои предки были государственными крестьянами, а с XVIII в. — помещичьими крестьянами капитана

артиллерии князя Петра Егоровича Дадиани, жили в Сергачской округе Нижегородской губернии.

Детство и юность прошли на Первозаводской морской косе, где располагался посёлок РКЗ. Здесь стоял наш рубленый дом, построенный дедом В. А. Борисовым, сюда наша семья переехала в середине 1960-х гг. Рядом имелся большой участок земли, около двадцати соток, хозяйственные постройки и огород. Метрах в трёхстах от нашего забора шумел прибоем Тихий океан. В Камчатском заливе иногда собиралось до 10–15 транспортных и рыболовецких судов. Ночью залив освещали их огни, создавая впечатление целого плавучего города.

В среднюю школу № 1, находившуюся в полукилометре от дома, несколько месяцев учебного года бегал без куртки, даже когда выпадал снег.

Интерес к истории зародился в семье, имевшей довольно большую библиотеку. Телевидение в Усть-Камчатске появилось только в конце 1970-х гг., поэтому читать зимними вечерами ничто не мешало. Уже в классе пятом-шестом «запоем» читал книги «Владимир», «Святослав», «За землю русскую», «Иван III — государь всея Руси» и другие подобные. Повезло со школьным учителем истории — Валентиной Михайловной Шпилько, прекрасным человеком и Педагогом с большой буквы. Она была великолепным рассказчиком, на её уроках всегда царила тишина, все слушали очень внимательно. Я и сейчас помню её отдельные уроки.

В детстве много времени отдавал спорту: летом — на стадионе, зимой — в спортзале. Чтобы познать окружающую местность, часто ходил в туристские походы в окрестности Усть-Камчатска на расстояние до 20–30 км, зимой на лыжах бегал в лес и ближайшие сопки.

Имел и спортивные достижения: в 1984 г. выиграл кубок Усть-Камчатского района по шахматам. Надо отметить, что в то время в районе уровень местных шахматистов был высок, сюда приезжали на работу специалисты, имевшие первые спортивные разряды, были даже кандидаты в мастера спорта.

После окончания школы учился в Петропавловск-Камчатском рыбопромышленном техникуме на технологическом отделении. Окончив техникум, работал на родине мастером РКЗ-66, стал старшим мастером. В то время завод был одним из крупнейших предприятий Камчатрыбпрома. Здесь прошёл хорошую жизненную и производственную школу. Тогда на заводе трудилось много ветеранов, личным примером показывавших молодёжи, каково должно

быть отношение к труду. Был избран секретарём комитета комсомола завода. Рядом с помещением комитета находился архив, хранивший документы с 1927 г., со времени строительства предприятия. Знакомиться с ними было интересно, занимался этим после трудового дня — изучал, делал выписки из приказов за прошлые годы. Во время работы на заводе в 1981 г. вступил в комсомол, а в 1984 г. — в члены КПСС. Занимался и общественными делами: в 1985 г. был избран в состав Усть-Камчатского районного Совета народных депутатов по Первозаводскому избирательному округу.

С годами всё больше и больше интересовался историей Камчатки, одновременно чувствовал, что имеющихся знаний не хватает. В 1986 г. поступил в Камчатский государственный педагогический институт на исторический факультет. Правда, быть «вольным студентом» пришлось недолго, так как в ноябре этого же года меня избрали секретарём институтского комитета комсомола. Пришлось совмещать учёбу и работу. В 1987 г. удалось принять участие в археологических раскопках Нижнекамчатского острога. Их проводили сотрудники Камчатского областного краеведческого музея под руководством Андрея Гокова.

В 1991 г., по окончании пятого курса, защитил дипломную работу «Хозяйство и быт жителей долины реки Камчатки». Эта тема стала определяющей в последующей исследовательской жизни. В 1993—1995 гг. возглавлял Усть-Камчатскую ассоциацию коренных народов Севера.

...Одной из главных сложностей, встающих перед автором, является опубликование наработанного. Тут надо сказать, что временны*е* затраты на исследования и написание материала примерно соразмерны с затратами на выпуск издания.

Первым из них, вышедшем в Усть-Камчатске в 1990 г., стал сборник краеведческих статей «Пойдём ныне по своему Отечеству», выпущенный на собственные средства. Цель сборника — представить интересующимся историей Усть-Камчатского района малоизвестные или совсем неведомые сведения. Позже (в 1993 и 2005 гг.) удалось напечатать ещё два сборника под этим же названием. Последний финансово помог выпустить Павел Лазовских.

В последующие годы сумел издать несколько работ, посвящённых истории населённых пунктов Камчатки. Вслед за «Козыревском» вышел «Усть-Камчатск. Начало XVIII — конец XX в. Страницы истории» (2004), «Ключи. XVIII — конец XX в. Страницы истории» (2005). В 2006 г. вышла книга «Усть-Камчатский

район. Из истории населённых пунктов». Этот цикл в целом обрисовал тему истории населённых пунктов родного Усть-Камчатского района.

Чтобы понять и ощутить дух прошлых лет, приходилось много ездить по району и беседовать со старожилами. Особо хочу вспомнить козыревчан, братьев Александра Петровича и Дмитрия Петровича Мешковых, сообщивших очень много фактов из местной жизни. Встречи и разговоры вылились в книги «Воспоминания старожилов долины реки Камчатки» и «Воспоминания коренных жителей и старожилов Камчатки». Последняя вышла двумя изданиями, разошедшимися среди читателей за несколько месяцев. Подготовлен ещё один выпуск «Воспоминаний...», но издать его пока не получается.

В апреле 2011 г. исполнилось 85 лет со дня образования Усть-Камчатского района. К этой дате удалось выпустить фотоальбом с большим объёмом текста. В подготовке этой работы помогал известный фотограф Анатолий Пчелинцев, а сотрудница районной администрации Ольга Рогова предоставила сведения о современном состоянии экономики района.

В 2000 г. пресс-служба Камчатскэнерго подготовила к печати альбом, для которого я предоставил записи воспоминаний ветеранов этого предприятия. В 2016 г. подготовлены и изданы дневники вице-адмирала Г. И. Щедрина, ныне хранящиеся в фондах былого городского Музея боевой славы. В этом деле большую помощь оказала журналист Мария Киле. Эту солидную книгу удалось издать с помощью Камчатского Морского собрания и банка ВТБ-24. Её второе издание поддержала администрация Петропавловск-Камчатского городского округа.

Вышли два сборника под названием «Воспоминания камчатцев — участников Великой Отечественной войны и войны с Японией. 1941—1945 гг.». В их основу вошли беседы, записанные мной в 1995 г. в Усть-Камчатском районе, и статьи, опубликованные в районных и областных газетах. Второй выпуск был издан при поддержке депутата Законодательного Собрания Камчатского края Рашида Шамояна.

Благодаря помощи депутата Законодательного Собрания Романа Гранатова удалось напечатать книгу участника Великой Отечественной войны Бориса Сибилёва «Память не знает покоя». Кроме них, в разное время вышли книжки «Собаководство на Камчатке», «Ключевской деревообрабатывающий комбинат», «Быстринский район в газетной строке» и другие.

В течение 1987—2020 гг. опубликовал более 250 краеведческих статей в районных и областных газетах, сборниках «Вопросы истории Камчатки», «Камчатский летописец», «Краеведческие записки», «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки», журнале «Неизвестная Камчатка».

Полагаю, что творчески мне наиболее близки авторы, являющиеся путешественниками и писателями. Такие, как трижды побывавший на Камчатке Владимир Клавдиевич Арсеньев; натуралист и автор многих статей о полуострове Прокопий Трифонович Новограбленов; знаток местного фольклора Георгий Германович Поротов; военный моряк, Герой Советского Союза, вице-адмирал Григорий Иванович Щедрин.

С 2010 по 2022 г. был главным редактором газеты «Абориген Камчатки». Род занятий позволил встретиться с множеством лиц, внёсших большой вклад в сохранение традиций и культуры Камчатки. Это оленеводы Николай Иванович Тынетегин и его сын Владимир, Юрий Михайлович Нинвит, учёная Татьяна Голованёва и автор высокопрофессиональных материалов Наталья Татаренкова; знатоки культуры коренных народов Севера Юлия Обертынская и Александра Кергильхот, мастера прикладного творчества Егор Чечулин и Александр Притчин. Впечатлён общением с неравнодушным человеком, бывшим руководителем Пенжинского района Владимиром Семёновичем Канунниковым, практиком-хозяйственником Борисом Петровичем Левчуком и многими другими.

История меня очень интересовала с детства: почему те или иные события развивались по определённому сценарию, какие тому были причины и обуславливавшие факторы, кто принимал в них участие, где это происходило и прочее. Попытка разобраться в происходившем на нашем полуострове затянулась на десятилетия. Изучение отдельных вопросов занимало месяцы, а иногда и годы. В ходе сбора сведений по той или иной теме возникали новые, иногда неожиданные, повороты, пройти мимо которых было невозможно. Их круг всё больше и больше расширялся, порой результатом длительных поисков становились настоящие открытия. А что может быть для исследователя приятнее, чем получение ответа на долго мучившие его вопросы? Удовольствие от этого не сравнимо ни с чем!

К сожалению, в истории Камчатки и поныне многое неизвестно. Например, сколько у нас было населённых пунктов? Какая у них

история? Быстро найти ответы на эти вопросы сегодня не представляется возможным. По собранным мною из широкого круга источников сведениям, всего на полуострове в разное время существовало около трёхсот селений, о многих помнят лишь старожилы. Надеюсь, что собранное воедино и представленное ниже позволит расширить имеющиеся у нас знания, дополнит уже содержащееся в камчатской краеведческой литературе.

Хочу поблагодарить скромных старожилов полуострова, носителей уникальных знаний, которыми они с большим удовольствием делились со мной, особенно коренные камчадалы — простые, добродушные, неторопливые рассказчики, всегда соблюдающие законы гостеприимства. К сожалению, лишь небольшая часть камчатских обитателей имеет многовековые корни. Аборигены хранят любовь к своей земле, соблюдают законы бытия и традиции предков, интересуются судьбой родственников и знакомых. Попытка собрать с их помощью разнообразные материалы и опубликовать их и увенчалась этой книгой.

Петропавловск-Камчатский — Эссо,
26 мая 2023 г.

Использованные сокращения

АКО — Акционерное Камчатское общество
ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодёжи
КНО — Корякский национальный округ
КО — Камчатская область
КОИК — Камчатский областной/окружной исполнительный комитет
КОК — Камчатский областной комитет
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
КРС — крупный рогатый скот
ОГПУ — Объединённое государственное политическое управление
ОКАРО — Охотско-Камчатское акционерное рыбопромышленное общ-во
РГО — Русское географическое общество
РКЗ — рыбоконсервный завод
РСФСФ — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ЦПШ — церковноприходская школа
ЧНО — Чукотский национальный округ

в. — век
га — гектар
г. — год
г. р. — год рождения
кв. — квадратный
кВт — киловатты
км — километры
куб. — кубический
л. с. — лошадиные силы
млн — миллион
с. г. — сего года
св. — святой
см — сантиметр
т — тонна
т.; тов. — товарищ
ц — центнер
чел. — человек
шт. — штук

ИЗ ИСТОРИИ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ ПОЛУОСТРОВА КАМЧАТКА

Настоящая подборка является попыткой систематизировать сведения по истории населённых пунктов Камчатки. Она подготовлена на основе материалов Государственного архива Камчатского края, Мильковского и Быстринского районных архивов, сведений, опубликованных в областных газетах «Известия Камчатского народно-революционного комитета», «Полярная звезда», «Камчатская правда», районных газетах «Штурм», «Большевистский путь», «Ленинский путь», «Камчатский колхозник», «Знамя труда», воспоминаний старожилов. Ниже в алфавитном порядке рассказывается о 141 населённом пункте, существовавших в разные годы и имеющихся в настоящее время.

Аманино. По-ительменски — Вельхнуль. С. П. Крашенинников в острожке, где тойоном был Ляля, застал 19 ясачных плательщиков. Население — ительмены. Ближайшие населённые пункты: к северу — Воямполка, к югу — Тигиль. К. Дитмар, посетивший селение в середине XIX в., сообщал: «Пять домов этой деревни стоят на левом берегу реки того же имени и их населяют 12 чел. мужского пола и 20 женского. Жители этого местечка родом из Седанки, откуда их сюда переселили насильственно несколько лет тому назад только для того, чтобы основать промежуточную станцию между Тигилём и лежащей ещё за 90 вёрст отсюда Воямполкой... Скверные домишки, беспорядок, грязь, беднота и болезненность были ее последствиями».

Селение находилось на реке Аманина. От Авачинской губы по тракту до него считалось 893 версты. В 1836 г. здесь жили 58, в 1851 г. — 37 чел. В 1868 г. имелось восемь домов, 67 чел. (33 мужского и 31 женского пола). Часовни нет. В 1876 г. — 63 чел., в том числе четыре отставных казака и 59 камчадалов (33 мужского и 30 женского пола), семь юрт и всего два дома. Из хозяйственных построек — 22 балагана, восемь стай (загонов для скота), два амбара и одна баня. Селяне держали девять лошадей, 13 коров и 71 собаку. За охотничий сезон добыто 56 зверей (в том числе 22 соболя, 21 нерпа, два оленя, белуга, медведь, две выдры).

Население в 1901 г. — 50 чел.

Участник разведпартии отряда Г. И. Чубарова, побывавший здесь в 1923 г., записал: «12 домов, 12 амбаров, 12 балаганов и три

бани. Численность населения: взрослых мужчин 16, женщин 12, детей мужского пола 15, женского 14. Грамотных только три человека. Школы и учителя нет, дети грамоты не получают. Вероисповедание православное, церкви и попа нет. Главное занятие жителей — охота и рыболовство, животноводство. Пушнина сдаётся в Тигильский кооператив и отделениям фирм "Гудсон Бей" и Свенсона. Постоянных и проезжающих скупщиков не бывает. Торговля происходит на обмен главным образом на продукты питания и мануфактуру, а также на спирт, который привозится японцами в летнее время.

Характер поверхности: тундра, покрытая лесом — чёрным березняком. Протекает река Аманина шириною 15 саженей, глубина до одной сажени, полноводность частая, имеются озёра. Средняя температура зимы — минус 30, лета — плюс 15 градусов. Глубина снега до 1,25 аршина, падает часто. Ветры курильские и восточные, пурги частые, заносы большие. Состав почвы — чернозёмная, песчаная и болотистая. Питьевой водой пользуются из рек, качество хорошее... Способ передвижения вьючный, дороги идут по болотистому и гористому местам. Переправы через реки возможны бродами, мостов и паромов нет. Телеграфная линия проложена только до Тигиля. Селение имеет 14 лошадей, 14 конских сёдел, 100 собак, 11 нарт, девять батов, 15 пар лыж, 16 коров. Сведений об ископаемых нет».

В 1926 г. по итогам Приполярной переписи в селении имелось 10 хозяйств, 65 чел. (32 мужского и 33 женского пола), из них семеро грамотных. В 1933 г. здесь было 12 хозяйств и 46 жителей.

В ходе коллективизации создан колхоз «Бедняк». В 1936 г. в него входили восемь хозяйств, 55 чел., в том числе 19 трудоспособных. Доход на одного работника составил всего 189 руб. Впоследствии колхоз переименован в «Советский Север», в 1946 г. объединён с тигильским хозяйством «Ленинский путь». В настоящее время селение Аманино не существует.

Анавгай, село. Историк М. П. Стельных указывал: «8 февраля 1926 г. прошло первое собрание Анавгайского кочевого общества (рода). Оно проходило в Быстринской школе. На собрании присутствовали 39 чел., только мужчины. Председательствовал на собрании Иван Маркович Инданов. Собрание заслушало сообщение инструктора губревкома К. Бауэрмана о целях его командировки. Были определены границы Анавгайского (Анаунского) рода и проведены выборы родового исполкома. В него вошли Иван Инданов, Иннокентий Гилканов, Степан Черканов. Собрание приняло реше-

ние: обучение всех мальчиков в школе признать обязательным. Девочки могли учиться по усмотрению семьи».

Первоначально село начало строиться на правом берегу реки Анавгай, там, где сегодня раскинулась большая поляна стойбища Мэнэдек. Затем было решено перенести строения на террасу реки Быстрой. Первое деревянное здание возвели в 1934 г. строители, приехавшие из Ключей. В Анавгае было образовано товарищество имени В. М. Молотова, открылась начальная двухклассная школа.

В августе 1938 г. товарищество предприняло опытный перегон оленей в Петропавловск. Пастушескую бригаду из трёх человек возглавил С. К. Инданов. Олени благополучно были доставлены в город в июне 1939 г. Очень важным для бывших кочевников стало приобщение к овощеводству. Весной 1939 г. анавгайцы посадили 2,34 гектара картофеля и 0,36 гектара разных овощей. Товарищество наладило подвоз продуктов и промтоваров на оленьих упряжках от снабженческой базы 40-го километра до села. В декабре 1938 г. так перевезли 9,3, в январе 1939 г. — 17,5, а в феврале 1939 г. — 18,8 тонны.

К этому времени хозяйство товарищества заметно укрепилось и расширилось. Оленеводы окончательно убедились в преимуществах ведения коллективного хозяйства. Произошли большие изменения не только в экономической, но и в культурной жизни эвенов. Их дети на полном государственном обеспечении учились в школе села Эссо. Многие окончившие эту школу затем продолжили учёбу в Ленинграде, Хабаровске и Петропавловске. А первыми образованными людьми из эвенов стали те, кто в 1930-е гг. окончил Петропавловскую совпартшколу. Затем они работали в тузрике (туземном, то есть местном, районном исполкоме), сельсоветах, партийных органах.

Население получало бесплатную медицинскую помощь. Её предоставляла, в частности, фельдшер Харыбина. В районной газете она рассказывала о радушном приёме, оказанном ей жителями Анавгая. Уже в то время эвены смотрели кинофильмы, читали центральные газеты и журналы.

В 1940 г. село перенесли на новое место, туда, где находились поля. От прежнего осталось лишь название — Старый Анавгай.

В 1941 г. в Анавгае жили всего 181 чел. Решением КОИК от 25 апреля 1941 г. разработан план оседания кочевого населения в Тигильском и Быстринском районах.

4 октября 1952 г. «Камчатская правда» сообщила о трудовых достижениях оленеводов: «Колхоз имени Молотова план сдачи мяса государству выполнил на 136 %». 28 июня 1955 г. эта же

газета писала: «Животноводы колхоза имени Молотова добились заметных успехов в повышении продуктивности скота. Так, надой на одну корову составляет в среднем 1 218 литров молока в год. В прошлом 1954 г. от животноводства получено около 70 тыс. руб. дохода. Несколько лет назад на берегу реки Быстрая обосновался колхоз имени Молотова. Сейчас здесь выросла большая, культурная усадьба — село Анавгай. В нём десятки рубленых домов, школа, библиотека, медицинский пункт, пекарня, радиоузел, клуб».

В декабре 1966 г. село составляли 72 дома, в них жили в основном представители коренных национальностей полуострова — эвены и коряки. Только в течение 1966 г. в эксплуатацию введены два четырёхквартирных дома, интернат и баня.

О достижениях селян к середине 1960-х гг. рассказывал председатель Анавгайского сельсовета К. И. Адуканов:

«Нынче в Анавгае много специалистов со средним и высшим образованием. После окончания Палански сельскохозяйственной школы стали оленетехниками-животноводами Н. К. Ичанга, Т. С. Коерков, В. И. Мандятов, Юльты Пелат, Л. К. Дыгдычев, Л. Н. Солодикова.

Немало эвенов-специалистов работают также в области народного образования, здравоохранения, культуры. Е. Е. Банаканова училась в Хабаровском пединституте имени Герцена, теперь работает воспитательницей интерната. Т. П. Адуканова стала учительницей, закончив педтехникум. Фельдшер Красной яранги А. Н. Шемаева получила образование в Петропавловском медтехникуме. В медпункте фельдшером-акушером работает Н. С. Емельянова, которая тоже имеет среднее медицинское образование.

Большую культурно-воспитательную работу проводят среди местного населения киномеханик Л. Е. Банаканова, библиотекарь П. Н. Адуканова, работник Красной яранги К. С. Черканов. Эти товарищи тоже учились в различных учебных заведениях страны.

Говоря о национальных кадрах, нельзя не упомянуть и о тех, кто сейчас ещё сидит на студенческой скамье. С. С. Черканов учится в Магаданском сельхозтехникуме, С. К. Адуканова и Г. А. Адуканова — в Хабаровском медицинском институте, Н. А. Укипа — в Петропавловском педучилище.

Конечно же, высококвалифицированными зоотехниками, агрономами и другими специалистами станут и многие из тех 70 эвенских ребятишек, которые нынче учатся в начальной школе и живут в интернате на полном государственном обеспечении. То же можно сказать и о 75 самых маленьких воспитанниках детяслей.

Благодаря Конституции СССР подрастающему поколению обеспечено счастливое будущее».

В середине 1960-х годов в анавгайский табун прилетала съёмочная группа фильма режиссёра Э. Рязанова «Дайте жалобную книгу», сохранились снимки пребывания и беседы с оленеводами. В июне 1967 г. Камчатская студия телевидения создала фильм «Мальчик из Анавгая». Одним из важных событий для села стало переселение сюда нескольких корякских семей из Соболевского района. Затем были переселены из села Быстрое эвены, бывшие жители сёл Тваян и Лаучан.

Современное село сложилось к концу 1970-х гг. В 1970—1980-е активно работал совхоз «Анавгайский». В 1990 г. в нём трудились 161 чел. В этом году собрано 1 400 центнеров картофеля, выращено в живом весе 814 центнеров оленины.

К этому времени все дома были электрифицированы, в них имелась холодная и горячая вода, у каждого дома был разбит огород, позже стали появляться теплицы.

В 1978 г. открылась школа-восьмилетка, затем средняя школа. В 1980 г. построено двухэтажное здание восьмилетней школы-интерната, в 1985 г. она преобразована в среднюю. Здесь ведётся преподавание на эвенском языке. Построен современный Дом культуры. По инициативе писателя Г. Г. Поротова возник национальный ансамбль «Нургэнэк». В его создании принимал участие и известный хореограф С. Кевевтегин.

С 1989 г. на берегу реки Анавгай в июне проводится фольклорный праздник Нургэнэк — «Новый год», на него обычно съезжаются гости из разных мест Камчатки. Часто гостят на празднике и магаданские эвены.

С вводом в эксплуатацию дороги Анавгай — Палана роль села, как транспортного узла, значительно возрастёт. Даже сегодня, когда работает только «зимник», анавгайцы занимаются перевозом грузов в Корякский округ.

Анапка, селение. Впервые обозначено на карте К. Дитмара, датированной серединой XIX в., но в некоторых последующих источниках оно не указано. Посетивший его в 1936 г. землеустроитель В. С. Шаталов писал: «Находится на южном берегу залива Уала. Товарищество “Тумгутум” было организовано... в 1935 г. В селении один маленький с деревянной пристройкой домик, где жил продавец и размещался склад с товарами, да ещё деревянная юрта, служившая школой. Остальные строения — землянки, но аккуратные и по-своему красивые... В товариществе состояло 56 хозяйств

с населением 240 чел., в том числе 119 мужчин, 121 женщина. Трудоспособных мужчин 76, женщин 62. Грамотных 11 чел. Товарищество имело 1 141 оленя, 276 ездовых собак. Из орудий рыбной ловли и охоты был закидной невод, кунгас, девять сетей по 20–30 метров, три вёсельные лодки, четыре бата, 39 винчестеров, берданка, три мелкокалиберных винтовки, 11 двуствольных и 13 одноствольных ружей, 162 разных капкана...»

Краевед В. П. Кусков считает, что село возникло «незадолго до 1937 г.». В лоции Берингова моря (1938) указано: «В юго-западной части лагуны в 2–2,5 милях от её устья расположено селение Анапка, населено оседлыми и кочующими нымыланами, объединёнными в колхоз. В селении Анапка имеются школа и фактория АКОснаба».

В послевоенное время поблизости сезонно работал Анапкинский рыбокомбинат, выпускавший солёную продукцию. Он имел небольшой флот. Постепенно комбинат увеличивал мощности, росло население, приезжали специалисты, строители, механики, учителя, врачи. 29 сентября 1953 г. решением бюро КОК КПСС одобрена организация комбинатской многотиражной газеты «Рыбак Камчатки», но её издание началось только в 1958 г. и продолжалось до 1970 г.

14 августа 1959 г. районная газета «Путь Ильича» писала: «В Анапкинский рыбокомбинат прибыли артисты Петропавловского драматического театра. В клубе рыбокомбината для рыбаков, обработчиков, механизаторов, строителей артисты дали два спектакля. Тепло встретили анапкинцы гостей, поставивших пьесы "Встреча с юностью" И. Буданцева и "Старик" М. Горького».

В лоции Берингова моря (1969) указано: «Селение Анапка расположено на юго-западном берегу лагуны Аннуянгвын в 2,2 милях к *WNW* от основания косы Хаянавын. Основным занятием жителей являются оленеводство, ловля рыбы и охота. В селении имеются фактория, школа и пекарня. Пресную воду можно брать из колодцев, но она имеет солоноватый вкус».

Селение Анапка и рыбокомбинат были признаны малоперспективными и были закрыты. Селение исключено из учётных данных КО 13 декабря 1974 г.

Апача, село. В настоящее время находится на территории Усть-Большерецкого района. До районного центра 60 км, ближайшие селения — Малка, Большерецк, Начики.

Этот ительменский острожек назван русскими по имени тойона Опача, жившего здесь в начале XVIII в. В XIX в. острожек находился на реке Плотниковой, расстояние от него до Петропавловска

считалось 138 вёрст. В 1868 г. здесь имелась деревянная часовня, 12 домов, жили 83 чел.: 41 мужчина и 42 женщины.

По переписи 1876 г. в селении обитали 108 чел., в том числе один духовного сословия, трое отставных казаков, пятеро петропавловских мещан и 99 камчадалов. Двое жителей считались грамотными, двое — малограмотными. Всего в селении находилось 49 построек, в том числе три амбара, две бани, 18 балаганов и 12 стай.

Селяне содержали 13 лошадей, 78 коров и 197 собак. Посадили картофеля 77 пудов, собрали — 538, выловили 79 470 лососей. За охотничий сезон добыли 45 соболей, 16 выдр, одну лисицу, семь оленей и шесть медведей.

Петропавловский окружной врач В. Н. Тюшов, путешествуя по Камчатке в конце XIX в., неоднократно посещал это селение. Его описание: «Селение Апачинское или Апача находится на низменном, частью затапливаемом по веснам водою, правом берегу Ничикинской реки, в какой-нибудь сотне сажень от более возвышенного, ровного и сухого наверху увала. Небольшие домики его, числом до двадцати, разбросанные без всякого видимого порядка, крыты травой, как и в каждом другом селении, и выстроены, главным образом, из тополёвого леса, доставляемого жителями с верхнего и нижнего течения Начики, недалеко от селения.

Тут же, в селении, по самому берегу реки тянется ряд рыбных балаганов и ям, необходимых атрибутов всякого камчатского селения, наполненных кислой рыбой, отчего и называемых “кислых ям”, распространяющих острый, весьма неприятный запах, по которому уже можно издали знать о близости селения.

Жителей в Апаче считается более ста душ; таким образом, селение это является одним из наиболее населённых пунктов полуострова; почти все они по своему происхождению камчадалы, что можно знать по сохранившемуся среди них инородческому типу... Из всех жителей Апачи только двое стариков, это Фёдор Антонов и его жена, немного “слышат”, то есть понимают камчадальскую речь, хотя сами не могут объясниться на этом языке.

В настоящее время в селении, кроме убогой часовенки, имеется ещё содержащаяся на общественные средства школа, которая временно помещается в доме... Фёдора Антонова, а преподавание в ней ведётся сыном этого старика, камчадалом Кириллом...

Всех вообще обитателей Камчатки можно назвать рыбоедами или рыбоядными, желая таким названием оттенить их исключительный род пищи. Рыба у них поедается за завтраком, рыба идёт на обед, с рыбой пьётся чай, и рыба же составляет ужин. Тут же

можете видеть рыбу на все манеры, во всех видах приготовленную: рыба квашеная, рыба жареная, варёная, вяленая, солёная, сушёная.

В лето 1897 г. жители Апачи говорили единогласно, что "слава богу, нонче, можно сказать, рыбы благодать было: все довольно запасли корму. Вот только летний корм плохо вышел: лето больно ненастное стояло — много пропадало корму. Зато теперь (в октябре месяце) — хороший. Рыба идёт жирная. Запоры по четыре раза в день приходится опоражнивать. Одним словом — изобилие рыбы нонче! Всяк наловил, сколько хотел. И кислой довольно наклали"».

В октябре 1897 г. местная жительница Анна Михайловна Панова открыла в своём доме школу и учительствовала в ней вплоть до смерти в 1900 г. Её сменил односельчанин Кирилл Фёдорович Антонов, отец троих детей. Ему помогал сын Григорий. К. Ф. Антонов писал о себе, что «школьного дела он не знает, нуждается в работе по хозяйству».

Руководитель Ботанического отдела камчатской экспедиции Рябушинского В. Л. Комаров приводит такое описание места расположения селения: «Селение Апача расположено на правом берегу реки Начики, на сухой аллювиальной террасе, в версте от последних одиноких гор правого берега».

В период русско-японской войны 1904—1905 гг. апачинцы опасались нападения врага. Они обратились к начальнику уезда, прося эвакуации в безопасное место. «Донесение. Его высокоблагородию господину уездному начальнику. Мы, нижеподписавшиеся камчадалы Апачинского селения, честь имеем покорнейше просить вас, вашего благородия, нельзя буде нам от опасности на всякий случай отвести жён и детей, хотя куда прикажите. Потому что мы опасаемся вместе с жёнами и детьми быть в нашем Апачинском селении, а сами мы не оставим своё селение до распоряжения вашего, а японские хищники могут придти с нашей реки устья так, как они ходили в прошлые года. По безграмотности старосты и личной просьбе расписался камчадал *Евстегней Панов*. За общество прилагаем общественную печать».

В 1923 г. селение было описано как объект на пути движения армейских частей. «В 15 верстах на юг от села Апача имеется горячий ключ, богатый селитрой. Ключ считается целебным. В районе селения жителями случайно находились вещи, как то: стамески, мотыги и прочие, высеченные из камня, по предположению, некогда живших здесь камчадалов. Также раскапывались ямы, которые представляли из себя часть юрт инородцев. В верстах ста от селения к югу, приблизительно за Опальской сопкой (Опала), имеет-

ся горный хрусталь. От селения Апача отделилось трое жителей, которые образовали новое селение от Апачи в шести верстах к югу на реке Шиково.

Селение называется “Шиково”. На этом месте под землёй имеется нефть, которая выступала из дна реки лет шесть тому назад (1917 г.) в виде чистого керосина. По словам одного апачинского старика (62 года), его дед — иркутский купец, 80–90 лет тому назад переселился из Иркутска в Тигиль, а потом в Петропавловск и село Апачу... В Иркутске за счёт казны закупил скот (лошадей, коров и прочее), тогда казна оказывала переселяющимся большую помощь, и со своими соседями и другими односельчанами до Тигиля шли три года. Селение имеет 24 жилых дома, девять тёплых сараев и 22 прочих постройки. Численность населения ещё не выяснена, регистрации не было. Имеется одна школа и один учитель, количество обучающихся 10 чел., грамотных в селении приблизительно наполовину. Партийной организации не имеется, и партийных нет. Церкви, попов, жрецов и шаманов тоже нет. Имеется почта и телеграф, кооператив, наблюдательных промысловых пунктов нет. Главное занятие жителей — охота и рыболовство. Продукты охоты и рыболовства продаются коммерсантам, приезжающим от фирмы “Гудсон Бей”. Торговля происходит в обмен и на деньги. Ходовые товары, главным образом, мука, сахар, мануфактура и прочие. Деньги — иена. Скупается больше всего пушнина. Доверенный фирмы “Гудсон Бей” — Шикер. Японцами привозится много спирта, спрос на спирт большой.

Устройство поверхности гористое и лесистое, род леса: берёза, ольха, тополь, кедровник и лиственный. Реки: приток реки Апача, Банная, Корымчина (Большая река), глубиной не везде одинаково. Температура лета от нуля достигает 30 градусов жары, а зимой от плюс пяти до минус 30 градусов. Глубина снега два аршина, дожди выпадают часто, пурги и ветры тоже частые, ветры восточные. Почва каменистая, обеспечена водой. Имеются три колодца (ключи). Качество воды хорошее. Состояние телеграфной линии дурное, постройка старая, дряхлая, ремонта не было давно. Передвижение зимой на собаках, а летом вьючными. Количество собак 150, лошадей, годных под вьюк, 15, три телеги, нарт 33, лыж 33, коров 25 голов. Имеется горячий ключ по притоку Шиково в 15 верстах, находится на сухом месте. Кочевников не имеется. Партийные работники отсутствуют».

По отчёту Камчатского губревкома за 1923 г., в селении жили 113 чел., в том числе 32 больных.

По материалам Приполярной переписи 1926 г., в Апаче обитали 105 чел., в основном камчадалы.

В ходе коллективизации создан колхоз имени И. В. Рябикова. Он часто бывал здесь, оставил о себе добрую память, поэтому жители единодушно назвали свой колхоз в его честь. С теплотой о Рябикове вспоминали сёстры Мария и Елена Логиновы.

В январе 1943 г. в селении жили 187 чел., из них 107 трудоспособных, в том числе 52 мужчины и 55 женщин. В 1994 г. численность местного населения в новой Апаче составляла 1 419 чел.

Апука. Селение на левом берегу реки Апуки в её устье. В. П. Кусков считает, что оно возникло между 1873 и 1896 г. 28 марта 1923 г. около села отрядом красноармейцев под командованием В. С. Зенкова была разбита группа белогвардейцев под командованием полковника Шевчунаса. Это стало одним из последних боевых столкновений в ходе гражданского противостояния на Северо-Востоке России в 1918—1923 гг.

В 1930-е гг. на приустьевой косе реки Апуки построены рыбная база № 7 и РКЗ (база № 8). Они относились к Олюторскому комбинату. Рядом находился национальный рыболовецко-оленеводческий колхоз. В 1929 г. в устье реки Апуки проходил производственную практику студент из Владивостока А. И. Полутов, впоследствии известный учёный, почётный гражданин Петропавловска-Камчатского. Он вспоминал: «Недалеко от нашего жилья, на устье реки Апуки, было селение из двух-трёх домов и фактории, где поселились прибывшие с нами пограничники: три солдата... лейтенант А. Леонов с женой и несколько постоянных жителей, всего не более двадцати человек. Заведующим факторией был А. Шпет... В Апуку прибыла вместе с матерью молодой фельдшер Валентина Алексеевна Краукле. Деловая и умная, она быстро организовала врачебный пункт на две или три койки в бывшей общественной юрте — землянке».

Председателем сельсовета тогда был коряк Нутавий. Русские специалисты в суровых условиях Северной Камчатки долго не задерживались, поэтому было решено готовить профессиональные кадры из числа коренных жителей. Уже в 1930-х гг. в отдалённые сёла полуострова стали возвращаться из Петропавловска выпускники педагогического и медицинского училищ. Так, заметка «Еду в родное село фельдшером» из газеты «Камчатская правда» от 20 июля 1940 г. сообщала: «Я родилась в семье рыбака. До 14 лет помогала родителям в рыбной ловле. В национальной школе училась на родном языке, окончила три класса. Когда я поступи-

ла в медицинскую школу, упорно работала над собой. Школу я окончила с оценкой “хорошо”. Теперь поеду работать в родное село Апука... *Мария Кугна*».

Одним из основных зимних занятий коряков была охота на пушных зверей. «Камчатская правда» 16 апреля 1950 г. сообщила: «Охотники национального колхоза имени Молотова Олюторского района (председатель т. Такият) план пушных заготовок первого квартала текущего года выполнили на 140,4 %. Особенно хорошие показатели имеют охотник т. Тынагиргин, он выполнил свой план на 272 %, ученик т. Кичинговав — на 170 %. Охотник т. Альват добыл девять соболей, т. Этнуннгин — семь соболей».

Ассовеем, селение. В марте 1926 г. были созданы первые органы власти на севере Камчатки — туземные родовые Советы (тузсоветы), в том числе состоялись выборы Ассовеемского, позже ставшего сельсоветом. В июле 1939 г. решением президиума Пенжинского райисполкома Ассовеемский сельсовет был разукрупнён, из него выделен новый — Таловский сельсовет. Центром Ассовеемского сельсовета утверждено кочевье стойбища Ассовеем на реке Белой. Основным видом деятельности местных жителей стало оленеводство и охота на пушных зверей. На основе их личных хозяйств был организован колхоз «Оленевод». Постепенно складывались административные и образовательные органы, были построены здания сельсовета и школы. В ходе социалистического соревнования по заготовке пушнины для нужд фронта в 1943 г. лучших показателей добились охотники Каменского заготовительного пункта, выполнившие квартальный план на 157, и Ассовеемского — на 124 %.

Атласово, посёлок. Расположен на левом берегу реки Камчатки. Ближайшие сёла — Лазо и Крапивная. С Эссо, Мильково и Лазо Атласово связано автобусным сообщением. Расстояние до районного центра Мильково по автомобильной трассе составляет 134 км.

В 1950—1960-х гг. шло интенсивное промышленное освоение лесов долины реки Камчатки. За это время промышленники основали десятки посёлков, в том числе «13-й квартал», «14-й квартал», Линейный, Центральный и многие другие. После вырубки делового леса посёлки оставлялись, а люди уходили на новые места. Попутно реорганизовывались леспромхозы. На основе Лазовского и Щапинского был создан Камчатский леспромхоз с центром во вновь построенном посёлке Атласово. Он назван в честь покорителя полуострова В. В. Атласова, казачьего атамана, совершившего в 1697—1699 гг. поход из Анадырского острога в долину

реки Камчатки. Историк Б. П. Полевой, много времени посвятивший изучению личности Атласова, установил, что он родился в Якутске, видимо, между 1661 и 1664 гг. (точная дата не известна). Атласов в 1711 г. был убит в Нижнекамчатском остроге восставшими казаками. Ещё сегодня в Ключах можно услышать легенду о расположении его могилы.

27 января 1960 г. состоялось общее собрание строителей нового селения. Как сообщал камчатский краевед В. П. Кусков, здесь посёлок был «по предложению одного из первых жителей М. Е. Санина назван по фамилии пятидесятника В. В. Атласова». Старожилы рассказывали эту историю несколько подробнее: «Вечером собрали собрание, где в повестку дня поставили вопрос и о наименовании. Тогда все вопросы готовились заранее, хотя иногда и возникали досадные недоразумения. Решили, что с предложением о названии выступит старый камчадал. Ему заранее написали текст, но бумажку он где-то потерял. И вот наступил ответственный момент. С места прозвучало: “Однако предлагаю наш посёлок назвать в честь первого проходимца Камчатки Атласова”. Так и сделали». 28 марта 1960 г. КОИК зарегистрировал это название.

После истощения лесов правобережья реки Камчатки, к 1970-м гг. центр их заготовки переместился в район Атласово. Здесь построили перерабатывающую базу Камчатского леспромхоза, снабжавшую материалами быстро строившийся Петропавловск.

1 июля 1965 г. образован Атласовский лесхоз, где работали около ста человек. Здесь десятилетиями трудились ветераны камчатской лесной промышленности Л. В. Темченко, В. И. Косов, В. Я. Шестёркина, Г. К. Савосин из Атласовского, М. Н. Трекин из Щапинского, В. С. Дерендяев из Лазовского и А. И. Путилин из Таёжного лесничеств.

Решением КОИК 26 июля 1974 г. был образован поселковый Совет, Атласово выделено из состава Лазовского сельсовета. По данным Всесоюзной переписи населения, в январе 1979 г. здесь жили 1 283 чел.

20 марта 1991 г. Мильковский райсовет решил преобразовать посёлок Атласово «в сельский пункт село Атласово». Сегодня здесь обработкой леса занимаются две компании: акционерные общества «Атласово» и «Атласовские лесопромышленники».

Аянка, село. Краевед В. П. Кусков указывает: «Возникло в 1940 г. Причина названия не установлена». Газета «Камчатская правда» в сентябре 1940 г. в статье «Строительство домиков для кочевников» отметила: «Оседание происходит по инициативе самих кол-

хозников. Так, колхозники Аянки Пенжинского района по собственной инициативе начали строительство 13 одноквартирных домов. Там же построена силами колхозников школа. Корякский окрисполком выделил этому колхозу 12 тыс. руб. на постройку интерната и бани».

В 1962 г. на основе экономически слабого колхоза «Полярная звезда» решением бюро КОК КПСС организован Аянкинский оленеводческий совхоз. К. Г. Кузаков и В. Г. Ларькин в статье «Возрождение народности», опубликованной в 1968 г., писали о селении: «Оно расположено невдалеке от реки Пенжины. Вплотную к селу примыкает лиственный лес. В селе двумя рядами стоят дома — тёплые и чистые, просторные жилища с электричеством, радио. Есть в селе и школа, и клуб, и детские ясли, и столовая, и отделение связи, и много других бытовых и хозяйственных построек. Живописный вид имеет это село».

По итогам Всесоюзной переписи населения 1979 г. здесь учтено 440, в 1994 г. — 584 чел.

Известный корякский писатель и поэт В. В. Косыгин посвятил Аянке стихотворение:

Мне знакома
Всякая езда
И привычны
Разные стоянки...
Небо, как шатёр,
Полярная звезда
Села на вершины
Лиственниц Аянки...
Светит мне
Полярная звезда
И красивей нет
Села Аянки.

Белоголовое, село. Одно из самых малочисленных ительменских селений, по-ительменски — Мильх. С. П. Крашенинников указывал, что на реке верстах в сорока от устья стоял ительменский острожек. В 1730-х гг. здесь жило только ясачных плательщиков 44 чел., то есть всего было более двухсот обитателей. Селение находилось на реке Белоголовой. Ближайшие селения: на юг — Морошечное, на север — Усть-Хайрюзово и Хайрюзово. До Петропавловска по тракту 634 версты. На карте К. Дитмара селение обозначено на правом берегу реки, примерно на том же расстоянии от моря, что указывал Крашенинников. В 1836 г. здесь жили 43, в 1851 г.— 49 чел.

В декабре 1861 г. архиепископ Камчатский Иннокентий (Вениаминов) записал в путевом журнале: «...Белоголовое селение, где, несмотря на то, что всего три домика, имеется часовня, не хуже других». В 1868 г. было четыре дома, 18 мужчин и 12 женщин. Перепись 1876 г. насчитала 40 чел. (26 мужского и 14 женского пола), все камчадалы. Грамотных среди них не имелось. Пять домов, одна юрта, 15 хозяйственных построек, в том числе одна баня. Жители держали семь лошадей, 11 коров и 68 собак, поймали 15 140 рыбин, добыли шесть соболей, восемь оленей, двух медведей и 87 нерп.

В 1901 г. здесь обитали 30 чел. В. Н. Тюшов, изучавший западный берег Камчатки в конце XIX в., писал: «...расположено на правом берегу реки того же имени, как бы затерянное среди обширной тундры, занимающей долину реки, в местности, лишённой вовсе древесной растительности... Всех домов, маленьких и неприглядных лачуг, в селении только пять, и шестая — земляная юрта. Бедность построек достаточно может оправдываться тем обстоятельством, что строевой (тополёвый) лес приходится возить на собаках или сплавлять по реке вёрст за семьдесят от острожка. До устья реки считается прямою дорогою вёрст сорок, а рекою — пятьдесят».

Приполярная перепись 1926 г. учла лишь одно хозяйство и четверых жителей. В селении Усть-Белоголовом имелось три хозяйства, жили 23 чел. Этнограф Е. П. Орлова сообщала об изменении месторасположения селения: «...на реке Белоголовой, которую ительмены называют Мильх или Ких, до 1925 г. на зимней трактовой дороге находились четыре дома бедняцкого селения Белоголовое (Мильх)».

В 1925 г. из-за постоянного недохода рыбы и трудностей лова обитатели трёх домов переселились ближе к устью реки и расположились на левом берегу реки Мильх, километрах в семи от её слияния с рекой Хайрюзово и километрах в 10–12 от моря. Один дом остался на правом берегу реки, километрах в сорока от моря.

В ходе коллективизации появилось хозяйство имени А. А. Жданова (его внучка, Е. Ю. Жданова, длительное время жила на Камчатке в посёлке Ключи). Основное направление деятельности — оленеводство. Сюда поселили коряков, кочевавших в Тигильском районе.

Из записки КОК ВЛКСМ от 30 декабря 1941 г.: «Восемь комсомольцев села Белоголовое... сдали для Красной Армии 39 оленей, 77 меховых тёплых вещей. Инициатива... была быстро подхвачена комсомольскими организациями и населением района». На 7-м пленуме КОК ВЛКСМ отмечалось: «Выполняя постановления КОК

ВЛКСМ, комсомольцы села Белоголовое... первыми сдали 39 оленей в фонд обороны страны».

В 1950-х гг. произошли значительные изменения в облике села. Вот что 18 сентября 1952 г. писала о новостройках газета «Камчатская правда»: «Село... хорошеет с каждым днём, принимает нарядный вид. Здесь ежемесячно увеличивается число жилых домов, общественных построек. Недавно закончено строительство благоустроенной бани и нового магазина. В продажу поступает много различных товаров».

Баланс колхоза на 1 января 1958 г. составил 1 102 941 руб., а к 1 января 1961 г. вырос до 3 424 706 руб. Выплаты колхозникам на один трудодень (единица измерения трудового вклада) равнялись: в 1956 г. — 17 руб. 83 коп., 300 г мяса, 500 г рыбы, а также даны юкола, картофель, капуста и прочее; в 1957 г. — 24 руб. 67 коп., в за 1960 г. — 22 руб. 32 коп. Это было довольно много.

И. С. Гурвич и К. Г. Кузаков сообщали: «Центр оленеводческого колхоза имени Жданова — посёлок Белоголовое возник в 1939 г. В 1957 г. там находились правление колхоза, сельсовет, небольшая молочная ферма и кормокухня, склады, начальная школа, интернат, фельдшерский пункт, магазин, пекарня, клуб, библиотека, почтовое отделение, радиоузел, 40 срубных домов, одна яранга и три землянки. Около многих домов разбиты индивидуальные огороды...»

В 1962 г. колхоз был объединён с рыболовецким хозяйством «Красный Октябрь». Вскоре древнее камчатское село постигла участь большинства населённых пунктов полуострова — в результате укрупнения его закрыли и исключили из списков 7 февраля 1975 г.

Белореченск. В. П. Кусков указывает: «Посёлок Карагинского района. Возник до 1953 г. при рыбокомбинате. Назван между 1959 и 1962 гг. в связи с расположением у устья реки Белой».

Белая по-корякски называется *Ылгваям* — река с белой водой. До постройки посёлка комбината здесь, на берегу Кичигинского залива, рядом с устьями рек Кичига и Белая располагалось летнее селение Кичига. Лоция Берингова моря (1969) указывает: «Рыбоконсервный завод расположен в 1,4 мили к *NNO* от северного входа в устье рек Кичига и Белая. При заводе имеется школа, магазин, пекарня и баня. Пресную воду жители берут из колодцев».

Выше по течению реки Кичиги расположено урочище Старая Кичига, где раньше находились строения.

Береговое, село. Центр заготовок Камчатского леспромхоза в разные годы находился в различных населённых пунктах. В 1950-е гг.

действовала дорога, связывавшая посёлки лесников Центральный, Щапино, Линейный, Лазо, Макарка. Последним на правом берегу реки Камчатки стояло село Береговое, или Береговая база. Чтобы добраться дальше — до делян лесорубов, надо было переправиться на левый берег реки Камчатки.

В. П. Кусков указывал, что село возникло после 1924 г., но в Приполярной переписи 1926 г. оно не упоминается. Видимо, Береговое появилось только в начале 1930-х гг. После образования Акционерного Камчатского общества (АКО) на его обитателей возложили обязанность снабжать продуктами, товарами и стройматериалами рыбозаводы, промысловые базы, селения. Грузы в верховья реки Камчатки доставляли на кунгасах, буксировавшихся катерами. В среднем течении в центре лиственничного леса выбрали место, где построили склады для товаров. В официальных документах его стали называть «Посёлок “Склады АКО”».

В Государственном архиве Камчатского края хранится историческая справка о селе Среднекамчатская база: «С 1906 г. был построен большой склад. Инициатором строительства был русский купец Прозоров от Торгово-промышленного общества на Камчатке. Место было указано местными жителями селения Толбачик, как хорошее, берег не затопляет. Раньше это место называлось покамчадальски “Орелотоек”, то есть “Горелое место”.

Название “База” возникло при советской власти, когда уже построили несколько складов и стали заселять базу рабочими, работающими на этих складах. Это была перевалочная база, так как сюда в основном привозили грузы летом на катерах. А отсюда до Мильково летом грузы возили верхом на лошадях, а главное — зимой на собаках. Центром интеграла было тогда село Мильково.

С 1906 г. первый пароходик — речной катер (паровой) был “Камчатка”. Он до базы приводил по семь кунгасов груза. До Щапино — по пять кунгасов, поэтому за перевалочной базой и закрепилось название “Среднекамчатская база”, ибо она [отстоит] от села Среднекамчатска на расстоянии 4 км выше по реке Камчатке.

На 1 января 1962 г. на базе насчитывается 59 хозяйств, всего жителей 266 чел., из них избирателей 135 чел. База на сегодня является перевалочной Лазовского рыбкоопа Среднекамчатского сельсовета, ибо основные грузы завозятся на эту базу. Новое название “Береговое” соответствует, так как данное село расположено на правом берегу реки Камчатки. По просьбе жителей села исполком Среднекамчатского сельского Совета просит облиспол-

ком утвердить настоящее решение». Справку подписали председатель сельсовета Ф. Еланцев и секретарь И. Слободчиков.

В 1938 г. здесь жили всего 15, а в 1939 г. — уже 47 чел.

После ликвидации в 1945 г. АКО заботы о снабжении посёлков возложили на кооперативные организации — рыбкоопы. Теперь село именовали Базой рыбкоопа. Последнее его название — Береговое, хотя местные старожилы до сих пор зовут это место Базой.

Селение было небольшим, около десятка домов. Летом жители работали на разгрузке пришедших из Усть-Камчатска барж и плашкоутов с товарами, собирали грузы для расположенных выше селений. Зимой они охотились, держали коров и лошадей, в свободное время разводили огороды.

И. Гурвич в начале 1960-х гг. указывал на наличие здесь 59 дворов, в том числе только девяти, принадлежавших старожилам, уроженцам Камчатки.

Сейчас селение не существует, его смыла река Камчатка.

Берёзовый Яр. От устья реки Камчатки вверх по течению тянется тундра, поросшая низким кустарником. Только в 19 км от океана появляются первые берёзы. Здесь в 1911 г. в урочище Берёзовый Яр переселенцы основали селение с одноименным названием. Официальных документов о дате его образования пока обнаружить не удалось. Косвенным подтверждением существования этого населённого пункта можно считать протокол общего собрания граждан Нижнекамчатской волости, проходившего 6 и 7 марта 1918 г. На собрании среди других вопросов рассматривались заявления жителей села Берёзовый Яр Межевова и Стародубова о возврате конфискованных у них шкур выдр, охотиться на которых было запрещено.

Селение, окружённое берёзовым лесом, располагалось на берегу небольшой протоки в нескольких десятках метрах от уреза воды. Расстояние по реке от него до Мильково составляло 548, до Усть-Камчатска — 21 км. Население здесь было немногочисленным: в 1923 г. — 59, в 1933 г. — 43 чел. Как и все камчатские жители, селяне рыбачили и сдавали улов на ближайшие рыбозаводы, заготавливали лосося на зиму, возделывали огороды, охотились на пушного зверя.

В апреле 1923 г. местное население помогло попавшим в беду японцам, работавшим на рыбных промыслах. Это произошло после того, как на восточное побережье Камчатки обрушилось цунами. Стихия унесла жизни 23 чел. В это время здесь находились японские заводы фирм «Ничиро» и «Цуцуми». Чудом спаслись двое

японцев, которые восемь суток без пищи и сна брели в сторону горного хребта по залитой водой тундре. Случайно они наткнулись на Берёзовый Яр, где нашли приют.

По данным райревкома, в 1923 г. среди жителей имелись пять духоборов, два старовера, 26 православных и 15 молокан. По национальному составу селение тоже было пёстрым: здесь жили русские, татары, корейцы и китайцы.

В 1925 г. в селении имелось всего три рабочие лошади, шесть быков и 19 коров. В следующем году появилась рыболовецкая артель «Начало» из пяти членов, позже образовался колхоз. Впоследствии сюда переселились демобилизованные воины. В апреле 1939 г. Усть-Камчатский райисполком решил «удовлетворить ходатайство колхозников и колхозниц села Берёзовый Яр, присвоить берёзовояровскому красноармейскому колхозу имя товарища Ворошилова К. Е. (тогдашнего наркома обороны. — *В. Б.*)».

Ворошиловцы не спешили обобществлять свой скот. Если колхоз имел всего лишь одну корову, то на личных подворьях их содержалось 17. Свиней хозяйство вообще не имело, зато у населения их было восемь.

В 1942 г. колхозники выловили 8 019,2 ц рыбы. В этом году в хозяйство приняли 19 и исключили четверых членов. За один трудодень колхозники получили по 6 руб. 86 коп., а также 2,31 кг картофеля, 0,85 кг овощей и 8,26 кг сена. Во время войны селяне неоднократно вносили посильный вклад в фонд Главного командования. Так, в 1943 г. они перечислили туда 3 000 пудов рыбы и 300 пудов картофеля.

В 1942 г. в колхозе действовали клуб, Красный уголок, две передвижные библиотеки, проведшие 17 политинформаций и читок газет, восемь докладов на международные темы, три технических сообщения, девять оборонных занятий. В библиотеках числились 50 читателей, которым выдали 60 книг. Вышли восемь стенгазет, работали четыре кружка, «охватившие» 30 чел. Прошли шесть вечеров для взрослых и четыре «мероприятия» с детьми.

Колхозники с честью справлялись с производственными заданиями. В 1951 г. при плане вылова в 6 000 они добыли 6 487 ц рыбы. Ворошиловцы имели ставной невод в Камчатском заливе, 30 жаберных сетей и один тресколовный кавасаки. В 1950-х гг. колхоз возглавлял председатель Авдеенко.

Хозяйство стало одним из самых успешных в области. На один трудодень в 1949 г. колхозники получили по 20 руб., в 1950 г. — 7 руб. 50 коп., тогда как обычный показатель по Камчатке составлял

3–5 руб. Впоследствии колхоз стал называться «Имени 40-летия Октября». В 1960 г. здесь было 50 дворов.

После образования усть-камчатского колхоза «Путь Ленина», созданного объединением мелких рыболовецких хозяйств, разбросанных в устьевой части реки Камчатки, село закрылось. После переселения отсюда жителей на противоположном берегу ещё несколько лет действовала колхозная рыбалка, называвшаяся «Берёзовый Яр». Затем из-за низких уловов её закрыли.

С началом кооперативного движения здесь обосновался один из усть-камчатских фермеров. Его опыты поначалу удавались: росла капуста, давала молоко корова. Но вскоре всё это закончилось. Сейчас на месте Берёзового Яра у подножия хребта Кумроч осталось лишь несколько разрушенных домов.

Большерецк, острог, село. В начале XVIII в. в общих чертах завершилось собирание Российского государства — от берегов Балтийского моря до Тихого океана. В 1704 г. на обеих окраинах России началось строительство: на берегу Невы рос новый город, а в это же время на Камчатке рубили Большерецкое зимовье. Русские люди закреплялись на западных и восточных рубежах и создавали новое государство — Российскую Империю. Выход России к берегам Тихого океана в XVII в. стал важнейшим итогом деятельности русских землепроходцев и мореходов.

По свидетельству С. П. Крашенинникова, в 1707 г. во время восстания ительменов недавно сооружённый Большерецкий острог был сожжён. Его вновь отстроили только весной 1711 г. В сборнике архивных материалов «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.» приводится челобитная служилых людей Анциферова, Козыревского и других царю Петру I от 26 сентября 1711 г. В ней указывается: «...и на том месте мы, рабы твои, ниже прежнего ясачного зимовья острог стаялой бревенчатой поставили». В этом же году из Большерецка казаки под руководством Д. Анциферова и И. Козыревского отправились в поход на Курильские острова.

В 1713 г. отсюда вышла вторая экспедиция на Курилы. В одном из её донесений сообщалось: «От Камчатской земли морем до первого острова парусом бежать день, на второй остров половину дня гребли...»

«В 1722 г. определён в Камчатку прикащиком дворянин Никита Лосев», — сообщает А. С. Сгибнев. После отъезда с полуострова в 1723 г. Лосев сдал служилому Артемию Попову «острог деревянный, стоячий тын, на западном углу казённый амбар, в середине

приказная изба, на север аманатская казёнка, в которой Воровской реки аманатов пять; две медные пушки; казаков 40 человек».

Участник Первой Камчатской экспедиции мичман П. Чаплин после перехода из Охотска до Большерецка определил между ними «расстояние плавное 603,6 мили, а русскими вёрстами 1 051,27 версты». Участники экспедиции отметили «в остроге 17 дворов».

В XVIII в. Большерецк являлся административным центром Камчатки. Отсюда начиналось освоение юго-восточной части полуострова, направлялись на Курильские острова казачьи отряды и православные миссии. Сюда из Охотского порта прибывали служилые и многочисленные экспедиции. Острог одно время служил пристанищем Первой Камчатской экспедиции. После установления санного пути её члены отбыли из Большерецка по рекам Быстрой и Камчатке в Нижнекамчатский острог.

Г. Стеллер, участник Второй Камчатской экспедиции, перечислял преимущества Большерецка перед другими острогами: «Там есть в изобилии рыба... Все купцы и суда из Охотска прибывают к Большой реке... В настоящее время столь выгодная торговля морским бобром сосредотачивается почти исключительно на Большой реке... Вследствие того, что на Большой реке есть пристань и гавань для охотских кораблей, тут всегда проживает комендант».

С. П. Крашенинников подробно описывает острог: «...стоит на северном берегу Большой реки между впадающими в оную посторонними реками Быстрою и Гольцовкою в 33 верстах от Пенжинского (Охотского. — *В. Б.*) моря. Крепость во оном остроге четвероугольная, во всей стороне по 10 сажен...»

В Большерецке имелись «ясачная изба, аманатская казёнка, анбар для содержания аманатской юколы да двоежилой анбар, в котором ясашная казна хранится. За острогом строения часовня, что ныне уже церковь во имя Николая Чудотворца, с колокольнею на столбах... Обывательских по разным островам тридцать, кабак с винокурнею, служилых 45 человек, да казачьих детей 14 человек».

Большерецк стал известен и в Европе благодаря участникам экспедиции Дж. Кука и авантюристу М. Беневскому. Осенью 1770 г. на Камчатку прибыли два судна: «Святой Пётр» и «Святая Екатерина», на борту находилась группа ссыльных, в том числе М. Беневский, А. Винбладт, И. Батурин, В. Панов. Уже ранней весной следующего 1771 г. они подняли в Большерецке восстание и убили камчатского командира капитана Григория Нилова.

Капитан Тимофей Шмалев, долгое время служивший на Камчатке, оставил подробное описание Большерецка, датированное 1773 г.:

«Во оном деревянного строения церковь Успения Пресвятой Богородицы и Камчатская Большерецкая канцелярия... Казённого строения: канцелярия, командирский дом, кладовых амбаров четыре, купеческих лавок 23, обывательских домов 41. Жительствуют во оных духовные и воинские чины, також подушные плательщики. Крепостного строения ещё никакого не имеется».

В 1773 г. на Камчатку прибыл премьер-майор Магнус Карл фон Бем, назначенный главным командиром. Он многое сделал для улучшения жизни на полуострове. В Большерецке устроил первую больницу, где служил лекарь Робек. На полуострове стали укрепляться школы, значительно возросла численность учеников. Сменивший Бема коллежский асессор Франц Рейнеке, как сообщает А. С. Сгибнев, «привёл в порядок полуразрушенные здания в Большерецке и построил там новую церковь».

В 1799—1800 гг. на Камчатке свирепствовала эпидемия «гнилой горячки», унесшей более 40 % жителей полуострова. Вымерло почти всё население между Авачинской губой и устьем реки Камчатки. В устье реки Камчатки «для содержания караула» по указанию иркутского губернатора Леццано перевели большерецких казаков с семьями. Постепенно, с переносом административного центра вначале в Нижнекамчатск, а затем в Петропавловск, роль Большерецка уменьшалась. Уже в начале XIX в. он превратился в обычное камчатское селение, где жили около 100 чел.

В 1818 г., по итогам седьмой камчатской переписи населения, здесь оставалось 68 русских жителей: 34 мужчины и 34 женщины. Через 50 лет население несколько увеличилось. В 1868 г. в селе было всего 12 домов и 81 житель: 43 мужчины и 38 женщины. Здесь имелась православная церковь и пристань для морских судов. Расстояние до Петропавловска по почтовому тракту составляло 178 вёрст.

Перепись 1876 г. учла 53 мужчин и 46 женщин. По сословиям они делились так: 14 казаков, в том числе только один состоявший на службе, 23 духовных лица, два отставных нижних чина, пять камчадалов, 55 крестьян. Грамотных насчитывалось 14, малограмотных — один. В селении имелась церковь и 13 домов. Всего здесь насчитывалось 57 построек, в том числе одна кузница, семь бань, 16 балаганов. Жители содержали 20 лошадей, 58 коров и 182 собаки. За год они выловили 74 600 рыб лососёвых пород, добыли 130 нерп, 33 выдры, 18 медведей и девять соболей.

В 1895 г. осталось 12 домов, 27 хозяйственных построек, здесь 40 мужчин и 32 женщины. Селяне содержали 20 лошадей и 68 коров.

Они добыли 98 соболей, 31 медведя, 17 лисиц и девять выдр. Поймали для себя и собак 38 600 рыбин общим весом около 96 т.

В. Н. Тюшов сообщал: «В настоящее время Большерецкое селение является единственным русским поселением на дороге от Петропавловска до Тигиля на западном берегу полуострова. Расположено оно крайне невыгодно, на островах, образуемых протоками Монаковой, Мостовой и Паренчиной, которые во время половодья затопляют селение, и жителям приходится, чтобы пройти друг к другу, прибегать к батам. Небольшие домики... разбросаны без всякого плана, кому где вздумается, малы. В общем, селение производит крайне унылое грустное впечатление... Имеется одна церковь — ветхое полуразрушившееся здание, подпёртое со всех сторон брёвнами в предупреждение от падения. Тут же неподалеку от старой церкви строится на том же кочковатом болоте новое здание под церковь; есть школа... Маленькие хатки, по обыкновению, не проконопачены; полы однорядные, точно также и оконные рамы. Большинство оконных рам вместо стёкол имеют полотнища, сшитые из медвежьих кишок. Такое окно пропускает очень мало свету, но зато при каждом открывании и закрывании домовой двери или при сильном ветре сильно шумит, хлопая. Печи сложены из самодельного необожжённого кирпича на деревянных опечках; из такого же обыкновенного кирпича складывается труба над крышей. Чистая комната, или горница, обыкновенно имеющаяся в каждом домике, содержится при крайней бедности жителей в возможной чистоте. Часто вы найдёте стены и потолок ея окрашенными в разные цвета глинами. Печь красится всегда...

Учителем там состоит полуграмотный камчадал Кихчикского селения Павел Уксусников, обязанный своею грамотностью проживающему в Петропавловске торговцу Петру Косыгину, который за время своих долгих поездок по Камчатке по торговым делам в часы досуга не одного камчадала обучил, хотя и азам, грамоте. Спасибо и за это человеку, который сам едва дошёл самоучкой до разбирания печатного и писаного.

Всё население не превышает сто душ».

В 1901 г. численность жителей составляла 113 чел.

До конца XIX в. в Большерецке находился архив, где хранились уникальные документы XVIII в., отражавшие историю колонизации Камчатки и Курильских островов. Об этом в своём классическом труде «Охотско-Камчатский край» упоминает Н. В. Слюнин: «Ещё недавно в Большерецке целый сарай был завален старыми и интересными бумагами».

Об истории Большерецкой церкви в середине XIX в. писал протоиерей Прокопий Громов: «Храм в Большерецке... первый раз освящён был во имя Успения Божией Матери 15-го марта 1741 г. священником Ермолаем Ивановым». Этот храм «держался сорок лет». Следующий был «...освящён 2 января 1784 г. протоиереем Стефаном Никифоровым. Третий храм на месте второго, обветшавшего, построен при генерале Петровском, освящён 19 февраля 1812 г. протоиереем Никифором Никифоровым. Четвёртый, на месте третьего, обветшавшего, построен при начальниках Камчатки Голенищеве и Шахове, освящён 22 января 1838 г. протоиереем Прокопием Громовым».

Причиной непродолжительного существования храмов являлось отсутствие в районе Большерецкого острога качественной древесины. Поэтому вновь построенное из «плохого лесу» сооружение не могло служить долго.

В ноябре 1861 г. Большерецк посетил архиепископ Камчатский Иннокентий (Вениаминов). Он отметил: «26-го, воскресенье. Отправлял литургию с молебном Св. Иннокентию и после того говорил прощальное слово. Причётчики Синаев и Логинов посвящены в стихарь».

Последним священником в Большерецкой церкви до её закрытия в 1927 г. был Г. Коллегов.

В декабре 1922 г. на крейсере (вооружённом пароходе) «Командарм Уборевич» на полуостров прибыл экспедиционный отряд 5-й Краснознаменной армии под командованием М. П. Вольского. В 1923 г. на западном побережье Камчатки побывал один из представителей этого отряда (в документах его имя не называется), составивший подробные описания здешних селений. Участник партизанского отряда Г. Чубарова — П. Козлов указывает численность и занятия населения, его вероисповедание, наличие школ и культовых зданий, проявления полезных ископаемых и виды используемого транспорта.

«Жилых домов 31, тёплых сараев 28, холодных сараев (служащих для юколы) 25, бань 10, амбаров 15. Население... приблизительно 150 чел., из них 51 мужчина, 70 женщин и 29 детей. Население — преимущественно камчадалы, русских всего трое. Все жители исповедуют православную религию. В селении есть церковь, есть священник и диакон (камчадалы), есть также школа, учитель также камчадал. Жители малограмотны, есть и совершенно неграмотные.

Недалеко от селения проходит телеграфная линия. Конторы нет, так как таковая находится в селении Усть-Большерецком и в селении

Апача. В селении находится отделение фирмы “Гудсон Бей”, продаются продукты продовольствия, мануфактура, галантерея, железные и скобяные товары. Купли и продажи на деньги почти не существует, происходит, главным образом, обмен товаров на пушнину. Кроме фирмы “Гудсон Бей” часто приезжают скупщики пушнины (также идёт обмен), как то: Апбиев Абдул, Морозов от фирмы Петрова и китайцы, все эти коммерсанты из Петропавловска.

Население занимается зимой охотой, а летом рыбной ловлей, рыба сдаётся на рыбалки в обмен на продукты. Кроме пушной охоты, жители охотятся также на медведей. Мясо идёт в пищу, а кожа на выделку обуви, режут ремни и другое. Охота производится, главным образом, весной и осенью, летом почти не охотятся, так как в это время происходит лов рыбы. Кроме этого занимаются скотоводством. Разводят коров и лошадей. Других животных, как то: свиней, овец и домашней птицы совершенно нет, в силу того, что всё это уничтожается собаками. Бывают случаи, что собаки заедают и коров. Коров в селении около 60 штук и лошадей около двадцати. Каюрщиков в селе 26 чел., собак около 320.

Способы передвижения: зимой исключительно на собаках и летом на лошадях и батах по речкам. Большерецк стоит на реке Быстрой (Большой). Река многоводная и быстрая, как показывает само название, есть несколько и мелких речек. По реке Быстрой и идёт главный лов рыбы. С апреля начинают идти гольцы (идёт в пищу как жителям, так и собакам), затем красная рыба (сравнительно немного) и, главным образом, горбуша.

Из Большерецка дорога идёт в Усть-Большерецк, или иначе в Хайковую падь, которая лежит в 30 верстах. Тракт проходит через несколько мелких речек (проложены мосты) и через Быструю. Последнюю надо проезжать на батах; мост построить нельзя в силу изменения уровня воды, большого скопления льда, а также изменения русла. Местность — по большей части ровная тундра, местами покрытая лесом, преимущественно берёзой, так называемой каменной, встречается ольха и ветла. Недалеко от селения есть хорошие сенокосы, так что сена запасают в достаточном количестве».

По отчёту Камчатского губревкома за 1923 г., в селении жили 128 чел., в том числе 25 больных. Спустя три года, по данным Приполярной переписи населения, жителей было 130.

В связи с частыми затоплениями во время весеннего разлива рек, по ходатайству жителей в 1928—1931 гг. село было перенесено на другое место. Так появилось новое селение Кавалерское.

Впоследствии рядом с озером Большим на берегу Охотского моря образовался посёлок Большерецк.

В 1931 г. на морском берегу построен РКЗ № 12, выпускавший продукцию из лосося. Здесь собрали три технологические линии, выдававшие натуральные консервы. Позже этот завод вошёл в состав Микояновского рыбокомбината. Рядом сложился рабочий посёлок. Из-за ослабления подходов рыбы завод был закрыт. На основе его хозяйства появилось новое предприятие — совхоз «Октябрьский».

Брюмка. Переселенческая экспедиция 1908 г. В. И. Рубинского и И. Г. Протопопова, оценивая возможность заселения Камчатки, предполагала, что на реке Брюмке можно разместить 20 семей. В отчёте экспедиции указывалось: «Река Брюмка верстах в шести от устья имеет очень подходящее место под селение. Оба берега покрыты очень высокой травой, и сама река очень богата рыбой; берёзовый для постройки лес находится верстах в двух от юрты коряк, находящейся на самой речке, верстах в двух от тракта ниже». Приполярная перепись 1926 г. учла здесь 18 хозяйств и 38 обитателей: 23 мужского и 15 женского пола. Все — корейцы.

Варлатанка. Далеко не все краеведы знают о существовании такого селения. Его название, видимо, происходит от ительменского слова *Уэрлатын.* Так именовали острожек местных жителей, располагавшийся на реке того же имени, притоке реки Камчатки, недалеко от первого русского острога — Верхнекамчатска.

В 1799 г. по распоряжению императора Павла I на Камчатку был послан батальон под командованием полковника Сомова. Снабжение батальона из 557 чел. представляло большие трудности, так как провиант везли из Петербурга или Якутска. Из-за нерегулярной поставки жалование солдатам выдавалось не в полном объёме. Попытка Сомова «водворить хлебопашество» успехом не увенчалась. Историк А. С. Сгибнев пишет: «Все три года (1802—1804. — *В. Б.*) прошли в передвижении солдат и перевозке провианта из гаваней в места поселений. Солдаты... построили несколько изб, а о хлебопашестве вовсе не заботились, потому что получали из казны провиант... Чтобы избежать голода, всех поселенцев снова переселили в Петропавловскую гавань и Нижнекамчатск».

Даже разработанные земли не могли быть засеяны из-за отсутствия семян. Доставляемые на Камчатку семена приходили в негодность, и их перемалывали на муку. Правительство отказалось от государственной программы развития хлебопашества на полуострове.

Следующий опыт по выращиванию зерновых можно отнести к 1830 г., когда по инициативе начальника Камчатки А. В. Голенищева в Петропавловске возникла Камчатская акционерная земледельческая компания. Её первым шагом стали опытные посевы ячменя, овса, ржи, проса, табака в Петропавловске, Тигильской крепости, по реке Камчатке в Машуре и на реке Шигачик (Сигачик). Именно здесь, неподалёку от реки Шигачик, и стояло небольшое сельскохозяйственное селение, называвшееся Варлатанкой.

Пшеница, завезённая из России, не приспособленная к камчатскому климату, давала плохие урожаи. В 1831 г. «всё позябло от инеев», в 1832 г. снова «инеи... весь хлебный посев погубили». Летние месяцы 1831 и 1832 гг. оказались настолько холодными, что «даже некоторые дикорастущие здесь травы не созревали и не приносили плодов». В последующие годы результаты были такими же. В 1837 г. компания прекратила посевы, затратив на опыты 7 700 руб. Жители оставили Варлатанку.

К. Дитмар, чиновник при камчатском губернаторе в 1850-х гг., писал, что Варлатовка — селение, которое выстроил командир батальона полковник Сомов «для одной части команды». И далее: «Варлатовка... превратилась в груду развалин».

Сейчас не осталось даже следов каких-либо строений на месте Варлатанки. Сохранились лишь три поросшие травой ямы от раскопок, некогда проводившихся здесь археологами. Ещё весной и осенью, когда нет растительности, можно увидеть остатки старого тракта, соединявшего Мильково с Верхнекамчатском. Но затраченные некогда труды не пропали даром — сегодня поля, разработанные в XIX в., используют сельхозпредприятия села Мильково.

Верхнекамчатск. Верхнекамчатский острог — первое русское селение на Камчатке, основанное В. В. Атласовым. Перевалив через Срединный хребет, его отряд по реке Кчанутчш (Белая) попал в долину реки Камчатки. Поднявшись по реке вверх, достиг левого притока Кали-кыг, получившего от русских название Андриановка. Здесь казаки срубили первое зимовье Верхнекамчатское — по расположению в верховьях реки Камчатки. Это произошло в 1697 или 1698 гг.

Вернувшись в Москву, В. В. Атласов рассказал, что с реки Ичи он «отпустил на Камчатку реку к верхним острожкам для ясачного сбору казака Потапа Серюкова — всего 15 человек и 13 юкагирей; и он Потапко поставил на той Камчатке у острожков зимовье». Оставшиеся здесь под руководством Серюкова три года успешно вели меновую торговлю с камчадалами. У них заканчива-

лись боеприпасы, продукты, торговать стало нечем, а смена всё не шла. Казаки решили идти в Анадырский острог. Земли камчадалов они миновали благополучно, но «немирные» коряки побили весь отряд.

В 1700 г. на Камчатку прибыл приказчик Тимофей Кобелев, перенёсший Верхнекамчатский острог на другое место. А. С. Сгибнев сообщает: «Вновь назначенному на Камчатку (в 1720 г. — *В. Б.*) сыну боярскому С. Бобровскому была дана инструкция, в которой, в частности, говорилось: "Ясак в Верхнекамчатске прикащику принимать при служилых. В Верхнем питья... игры картёжной не держать... Изб и бань во всё лето не топить, чтобы не сделать пожару в Верхнекамчатске, а пищу приготовлять во дворе... " В 1722 г. октября 14-го Бобровский сдал Лосеву Верхнекамчатский острог, бревенчатый, на иглах. В остроге: ясачная изба и амбар да анбар над воротами, в котором летом содержали аманатов; казёнка с аманатами да колодники... В остроге медная пушка; казаков 41; промышленных [людей] двое».

Участник Первой Камчатской экспедиции мичман П. Чаплин застал в остроге 17 дворов.

С. П. Крашенинников так описывает острог: «Крепость в нём четвероугольная с палисадником во все стороны по 17 сажен. За крепостью часовня во имя Николая Чудотворца, государев дом с принадлежащим строением, кабак с винокурнею, обывательских домов 22, а служивых и казачьих детей 56 человек».

Архимандрит И. Хотунцевский в 1745 г. направил в острог для обучения отроков Петра Грязнова. В декабре 1746 г. Хотунцевский освятил здесь первый Богоявленский храм. Но половодье в 1754 г. смыло его, да так быстро, что «едва успели вынести церковные вещи». Следующую церковь в Верхнекамчатске построили к 1760 г., освятил её архимандрит Пахомий. Она стала последней церковью в остроге. «При ней парохия вниз по Камчатке реке на 292 версты, а вверх по Камчатке ж реке на 160 вёрст, всего в две стороны 562 версты, при ней приходских обывателей в осьми камчадальских острожках 1 376 человек обоего пола людей», — сообщал в Иркутскую духовную консисторию протопоп Стефан Никифоров.

По решению Синода Богоявленскую церковь перенесли в Мильково, на что выделили 1 250 руб. При церкви было три колокола, на одном из них имелась надпись: «1761 года лит сей колокол к вновь построенной в Верхнекамчатском остроге церкви Богоявления Господня общаго радения прикащика и казаков Василия Иванова Яцкова. Весу в нём 14 пуд».

Через 30 лет после пребывания здесь С. П. Крашенинникова описание Верхнекамчатского острога сделал капитан Т. Шмалев: «В нём деревянная крепость, где приказная изба, казённые амбары: за оною деревянного строения церковь Богоявления Господня, священнической и обывательские воинских чинов домы. Воинской команды 23, в том числе командир и судья приказной избы сотник».

Французский путешественник Ж. Лессепс в 1788 г. так описывал первый русский острог: «В нём было более ста домов, положение оного довольно выгодное и весёлое. Стоит близ реки и близ лесов и полей, в которых земля очень хороша, и жители начинают её употреблять в свою пользу. Церковь деревянная, не противной архитектуры».

Верхнекамчатск располагался на стрелке рек Андриановки и Камчатки, которые его часто подмывали, поэтому строения переносили на другие места.

Мореплаватель В. Головнин, посетивший Верхнекамчатск в начале XIX в., оставил такие впечатления: «В нём есть одна небольшая деревянная церковь, казённые амбары, домик для начальника, около десятка домишек. Церковный причт, несколько мещан и отставных унтер-офицеров, солдат и казаков с их семействами — составляют непременных жителей сего местечка, а временные состоят из небольшого отряда камчатского гарнизонного батальона».

Священник Гедеон, также побывавший здесь в начале XIX в., отмечал: «В Верхнекамчатском остроге церковь Богоявления Господня, деревянная, заложена 1747 года, освящена 1748-го. По причине её ветхости службы Божии в ней не отправляются с августа 1805 года. Образа и книги ветхи, 12 риз, четыре подризника, три епитрахили, 14 пар поручней, 27 пелен, 13 воздухов, семь пар покровцов, две завесы и церковной казны 702 руб.».

По седьмой переписи, проведённой начальником Камчатки П. И. Рикордом, в остроге проживало русских 30 мужского и 35 женского пола.

К середине XIX в. Верхнекамчатск мог стать главным городом полуострова. В конце декабря 1827 г. Сибирский комитет рассмотрел предложения об управлении Камчаткой. Начальник Камчатки А. В. Голенищев предлагал перевести резиденцию старшего местного администратора в Верхнекамчатск и переместить туда все заведения гражданского ведомства: канцелярию, казначейство, ремесленную школу, духовное училище и возвести нужные для этого здания. А. В. Голенищев отмечал, что здесь «место, изобилующее лесом, хлебородною землею, сенокосами и рыбною ловлею, там

каждый хозяин дома имел бы возможность без больших трудов и издержек устроить свою экономию, обзавестись скотом и даже заняться земледелием. Все иногородные торговцы, переписывающиеся в камчатское купеческое сословие и проживающие в Петропавловском порте, изъявляют желание на переселение во внутренность Камчатки».

Комитет решил: «Начальнику Камчатки по прибытии на место войти предварительно по сему предмету в ближайшее соображение, составить подробные планы и сметы и представить всё сие местному главному управлению». Но дальше дело не двинулось.

В 1850-х гг. К. Дитмар отмечал: «Сперва Верхнекамчатск играл роль укрепления, потом он был переименован в город и служил резиденцией для сборщика ясака. Теперь это только подобие камчадальского острога, и в нём не осталось и следа прежнего блеска. Десять домов с пристройками и огородами, часовня и кузница беспорядочно разбросаны по левому берегу Андрияновки. Жители (21 душа мужского и 32 души женского пола), имеющие 34 головы рогатого скота и 10 лошадей».

К концу XIX в. здесь оставалось лишь несколько семей — Зиминых, Верещагиных, Машихиных, Нечаевых, Пермяковых. В 1893 г. — 37 мужчин и 41 женщина, у них было 45 голов рогатого скота и 10 лошадей. Селяне собрали 330 пудов картофеля и 500 пудов репы. Впечатление о селении конца XIX в. оставил нам исследователь полуострова Н. В. Слюнин: «В настоящее время здесь десяток бедных и грязных избушек, за исключением большого и старого дома старосты, оклеенного обоями и украшенного цветными картинами. Население острожка не превышает 73 душ обоего пола; на каждый дом приходится по одной лошади и по четыре коровы».

Писатель и исследователь Дальнего Востока В. К. Арсеньев в 1918 г. разыскал место, где некогда стоял Верхнекамчатский острог, поставил здесь столб с надписью, а на месте церкви — крест.

В 1925 г. Верхнекамчатск образовывали 22 хозяйства, здесь жили 123 чел.: 32 мальчика, 34 мужчины, 31 девочка и 26 женщин. Из них 11 русских, остальные камчадалы. Они имели 38 лошадей, 33 коровы и быка.

По данным Приполярной переписи 1926 г., в Верхнекамчатске находилось 20 хозяйств и 114 чел., в том числе 66 мужчин и 48 женщин. Сельскохозяйственные посевы занимали площадь 1 822 кв. м, с них собрали 836 пудов картофеля и 89 пудов других овощей. Сена заготовлено 9 185 пудов.

Весной 1930 г. по инициативе комсомольца камчадала Георгия Ятускина образовался колхоз «Коммунар». В него объединились 14 бедняцких и середняцких дворов, что составило 70 % всех хозяйств селения. «Внутреннее оформление колхоза проходило следующим порядком: обобществлялись собаки, лошади, а сбруя, упряжь нарты и прочее оставались не обобществленными».

В 1938 г. в Верхнекамчатске жили 134 чел. Колхозники работали в сложных условиях, много сил отдавая росту сельскохозяйственного производства. Об этом свидетельствует документ, принятый на общем собрании 3 августа 1952 г. «Распорядок дня колхозников: 1. Подъём в шесть часов утра. 2. Выход на работу в семь часов утра. 3. Обеденный перерыв с двенадцати до часу дня. 4. Конец работы в восемь часов вечера. 5. Многодетным матерям конец работы в семь часов вечера».

На другом собрании, 25 апреля 1952 г., определены цены на некоторые услуги, предоставляемые колхозом: «...установить оплату за пользование трактором; для колхозников косодень — 5 руб.; за нарту собак — 20 руб.; установить оплату за пользование жилплощадью колхоза: с квадратного метра 30 коп., частным лицам — 1 руб. 32 коп. ...За пользование батом: для колхозников — 3 руб. в день, для частных лиц и организаций — 10 руб. Утвердить цену на сено на сторону: за 1 кг сена — 75 коп.».

В Верхнекамчатске работала начальная четырёхклассная школа. Число учившихся детей было невелико: в 1940 г. всего 40 чел. Ребята изучали русский язык (устный и письменный), арифметику, естествознание, географию, историю, чистописание, рисование, физкультуру, пение. Выставлялась и оценка за поведение. В 1944/45 учебном году обучались 28 чел., причём восемь из них не успевали.

13 июля 1956 г. КОИК решил упразднить Верхнекамчатский сельсовет, объединив его с Мильковским. Колхоз «Коммунар» в 1957 г. вошёл в мильковское хозяйство имени И. В. Сталина, получившее новое название «Мильковское».

После закрытия Верхнекамчатска большинство его жителей переехали в Мильково, а часть — в Шаромы. Верхнекамчатск исключён из списков населённых пунктов КО 13 декабря 1974 г., когда до его 300-летнего юбилея оставалось двадцать с небольшим лет. Сегодня на территории бывшего острога находится дачный посёлок жителей села Мильково.

Вестник. Лоция Охотского моря и восточного берега полуострова Камчатки, изданная во Владивостоке в 1923 г., сообщает: «В 1880 г. на побережье бухты Вестник было основано алеутское селение.

В настоящее время сохранились лишь развалины бывших здесь деревянных строений. Жителей нет».

Ветвей, *Ватвай* (*Унпываям*) — «*Старая река*», как сообщает С. Н. Стебницкий. Селение обозначено на карте К. Дитмара. Названо по расположению на реке Ветвей. В. П. Кусков считал, что оно возникло до 1832 г. Почтовый работник В. К. Абрамов, посетивший селение 9 января 1937 г., оставил вот такие впечатления: «До посёлка Ветвей добрались ночью, остановились в корякской юрте. Она ничем не отличается от жилища первобытного человека на Севере. Поставлены четыре ряда тонкого леса торчмя, всё это засыпано землёй, имеется отверстие вверху для дыма. Раньше обитатели жилья лазали через это отверстие по столбу, с зарубками вместо ступеней, но теперь пристроена дверь с длинным коридором. Отопляется юрта дровами, печкой из железной бочки. Окон не полагается. Прежде всего, мне ударила в нос вонь от юколы, которой коряки питаются. Спят они на земляном полу по бокам юрты на оленьих шкурах. В юрте два семейства, пять человек детей. Страшно грязно. Все обитатели имеют привычку плевать, куда попало... Очень неприятно валяться на полу среди грязных, никогда не умывающихся людей, не знающих стирки белья».

Ветвей исключён из списка населённых пунктов Камчатской области 7 февраля 1975 г.

Вывенка, село. В. П. Кусков считал, что оно возникло до 1832 г. С этим можно согласиться, но старожилы сообщали нам, что Вывенка существовала ещё задолго до прихода на Камчатку русских. Селение находится на реке Вывенке, впадающей в залив Корфа. Возможно, что в основе его названия лежит перевод олюторского слова *вывын*, то есть *камень*. На карте К. Дитмара, датируемой серединой XIX в., селение именуется «Вивники».

Н. В. Слюнин в конце 1890-х гг. отмечал: «Вывнуки, две юрты, при устье реки Вальвуя, впадающей в Берингово море, 13 душ».

В 1930-х гг. здесь образовался колхоз. 16 февраля 1940 г. «Камчатская правда» рассказывала: «В селе Вывенке трудящиеся когда-то вели кочевой образ жизни. Примитивным способом ловили рыбу в реке Вывенке. Жили в юртах. Верили в шаманов, лечились у знахарей. Работали у русских торговцев и американских предпринимателей. Всё это ушло в безвозвратное прошлое. Трудящиеся объединились в колхоз имени Ленина. Он имеет хорошую школу, медпункт, избу-читальню, клуб. На территории колхоза расположена фактория АКОторга. Колхоз имеет животноводческую ферму.

Годовой план путины 1939 г. выполнен на 200 %, колхозники заработали по 10 тыс. руб. Живут зажиточно. Кроме имеющихся трёх одноквартирных домов, колхоз построил на собственные средства большой четырёхквартирный. Многие имеют свои домики.

Колхоз вырастил свои кадры. Среди них комсомольцы Ахайлен — технорук лова, Плотникова — переводчик в школе, Мария Конча — депутат районного Совета и другие. Колхозники благодарят товарища Сталина за счастливую, зажиточную жизнь».

1 августа 1940 г. та же газета опубликовала новый материал о достижениях местных колхозников: «Хорошо... выполняют социалистические обязательства колхозники вывенского колхоза имени Ленина. План по вылову сельди выполнен на 170 %, вместо 3 400 центнеров выловлено 6 000... Колхоз заготовил 30 тыс. штук юколы. Хорошо колхозники справились с проведением отёлочной кампании оленей. Впервые в этом году колхоз посеял картофель и капусту. Для строительства 5-ти жилых домов, дома для правления колхоза, скотного двора колхозу отпущен кредит. Сейчас для этого строительства колхозниками заготовлено и доставлено на место строительства 450 брёвен. Валовой доход колхоза в этом году составляет 863 тыс. руб. Неделимый фонд пополняется на 159 тыс. руб.

Всех этих успехов колхоз добился организацией труда на основе социалистического соревнования. Стахановцы колхоза: Ахайми, Конча Мария, Семён Тахта, орденоносец; Аюлман, Павлюкевич».

И. С. Гурвич и К. Г. Кузаков сообщают, что в 1957 г. здесь имелось 91 хозяйство с преобладанием корякского населения (61), а также восемь чукотских, шесть чукотско-корякских, два русско-корякских и 14 русских.

Лоция Берингова моря (1969) указывает: «Селение Вывенка расположено в восьми кабельтовых от устья реки Вывенки на её правом берегу. В селении имеются школа, магазин и больница. Река Вывенка впадает в залив Корфа. Перед устьем её русло расширяется, образуя небольшую лагуну. От залива лагуна отделена песчаной косой. У основания косы расположено селение Вывенка. На левом берегу устья реки — рыбозавод. В посёлке рыбозавода находились школа, магазин, баня, пекарня и почта».

«Камчатская правда», отражая происходившие изменения, 2 ноября 1977 г. сообщала о быстром местном строительстве: «Центральная усадьба колхоза имени Горького будет переходить поэтапно на участок в Вывенке. В настоящее время днём и ночью прибывают сюда грузы: оборудование, проминвентарь, тракторы, машины, агрегаты, цемент, мел... В здании электростанции идёт

монтаж новых мощных дизелей. Подготовлен к сдаче в эксплуатацию новый двухэтажный жилой дом. Уже сдан четырёхквартирный дом и достраивается ещё один двухэтажный». В 1970-х гг. сюда перенесли правление и ряд служб колхоза имени Горького.

«Камчатская правда» 18 августа 1978 г. сообщила об увеличении мощности местной дизельной станции: «До недавнего времени три дизеля электростанции полностью обеспечивали потребность села Вывенка в электроэнергии. С переводом сюда правления колхоза имени Горького население увеличилось, и мощности электростанции не могли удовлетворить потребности. Поэтому решено установить четвёртый дизель мощностью 300 кВт».

Колхоз быстро развивался до средины 1980-х гг. 25 мая 1980 г. «Камчатская правда» извещала: «Прежде рыбацкий колхоз располагался в Тиличиках, теснился в старых деревянных домишках, испытывал многие трудности из-за разбросанности хозяйства: добывающий флот — на центральной усадьбе, оленьи табуны — под Вывенкой. Несколько лет назад колхоз переехал в Вывенку. И сразу же стал строиться, создавать новую центральную усадьбу. В селе выросли мастерские для ремонта промыслового флота, новое здание сельсовета, школа-интернат, магазин. Широким фронтом развернулось строительство двухэтажных жилых домов для колхозников...

Вывенка живёт рыбой. В прошлом году капитан В. А. Петухов, например, на своём МРС-225 впервые в истории колхоза добывал лосося на западном побережье. И не просто добывал — за путину экипаж сейнера выловил его 10 000 ц! Вместе с ним снимают “урожаи” знатный рыбак Камчатки У. Т. Фассахов, В. И. Сигай...»

Уроженец тех мест Владимир Нутаюлгин, корякский журналист, пишет: «В 1980-х гг. в Вывенке, родине Василия Ахайми (рыбака, Героя Социалистического Труда. — *В. Б.*), шло активное строительство. Маленькие, отслужившие своё домики сносили. Засыпали все неровности и озерки в черте села. На их месте вставало просторное жильё из бруса и мелких блоков со всеми удобствами. На улице, где когда-то жил Ахайми, появились двухэтажные многоквартирные дома. Так что и памятную доску, если бы кто и предложил это сделать, не нашли бы где закрепить. Кое-что из документов, имеющих отношение к вывенкскому рыбаку, выставлялось в районном музее. Там же была фотография Василия Васильевича, правда, не очень удачная, уже поблекшая. Рыбак снят за работой. Будни вывенкских рыбаков 1960-х гг. хорошо отразил в акварелях художник Кирилл Килпалин. Ручной труд и небогатая

оснастка — это из того времени. Механизмы и новые суда придут уже после смерти Василия Ахайми... Кстати, в его время коллективное хозяйство, прописанное в Вывенке, носило имя Ленина. Это потом, после реорганизаций и укрупнений, оно стало колхозом имени пролетарского писателя Максима Горького».

Голыгино, селение. Название ему дала река Голыгина. На языке коренных жителей она именовалась Нынгучу (Нынгачу). В. В. Атласов назвал её Голыгиной по фамилии потерявшегося здесь казака Ивана Осипова Голыгина. По версии Б. П. Полевого, его убили камчадалы. Река впадает в Охотское море севернее реки Явиной. В переводе с ительменского её название звучит как *Река, где живут выдры*.

По данным С. П. Крашенинникова, «вверх по реке Нынгучу от устья верстах в четырнадцати есть острожек, называемой Кууюхчен». В нём 25 ясачных плательщиков, а всего около 130 чел.

Агроном Кегель, исследовавший Камчатку в 1845 г., дал селению такую характеристику: «24 августа вышел я опять к Голыгиной. Эта деревня имеет 44 холостых и 37 женатых жителя в восьми домах, 66 штук крупного рогатого скота, восемь стойл и 17 сушилен. Здесь хорошее место, река того же названия и ещё одна маленькая, впадающая выше... У камчадалов, особенно если их женщины хорошие хозяйки, есть запасы одежды из ситца, а иногда и из шёлка, которые они шьют сами».

Селение находилось близ реки Голыгиной. Отсюда до Петропавловска считалось 318 вёрст. В 1836 г. здесь жили 64, в 1851 г. — 74 чел. В 1868 г. селение составляли пять домов, здесь обитали 27 мужчин, 24 женщины. По переписи 1876 г. численность обитателей снизилась до 39 чел. В их число входили пять петропавловских мещан, три служителя морского ведомства и 31 камчадал. В селении по-прежнему имелось пять домов, а всего насчитывалось 25 построек. В их число входила и часовня. Селяне содержали 25 коров и 86 собак. В огородах они возделывали картофель и репу. Охотники за сезон 1868 г. добыли по девять соболей и выдр, одного барана, 19 оленей, 25 нерп и 37 медведей.

В 1901 г. численность местного населения определялась в 51 чел. Здесь жила русская семья Ворошиловых.

По данным Приполярной переписи 1926 г., имелось 12 хозяйств, в том числе 10 камчадальских. Здесь располагался сельсовет. В годы коллективизации в Голыгино образовался колхоз «Рассада». В 1943 г. колхозников было 49 чел., среди них трудоспособных 15 мужчин и 17 женщин. Колхоз в этом году располагал 31 коро-

вой, двумя сенокосилками, восемью косами, тремя конными плугами, одним культиватором, конными граблями и шестью боронами. За год колхозники выработали 1 602,7 трудодня, а по итогам года они получили за один трудодень: 11 руб. 80 коп., 2,35 кг картофеля, 0,54 кг капусты, 0,9 кг репы и 2,6 кг рыбы.

В настоящее время селение Голыгино не существует.

Долиновка, селение. Возникло в 1927 г. Свидетельством этому служат два документа. Первый — Приполярная перепись 1926 г., в которой селение ещё не упоминается, и второе — отчёт агронома И. Ф. Голованова, из которого следует, что в 1928 г. в Долиновке было уже семь дворов и огороды площадью 821,5 кв. м.

Долиновка находится на левом берегу реки Камчатки, в её среднем течении. В нескольких километрах от села расположена Новая Долиновка. Дорога связывает Долиновку с населёнными пунктами, лежащими по берегам реки Камчатки, и Петропавловском.

Одними из первых на новое место, расположенное в восьми километрах по реке выше старинного камчадальского селения Машуры, переселились Максим Красильников и его племянник Иннокентий Красильников. Так было положено начало Долиновке. Старожил И. И. Звоник считает, что её название произошло от небольшой речки Дальней, протекающей через село.

26 августа 1928 г. здесь состоялся один из первых киносеансов. Газета «Полярная звезда» так описывала это событие: «12-го числа кино ставили в селе Долиновка, картина была интересная. На кино собралось почти всё село. Одна старуха видела кино первый раз и потом рассказывала: “Когда я, — говорит, — увидела, что едут на конях, я думала, они на меня наедут, я так вздрогнула и сказала: “Ой, ой! Господи, какие они бойкие!”»

Эта же газета 20 сентября 1928 г. поместила следующее сообщение: «Село Долиновка — новое поселение, и насчитывает оно всего 12 человек-общественников. В одиночку хозяйство вести трудно, и новые поселенцы 20-го июня с. г. собрали собрание и решили каждую работу вести коллективно. Руководителем нашего коллектива наметили т. Красильникова И. Э. — председателя Машуровского сельсовета».

В 1931 г. несколько семей местных жителей образовали колхоз «14 лет Октября». Коллективизация шла довольно быстро: если в 1932 г. в колхозе было 14 хозяйств и шесть единоличников, то уже в 1939 г. из 28 хозяйств единоличными остались только три.

«Колхозник Краснояров А. Ф. выработал в прошлом году (1938. — *В. Б.*) 295 трудодней, члены его семьи — около 100 трудодней.

Доход в этой семье в денежном выражении составил 2 346 руб. Другой член артели Ушаков С. Д. имел 278,2 трудодня, а вместе с семьей — 597, заработали 3 670 руб. Хорошо работали колхозники Мерлин Е. К., братья Самсон и Тихон Красильниковы, колхозница Бобрякова В. В.».

В 1936 г. посев озимой ржи составлял 7,15 га, урожай — 115,6 ц, в 1937 г. засеяно ржи 8,4 га, собран урожай 220,8 ц. Общий доход колхоза в 1937 г. составил 58 300 руб., в 1938 г. — уже 94 279 руб. В 1936 г. за один трудодень колхозники получили по 4 руб. 48 коп., в 1938 г. — по 6 руб. 14 коп.

В 1938 г. в Долиновке жили 173 чел.

В 1939 г. колхозники с 8,4 га собрали по 26,3 ц с гектара ржи сорта «Вятка», а с 6 га — по 17,6 ц яровой пшеницы. В 1940 г. селяне добились одного из самых высоких показателей по КО: на один трудодень они заработали по 10 руб. Председателем колхоза в этом году избрали местного жителя М. Г. Мерлина. Постепенно хозяйство расширялось, построили овощехранилище, рыбохранилище, юкольник.

В свободное время жители села собирались в избе-читальне, где с ними «проводилась разъяснительная работа»: читались доклады и лекции о внутренней и внешней политике и «текущих задачах». Газета «Камчатская правда» в феврале 1940 г. писала: «В последние дни в избе-читальне села Долиновка Мильковского района проведено несколько докладов и бесед на международные темы, проводятся громкие читки художественной литературы. При избе-читальне организованы кружки художественной самодеятельности, оборонные кружки».

В 1944/45 учебном году в местной школе работали шесть классов, где учились 78 чел., причём 15 из них не могли усвоить предлагаемую программу.

Побывавший здесь в 1959 г. вице-адмирал Г. И. Щедрин отметил в своём дневнике: «На борт ко мне прибыл председатель колхоза Фёдор Борисович Наянзин — энергичный и, видимо, знающий своё дело человек среднего возраста. Его беспокоит возможность сбыта урожая картофеля и капусты. Предлагает купить у него 500 тонн первого и 300 второго. Кроме того, может продать сейчас огурцы, а немного позже — 10 тонн почти спелых помидор. Для Камчатки это сюрприз. Всё хорошо, но ничего отсюда без специального транспорта не вывезешь. Помочь очень хочется, но едва ли это возможно. Задание я начальнику тыла дам, однако и сам вижу — ничего не сделаем. Трагедия колхоза “14 лет Октября” заключает-

ся в отсутствии возможности сбыта своей продукции. Колхозники предлагают построить автогужевую дорогу до центральной базы леспромхоза протяжённостью 6–8 километров, чтобы возить сельскохозяйственные продукты лесникам. Это дало бы им возможность сбывать продуктов на 500 000 руб. ежегодно. Для строительства дороги нужны деньги и техника, а их не отпускают. Фёдор Борисович обижается на Есауленко и Спасённых (областных руководителей. — *В. Б.*), которые обещали продать ему плашкоут, а теперь отказали. Колхозу же, действительно, без плавсредств в люди не выйти. О его делах обязательно буду разговаривать в облисполкоме...»

В 1962 г., по данным И. Гурвича, в Долиновке насчитывалось 119 хозяйств, 448 жителей, в том числе 230 женщин и 218 мужчин. Камчадальских хозяйств в селе было 33, в них состояли 183 чел. По происхождению эти хозяйства распределялись следующим образом: 18 из Машуры, по два из Кирганика, Ключей и Мильково, четыре из Щапино, одно из Толбачика, две старожильческие китайские семьи. Остальные переселенцы приехали из материковой России.

В 1967 г. в Долиновке впервые заложили 500 парников и теплицы общей площадью 1 200 кв. м. Хороших показателей в ведении тепличного хозяйства добились Варвара Подкорытова и Нина Красильникова. Вот что 27 июля 1967 г. сообщала об успехах селян областная газета «Камчатская правда»: «В долиновском отделении Мильковского совхоза началась заготовка кормов. Скошено уже 60 гектаров сена и убрано 20 гектаров. Заготовлено сена 35 т. Косилкой, на которой работают комсомольцы Валерий и Михаил Красильниковы, скошено 55 га. На стоговании образцы в труде показывают рабочие совхоза Николай Клочев, Тихон и Владлен Красильниковы, Иван Кучеров, Матрена Чупина и другие».

По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г., в селе жили 474 чел. Сегодня, после ликвидации отделения совхоза, основным занятием жителей остаётся сельское хозяйство и, к сожалению, — браконьерство.

Историю Долиновки очень хорошо передаёт статья В. Михайлова, в своё время опубликованная в газете «Знамя труда»:

«Среди жителей Машурово, небольшого, затерянного в тайге селения, этот человек был, наверное, самым неугомонным и предприимчивым. Сохранилась его фотография: строгое, энергичное лицо, окладистые усы, охотничий прищур глаз. Елисей Григорьевич Гарковенко — рыбак и следопыт, крестьянин, как и остальные мужики-односельчане. Только вот в отличие от них не любил Елисей Григорьевич промышлять зверя вблизи дома. В иные зимние дни

в погоне за соболем уходил от села, бывало, за десятки километров. И всё присматривался: как бы подыскать место для переселения машуровцев.

Река Камчатка наступала на старинное село Машурово. По весне по его единственной улице уже невозможно было и ходить, передвигались от дома к дому на батах. Огороды у домов вымокали начисто, заносились илом, песком, речной галькой. Жалко было обжитого места, дедовских могил, да беда гнала людей. Только не просто было отыскать для целого села подходящее место. Полвека назад в камчатской долине хвойная тайга стояла стеной. Но Гарковенко все жё удалось найти среди векового леса со всех точек зрения удобную площадь для новоселья. На берегу тихого притока Камчатки, в трёхстах шагах от реки-кормилицы раскинулся алас — лесная луговина.

Место сухое, высокое. Вот сюда-то, за восемь вёрст от Машурово, и перебрался Елисей Григорьевич с домочадцами. С немалыми трудами сплавил по реке венцы дома, разобранные постройки, заново собрал. К осени и соседи появились: перебрался со всем добром Полуэкт Чуркин. А с приходом весны потянулись сюда и другие сельчане, взялись за раскорчёвку будущих огородов, за обустройство рыбацких тоней... На месте старого села осталась обширная поляна с прежним названием — Машурово, да и её наполовину уже смыли буйные волны вешней Камчатки.

А на бывшем аласе началась жизнь нового камчатского села, названного Долиновкой. Шёл 1928 г. Время было бурным. В стране шла коллективизация сельского хозяйства. В 1931 г. объединились в артель и новосёлы-долиновцы, назвали свой колхоз “14 лет Октября”. Обобществили весь скот, весь транспорт — 25 лошадей, 40 коров, ездовых собак, баты. На первом же общем собрании решили: “Хватит зависеть от рыбацкого счастья да капризной охотничьей удачи. Будем заниматься земледелием и животноводством. Будут излишки — станем отправлять по реке рабочим в Ключи и Усть-Камчатск”.

Хорошие были мечты, но как тяжело было их осуществлять, особенно на первых порах! Рабочих рук мало, а под пашню нужно сводить и корчевать лес. Всё вручную, с максимальным напряжением сил. Да и первый полученный на колхозном поле урожай картофеля совершенно разочаровал: из посеянных семян почти ничего не выросло. Дробь, а не картошка. Потому что не было ни хороших семян, ни навыков земледельческих, ни знаний. Но время было новое, советское. Долиновцы это почувствовали сразу же,

с первых дней коллективизации. Государство оказывало колхозу большую, всестороннюю помощь. Появились у колхозников и добротные семена для посевов, и обновилось постепенно общественное стадо, больше стало рабочих лошадей...

Оседали в долине реки Камчатки прочно, навсегда. Уже буквально через несколько лет такие фамилии как Потапеня, Болотько, Звоник стали в Долиновке такими же привычными, своими, как фамилии Бобряков, Красильников, Спешилов.

Колхоз креп. У него было уже 50 гектаров пахотных угодий, неплохие сенокосы. Росло стадо крупного рогатого скота, развивалось свиноводство. Отвоёванные у леса нивы давали неплохие урожаи зерновых, картофеля. Село становилось зажиточней, застраивалось. Долиновцы старались содержать свои улицы в чистоте, в порядке, чтобы они радовали глаза людей.

Многим долиновским старожилам до сих пор помнятся последние предвоенные годы с их морозными зимами и на редкость жаркими, ясными летними днями. Казалось тогда — над селом, как и над всей страной, всегда будет такое ясное, чистое небо.

Война тяжело ударила по селу. Почти все молодые мужчины ушли на фронт. Многие так и не вернулись с полей великой битвы за Родину. Пали смертью храбрых сын основателя Долиновки Иван Гарковенко, колхозный счетовод Иосиф Пермяков, колхозники Гавриил Копаник, Антон Потапеня, многие другие сельчане. Ушедших на фронт заменили женщины и на пахоте, и на севе, и на уборке урожая, и в уходе за скотом, и на раскорчёвках леса под новые поля.

Мужчин в Долиновке оставалось — по пальцам можно пересчитать. В основном пожилых да многосемейных. Но и в тылу они старались вести себя так, как будто находились на фронтовом переднем крае. Вот, например, Аким Иванович Красильников, рядовой колхозник, отец пяти детей. Работая конюхом, не только содержал в полном порядке немалый тогда табун лошадей хозяйства, различный ездовой инвентарь, но и всегда стремился быть там, где нужны мужские руки. В разгар войны А. И. Красильников совершил высокопатриотический поступок: из сбережений своей семьи внёс на нужды фронта 10 тыс. руб. В военные годы Аким Иванович стал членом партии...

Умелыми организаторами людей на самоотверженный труд с первых дней войны проявили себя председатель колхоза Константин Михайлович Припоров и бригадир полеводов Иван Силыч Звоник. Это были замечательные руководители, настоящие колхозные вожаки. Под их руководством наполовину обезлюдевшее хозяйство не

только не захирело, а наоборот — стало давать сельскохозяйственной продукции стране, фронту всё в бо́льших объёмах. Урожайность картофеля в военные годы достигла 220 ц с гектара. Ржи брали с гектара по 28 ц.

Увеличились площади пахотных земель — за счёт раскорчёвок, тяжелейшей, при отсутствии техники, работы. А производилась эта работа в основном женскими руками. Колхозники полностью обеспечивали себя продуктами питания. Чтобы был свой хлеб, на речушке, что делит село пополам, построили мельницу.

В те годы создаётся в Долиновке комсомольская организация, возглавила которую колхозница Ольга Ельцова. Эта была боевая, инициативная девушка, сделавшая комсомольскую организацию хорошим помощником во всём правлению колхоза. Комсомольцы проводили среди сельчан значительную политмассовую, организационную работу, наладили сбор тёплых вещей и денежных средств в помощь фронту, проводили подписки на госзаймы.

В основном из комсомолок состояло комсомольско-молодёжное звено колхозных полеводов, во главе которого стояла Татьяна Ельцова. Весь район знал о трудовых достижениях этого девичьего звена. А всего на полях колхоза “14 лет Октября” трудилось тогда четыре полеводческих звена, в составе которых были только женщины.

Это их руками, руками Татьяны Ельцовой, Евстолии Красильниковой, Ольги Докучаевой, Евдокии Горбушиной и их подруг-односельчанок выполнялись и перекрывались в годы войны колхозные планы обязательных поставок продукции государству. “Работали тогда наши женщины буквально от зари до зари, — вспоминает бывший колхозный полевод, ныне пенсионерка В. А. Спешилова, — без всяких выходных. Делали всё, что могли, лишь бы приблизить победу над врагом”. Умели они не только хорошо работать, умели и плодотворно отдыхать. В 1940-х гг. художественная самодеятельность Долиновки была лучшей в районе. Репетировала концертные номера молодёжь зачастую прямо в поле, во время перерывов, возвращаясь с работы домой. Зимой, когда трудовой накал спадал, выезжали с концертами в Мильково, в посёлки лесозаготовителей. “Гастрольные поездки” только в один конец занимали два-три дня.

...Отплясали долиновцы, отплакали День Победы. Стали возвращаться домой демобилизованные воины. Истосковавшись по мирному труду, с жадностью взялись за работу. Именно на эти первые послевоенные годы приходится взлёт колхозного производ-

ства села Долиновки. Колхоз “14 лет Октября” был удостоен диплома ВДНХ СССР. В 1949 г. за получение рекордных урожаев ржи бригадир И. С. Звоник, звеньевые Е. Горбушина, Т. Ельцова были удостоены орденов СССР, звеньевая В. Спешилова — медали “За трудовое отличие”.

Всё большее развитие получает в Долиновке многоотраслевое животноводство: откармливается крупный рогатый скот, свиньи, овцы. Был построен двухэтажный курятник для колхозной птицы. Именно на этой основе в 1960 г. и был создан совхоз “Долиновский”, ныне Долиновское отделение совхоза “Лазовский”.

...Идёшь по улицам Долиновки и будто листаешь страницы её летописи. Вот улица Заречная (старая) — память о далёком 1928 г., а вот улица Новая, где поселились бывшие щапинцы, улица Белорусская. А свою центральную улицу сельчане назвали Елисеевской, отдав тем самым дань памяти основателя Долиновки Елисея Григорьевича Гарковенко, чьи дети и внуки строят сегодняшнюю жизнь села».

Дранка, селение. В течение первых 130 лет колонизации Камчатки русскими отношения камчатской администрации с коряками оставались крайне сложными. Неоднократно на севере полуострова между русскими и местным населением происходили вооружённые стычки.

Протоиерей П. Громов сообщает, что на границе корякских кочевьев начальнику Камчатки А. В. Голенищеву, назначенному на должность в 1827 г., предписывалось построить Дранкинскую церковь. Её заложили 1 марта 1835 г. Из Иркутска доставили иконостас, для удобства перевозки писанный на полотне. В новую церковь назначили прибывшего священника Стефана Вениаминова.

На карте К. Дитмара, побывавшего на Камчатке в 1851—1855 гг., расположение селения указано в устье реки Дранки. В 1862 г. селение посетил И. Вениаминов. В путевом журнале он отметил: «Дела церковные, архив и ризница — всё найдено в должном порядке. Здание церковное, существующее 11 лет, несмотря на слабость леса, ещё очень хорошо и прочно, требует только исправления крыши...»

По списку населённых мест Петропавловского округа, датируемому 1868 г., от селения до Петропавловского порта считалось 986 вёрст. Здесь имелась деревянная православная церковь, приходское училище, 11 хозяйств, жили 50 мужчин и 56 женщин. Перепись 1876 г. учла лишь 77 чел., в том числе двух гижигинских «инородцев», 22 духовных лица и 53 камчадала, грамотных из них было 28. В селении имелись уже две церкви, одна юрта,

восемь амбаров, 11 домов, 21 балаган, две стаи и одна баня. Селяне содержали двух лошадей, 13 коров и 98 собак.

В 1923 г. Усть-Камчатский райревком направил в адрес сельских обществ предписания о передаче церквей верующим. Местное сельское общество принять её отказалось. Тогда райревком 18 февраля 1924 г. распорядился: «...утварь же (церковную. — *В. Б.*) вышлите первым пароходом в Петропавловск, губревкому».

Лоция побережья РСФСР (1923) указывает: «В 18 верстах вверх по течению реки и в 3,75 мили от берега моря расположено небольшое селение Дранка; церковь этого селения... хорошо усматривается с моря».

Отчёт Карагинского райревкома за 1927 г. отметил, что в Дранке выстроена изба-читальня.

Землеустроитель В. С. Шаталов, посетивший селение в 1936 г., записал: «...расположено на высоком правом берегу реки Утхиваям, в пяти километрах от моря. Это маленькая деревушка в полтора десятка избушек, срубленных из тополя, ивы, берёзы. Есть ещё восемь землянок. Кроме жилых, здесь были также подсобные помещения — маленькие деревянные сарайчики и обязательные для здешних мест юкольники. Дранка — центр товарищества "Рыбак", организованного ещё в 1927 г. Основное занятие: рыболовство, сельское хозяйство (земледелие и животноводство), охота на пушного зверя и морской зверобойный промысел. Однако основной денежный доход население получает от промысла пушного зверя. Общественных посевов нет, но почти каждая семья имеет огороды, выращивая картофель, свеклу, турнепс, брюкву, морковь, лук, капусту. Население Дранки невелико, и детей в возрасте от восьми до 16 лет всего 17 чел. Однако есть начальная школа и интернат. Молодая учительница (она же заведует клубом) приехала с материка. В посёлке есть общественная баня, небольшой магазинчик с самыми необходимыми товарами и продуктами».

Дружный, рабочий посёлок. Его строительство — яркий пример неразумного использования рыбных ресурсов. В сооружение рыбоконсервного завода и посёлка при нём были вложены значительные средства, но предприятие работало всего несколько лет, пока не были подорваны запасы сельди. Тогда его перевели на обработку лосося, но его уловы тоже не смогли обеспечить полноценную деятельность.

Директор Камчатского областного краеведческого музея К. В. Мечтанова в статье «Новые населённые пункты Камчатки» рассказала о начале строительства завода: «...в ноябрьскую ночь 1958 г. в бух-

ту вошёл пароход “Рылеев”. Люди сходили прямо на лёд, разгребали лопатами трёхметровый снег, чтобы поставить на твёрдую опору тракторы и бульдозеры. Тесные твиндеки и угольные трюмы парохода первое время были единственным жильём пионеров промышленной стройки. Их вторжение в Олюторский залив было равноценно подвигу первых покорителей североказахстанских степей... Морозы, пурга, более чем скромный паёк. Но поднимались всё новые и новые цехи, корпуса холодильников, прокладывались километры гидрожёлобов и трубопроводов. Так на восточном побережье Камчатки вырос большой рыбообрабатывающий завод. Молчаливые скалы бухты Лаврова слышат теперь победные гудки рыбацких судов, возвращающихся с моря с богатым уловом камбалы и жирующей сельди. Новый завод даёт государству тысячи центнеров прекрасной рыбной продукции. Вместе с заводом вырос новый благоустроенный поселок. Имя ему — Дружный».

А вот что сообщал краевед В. И. Воскобойников: «В 1958 г. на берегу северной бухты Лаврова было начато строительство большой рыбоприёмной и обрабатывающей базы, в создании которой принимали участие, главным образом, молодые строители полуострова. Тогда же стал строиться посёлок для строителей и обработчиков... Молодёжь назвала его Дружным».

Газета «Камчатская правда» 26 июля 1981 г. сообщала о работе рыбодобывающей базы: «...и сейчас на берегу бухты Лаврова существует рыбообрабатывающая база Олюторского рыбоконсервного завода. База сезонная, и работают на ней во времена лососёвой путины».

Посёлок просуществовал всего 17 лет, был переведён в разряд сезонных и исключён из списка населённых пунктов КО 15 августа 1975 г.

Еловка, селение. Самое северное в долине реки Камчатки, названо так по расположению на одноимённой реке в 80 км от её устья. От устья реки Еловки до устья реки Камчатки — 145 км. Длина Еловки более 160 км, она берёт начало на севере в Срединном хребте, принимает в себя несколько крупных притоков — Двухюрточную, Кунхилок, Шишей и других. По реке Еловке веками существовал путь из долины реки Камчатки и ближних мест восточного берега до Тигиля. На этом пути наиболее опасным участком было плоскогорье. Случалось, что путешественники пурговали здесь по семь, а то и по девять дней.

Название *Еловка* по-ительменски звучит как *Кооч*. Здесь, в лиственничных лесах, в местах нереста нерки, обитало воинственное

племя чёрных ительменов — *кооч-ай*. Еловские жители, невеликие ростом, были горды, сильны и беспощадны к врагам. От остальных сородичей отличались смуглостью тела. Зная по рассказам о воинственности еловских ительменов, В. В. Атласов предпочёл обойти эти места и по труднопроходимой реке Кчанутчш вышел в самый центр обитания аборигенов. После трёх десятилетий их жестокой эксплуатации именно здесь, на Еловке, вспыхнул мятеж против произвола ясачных сборщиков. В ходе восстания погибли десятки русских и сотни ительменов.

Для привития местным жителям русской культуры, в 1750-х гг. духовная миссия открыла в острожке школу, обучавшую детей грамоте.

В середине XIX в. Еловка была средним по камчатским меркам селением. Здесь имелись 10 домов, в то время как, например, в Щапино и Толбачике — по шесть домов, а в Пущино — всего три. Жители построили небольшую, простую по архитектуре часовню.

Изменение численности населения показывают следующие цифры: в 1836 г. — 47, в 1851 г. — 64, в 1923 г. — 36, в 1928 г. — 44, в 1936 г. — 39 чел.

Крупный рогатый скот в сёлах с преимущественно камчадальским населением появился ещё в начале XIX в. В 1836 г. в Еловке было 19 коров, в 1851 г. — 21.

Благополучие жителей во многом зависело от охотничьей удачи. Так, 1894 г. выдался благоприятным для селян, добывших 32 соболя, 12 медведей, 18 лисиц, 12 выдр, 72 диких оленя и одного волка. Они заготовили более 37 тыс. рыбин, выкопали на огородах 148 пудов картофеля и 56 пудов репы.

В 1868 г. от Петропавловска до Еловки считалось 704 версты. Селение имело 10 домов, в которых жили 28 мужчин и 34 женщины.

В 1876 г. среди населявших Еловку 23 мужчин и 24 женщин грамотным был только один человек. Селение имело 59 построек: часовню, девять домов, 18 амбаров, 18 балаганов, 10 стай и три бани. За охотничий сезон селяне добыли 36 соболей, четыре выдры, по семь оленей и медведей, две росомахи.

В 1891 г. детей школьного возраста насчитывалось всего трое: два мальчика и девочка, причём никто из них не учился. Спустя пять лет детей стало 11, и только двое мальчишек знакомились с основами грамоты.

Ещё в начале XX в. ключевские жители отмечали, что «еловцы не забыли вкуса кислых головок», исконной пищи древних ительменов.

Заметной личностью в селе был Прокопий Тарасович Турнаев, ходивший проводником с К. П. Богдановичем и участником экспедиции Рябушинского А. Н. Державиным. Потомки этого известного камчатского охотника сегодня живут в Эссо, Козыревске и Ключах.

В 1923 г. через Еловку проходил отряд красноармейцев под руководством Зенкова. Вот что они увидели: «Село Еловка расположено у подножия хребта на реке того же названия. Уже издали селение производит приятное впечатление своими хорошими постройками. В селе 20 дворов, жителей 45, общественников, все говорят по-русски. Каждый, кроме нарты ездовых собак, имеет ещё лошадь и корову. Население занимается зимой охотой, а летом рыболовством. Охотятся преимущественно на соболей, но здешний соболь по качеству хуже, чем на западном берегу. Пушнину скупают коммерсанты из села Ключи».

В 1925 г. в селе осталось семь лошадей и столько же коров.

После установления советской власти значительное внимание уделялось развитию овощеводства. В 1926 г. под овощи были заняты огороды площадью 2 440, а в 1927 г. — уже 6 223 кв. м.

В 1927 г. в Еловке жили 15 мужчин, 10 женщин и 20 детей. Жители выловили 25 444 лосося. Для охоты и нартового транспорта они содержали 119 собак.

В 1930 г. поблизости от села возник лесозаготовительный участок Ключевского лесокомбината. Сюда направили работать 92 чел.

В 1933 г. село имело всего пять хозяйств и 35 жителей, все они считались бедняками.

В начале 1930-х гг. в Еловке образовался колхоз. По плану в 1935 г. он должен был посадить 1 га картофеля и 0,5 га капусты. Общая площадь личных участков селян составила 0,3 га. В 1935 г. все девять здешних дворов состояли в колхозе.

Осенью 1936 г. селение посетила землеустроительная экспедиция В. С. Шаталова. Он отметил, что селение расположено на левом берегу реки Еловки и окружено лесом. Из добротной толстой древесины выстроены большие избы в две-три комнаты, в каждой русская печь, полати. В селении более двадцати домов, клуб, школа-интернат, магазин, баня.

В конце 1930-х гг. председателем сельсовета избрали Николая Афанасьевича Чурина, родившегося в 1914 г., одного из последних потомков древнего рода ительменов — кооч-ай.

Жупаново, посёлок. В. П. Кусков отмечает, что он «возник в 1931 г. как рыбокомбинат... Одновременно с ним существовало селение Жупаново в устье реки Жупаново, возникшее в 1897 г. и исчезнувшее

в 1952 г.». Селение появилось в устье одноимённой реки на Восточной Камчатке.

Путешественник Г. Г. Крамаренко в 1910 г. отметил в дневнике: «Вечером (25 июня) мы снялись с якоря. С нами на “Колыме” едут переселенцы. Они направляются в местечко Жупаново... чтобы там поселиться. Переселенцы состоят из пяти мужчин, трёх женщин и трёх детей. Они везут с собою 42 ездовых собаки и одну охотничью. У них ещё трое нарт (это такие сани, в которые запрягают собак). Полозья у этих саней очень широкие, так что на них свободно можно ездить по высоким снегам и сугробам. Переселенцы везут с собою порядочное количество ружей. Кроме того, у них очень много всякого груза: они, например, даже оконные рамы везут с собой для дома, который ещё будут строить на месте.

Половину палубы теперь занимают куры, свиньи, баран и скот, состоящий из пяти голов. Другую же часть занимают собаки и, главное, нарты. Переселенцы сами помещаются где-то на носу, около бани, где раньше находились матросы».

По данным канцелярии камчатского губернатора, в 1912 г. из разных губерний на реку Жупанову приехали 10 семей (29 чел.), образовавшие село Перфильевку, названное так в честь второго камчатского губернатора В. В. Перфильева.

Во время гражданского противостояния, по словам П. Г. Ивашкина, всё мужское население вступило в партизанский отряд.

Приполярная перепись 1926 г. учла 17 хозяйств русского населения, всего 58 чел. (32 мужского и 26 женского пола).

В 1933 г. в Жупаново побывал Б. И. Пийп: «Проехали рыбалку и деревню Жупаново. Знакомая картина: грубые физиономии завербованных, бараки, палатки и засранные окрестности».

Во время деятельности АКО в устье реки Семячик (Семлячик, Шемячик) в 60 км севернее Жупаново был образован Жупановский рыбокомбинат. Рядом с Жупаново построили его вторую базу. В ходе коллективизации 1930-х гг. из числа местных жителей был образован колхоз «Декабрист», ловивший рыбу и сдававший её на вторую базу комбината. Хозяйство имело стадо крупного рогатого скота, свиней, собак, колхозники активно занимались овощеводством. Рядом с колхозом располагалась пограничная застава.

При рыбокомбинате был построен посёлок рыбаков и обработчиков, здесь имелась семилетняя школа.

В 1936 г. директором комбината был Т. В. Трофимов, в этом году задание на вылов рыбы составляло 33 500 ц.

Отсюда до Петропавловска считалось 255 км. Зимой связь с областным центром осуществлялась авиацией. Только в январе 1938 г. самолёты выполнили восемь рейсов, привезли семерых пассажиров и 101 кг почты.

Лоция 1938 г. сообщает: «На склоне возвышенности... полуострова, разделяющего лагуну, расположено селение Жупаново, являющееся наиболее крупным населённым пунктом на побережье между Петропавловском и Усть-Камчатском. Жители селения занимаются рыболовством и охотой. Поблизости по морскому побережью расположено несколько рыбалок».

Летом 1939 г. здесь сложилась крайне напряжённая обстановка в связи со столкновениями советских и японских войск на реке Халхин-Гол. Ветеран рыбной промышленности Г. Ф. Буйвол вспоминал: «В самый разгар путины у нас закончилось топливо. Директор комбината направил меня в командировку в Петропавловск на нефтебазу. В моё распоряжение выделили кавасаки с командой, состоявшей из старшины, моториста и матроса. Для выхода из советских территориальных вод требовалось разрешение начальника заставы. Ему также следовало докладывать и о возвращении. Пост пограничной заставы располагался недалеко от второй базы. Получив разрешение, мы вышли в море. В Петропавловске погрузили топливо и отправились на вторую базу, чтобы доложить о возвращении. Когда мы подходили к месту, то увидели, что там стоят четыре больших японских военных корабля, а в бухте возле реки Жупаново находится наш сторожевик "Дзержинский".

Шло воскресенье. Днём раньше японская рыболовная шхуна нарушила границу и зашла в наши территориальные воды. С пограничного поста её заметили, из реки на перехват вышли два пограничных катера. Они арестовали шхуну за незаконный лов рыбы и привели её в реку Жупаново. На правом берегу в то время располагался рыболовецкий колхоз. К колхозным рыбакам подошёл японский военный корабль, на русском языке с него спросили: "Не видали ли вы нашу шхуну?" Рыбаки, не подумав о последствиях, ответили, что она стоит в реке. Спустя некоторое время прибыли ещё три японских корабля, перекрывшие нашим судам, в том числе и "Дзержинскому", выход из бухты. Японцы выдвинули ультиматум: "Если в воскресенье к двенадцати часам дня шхуна не будет выдана, откроем огонь!"

В субботу, после того как они предъявили свои требования, женщин с детьми отправили в посёлок колхоза, мужчины же, вооружившиеся

чем попало, ночью охраняли берега бухты от возможной высадки японского десанта.

Когда мы заходили в бухту, то проходили мимо японских кораблей...Через некоторое время к нам пришёл начальник заставы, позволивший идти по назначению... Когда мы проходили мимо японцев, то были спокойны, думали, что погони за нами уже не будет. И вдруг... увидели появившийся на горизонте японский корабль... Японцы решили взять нас на абордаж. На полном ходу к нам запрыгнули два матроса и офицер... В это время к борту подошёл бот и с него высадились ещё пять человек... Нас пришвартовали стальными тросами к головному кораблю...»

Житель Жупаново Н. Мосин вспоминал о начале 1940-х гг.: «Мы в своём посёлке Жупаново при рыбокомбинате прошли Осоавиахим, 110-часовую программу допризывников. Нас, 17-летних, готовили к отправке на фронт...»

В ноябре 1952 г. на восточное побережье Камчатки и северные Курильские острова обрушилось цунами. С Жупановского комбината унесло в море семь лодок и кунгасов, четыре тонны тросов, канатов и якорных цепей, а также 18 якорей. Здесь разбило эстакаду для вытаскивания рыбных кунгасов, повредило фундаменты производственных зданий и жиротопку. Рыбозавод № 1 лишился приёмной пристани, здания икорного цеха, части узкоколейки, овощехранилища. Пришли в полную негодность 170 ц заготовленной трески, смыло в море 150 бочек с горючим. «Весь жилой фонд расшатан, большинство печей разрушено, требуется срочный капитальный и текущий ремонт».

В 1950-х гг. работники комбината добивались значительных трудовых успехов. Так, «Камчатская правда» в мае 1955 г. сообщила: «...большой группе рыбаков за долголетнюю и безупречную работу в рыбной промышленности были вручены высокие правительственные награды. Орден Ленина получил мастер Георгий Дмитриевич Прокопенко. Орденом Трудового Красного Знамени удостоены старшина рыболовного бота Донской, а также Грушко, Васильков, Воскубин, Дубко, Романова. Медалью “За трудовую доблесть” награждены директор рыбоконсервного завода Вознесенский, шкипер Лещёв, моторист Павленко, помощник старшины катера Русанов. Медали “За трудовое отличие” вручены работникам флота комбината Анисимову, Глушенко, Каракулову».

В адрес почтового отделения Жупаново приходила корреспонденция Кроноцкого заповедника, так как до 1950-х гг. управление заповедника находилось в бухте Ольга.

В лоции Берингова моря (1969) указано: «Селение Жупановский комбинат, или Семлячик, расположено западнее мыса Памятник на берегу впадающей в берег бухточки... В селении есть рыбоконсервный завод, школа, почта, больница, пекарня и мастерские для ремонта малых судов. Возле селения на 60 м от берега выступает пирс шириной 2,5 м. На пирсе установлены рыбонасос и ленточный транспортёр для подачи рыбы».

Жупановский комбинат и рабочий посёлок были закрыты в конце 1960-х гг., жителей переселили в окрестности Петропавловска, в частности, на молочно-товарную ферму, что располагалась по дороге на Халактырский пляж. Люди, сопровождавшие стадо скота, преодолели расстояние до областного центра пешком.

Зуйково, село. В. П. Кусков сообщает: «Возникло около 1918 г. Названо в связи с расположением неподалёку от озера Зуйкова. Расстояние до Петропавловска — 278 км.

В 1926 г. здесь насчитывалось 20 хозяйств, 49 жителей (30 мужского и 19 женского пола). Преобладающая национальность — украинцы. «Зуйково — посёлок рыбаков и охотников. Все, даже дети, едва начинается путина на реке Большой, выходят на промысел. А когда снежный покров ляжет на таёжную землю, они, вчерашние рыбаки, на лёгких собачьих упряжках отправляются на десятки и сотни километров соболевать. Живут в посёлке люди с зоркими глазами и крепкими, мозолистыми руками...» — писала газета «Камчатская правда» в ноябре 1962 г.

В Зуйково находился маяк.

Ивашка, селение. На склонах горного хребта берёт начало река Панкара, или Ивашка. Она впадает в мелководную лагуну, образовавшуюся перед выходом в море. В. П. Кусков считал, что селение здесь «возникло до 1797 г.». По данным автора, селение на реке Панкара существовало ещё задолго до прихода сюда казаков. В середине XVIII в. непродолжительное время на реке стоял небольшой русский острог, возведённый против «немирных иноземцев».

Землеустроитель В. С. Шаталов записал легенду, согласно которой в основу названия селения положена история о несчастной любви некоего русского парня Ивашки. Он очень любил свою жену Панку, но детей у них не было. Панка ходила работать в дом к богатому хозяину Куликову. Случилось так, что Куликов и Панка уехали в отдалённый уголок Камчатки. Ивашка их нашёл, построил себе землянку и жил на другом берегу реки. Он часто подходил к землянке, где находилась его бывшая жена, она говорила

ему: «Радость моя, иди домой, холодно, замёрзнешь, прости меня, помолись за меня богу». Потом у Куликова и Панки родились дети, а Ивашка всю жизнь прожил в одиночестве. Он делал всем людям только добро. Поэтому его в этих краях долго помнили и назвали реку Ивашкой.

Другую версию происхождения названия селения предлагает В. И. Воскобойников: «В своё время японские промышленники пытались доказать, что слово “Ивашка” произошло от японского названия рыбы “иваси”. Дескать, “иваси” постепенно перешло в “Ивашку”... Ивашка — ласкательное от самого распространённого русского имени Иван. Наверное, служилый человек Ивашка из числа первых землепроходцев облюбовал это место для постройки промысловой землянки и прочно здесь обжился. Со временем выросло селение...»

По нашей версии, селение стало называться ещё в 1740-х гг. в честь местного тойона, получившего новое русифицированное имя Ивашка. В одном из документов по расследованию восстания ительменов в 1745—1746 гг. указывается: «Панкары реки тоён Ивашка». В другом документе читаем: «...обратно поехал на Панкару к Ивашке и жил там дней с пять...» Журнал заседания Сената от 25 октября 1764 г. указывает: «Камчадалам и олюторам Экче... Аппяжу да Ивашке... итого десяти человекам, за убийство ими в 1746 году... для ясачного сбору служилых и новокрещённых десяти человек, положа на плаху и сняв с оной, бить кнутом нещадно и, вырезав ноздри до кости, вывести с Камчатки из их жилищ в город Якутск и написать тамо в ясак».

По списку населённых мест Петропавловского округа за 1868 г. отсюда до Петропавловского порта считалось 957 вёрст. В селении имелось семь хозяйств, жили 26 мужчин и 25 женщин.

По переписи 1876 г. численность местного населения составляла 14 мужчин и 12 женщин, в их числе трое грамотных. В селении имелись четыре дома, баня, две стаи, 12 балаганов. Жители держали двух коров, двух лошадей и 50 собак. А в 1901 г. в Ивашке обитали всего 20 чел.

В отчёте Карагинского райревкома за 1927 г. указывалось, что в селении выстроена школа.

По сообщению В. С. Шаталова, Ивашка по-корякски звучит как *Миивaям* или *Панкавaям*. Эти названия существовали ещё в 1936 г. Шаталов подробно описал особенности здешних жилищ: «На дверных косяках, оконных рамах, печах — всюду были нарисованы мелом или углём кресты. Почти в каждой избе обязатель-

но полати, под русской печкой — подпечники, вдоль стен — лавки, в заднем правом углу — широкая деревянная кровать, в переднем — обязательно несколько икон, центральная украшена самодельным полотенцем, а перед ней висела лампада. Между прочим, главная икона чаще всего с изображением Николая-угодника или Георгия Победоносца.

Кроме лавок, имелись самодельные скамейки и табуретки. Люльки для младенцев были подвешены на скрипучей берёзовой палке — очепе. В домишках окошечки маленькие, с цветными занавесками, верхняя обязательно из сурового льняного полотна и вышита. Стены и потолки не белили, но ежегодно, два раза к Рождеству и Пасхе мыли. Печь русскую часто белили серой глиной, которую привозили с верховьев реки Ивашки.

В каждом доме деревянная посуда: ложки, всевозможные ковшики, солонки, тарелки, корытца разных размеров, бочонки для хранения сыпучих продуктов, баночки. К деревянной посуде относились бережно, пользовались ею только по большим праздникам и передавали по наследству. Кроме того, в каждой семье были чугунки, сковороды, ухваты, глиняные горшки и крынки.

Женщины носили бельё и верхнюю одежду. Платья шили сами, старинного фасона: цветные и полосатые, с глухим воротником, оборками, широкий пояс находился чуть ниже груди, вырез от шеи до пояса застёгивался на яркие пуговицы.

В Ивашке построили начальную школу, учительница — русская девушка, способности у ребят хорошие. Был и клуб на 40 мест».

В начале 1930-х гг. из числа местных жителей организовалось товарищество по совместному выпасу оленей и вылову рыбы, затем появился колхоз. Карагинский райком ВКП(б) сообщал КОК: «Колхозники колхоза “13-я годовщина Октября” (село Ивашка) взяли обязательство: выполнить план путины на 150 %... План добычи рыбы в 3 800 ц выполнили на 200 %, выловили 7 607 ц».

Местная газета 22 декабря 1965 г. так рассказывала об истории села: «...начинало свою жизнь с первых палаток, что ставили местные жители в дни заготовки юколы, перекочёвывая с верховьев рек к моменту подхода лосося. Как-то возле палаток незаметно приютилась землянка. Через несколько лет возле неё выросли другие. А потом появились и деревянные строения: столовая, пекарня, жилые дома — первые плоды колхозной трудовой артели. В летние месяцы женщины плели циновки из морской травы, возили их на ярмарку в районный центр Карагу. На вырученные деньги покупали посуду, бельё, постели. Открыли ясли».

В 1960 г. колхоз «13-я годовщина Октября» объединился с «Рыбаком», а спустя некоторое время селение было перенесено на другое место. В лоции Берингова моря (1969) указывается: «Рыбоконсервный завод расположен в 2,4 мили к *SSW* от входа в лагуну реки Панкара. Здесь же находится управление комбината. Селение Ивашка находится в 2,4 мили к *SSW* от входа в лагуну реки Панкара на южной оконечности южного из островков, расположенных в лагуне. Жители селения в основном занимаются ловом рыбы и частично оленеводством... Селение Панкара расположено на песчаной косе в шести кабельтовых к *NNO* от входа в лагуну реки Панкара. В нём имеется магазин и пекарня».

Приезжавшие специалисты рыбной промышленности, переселенцы из западных областей СССР значительно увеличили численность населения. Районная газета «Путь Ильича» 1 марта 1959 г. сообщала: «Для жителей посёлка Ивашка выстроена новая больница на 16 коек. Больница имеет пять палат, а также приёмную, процедурную, операционную, родильное отделение, ванную и ряд других кабинетов».

К 1960-м гг. селение становится центром колхоза, получившего имя Г. И. Бекерева, коряка, депутата Верховного Совета СССР. В течение восьмой пятилетки колхоз успешно выполнял планы добычи рыбы. В 1970 г. объём вылова составил 200 тыс. ц. Значительно выросли доходы хозяйства: если в 1960 г. они составляли 200 тыс. руб., то в 1970 г. — 5,5 млн руб.

О буднях села на страницах областной газеты «Камчатская правда» рассказывал председатель колхоза Н. Н. Шаталов: «Рост доходов позволяет нам выделить большие суммы не только на промысловые нужды, но и на строительство жилья и культурно-бытовых объектов. В колхозе построен Дом культуры со зрительным залом на 300 мест, библиотека, спортзал, комнаты для кружков, бильярдная. Открыта школа на 320 учащихся и детсад на 140 мест. Все дети колхозников обеспечены местами в детском саду. Строим 16-квартирные двухэтажные дома с центральным отоплением и всеми удобствами. Строятся магазин, кафе-столовая, больница». В 1964 г. сдано 1 297 кв. м жилья.

2 июля 1965 г. газета «Путь Ильича» извещала: «Большую заботу о благоустройстве посёлка проявляет женсовет села Ивашка, руководимый т. Климовой. Женщины организовали выезд за деревьями для посадки в селе. Силами общественности перевезённые деревья высажены около школы, детсада, больницы и в других местах посёлка». А 4 ноября 1967 г. сообщалось: «Строители

Хайлюлинского комбината приготовили отличный подарок жителям Ивашки. Ими сдан магазин на четыре рабочих места. Новый магазин получил название “Юбилейный”».

К 1979 г. численность населения, по данным Всесоюзной переписи, составляла 1 381 чел. В 1994 г. здесь жили 1 577 чел. В настоящее время Ивашка остаётся опорным пунктом для освоения морских ресурсов Карагинского залива и прилегающей акватории Берингова моря.

Ича, селение. Ительменское название — *Оаут*, находилось при речке Ича (её название происходит от ительменского слова *ичч*, переводящегося как *берёзовый лес*, *березняк*). Река Ича впадает в лагуну Охотского моря. Расстояние до Петропавловска отсюда составляло 462 версты.

На реке Иче, недалеко от ительменского острожка, в выстроенном зимовье провёл две зимы пятидесятник В. В. Атласов «со товарищи». С. П. Крашенинников застал в острожке (тойон Тынешг) 84 ясачных плательщика. По седьмой камчатской переписи 1818 г., в Иче обитали 21 чел. (11 русских мужчин и 10 женщин).

В 1836 г. численность населения составляла 71, в 1851 г. — 69 чел. В 1868 г. имелось восемь домов, деревянная православная церковь, 66 жителей (31 мужского и 35 женского пола).

В декабре 1861 г. здесь побывал И. Вениаминов, отметивший: «3-е, воскресенье. Был у литургии, которую отправлял местный священник, и после оной спрашивал прихожан, не имеют ли они жалоб на причт, и все единолично отозвались довольны. Храм хотя недавно освящён, но уже ветшает, потому что очень долго строился. Дела архива, ризница и всё найдено в порядке. Ризница бедна. Священник здешний, постоянно занимающийся преподаванием катехизических поучений, при мне спрашивал своих учеников и учениц (коих было десять) о заповедях... и они отвечали довольно хорошо, а, судя потому, что кроме двух-трёх плохо знают русский язык, можно сказать, что они отвечали хорошо».

В 1876 г. здесь жили 70 чел., в их числе двое грамотных и один малограмотный, 10 духовных лиц, шестеро здешних мещан, 54 камчадала, имелось восемь домов, одна юрта; из хозяйственных построек — три амбара, 31 балаган, 16 стай и три бани. Селяне держали 20 лошадей, 58 коров, 115 собак, поймали 28 150 рыбин, добыли 186 нерп, 10 оленей, 13 медведей, 21 выдру и пять соболей.

В. Н. Тюшов в конце XIX в. сообщал: «Относительно истории теперешнего острожка жители его — старики — рассказывали следующее. Первый Ичинский острожек был не на этом месте, а ниже

его версты за три. Он был расположен на левобереговом высоком увале, поросшем березняком. Как увал, так и река Ича, протекающая под ним, остались и по настоящее время. В том месте была построена первая Ичинская церковь. То было очень давно... так давно, что того не помнили и отцы стариков. Ближе не определяют протекшего времени. Острожек тот был брошен (так думают) потому, что его местоположение, как сказано, на высоком увале, было сочтено неудобным для поселения: с увала прямо в реку падали скот и малые ребятишки. Церковь сгорела вместе со священником, который был, говорят, камчадал, по фамилии Уваровский. На месте бывшей церкви был найден как-то лиственничный крест с медною на нём иконою; там, где был алтарь, в настоящее время растёт толстая талина, и вся площадь, некогда занятая церковью, поросла тальником.

Место бывшего первого Ичинского острожка, с ямами, признаками бывших юрт, по настоящее время известно под названием "Старого острога"... Уже приметно... что было множество юрт. Да и должно быть, что множество народу там жило... Это второе местечко называется теперь "Камурами". Мне кажется, что название Ичинского острожка "Ича" легче всего можно объяснить тем, что первое поселение... находилось в берёзовом лесу, который по-камчадальски называется "ич".

Самый старый житель — Дей Егорыч Тескин.

Дома... маленькие бревенчатые срубы, в создании которых видна неумелая рука, в которых оконные отверстия затянуты шумливыми полотнищами из рыбьей (хайковой) кожи, разбросаны без всякого плана, как и всюду. Те же пирамидальные рыбные балаганы и крохотные амбарушки... С перенесением сюда острожка была перенесена и церковь, которая первоначально и была выстроена несколько ниже дома Заева. После того она была перенесена выше по реке, но на новом своём месте была смыта рекою. Там и теперь, по тому месту, где она стояла, протекает Ича. В настоящее время церкви в острожке нет: она была отсюда перенесена, как передают, приблизительно в 1872 г. в Облуковинское селение, где находится и теперь.

Жители Ичинского острожка, не отличаясь от других камчадалов ни по типу, ни по домашнему обиходу, ни говором, тем не менее, как о том говорилось, занимают среднее место между тнум-лен и давнайками, и могут быть отнесены без большой погрешности как к тем, так и другим. Они "образуются", как "образовались" уже жители Облуковины и других южных острожков, то есть постепенно утрачивают свой родной язык, усваивая искажённо-русский, на

котором понимают лишь самые повседневные, обиходные фразы с запасом слов разве в несколько сотен, справедливо сознаваясь в своём "чистом", то есть совершенном, непонимании русского языка. Многие из ичинцев уже утратили камчадальский язык, но многие, в особенности более консервативные в этом отношении женщины и малолетние дети, знают и сохраняют его.

В огородах, которые находятся вблизи домов, садится почти исключительно картофель, который в этом году уродился очень плохо. Садится также и репа, но последняя... по прибрежным тальникам, на так называемых "репищах"... Скота у жителей мало: всего могли насчитать 19 голов рогатого скота да шесть лошадей».

Тюшов так характеризует местных обитателей: «До крайности убога вся обстановка современного нам ичинского жителя; горькая нужда, непокрытая бедность сквозит во всём, на что ни обратишь своего внимания, начиная с жилища. Срубленные "по-русски" в угол крохотные домики, без всякого плана, из тонких и кривых брёвен, за недостатком крупного строевого лесу, настолько неплотны, что не только свободно пропускают ветер чрез пол, неконопаченые стены и углы, но нередко можно увидеть в зимние пурги кой-где заносимый ими в избу снег.

Уже не раз приходилось говорить о том, что специализации труда на Камчатке нет. Каждый хозяин дома является и плотником, и столяром, и печником... Отсутствие каких-либо инструментов, кроме топора да ножа, выковываемого обыкновенно самими же инородцами, и неимение гвоздей».

В 1901 г. местное население насчитывало 67 чел.

На карте А. А. Прозорова, датируемой 1902 г., селение обозначено как Ича (Охут).

Парамон Козлов, участник похода В. Чубарова в 1923 г., так описывает селение: «Имеет 16 домов, 15 балаганов, 16 тёплых сараев и четыре амбара. Численность населения: взрослых мужчин 35, женщин 29, детей мужского пола 19, женского — четверо. Грамотных в селении имеется только восемь человек. Дети школьного возраста грамоты не получают, школы и учителя нет. Партийные организации отсутствуют, партийных работников нет. Вероисповедание православное, имеется часовня, попов нет. Общественных и других учреждений нет. Главное занятие жителей — охота, рыбный промысел и животноводство. Пушнину сдают на обмен товара проезжающим скупщикам, как то: муку, мануфактуру, чай, сахар, табак, керосин и т. п. Имеется одна торговля Филиппова, ввоза спирта нет.

Устройство поверхности лесистое, тундра. Род леса: чёрный и белый березняк, тополь, ольховник, тальник. Район селения Ичинского орошается реками: Ича шириною 50 саженей, глубиною от полутора до двух саженей, отличается полноводностью; река Нискен, правый приток реки Ича, шириною пять саженей глубиною от четверти до одного аршина; река Сойчек, шириною 10 саженей, глубиною до двух аршин; речка Скудой, шириною полторы сажени, глубиною до полутора аршин, и все эти последние реки, как и река Ича, отличаются полноводностью.

Средняя температура зимы — минус 25 градусов, лета — плюс 15 градусов. Снег падает часто и глубиною достигает до сажени. Ветры частые и сильные, дуют с юга и запада. Пурги тоже частые, заносы большие. Почва чернозёмная и тундристая. Питьевой водой пользуются из реки Ича, качество таковой хорошее.

Расстояние до Облуковиной определяется в 37 вёрст, на кошку — 25 и до селения Сопочной — 40 вёрст. В летнее время настоящих дорог нет, исключительно проложены только тропы, которые идут по телеграфной линии и на кошку. Есть охотничьи тропы в сторону, по направлению к востоку в хребет, идут по гористым и болотистым местам на протяжении 200 вёрст. Переправа через реки удобная и при отсутствии мостов и паромов. Телеграфная линия проходит по хорошему месту, почва крепкая, ввиду чего состояние таковой удовлетворительное.

Количество лошадей — 13, из них годных под вьюк 12, сёдел конских 12, собак 270, нарт 27, телег и саней не имеется, батов 13; рогатого скота: 27 коров, овец и коз нет. Сведений об ископаемых не поступало. Охота и рыбный промысел мало развиты. На реке Ича имеется две рыбалки: первая при устье реки гражданина Рыбакова, вторая — Эльвангера. Рыбалка гражданина Рыбакова является изгородью, благодаря чему рыбы очень мало проходит вверх по течению реки Ича».

В докладе Хайрюзовского предволревкома о состоянии волости с октября 1924 г. по апрель 1925 г. указано: «В селение Облуковино и Ича часовни переданы группе верующих... Зарегистрированными группами считаются две: в селе Облуковино, 54 чел., и в селе Ича — 54 чел.». По Приполярной переписи 1926 г. здесь имелось 21 хозяйство, 92 чел. (55 мужского и 37 женского пола).

Село Ича исключено из списка населённых пунктов КО 13 декабря 1974 г.

Калиновка, селение. Небольшое даже по камчатским меркам, возникло, видимо, на рубеже 1930-х гг. По мнению краеведа

А. Горбача, его населяли староверы. По нашей версии, селение названо в честь М. И. Калинина (1875—1946 гг.), государственного и партийного деятеля СССР. Примерно в это же время на Сахалине русскими переселенцами было образовано село Михайлово-Калиновка.

Известно, что практика наименования новых селений в честь администраторов широко применялась в России и, в частности, на Камчатке. Так, фамилии губернаторов носили селения Унтербергеровка, Перфильевка, Мономахово, Завойко. В Усть-Большерецком районе имелось селение Ленино.

На лоцманской карте реки Камчатки (1959) Калиновка располагалась на правом берегу в 389 км от Усть-Камчатска. Ближайшие селения — Щапино и Лазо. До Щапино расстояние по реке составляло 30, до Лазо — 32 км.

В отчёте «Современные путевые условия на реке Камчатке» за 1961 г., изданном в Новосибирске, указано: «Калиновка — лесосклад леспромхоза, раньше сельскохозяйственное селение. Общественных учреждений нет. Расстояние до Мильково 181 км». Жители Калиновки, как и всей Камчатки, занимались огородничеством, рыболовством и охотой.

В списках населённых пунктов, исключённых из учёта с 1957 по 1970 г., Калиновка не значится. Существование она прекратила, видимо, в начале 1960-х гг., когда здесь организовали лесосклад, а жителей переселили в Щапино.

Калыгирь, *Колыгерь*, селение. Приполярная перепись 1926 г. учла здесь семь хозяйств, 13 чел. (семь мужского и шесть женского пола). Лоция Берингова моря (1938) сообщает: «У самого устья реки Калыгирь на песчаном побережье расположено селение Калыгирь, жители которого занимаются рыбной ловлей и охотой».

В настоящее время не существует.

Камаки, селение. На языке коренных жителей Камчатки — ительменов — слово *камаки* имело несколько значений. Одно из них — *существо, живущее в воде*. Старинная молва так обозначала злую русалку.

Вниз по реке Камчатке от Ключей, за семь километров до входа в горное ущелье Щёки, на левом берегу, где река делает крутой поворот, когда-то располагались древние Камаки. Отсюда открывался прекрасный вид на Ключевскую группу вулканов, совсем рядом виднелся древний Шивелуч. Недалеко от тропы, ведшей от Камаки к Шивелучу, на грунте были ясно заметны отпечатки следов

мамонта. Местные охотники показали их участникам экспедиции Ф. Рябушинского. «Однако шибко большой жверь был», — пояснили камчадалы.

Здесь, в окрестностях Камаки, на реке Гремучке, по данным П. Н. Дьяконова и Г. Ф. Старикова, встречаются наиболее крупные на Камчатке ягоды жимолости, достигающие в длину 24 мм.

Население Камаки сложилось из жителей ительменских острожков, которые застал ещё С. П. Крашенинников: Хапичинского (32 ясачных плательщика) и Шваноломского (102 плательщика). В середине XVIII в. жителей Камчатки поразила эпидемия оспы, от болезни умерло 4 767 чел. Количество мужчин, по данным полковника Зубрицкого, уменьшилось до 1 240 чел.

Во второй половине XVIII в. в Камаки работала одна из самых крупных школ на Камчатке, где обучались 20 детей. Правда, просуществовала она недолго и за отсутствием средств закрылась.

В XIX в. всё местное население, включая детей, не превышало 100 чел. Здесь проживали: в 1836 г. — 55, в 1851 г. — 45, в 1876 г. — 52 чел., причём из числа последних грамоту знали лишь двое. В 1895 г. имелись 11 домов, 28 нежилых построек, 73 жителя. Сельское стадо составляли 30 коров и всего две лошади, селяне держали 169 собак. Охота в этом году выдалась неважной: добыто 23 соболя, по четыре медведя, лисицы и выдры. Поймано 32 800 рыбин, из них 2 800 употреблено в пищу свежими, 5 500 засолено и 24 500 заготовлено в виде юколы. На огородах собрано 715 пудов картофеля и 64 пуда репы. Основным занятием жителей было рыболовство, огородничество играло вспомогательную роль.

У каждого хозяина, по словам А. А. Прозорова, было две сети: одна для красной рыбы длиной от 20 до 30 аршин, вторая — для чавычи, до 40 аршин длины. Плели их самостоятельно, вначале из крапивы, а затем из конопли. Крапивные сети служили один сезон, конопляные — до четырёх лет.

В конце XIX в. действовавшая поблизости компания «Русское товарищество котиковых промыслов» принимала и обрабатывала улов. Только за сезон 1896 г. местные жители за сданную рыбу и разные работы для компании получили 4 200 руб.

К. Дитмар, побывавший здесь в середине XIX в., отмечал: «Хорошо родились некоторые овощи, как картофель, капуста, репа и редька; но эти огороды устраивались, по-видимому, более из послушания начальству, чем по собственному побуждению жителей». Далее он писал: «...главную тему разговоров составляла человеконенавистница русалка Камак, которой мои спутники приписывали множе-

ство самых злых проделок». Дитмар отмечает: «Острог стоял восемью верстами выше по реке, но из-за нездорового места перенесён на теперешнее». Это место сегодня у местных жителей так и называется: «Старые Камаки». Сейчас здесь имеется небольшая поляна, заросшая высокой травой, в центре которой находится яма — остатки полуземлянки-юрты.

А. Кириллов, автор «Географически-статистического словаря», указывает, что в 1888 г. в селении имелась «часовня Покрова Пресвятой Богородицы, домов 11 и жителей 40 мужского и 31 женского пола. Жители — камчадалы».

В первой четверти XX в. численность местного населения менялась так: в 1901 г. — 64, в 1910 г. — 79, а в 1926 г. — 135 чел.

Дома здесь сооружали основательно, благо строевой лес рос недалеко. Все путешественники единодушно отмечали чистоту и уют в жилищах. Один из них оставил такое описание: «Потолки везде побелены, полы, стены и оконные рамы покрашены и в последние вставлены стёкла; столы, даже в избушках бедняков, или прикрыты скатертью, или куском ситца; божничка с множеством икон всегда завешена какой-либо материей с изображением креста. По стенам иногда наклеивают лубочные картины, изображения святых или вырезки из иллюстрированных журналов. Сами жители толковые и приветливые».

П. Ю. Шмитд, работавший на полуострове в 1908—1909 гг., отмечал: «Селение Камаки очень невелико. Здесь живёт всего 12 семей и 77 душ, к тому же все почти жители Камаки состоят между собой в родстве. На берегу выстроен ряд балаганов с вешалами для рыбы и лежат вытащенные на песок баты. Жители Камаки промышляют, главным образом, общественным неводом и делят рыбу между собою по числу душ в семье».

В. К. Арсеньев в 1918 г. писал: «Меня удивила работоспособность жителей Камаки на реке Камчатке. С утра до ночи они в работе. Мальчики помогают мужчинам снимать корьё с брёвен, ловить рыбу... Девочки тоже работают и помогают матерям: стирают бельё, чистят рыбу, возделывают огороды, чинят одежду».

В 1925 г. сельские огороды занимали 3 834, а в 1928 г. — уже 19 580 кв. м. Население Камаки на 1 октября 1925 г. состояло из 103 мужчин и 101 женщины. В селении во время рыболовного сезона находится участок Охотско-Камчатского акционерного рыбопромышленного общества.

В 1928 г., по данным экспедиции по обследованию реки Камчатки, в Камаки было «19 больших хозяйств, имеющих около

73 строений». В этом году селяне по самообложению должны были собрать на постройку школы 3 000 руб., в том числе 1 500 деньгами и остальные «натуральным сбором».

В 1933 г. в селе числилось 27 хозяйств, 113 жителей: 61 мужчина и 52 женщины. По социальному положению они делились так: 71 бедняк, 41 середняк, один служащий; по национальному составу: 15 русских, 98 камчадалов. Наиболее распространёнными фамилиями местных жителей были Расторгуевы, Кузнецовы, Голых.

В 1930-х гг. здесь образовался колхоз «Рыбак». Об этом вспоминал П. П. Расторгуев, родившийся в 1912 г.: «И вот наступил 1932 г. В марте прошла в Камаки коллективизация. Мы с братом и остальные люди пошли со своим хозяйством в колхоз, коней привели, коров, собак, разный инвентарь. Начали строить скотный двор, поля разрабатывать. Меня колхоз послал на рыбные курсы в Усть-Камчатск. К 1 Мая стал я бригадиром рыболовецкого колхоза. Тут появился “интеграл”, через него рыбу сдавали года два, потом его переименовали в рыбкооп. Теперь рыбу сдавали рыбкоопу, снабжение стало лучше».

В 1935 г. в колхоз входили 27 хозяйств из 41, в 1936 г. вступили ещё восемь хозяев. Председателем сельсовета в это время был Староверов. В 1935 г. колхоз располагал 10 лошадьми, 10 собаками, 17 коровами и двумя свиньями. Через четыре года лошадей стало 13, коров — 52. Поголовье свиней выросло в 22 раза и составило 44 штуки, собак стало 56.

В 1938 г. урожайность картофеля достигла 110 ц с гектара, стоимость общественного имущества увеличилась с 47 750 до 61 570 руб. Из колхоза вышли два семейных хозяйства. Выплата на один трудодень уменьшилась: если в 1937 г. она составляла 11 руб. 59 коп., то в 1939 г. — только 7 руб. Женщин, выработавших свыше 100 трудодней, оказалось только четыре из 18 колхозниц. Мужчины работали более успешно: так, 15 колхозников из 29 имели свыше 200 трудодней.

По итогам работы в 1939 г. большинство селян заработали больше чем по 250 трудодней. За каждый из них они получили по 9 руб., а также рыбу и овощи. Доход колхоза за 1939 г. составил 143 800 руб. В 1940 г. в нём председательствовал камчадал Расторгуев, в сельсовете трудился Кулькин.

Больших успехов добились колхозники в годы Великой Отечественной войны. В 1943 г. они собрали с одного гектара 109 ц картофеля, 277 ц капусты, 15,7 ц ячменя. Надой молока от одной коровы составил 1 448 л. Эти показатели были значительно выше

плановых. Кроме того, в фонд обороны страны перечислены 6 436 руб., уплачено 25 100 руб. налогов и сборов, приобретены облигации Государственного восстановительного займа на 10 000 руб.

Газета «Большевистский путь» 8 апреля 1943 г. сообщала: «4 апреля на своём собрании колхозники колхоза "Рыбак" села Камаки обязались сдать в особый фонд Главнокомандующего Красной Армии из урожая 1943 г. 300 пудов картофеля, 150 пудов капусты и, кроме того, 300 пудов свежей рыбы, 3 000 литров молока и одну голову крупного рогатого скота».

Стоимость трудодня в 1943 г. составила: 12 руб. 13 коп., 1,03 кг картофеля, 0,4 кг капусты и 0,7 кг рыбы.

В 1950 г. колхоз «Рыбак» составляли 19 хозяйств, здесь трудились 28 чел.: 11 мужчин, 16 женщин и один подросток. 8 января 1950 г. «Камчатская правда» опубликовала заметку «Юные промысловики»: «С начала промыслового сезона юные охотники уже сдали много пушнины. Ученик начальной школы села Камаки Усть-Камчатского района Юра Горбунов добыл лисицу, горностая и 41 зайца. Много шкурок зайца сдали на заготовительный пункт ученики Женя Кречетов и Саша Попов. Всего из этой школы в зимнем промысле участвуют восемь юных охотников».

По словам современников, «Рыбак» был одним из лучших колхозов в долине реки Камчатки до 1960 г., когда восемь мелких ловецких хозяйств низовья объединились в один — «Путь Ленина».

В результате проводимой в те годы политики сосредоточения жителей в крупных поселениях, Камаки закрыли, людей перевели в Усть-Камчатск, Ключи и другие посёлки. Камаки было исключено из списка населённых пунктов КО в 1968 г.

Камбальное, селение. Основано на берегу реки Камбальной, впадавшей в одноимённый залив Охотского моря, расположенный на крайнем юго-западе полуострова. Ближайшее к северу — селение Озерная. По данным канцелярии камчатского губернатора, в 1910 г. на реке Камбальной появились пять семейств, насчитывавших 10 чел. Они и положили начало селению. В 1922 г. его во время путешествия по югу Камчатки посетила экспедиция шведского Королевского географического общества. Руководитель экспедиции С. Бергман писал: «Поздно вечером мы услышали лай собак Камбальной. Я постучался в дом. "Кто там?" — спросил грубый бас по-русски. Двери открылись, вышел крупный мужчина с окладистой бородой. Камбальную посещают в лучшем случае раз в год. Наш приход был удивителен для хозяина...

Камбальная не имеет связи с остальной Камчаткой летом, хотя до ближайшей деревни на севере не более пяти шведских миль (50 км). Но низкая горная цепь с жуткими зарослями мешает сообщению. Река Камбальная течёт примерно в двадцати метрах от дома. Она полна лососем... Здесь они (жители. — *В. Б.*) могут прокормиться сами и прокормить своих ездовых собак летом и зимой. Их пища в основном рыба и медвежье мясо. Медведя можно было застрелить в любое время, отойдя минут на десять от дома. Но в целом условия жизни здесь очень тяжёлые».

В Лоции побережий РСФСР, изданной в 1923 г., указывалось: «В трёх четвертях мили южнее устья реки близ самого берега моря видны строения рыбалки».

Селение просуществовало недолго. Подтверждение этого содержится в материалах Приполярной переписи 1926 г.: «Даже в Петропавловском уезде... наблюдается... исчезновение селений... Совершенно исчезли... Камбальное, недалеко от мыса Лопатки...»

Каменка, селение. 14 апреля 1923 г. цунами обрушилось на Усть-Камчатск — один из центров рыбной промышленности полуострова. В результате удара стихии погибло много людей, смыло консервные заводы и склады, нанесён огромный материальный ущерб.

После цунами многие жители уехали из Усть-Камчатска. Кто-то поселился в Нижнекамчатске, кто-то в новом селении Крутоберегово, а две большие семьи староверов в 1924 г. основали между Крестами и Ушками, рядом с Ушковским озером, на правом берегу реки Камчатки, село, названное Каменкой.

С первых дней люди начали отвоёвывать у леса всё новые и новые участки земли. Несколько взрослых мужчин с помощью подростков выкорчевывали до 800 кв. м за 10–12 дней. Почва оказалась на редкость плодородной, давала хорошие урожаи капусты, лука, гороха, огурцов. Репы на пуд набиралось четыре-пять штук. Проводились успешные опыты по выращиванию помидоров.

В 1928 г. камчатский агроном И. Ф. Голованов записал: «Когда наш катер подошёл к посёлку Каменка и мы вышли на берег, то сразу же увидели свободно разгуливающих наседок с цыплятами. Нами был задан вопрос встретившему нас гражданину М. С. Куликову: “А собак разве у вас нет?” — “Как нет, — последовал ответ, — они у нас загорожены”. Спустя некоторое время мы пошли посмотреть, как же у них загорожены собаки. Оказывается, устроены особые дворики. Дворы эти огорожены тыном из тальника высотою примерно в 2,5 м. Площадь двориков от 27 до 48 кв. м, так что в среднем на собаку приходится от 3 до 4 кв. м. Спокойные

собаки свободно гуляют, более злые привязаны. Тут же в этих двориках находятся дымокуры от комаров. Сучки со щенками сидят отдельно. И тут сказалась просто хозяйская сметка-расчёт».

У Куликова — старшего среди селян — было восемь детей. Он построил рубленый дом с балконом, купил небольшой катер, имел один из первых в этих краях фотоаппарат.

В 1926 г. в новом селении жили уже 42, в 1930 г. — 26, но в 1933 г. осталось только 13 чел.

Селяне для своих нужд ловили рыбу в протоке Ушковского озера. В опросном листе, направленном в 1926 г. рыбоводу В. И. Ораву, Куликов сообщал размер добычи: «Ловлено в протоке Ушковского озера самцов кижуча 808, самок 881, а снетки собрано 410 штук».

После начала коллективизации крестьяне не вступили в колхоз, а решили принять участие в строительстве рыборазводного завода рядом с селением на Ушковском озере. Здесь они надолго и обосновались в качестве рабочих.

О жизни в Каменке вспоминала здешняя уроженка Анна Степановна Куликова: «Мебель делали сами, были деревянные кровати, но всем их не хватало, спали на полу. Стол и лавки отец рубил топором. Дома у нас икон не было. Отец у матери был очень божественный, его за это и садили, но потом отпустили. Он и всех детей называл церковными именами».

В 1930 г. в долине реки Камчатки работала землеустроительная партия из Владивостока, обнаружившая в Каменке 10 домов. Сейчас о том, что было такое селение, помнят только два-три старика из соседних сёл.

Капитовка, Капитовский острожек. Это селение в доступных нам краеведческих источниках упоминается всего единожды — у К. Дитмара. Он пишет: «...мы прошли мимо остатков... острога Капитовского, находящихся на правом берегу реки, и этот острог в доброе старое время был очень оживлён и имел зажиточное население, теперь же он совершенно опустел».

Вполне возможно, что Дитмар имел в виду ительменское поселение Капичурер, находившееся в 8,5 верстах ниже селения Камаки. Действительно, ещё во времена С. П. Крашенинникова в конце 1730-х гг. здесь жили 32 ясачных плательщика, то есть всё его население можно было оценить более чем в 150 чел. Поселение по тому времени считалось крупным.

Население Капичурера, видимо, полностью вымерло от эпидемии «гнилой горячки» 1799—1800 гг., завезённой на Камчатку солдатами

батальона Сомова. В исповедальной росписи Нижнекамчатской Успенской церкви за 1812 г. такой острожек уже не упоминается.

Карага, селение. По С. Н. Стебницкому, *Харан ынын*. В. П. Кусков считал, что оно «возникло в XVIII в. Названо в связи с расположением на берегу реки Караги». Видимо, здесь он имеет в виду упоминание селения в русских документах, так как, безусловно, берега реки были обитаемы задолго до прихода в эти места русских. Так, в XVIII в. в разных письменных источниках по реке Карага и южной части бухты Караги упоминаются шесть селений. Н. В. Слюнин, побывавший здесь в 1897 г., отмечал: «Карага теперь по-камчадальски называется *Каре-гынным*, а прежде *Кыталгин*...»

По разным оценкам, общая численность коряков-карагинцев, населявших Карагу, Дранку, Ивашку, составляла 300 чел. По списку населённых мест Петропавловского округа (1868 г.) до Петропавловского порта отсюда считалось 1 043 вёрст. В селении было 13 хозяйств, православная часовня, его населяли 61 душа мужского и 62 женского пола.

По официальным данным, в 1876 г. здесь обитали 108 чел., из них двое грамотных и один малограмотный, было 70 построек, в том числе одна часовня, 11 домов и 10 юрт, 48 хозпостроек (43 балагана, два амбара, одна стая и две бани). Имелось 10 лошадей, три коровы, 497 оленей и 153 собаки. Поймано 34 910 рыбин, добыто 45 соболей, 12 оленей, 12 медведей, 29 моржей и 205 нерп.

Население постепенно росло: в 1836 г. — 89, в 1851 г. — 114, в 1901 г. — 169 чел.

В. И. Иохельсон сообщает: «По отчёту губернатора Приморской области (1898 г.), в этом селении было 168 жителей (87 мужчин и 81 женщина) при 20 домах. Патканов сообщает, что жителей (перепись 1897 г.) только 103 чел. (56 мужчин и 47 женщин)».

Н. В. Слюнин пишет: «Он (острог. — *В. Б.*) расположен на правом, возвышенном берегу реки, в нескольких верстах от устья, в нём считается восемь домов и три юрты, 114 душ обоего пола; скотоводством почти не занимаются... Перед нашим приездом крестьянин Марк купил корову в Дранкинском селении, которая будет первою в Караге. Живут настолько плохо, что ни у каждого хозяина найдётся собачий потяг...

Избы малы, грязны, есть чёрные (без трубы), в которых вся обстановка состоит из нар, едва прикрытых оленьими постелями. Население крайне грубо и мало развито, выглядит чахлым и болезненным. Причину этого при изобилии рыбы и зверя можно искать

только во влиянии спирта, привозимого американцами... Река вскрывается 25 мая, а замерзает в начале октября».

В 1907 г. селение посетил Г. А. Крамаренко. Он сообщает: «...девять домов, душ обоего пола с детьми 150; но в этом числе значатся и кочующие. Селение, как и прочие, жалкое, хотя на хорошем месте... Работников 29. Лес с трудом добывается вёрст за 20–25 выше, имеется только тополь и берёза. Первое появление японцев в Карагинском заливе было в 1901 г. с русским предпринимателем капитаном Кактеном. У него была одна шхуна "Камеран" и две японских».

Карага — единственное место на Камчатке, где добывали моржей.

Приполярная перепись 1926 г. учла здесь 140 чел., в 1937 г. численность жителей выросла до 297 чел.

В издании Российской академии наук «История и культура коряков» под редакцией А. И. Крушанова приведён такой факт: «Одно время в нём (селении Карага. — *В. Б.*) размещался центр Карагинского района, и многочисленные районные организации уделяли местным жителям повышенное внимание. Началась ускоренная интернационализация жизни и быта коряков Караги. Это, естественно, не могло не вызвать противодействия. Ситуация особенно обострилась в 1927 г. в связи со слабыми подходами лососей. Люди не смогли заготовить нужное количество рыбы. Хозяйственные трудности были тут же обоснованы "главным идеологом" Караги — шаманом Саввой. "Духи гневаются, — убеждал Савва население, — посылают кару на головы изменников традициям отцов и дедов. Нужно отказаться от русской одежды, перестать ходить в баню, употреблять привозные продукты, прекратить общение с русскими". Многих Савве удалось убедить. Начались конфликты с органами власти, была разрушена баня, некоторых "инакомыслящих" коряков (Чечулина, Авакка и других), пытавшихся образумить односельчан, изгнали из селения».

19 марта 1929 г. состоялось общее собрание селян, где присутствовало 80 чел. Председательствовал С. А. Чечулин при секретаре И. С. Вдовине. Слушали отчётный доклад о деятельности Карагинского туземного Совета за прошедший год. Выступал М. М. Обухов. Принято постановление из семи пунктов: «Доклад принять к сведению. Работу тузсовета за истекший год считать удовлетворительной... 1. Усилить руководство работой общественных организаций... 2. Произвести точный статистический учёт количества оленей, собак, упромышленных пушных и морских зверей, добытой рыбы. 3. Строго следить за соблюдением сроков охоты

и запуска на пушных зверей... 4. Всемерно содействовать вовлечению всего числа детей... в школу. 5. Способствовать объединению населения в артели... 6. Завести учёт граждан в разных видах общественной работы. 7. В дальнейшем желателен приезд райизбача...»

Впоследствии, с развитием колхозного строительства и развитием морского рыболовного промысла, в начале 1930-х гг. селение было перенесено ближе к побережью. Из протокола расширенного заседания Карагинского райисполкома от 13 октября 1933 г. о ходе строительных работ: «Слушали: выполнение плана строительных работ района... Постановили: строительство посёлка Карага закончить к 7 ноября сего года, для чего проделать следующее: 1. Поставить вопрос перед тузсоветом о выделении на строительство двух плотников из националов... (то есть из числа коренных жителей Камчатки. — *В. Б.*). 2. Обеспечить бригаду плотников-националов техническим руководством и соответствующим инструктажем... 5. Карагинскому кооперативу обеспечить регулярную выдачу товаропродуктов рабочим стройконторы. 6. Остро нуждающихся рабочих вне очереди обеспечить одеждой и обувью».

Известный специалист по Северу Камчатки В. С. Шаталов в 1936 г. отмечал: «Старое село Карага было расположено в шести километрах от морской бухты Карага на правом берегу реки Импуваям (Карага). Береговой увал, на котором размещены постройки, невысокий. Строения расположены без всякого порядка, нет никаких признаков улиц».

В 1937 г. в Караге родился Виталий Александрович Шохин, ныне известный камчатский художник, заслуженный художник России, заслуженный работник культуры РФ, почётный житель Камчатского края.

В 1943 г. через Карагу проезжал вулканолог Б. И. Пийп. Он сообщает: «Размером Карага со Среднекамчатск... Здесь вдоль залива далеко растянулись домики новой застройки, так как сюда люди переселились в 1941 г. на пустое место».

Газета «Камчатская правда» 28 июня 1955 г. в материале «Чтоб краше жизнь была» рассказала: «Село Карага раскинулось на живописном берегу одноимённой реки. Здесь разместилась усадьба рыболовецкого колхоза “Ударник”. Рыбаки этой артели ежегодно добывают десятки тысяч пудов сельди, горбуши, наваги и других пород рыбы. Эта отрасль хозяйства приносит колхозу миллионные доходы. В нынешнем году, например, артель получила доход только от добычи наваги и сельди около 4 млн руб. Средний доход каждого рыбака составил 40–50 тыс. руб.

На просторах тундры, в горах выпасаются тысячи голов оленей. Недавно в колхозном стаде насчитывалось всего лишь 1 000 оленей. В начале этого года артель купила в колхозе “Полярная звезда” Пенжинского района ещё 2 000 голов.

Карага — старейшее село в Карагинском районе. И вот сейчас колхозники решили покинуть свою старую усадьбу. Жаль, но что поделаешь — уж очень она далеко находится от моря, основного источника доходов. Чтобы ещё шире развернуть добычу рыбы и тем самым укрепить экономику колхоза, члены артели решили перенести село на берег Карагинской бухты. Здесь уже построено до десятка добротных домов, в которые переселились рыбаки-колхозники. В селе будут школа, больница, магазин, клуб и другие культурно-бытовые и общественные здания. Новый посёлок на берегу бухты будет одним из красивейших на восточном побережье Камчатки».

В 1957 г. И. С. Гурвич и К. Г. Кузаков насчитали в Караге 85 хозяйств, в том числе 50 корякских и два корякско-русских. К середине 1950-х гг. в колхозе «Ударник» имелись животноводческая ферма, сараи для переработки и хранения рыбы, гараж, электростанция, лесопилка, правление колхоза, сельсовет, магазин, пекарня, школа, клуб, библиотека, фельдшерский пункт со стационаром, баня, дома колхозников.

Районная газета «Путь Ильича» 2 июля 1965 г. поместила такую заметку: «В Караге состоялся воскресник. На помощь полеводческой бригаде вышли учителя, врачи, домохозяйки, более 30 чел. За день они высадили капустную рассаду на площади 1,5 га и более одного гектара картофеля».

Общее впечатление о жизни села в 1980-х гг. можно составить по материалам областной печати: «На территории сельского Совета расположены отделение колхоза “Ударник”, школа-интернат, в которой обучается 162 учащихся, детский сад на 87 мест, участковая больница на 15 коек, сельский Дом культуры, музыкальная школа, почта, магазин, филиал комбината бытового обслуживания, то есть все необходимые учреждения. В нашем селе проживают 629 чел., из них 374 местной коренной национальности, 23 специалиста из числа народностей Севера трудятся в колхозе и социальных учреждениях...

Рыболовецкие бригады, возглавляемые Героем Социалистического Труда Н. И. Солодчуком и депутатом сельсовета И. М. Поповым, выполнили пятилетние планы по добыче рыбы. Следует отметить, что в бригаде И. М. Попова трудятся только представители местной коренной национальности».

В 1980-х гг. далеко за пределами Карагинского района был известен местный национальный ансамбль «Энер». О нём «Камчатская правда» сообщала 28 ноября 1980 г.

14 декабря 1980 г. эта газета указывает: «Это удивительное зрелище: небольшое национальное село, в котором почти у каждого дома, свернувшись клубком, лежат прямо на снегу густошёрстные ездовые собаки, всем видом своим выражающие презрение к суете... Оконечность Первой кошки известна под названием мыса Старшины. Здесь местные жители издавна ведут рыбный промысел. Вот и сейчас в бухте, она у Первой кошки, уже прочно схвачена льдом — кучкуются корюшколовы. Рядом на берегу стоят зимники».

Другая статья («Камчатская правда», 22 января 1987 г.) обрисовывает село, пожалуй, во время его наивысшего экономического расцвета: «За последние несколько лет Карага сильно изменилась. Выросла целая линия 12-квартирных жилых домов... Стройцех возводит банно-прачечный комбинат. Расширяется кирпичный цех, который позволит значительно сократить расходы на доставку дорогостоящих пиломатериалов».

По данным Всесоюзной переписи 1979 г., в селе проживало 633 чел. В 1994 г. здесь насчитывалось 740 чел.

Карагинский, остров. Исследователь А. В. Ефимов считал, что первые сведения о нём получены русскими после похода Михаила Стадухина, побывавшего на Восточном побережье Камчатки в XVII в. Изучая первые русские карты Камчатки, составленные в XVIII в., А. В. Ефимов отмечал, что против реки Караги обозначен остров, рядом с которым имеется надпись: «Остров или землица... А на ней люди живут все неясашные. Бывал на ней Иван Голыгин. Лисицы бурые и сиводушные есть». В начале XVIII в. остров населяли коряки. Первое посещение острова Иваном Голыгиным осталось безрезультатным: коренные жители дать ему ясак отказались.

Участники Первой Камчатской экспедиции подробно описали восточный берег острова и 20 июля 1728 г. нанесли его на карту.

С. П. Крашенинников сообщает: «Против устья Караги реки верстах в сорока от берега находится Карагинский остров... На помянутом острову живут коряки, которых, однако, прочие за свой род не признают, но называют их хамшарен, то есть собачьим отродьем: для того что, по мнению их, Кутх не сотворил там людей, но одних собак, которые потом в людей переродились... Что касается их многолюдства, то считается их человек до ста и больше...»

Сержанту Емельяну Басову, ставшему основоположником промышленного освоения Командорских островов, первоначально пред-

назначалось «...иттить в морской вояж на Курильския дальныя и Карагинския и протчия морския острова для приводу под высокосамодержавную ея императорскаго величества руку в ясак со всякою ласкою и приветом».

Возвращаясь из плавания к Алеутским островам, у берегов Карагинского острова 1 ноября 1746 г. потерпел кораблекрушение шитик «Св. Евдоким» под командой М. В. Неводчикова. Команда отправилась искать человеческое жильё и только 18 ноября (ст. ст.) «едва живы к юртам пришли... к ясашным людям Каражинского острова, на котором и зимовали...» Местные жители дали путешественникам жильё и пищу. К июню следующего года островитяне изготовили для мореплавателей две байдары, на которых те через 24 дня плавания благополучно прибыли в Нижнекамчатск.

Возможно, изначально жителями острова Карагинского были ительмены, по каким-то причинам ушедшие с полуострова. В ведомости «О нравах живущих в Якутском уезде народов», датированной 1770 г., указывается: «Нижнекамчатского острога на острову Карагинском карагинцев, кои в давних летах были те же камчадалы и отошли на морской остров... Их 111 человек... жительствуют так же, как камчадалы... язык их от камчадальского и алюторского особливый».

Протоиерей П. Громов, исследовавший камчатские архивы, сообщает: «Протоиерей Стефан не умедлил послать на Карагинский остров в 1777 г. священника проповеднической свиты Иоанна Миронова, который нашёл здесь жителей 150 человек...» Вскоре «...островитяне по распоряжению начальства переселены на материк Камчатки для пополнения опустевших от оспы острожков и слились с олюторцами».

Это подтверждает А. С. Сгибнев: «В 1777 г. были окрещены жители Карагинского острога. Бем переселил их в олюторские острожки, пострадавшие от оспы, а впоследствии они слились с олюторцами».

Летом 1828 г. участники экспедиции Ф. П. Литке — И. А. Ратманов и В. Е. Семёнов впервые описали остров Карагинский и пролив Литке, отделяющий его от Камчатки.

До 1880-х гг. на острове находилось большое лежбище моржей. Его разорили американские хищники. Вот что сообщал об этом на рубеже XX в. А. А. Прозоров: «Карагинский остров бывал сплошь покрыт телами моржей; кожи и бивни американцы увозили, уплачивали жителям по два рубля за пару клыков. В настоящее время промысел моржей уничтожен».

По другим источникам известно, что в 1900 г. американская шхуна «Пай» (капитан Прот) уничтожила моржовое лежбище на Семёновской косе острова, истребив полторы тысячи животных.

В «Лоции побережий РСФСР» (1923) указывается: «Близ берега находится выстроенная в 1911 г. на средства казны небольшая деревянная церковь с жилым при ней домом. Глубже в берег расположено несколько юрт. Здесь, в единственном месте острова Карагинский, были замечены при обходе его в 1920 г. немногочисленные обитатели, являющиеся едва ли не единственными оседло живущими людьми на всём острове». Далее лоция указывала: «Остров Карагинский в настоящее время можно назвать необитаемым, если не принимать во внимание тех единичных жителей, которые живут на небольшом песчаном мысе в средней части западного берега острова у сооружённой здесь на средства казны в 1911 г. небольшой деревянной церкви. В летнее время всё побережье значительно оживляется в связи с ловом рыбы на многочисленных рыбалках».

Свою версию о заселении острова в XIX в. приводит землеустроитель В. С. Шаталов, побывавший в этих краях в 1936 г.: «По архивным документам Карагинского райисполкома я установил, что в конце прошлого столетия остров Карагинский был необитаем... В 1879 г. Камак через замерзший морской пролив Литке перегнал на остров 200–300 оленей. Так с его лёгкой руки был заселён и освоен этот интереснейший уголок Камчатки».

В 1934 г. в бухте Ложных Вестей организуется Карагинский рыбокомбинат АКО. В январе 1936 г. на нём создана База активного опытного лова — пионер морского активного промысла Камчатки.

В лоции Берингова моря, изданной в 1938 г., отмечалось: «Население острова Карагинского состоит из нескольких семейств кочевых нымыланов общей численностью до 75 чел. Кроме того, имеется ещё русское население на тресколовных базах в бухте Ложных Вестей и у мыса Горбатого, а также обслуживающий персонал пушного островного хозяйства, расположенного на западном берегу острова южнее губы Ложных Вестей».

АКО предприняло попытку организовать на острове пушное хозяйство, но она не удалась. На острове некоторое время формально числились два селения: Ягодное, размещавшееся недалеко от мыса Горбатого, и Островное — в бухте Ложных Вестей. Оба просуществовали недолго.

В 1952 г. начались разведывательные работы по поиску алмазов.

В. П. Кусков считал, что посёлок Островной «возник до 1953 г. Назван по его расположению на Карагинском острове». В. И. Воско-

бойников сообщает об этом по-другому: «В мае 1958 г. появились новые названия в Карагинском районе. Это рыбацкие посёлки Нагорный, Островной...» Возможно, официальное название селению присвоили только спустя пятилетие после его возникновения.

О ходе строительства на острове 17 июля 1959 г. сообщала районная газета «Путь Ильича»: «В 1957 г. колхозники решили на месте старых домиков построить новые добротные дома. За два года было построено 11 одноквартирных домов. В этом году строители заложили и двухквартирные дома. Будут заложены ещё пять стандартных домиков. Колхоз решил своими силами построить здание для школы, детских яслей и интерната... Строится бетонное заливное здание склада для орудий лова». Но уже 28 мая 1965 г. эта же газета известила, что островное отделение колхоза «Ударник» переведено на Кострому.

Газета «Путь Ильича» от 30 мая 1965 г. описывала ход оленьего отёла: «Успешно закончился отёл в табуне бригады Максима Попова, выпасающей оленей на острове Карагинском. В его стаде 580 важенок, а приплод составил 554 телёнка». В то время на острове заготавливали сено для крупного рогатого скота, кустарным способом делали кирпичи.

Лоция Берингова моря (1969) сообщала: «Карагинский островной рыбозавод расположен на юго-восточном берегу губы Ложных Вестей на склоне прибрежной возвышенности... В заводском посёлке имеются школа, больница, пекарня, магазины и почта. Воду хорошего качества жители посёлка берут из колодцев и из ручья, протекающего вблизи посёлка».

Это — последние официальные сведения о наличии на острове населённого пункта. В 1976 г. остров объявлен комплексным заказником. Газета «Камчатская правда» 22 ноября 1977 г. сообщала, что люди здесь находятся только летом: «К осени пустеют берега острова. Рабочие, заготавливавшие сено, возвращаются в Оссору или Карагу. Пожалуй, единственными обитателями острова остаются до весны смотрители маяка».

Из переписи населения 1979 г. следует, что на острове населённых пунктов и жителей нет.

Кахтана, *Кахтан*, селение, по-ительменски — *Кохтыннон*; по С. Н. Стебницкому — *Кахтана*, *Кахтыннон*. С.П. Крашенинников застал в острожке (тойон Кулу Нимгыит) 34 ясачных плательщика.

По сведениям К. Дитмара, «население Кахтаны состоит из 71 чел. мужского пола и 75 женского; с виду народ все свежий и здоровый. Кахтанцы выше ростом, более ловки и прямодушны и менее

флегматичны, чем бедные, порабощённые камчадалы... Оленей у этих коряков нет. Место оленеводства здесь... заступили рыбная ловля, разведение собак и охота». Ближайшие населённые пункты — при речке Кахтан, до Петропавловска считалось 1 043 версты.

В 1836 г. здесь жили 99, в 1851 г. — 115 чел. В 1868 г. Кахтану составляли 15 домов, в них обитали 96 мужчин и 99 женщин.

В 1876 г. население составляло 230 чел. (111 мужского и 119 женского пола, все камчадалы). Имелась часовня, 15 жилых домов, девять юрт, 12 балаганов, 16 стай и одна баня, 32 лошади, 38 коров и 206 собак. Добыто 42 880 рыбин. Основным продуктом питания, кроме рыбы, была нерпа, её упромыслили 223 шт. Также добыто 26 соболей, 18 оленей, одна белуга, 10 медведей.

В 1894 г. селение составляли 13 домов, 17 юрт и три нежилых сооружения. Здесь обитали 124 мужчины и 125 женщин, они содержали 17 лошадей, семь коров и 128 собак.

В 1901 г. местное население оценивалось в 162 чел.

В 1907 г. рыбопромышленник Г. А. Крамаренко отметил: «Селение от устья находится верстах в пяти, и чтобы добраться до него, нам пришлось чуть не всё время идти бродом через массу рукавов этой маленькой реки, соединяющихся в устье в один... Селение Кохтаны маленькое и жалкое, жители также. Но так как травы здесь хорошие, то в селении имеется до 49 штук рогатого скота и четыре лошади».

В 1915 г. в селении родился Лев Жуков, корякский писатель, автор повести-сказки «Нотаймэ».

В 1923 г. в документах употреблено название «Кохтан», при этом «селение имеет 34 дома, 25 амбаров, две бани, 34 балагана. Численность населения: взрослых мужчин — 64, женщин — 70, детей мужского пола — 60, женского — 53. Грамотных 10 чел., имеется одна школа, учителя нет. Вероисповедание православное, имеется часовня, попа нет. Государственных и других учреждений нет. Занятие жителей — охота и рыболовство. Пушнина сдаётся в Паланский кооператив и часть — в отделение фирмы Свенсона. Торговля происходит в обмен на продукты питания и мануфактуру. Скупщиков, проезжающих и постоянных, нет. Характер поверхности: тундра, покрытая лесом — чёрный березняк, кедровник и ветла. Протекают река Кохтана, шириною 20 сажен, глубиной две сажени; река Урга шириною семь сажен, глубина одна сажень; река Пять Братьев шириною семь саженей, глубина до полутора сажени. Все отличаются полноводностью. В некоторых местах пролегают болота. Средняя температура зимы минус 35, лета — плюс

15 градусов. Глубина снега доходит до полусажени, падает часто. Ветры курильские, северные и восточные. Пурги частые, заносы большие. Состав почвы: чернозём, глина и тундра. Питьевой водой пользуются из ключей, качество хорошее. Расстояние до селения Палана 40 вёрст, троп нет. Способ передвижения в летнее время вьючный. Местность гористая и тундра. Переправы через реки бродами возможны только в мелкую воду, в полноводье переправляются на батах. Селение имеет: 12 лошадей, 12 конных сёдел, 203 собаки, 29 нарт телег и саней нет, 30 батов, 64 пары лыж. Коров — 34 головы. Сведений об ископаемых богатствах не имеется. Охота и рыболовство развито ниже среднего. Живут кочевники-коряки в числе 70 чел., имеют 9 000 оленей, 48 собак, шестеро нарт. Занятие их — оленеводство, охота и рыбный промысел».

В 1950 г. секретарь Хабаровского крайкома ВКП(б) А. Н. Ефимов докладывал заместителю председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганину, что «всё население Корякского округа переведено на оседлый образ жизни... Материальное обеспечение колхозников в национальных сёлах Кохтане, Ковране и других практически отсутствовало. Домашняя обстановка бедна. Мебели в домах, за исключением топчанов, нет. Постелью служат оленьи шкуры. Сёла, по существу, разрушаются. Об ухудшении материального положения колхозников свидетельствует тот факт, что за последние годы значительно сократилось поголовье оленей в личной собственности. За последние десять лет ни один колхозник этих сёл не построил ни одного дома».

Кварталы 13-й и 14-й. Местное население издавна использовало лесные богатства Камчатки. Из древесины строились дома и хозяйственные сооружения, транспортные средства — баты и нарты, дровами топили жилища. Первые попытки промышленного освоения лесных запасов предпринимались ещё в самом начале XX в., когда в связи с быстрыми темпами развития рыбной промышленности в устье реки Камчатки была установлена однорамная лесопилка. Одними из первых заготовкой леса в долине реки Камчатки после окончания гражданской войны стали заниматься бывшие каппелевские офицеры.

Несколько позже один предприниматель пытался построить лесопилку в нижнем течении реки Камчатки, затем с такой же просьбой обратились двое других промышленников, желавшие возвести завод на участке между селениями Ушки и Толбачик. Последним КОИК отказал из-за опасения, «что густая сеть означенных заводов окажется вредной для охоты на пушного зверя и что обработанные

лесные массивы не найдут сбыта в долине реки Камчатки». Позже решили строить лесокомбинат в Усть-Камчатске, но затем летом 1930 г. его начали возводить в селе Ключевском.

В 1928 г. начало лесозаготовки АКО. В марте 1930 г. в его составе появился лесной отдел, который в 1931 г. был реорганизован в лесопромышленное управление. Впоследствии лесная промышленность Камчатки неоднократно структурно изменялась. В январе 1950 г. на основе лесотарной конторы Главкамчатрыбпрома был образован Камчатский лесопромышленный трест (Камчатлес). В 1952 г. трест передали из Министерства рыбной промышленности в Министерство лесной и деревообрабатывающей промышленности. Основным лесозаготовительным предприятием на Камчатке был Козыревский леспромхоз, который в среднем течении реки Камчатки в разное время имел участки Боровая, Кишкердино, Лазо, Быстрая, Урцы и другие. Из крупных участков образовались самостоятельные предприятия в Лазо и Атласово.

Из Козыревска в 1950-х гг. центр лесозаготовок постепенно переместился в Щапино. С 1952 по 1957 г. объёмы работ увеличились здесь впятеро. За короткий срок сырьевые запасы сильно истощились. Упали заработки, люди стали постепенно переезжать в другие сёла и посёлки Камчатки.

В то же время среди крупных лесозаготовительных участков были и небольшие. На них имелись бараки, частные домики, несколько хозяйственных построек, торговые ларьки. После освоения ближайших лесных массивов участки закрывались, людей переселяли на другие участки или в более крупные посёлки. К таким участкам можно отнести 13-, 14- и 37-й кварталы.

Лесные массивы Камчатки делились на кварталы, то есть квадраты, разделённые условной границей. Конечно, в полном смысле отнести такие времянки к населённым пунктам КО нельзя. Мы упоминаем о них, не имевших собственных названий, а именовавшихся по месту нахождения, потому, что сейчас в Мильковском и Елизовском районах ещё живут родившиеся в этих лесных местечках, которых уже давно нет на географических картах.

Кеккук, село. Первоначально в Кеккукнайский родовой совет в середине 1920-х гг. входили эвены, кочевавшие от верховьев реки Быстрой-Козыревки до Ичинской вершины. Первый Быстринский районный родовой съезд эвенов 26 марта 1926 г. постановил объединить в Ламутский район с центром на реке Быстрой три общества: Анавгайское (182 чел.), Лаучанское (160 чел.) и Кеккукнайское (117 чел.).

К Кеккукнайскому туземному Совету в 1926 г. относились:

— стойбища Гав. Черканова и Ал. Тылканова в верховье реки Быстрой;

— стойбище Алек. Адуканова близ Белой сопки;

— стойбище Ионы Банаканова на реке Горелой;

— стойбище Афанасия Черканова у ключа Невтанья, впадающего в реку Быструю;

— стойбище Чаба в районе реки Плахен, правого притока реки Быстрой.

Всего 12 хозяйств в составе 58 мужчин и 59 женщин.

К 1934 г. на территории четырёх национальных советов Быстринского района были организованы четыре товарищества по совместному выпасу оленей. Среди них — товарищества имени Молотова (Анавгайский нацсовет), имени Сталина (Тваянский нацсовет), имени Безыменского (Лаучанский нацсовет, впоследствии колхоз переименован) и «Пионер» (Кеккукнайский нацсовет). В каждом нацсовете имелись бригады кадровых охотников из трёх-четырёх человек каждая. Помимо них, шкуры добывали и оленеводы, работавшие в табунах. В Анавгае в 1940 г. было три охотничьих бригады, всего 10 чел.; в Тваяне — одна бригада из 4 чел.; в Кеккуке — две бригады; в Лаучане — семь профессиональных охотников и пять любителей.

К концу 1930-х гг. на территории Быстринского национального района образованы населённые пункты, в том числе и Кеккук. Посевные площади в районе были невелики: так, в Кеккукнайском нацсовете в начале 1940 г. пашни было меньше двух гектаров. Согласно социалистическому обязательству, местный колхоз намечал увеличить её до двух с половиной гектаров.

В годы Великой Отечественной войны местные жители деятельно собирали средства и одежду для фронта. В отчёте председателя Быстринской районной комиссии по сбору тёплых вещей за февраль 1942 г. говорилось: «Оленеводы Анавгайского товарищества имени Молотова и Кеккукнайского “Пионер”... сдали все шкуры и камусы от забоя оленей по контрактации рыбкоопа в количестве 240 шкур и 1 260 камусов. Из них изготовлено 40 пар длинных и 31 пара коротких торбасов, 163 пары чижей, 33 безрукавки и 71 пара рукавиц». В 1944 г. Кеккукнайский сельсовет по заказу Быстринского райисполкома изготовил 13 пар торбасов и восемь пар чижей.

В 1948 г. в местной начальной школе в первом классе занимались пять, во втором — три, в третьем и четвёртом — по два ученика, всего 12 детей.

В 1951 г. отмечалось, что в колхозе «Пионер» сельхозинвентарь находится в неудовлетворительном состоянии, не организован подвоз золы и навоза на поля. Сельсовет обязал руководство колхоза исправить отмеченные недостатки, а также освободить пахотных лошадей от работ и заготовить для них 1 000 кг сена и 250 кг овса.

В 1953 г. село в составе отряда посетил геолог К. М. Севастьянов. Он писал, что здесь «оказалось семь бревенчатых строений: четыре общественных (правление колхоза, школа, магазин с пекарней) и три жилых, в них живут учитель, радист и животновод. Наилучшие дома выстроены военными топографами в 1944 г. Остальное коренное население живёт в землянках и юртах.

Колхоз имеет один табун оленей, немного коров, а главное занятие — рыбалка. Сажают картофель и сеют турнепс, которые не растут, но колхозников заставляют сажать. В селе тьма собак, но среди них хороших мало. Общая стоимость неделимого и делимого (оборотного) фондов — 200–300 тыс. руб. Заработок одного колхозника — примерно 3,5 тыс. руб. в год, то есть равен заработку начальника Богачёвской экспедиции... за один месяц! Все колхозники — должники колхоза, а колхоз — государства. Колхозники не любят ни коров, ни картофель, ни сам колхоз. Живут люди исключительно бедно — всё их хозяйство умещается на двух конях, в основном это тряпки да котелки, шкур-то и то недостаток. Люди бледны, худосочны, одеты бедно. Детей мало. Питание плохое. Само село расположено на плохом месте: большая удалённость от крупных сёл, сенокосов мало, всё больше болота. Сами жители советуют этому селу провалиться...»

А 1955 г. газета «Камчатская правда» сообщала, что колхоз «Пионер» добился определённых успехов в основной отрасли своей деятельности — оленеводстве. Бригада табуна № 1 выполнила план по росту поголовья на 120 %, что позволило выдать пастухам в качестве дополнительной платы по 50 телят, ещё 100 голов молодняка выделено для колхозников, не имевших в своих хозяйствах оленей.

Село исключено из списка населённых пунктов КО (из учёта данных) 30 ноября 1956 г.

Кинкиль, по С. Н. Стебницкому — *Кинкилятун*. «Камчатская правда» в сентябре 1954 г. поместила большой материал Г. Борисова о селении и его жителях:

«Деревня Кинкиль, Тигильского района, невелика. Здесь всего два десятка аккуратно срубленных из местной берёзы домов. Размещается в них вторая бригада укрупнённого рыболовецкого колхо-

за имени Молотова. Все мужчины, живущие в Кинкиле, работают в рыболовецкой бригаде, кроме Василия Михайловича Яганова. Он пасёт небольшое стадо — около 30 голов коров и телят. Василий Яганов — опытный пастух. Немало лет он вместе со своей женой Александрой Поликарповной Шмагиной выпасал в тундре оленьи табуны. В начале этого года, когда Александра Поликарповна ожидала ребёнка, правление колхоза перевезло всю семью из тундры в деревню. Василий Михайлович был назначен пастухом молочно-товарной фермы, Александру Поликарповну направили работать в овощеводческое звено.

Многие годы лицо Александры Шмагиной обжигали суровые ветры тундры. Она привыкла к постоянному передвижению со стадами, полюбила нелёгкую профессию оленевода, научилась бороться с хищниками, нападавшими на оленей. А вот теперь надо было привыкать к иному, к оседлому образу жизни.

У Александры Поликарповны двое детей, но рождение третьего ребёнка в семье ожидали с радостью. Шмагина часто обращалась за советами и консультацией к фельдшеру Лесновского медпункта Алле Гордиенко, приезжавшей в село Кинкиль.

Уже давно прошло то время, когда нымыланки со страхом смотрели на медицинских работников, предпочитая обращаться скорее к шаману, чем к человеку в белом халате... Алла Гордиенко — молодой медик, она недавно окончила Петропавловскую фельдшерскую школу... Алла ошибочно решила, что роды наступят только через несколько дней, а за это время она может съездить в Лесную, на медпункт, за некоторыми медикаментами и успеет вернуться обратно.

Гордиенко уехала, а назавтра, 12 июля, у Александры Поликарповны начались роды. В семье ожидали одного ребёнка, а родилось сразу трое — две девочки и мальчик. Роженица смотрела на лежащие рядом с ней три белых свёрточка и удивленно улыбалась: близнецы, трое... Но рождение у Шмагиной троих детей было радостно воспринято и вскоре стало известным всему округу.

Трогательной заботой окружила общественность роженицу и её детей: Галину, Валентину, Фёдора. В этой заботе находит своё выражение высокая оценка почётного звания советской женщины-матери, находит своё выражение дружба советских людей, независимо от их национальности.

Семья Ягановых выросла сразу почти вдвое. Теперь и квартира стала тесной. Сельсовет предоставил Ягановым большой удобный дом. Но его надо было привести в порядок, надо было поштукатурить,

побелить, вымыть полы. Это сделал женский актив села. Бригадир принёс Ягановым свою широкую железную кровать с металлической сеткой. Правление артели поручило одной из колхозниц ухаживать за близнецами, помогать Александре Поликарповне.

Узнав о рождении трёх близнецов, женский актив окружного центра (село Палана) решил купить подарки для роженицы и её детей. Для вручения этих подарков от женщин окружного центра в Кинкиль поехала небольшая делегация. Она привезла также подарки от окружного здравотдела — три комплекта детского приданого. Подарки из Паланы оказались кстати, мать готовила пелёнки, косынки для одного ребёнка, а потребовалось для троих.

Вечером в избу-читальню собирались все молодые и пожилые жители села Кинкиль. Под их дружные аплодисменты заведующая отделом по работе среди женщин Корякского окружкома КПСС Полина Прокофьевна Корбейник передала родителям поздравления и подарки. Здесь и разнообразные продукты, необходимые для усиленного питания матери, и вещи, нужные новорождённым, здесь и подарки для остальных членов семьи...»

Кирганик, селение. В XVIII в. река Кирганик впадала в Камчатку пятью устьями, каждое имело своё название. Под пятым устьем во времена С. П. Крашенинникова стоял острожек Кирганик, название которого по-ительменски произносится как *Кыр-ген*.

В. Головнин в начале XIX в. отмечал, что в Кирганике «тайонский дом есть один из лучших по всей Камчатке, но всего удивительнее в нём большая чистота и опрятность, которые и в домах русских, живущих на Камчатке, найти трудно, а у камчадалов это совершенное чудо».

Американец Кеннан, побывавший на Камчатке в 1865 г., так описал это селение: «...расположено на небольшом возвышении у берега реки или протоки, окружено группами тополей и берёз и защищено высокими холмами от холодных северных ветров. Низенькие домики, скученные в беспорядке у берега, построены из брёвен и проконопачены сухим мхом. Крыши покрыты сухой осокой и лубочными полосами, которые свешиваются по сторонам и образуют большие навесы. Вместо стёкол и оконных рам часто бывают натянуты прозрачные рыбьи пузыри, сшитые вместо ниток сухими жилами северного оленя. Двери всегда почти квадратные, а трубы состоят из нескольких прямых жердей, составленных так, что образуют высокую, длинную трубку, обмазанную толстым слоем глины».

В 1895 г. в Кирганике было всего 10 домов и 59 жителей. Они содержали пять лошадей, 29 коров, 135 ездовых и охотничьих

собак. За этот год охотники добыли 65 соболей, 17 медведей, 18 выдр, восемь лисиц и одного волка. На огородах собрали 575 пудов картофеля и 137 пудов репы.

В начале XX в. староста Кирганика сообщал окружному начальнику: «Честь имеем донести вашему высокородию о получении вашего предписания. Семена доктора Слюнина — репа, брюква, редька, капуста, прочие... уходят хорошо. В нынешнее лето была засуха в июне месяце, потому и мелкая репа, брюква, редька, капуста получились, а также и картошка тоже плохо... Староста Кирганской *Карп Чуркин*».

Руководитель ботанического отряда экспедиции Ф. П. Рябушинского В. Л. Комаров отмечал: «Кирганик имеет такое же бодрое, жизнеспособное и весёлое население как... Верхнекамчатск и Мильково. Население это — потомки коренных камчадалов... Местный быт наиболее полно сохранил древние камчадальские черты... Кирганикские жители и сами считают себя коренными камчадалами. Некоторые из них, как они говорят, ещё “слышат”, то есть понимают по-камчадальски, но уже не помнят этот язык».

Швед С. Бергман в начале 1920-х гг. среди прочих достопримечательностей полуострова отмечал каюра из Кирганика Чуркина: «Известность о его подвигах уже давно дошла до нас. Для него и его собак сто пятьдесят километров за один день были пустяком. У него был особый секрет, как заботиться о своих ездовых собаках. Этот секрет он никому не раскрывал. Когда на следующий день мы из его деревни стартовали в путь к большой деревне Мильково, расположенной лишь в 12 верстах, моя жена имела удовольствие ехать на его знаменитых собаках с Чуркиным в качестве каюра. Когда мы с Хедстремом проехали только половину пути, то встретили Чуркина уже возвращающимся из Мильково. Его собаки прямо летели над землёй».

В 1928 г. общая площадь огородов в 18 дворах составляла 15 568,6 кв. м, из них под хлеб были заняты 123,6 кв. м. В 1929 г. камчатский агроном И. Ф. Голованов посетил селения долины реки Камчатки, где беседовал с жителями о развитии сельского хозяйства. В Кирганике на встречу с ним собрались почти все взрослые — 25 чел.

В 1930 г. в Кирганике создан колхоз «Красное знамя». На первых порах в него вступили несколько семей, а всё имущество хозяйства состояло из десятка животных — коров, лошадей и собак. Из инвентаря имелись лишь лопаты да тяпки.

В 1939 г. в селе насчитывалось 117 жителей. В этом году выдался хороший урожай. С гектара было собрано: пшеницы — 19, овса — 18, ржи — 21,6, картофеля — 203 ц.

Колхоз «Красное знамя» к лету 1941 г. располагал двумя сенокосилками, одними конными граблями, соломорезкой, семью звеньями бороны «Зигзаг», одной дисковой бороной, двумя конными жатками, конным кочкорезом, двумя конными окучниками, двумя одноконными и четырьмя пароконными телегами. Хозяйство содержало 32 коровы.

Областная газета «Камчатская правда» 15 октября 1943 г. сообщала об успехах колхозников: «Колхоз “Красное знамя” (председатель т. Кузьмин) первым в Мильковском районе убрал и полностью заскирдовал зерновые. Начался обмолот. С каждого гектара колхозники получают более 12 центнеров зерновых культур. Одновременно с уборкой богатого урожая колхозники ведут большую работу по освоению новой земли. В 1943 г. поднято 20 гектаров целины. Всю работу по освоению новых земель колхозники проводят вручную, собственными силами. На раскорчёвке хорошо работают и перевыполняют задания Надя Пермякова, Вера Михайлова и Люба Михайлова. Колхоз “Красное знамя” за высокие показатели, достигнутые в 1943 г., занесён на районную Доску почёта».

В 1943 г. колхоз выполнил план по урожайности пшеницы на 253, овса — на 218, ячменя — на 204 %. За высокие показатели его наградили переходящим Красным знаменем.

В 1944/45 учебном году в Кирганике работала четырёхклассная школа. В двух первых классах учились по восемь, в третьем — шестеро и в четвертом — всего четверо ребят. Пятеро из них не успевали. Дети не только учились, но и вносили свой скромный вклад в общее дело Победы. «Ученики Кирганской начальной школы приняли участие в сборе средств на эскадрилью самолётов. В первый же день они собрали 135 руб.».

В ноябре 1955 г. в дома провели радио. Жители древнего камчатского села стали слушать Москву и Петропавловск.

В 1957 г. колхоз «Красное знамя» добился высоких результатов: от каждой коровы надоили по 2 000 л молока, превысив прошлогодний показатель на 286 л. Тем не менее, в этом году хозяйство прекратило самостоятельное существование, вошло в состав нового совхоза «Мильковский».

В начале 1960-х гг. в Кирганике имелись магазин с продуктовым и промышленным отделами, общественная баня, почтовое отделение, медпункт, где работал фельдшер. В свободное время селя-

не посещали клуб, где выступали самодеятельные коллективы, приезжие артисты, а по вечерам «крутили» фильмы. При клубе имелся свой дизель, обеспечивавший нужды очага культуры, а в селе работала маломощная электростанция.

Кирганик являлся конечным пунктом, куда в полную воду приходили катера с баржами из Усть-Камчатска. Для районного центра Мильково и вышележащих сёл так привозились продукты, промышленные товары, строительные материалы, оборудование.

В селении продолжала действовать четырёхклассная школа. Для учёбы в пятом классе и дальше дети уезжали в мильковский интернат. В период летних каникул школьники работали на полях совхоза, помогая родителям.

Постепенно жителей в Кирганике становилось всё меньше и меньше. Совхозное стадо перевели в районный центр. Люди каждый день ездили на работу в Мильково, а затем стали селиться там. В Кирганике остались одни старики, но постепенно и они переехали к родственникам. 5 января 1959 г. был упразднён Кирганикский сельсовет. В 1979 г. в селе жил 61 чел. Сегодня здесь единственным официальным жителем, имеющим прописку, является А. Хазов.

Сейчас здесь нет ни магазина, ни почты, не говоря уже о других социально значимых учреждениях. Весь Кирганик — это около десятка разбросанных на территории бывшего села домов, в которых летом живут мильковчане, возделывающие картофель, капусту и другие овощи. Архитектура строений и быт селян позволяют заглянуть на полвека назад, в прошлое: здесь всё осталось, как было прежде.

10 июня 1996 г. принят закон «О территориях муниципальных образований в Камчатской области». В приложении к нему в составе Мильковского района указаны девять населённых пунктов, среди них и Кирганик. Это даёт надежду на возрождение старинного камчадальского села.

Кихчик, селение. У С. П. Крашенинникова здешняя река значится как *Кыкчик*, на ней у тойона Шемочя было 42 ясачных плательщика, в другом острожке на этой же реке у тойона Тавача — 30 плательщиков. В официальных документах XIX в. селение имело название *Кихча*. Отсюда до Петропавловска считалось 238 вёрст. В 1836 г. здесь жили 34, в 1851 г. — 47 чел. В 1868 г. стояло семь домов, обитали 26 мужчин и 19 женщин. Часовни в селении не было.

В 1876 г. число селян достигло 61 чел. (32 мужского и 29 женского пола), в том числе двое грамотных. Кихчик составляли семь домов, одна лавка, 10 балаганов, восемь стай и баня, часовни попрежнему не было. Местные жители держали 35 коров, 20 лошадей, 150 собак. С огородов снято 128 пудов картофеля и 59 пудов репы. Добыто 16 соболей, 40 выдр, девять нерп и пять лисиц.

Одновременно с селением Кихчик существовала «Заимка Кихчик», где обитали 8 чел., здесь имелся дом, содержались 12 коров и 20 собак.

В 1901 г. Кихчик населяли 80 чел.

В. Н. Тюшов сообщает: «От Утки до Кихчика считалось 44 версты. Селение Кихчик... расположено по левому берегу реки того же имени, в местности, окружённой мокрыми тундрами, а во время ненастья даже топкими. В Кихчике имеется убогая часовня и 11 столь же убогих камчадальских домишек. Впечатление, производимое этим селением, нисколько не лучше, чем Утки».

К 1920-м гг. селение значительно разрослось. По данным отряда Г. И. Чубарова, в 1923 г. здесь было «22 двора, 22 балагана и семь амбаров. Взрослых мужчин 37, женщин 20, детей мужского пола 28 чел., женского 21. Грамотных 34 чел. Имеется одна школа, учитель и 15 обучающихся детей. Партийных организаций нет. Вероисповедание православное, имеется одна часовня, попов нет. Жители занимаются, главным образом, охотой, рыбными промыслами и животноводством. Продукт от охоты — пушнина — сдаётся скупщикам-спекулянтам, часть на обмен, часть на деньги — иены, доллары. Имеется отделение фирмы “Гудсон Бей”, доверенный фирмы Шикер. Спрос на продукты: мука, сахар, мыло, спички, сало и т. д., бывает спрос на спирт. Поверхность — тундра и песок, покрыта чёрным и белым березняком, тополем, ветлой и тальником. Протекает река Кихчик шириною 50 сажен, перекатистая, от сильных дождей отличается своею полноводностью. Есть одно озеро и в некоторых местах болота. Средняя температура зимы минус 35, лета — плюс 20 градусов. Снег выпадает средней глубиною в один аршин. Пурги частые, ветры бывают восточные и западные. Питьевая вода берётся из колодцев, качество воды хорошее. Дороги идут на Утку и Немтик по телеграфной линии. Расстояние до Утки 32 версты, до Немтика — 35 вёрст, на кошку 12 верст. Троп нет. Дорога через Хайково болотистая и гористая, мостов нет, паромов тоже.

Брод через реку Кихчик в среднюю воду доступный. Телеграфная линия идёт через болотистое место. Лошадей 15, собак 250,

нарт 40, коров 44. Лошадей, годных под вьюк, 13, сёдел тоже 13. Остальных пород животных не имеется. Батов 16 штук, лыж 37 пар. Сведений об ископаемых пока не имеется. Охота производится на соболя и медведя, рыбный промысел плохой, имеется только одна рыбалка Люри на устье реки Кихчик. Ввоз спирта усиленный. Партработников не имеется».

Долгое время в местной школе преподавал учитель Г. Е. Рыжук, оставивший свои воспоминания о работе на Камчатке и фотоархив.

По Приполярной переписи 1926 г. здесь имелось 41 хозяйство, обитали 97 мужчин и 74 женщины, всего 171 чел.

Камчадальские фамилии жителей Кихчика — Бречаловы, Даниловы, Логиновы, Новограбленовы, Павлуцкие, Сновидовы, Суздаловы, Кривогорницыны.

С 1929 г. здесь работал рыбокомбинат АКО, рядом строился заводской посёлок. Постепенно складывалось его население, сюда прибывали переселенцы из Центральной России, сезонные рабочие. Комбинат имел две базы и восемь рыболовецких участков, он был одним из крупнейших на западном побережье Камчатки.

Одной из главных сложностей рыбной промышленности Камчатки было закрепление кадров на береговых предприятиях и флоте. В этом отношении поучителен опыт Кихчикского рыбопромыслового района: здесь «пошли по пути создания благоприятных условий труда и быта... Не было ни одного рабочего без комнаты, оборудованной всем необходимым, большинство квартир обеспечено электричеством и паровым отоплением, хорошо поставлена клубная, культурно-массовая работа, политическое просвещение» — сообщают нам «Очерки истории Камчатской областной партийной организации».

В этой же работе отмечен передовой опыт работы Кихчикского поселкового Совета: «Он сосредоточил основное внимание на ведущих направлениях социалистического строительства, организаторской работе депутатов, сплочении вокруг себя широких масс трудящихся. Планы Совета отличала чёткая деловитость, обстоятельность и конкретность...»

Уже к 1940-м гг. на комбинате имелась промышленная база, позволяла выполнять разнообразные заказы. 18 января 1940 г. «Камчатская правда» поместила небольшую заметку «Бюст Ленина»: «Трудящиеся Большерецкого района деятельно готовятся к ленинским дням. Организации и учреждения выпускают стенные газеты, посвящённые памяти В. И. Ленина. Коллектив механического цеха Кихчикского комбината ещё накануне выборов в местные Советы

отлил бюст В. И. Ленина. 21 января в районном центре состоится траурное заседание».

Эта же газета в апреле 1940 г. отметила успехи самодеятельного театра (руководитель Вишневский), готовившегося к Первомаю: «Репетируются две пьесы — “Слава” и “Шельменко-денщик”, разучиваются музыкальные номера». Другой номер рассказывал о вводе бытовых объектов: «На первой базе Кихчикского рыбокомбината закончено строительство и сдана в эксплуатацию баня. Теперь в комбинате имеется две исправно действующие бани».

К середине 1950-х гг. в Кихчике сложился крупный по камчатским меркам населённый пункт. В сентябре 1957 г. краевед В. И. Воскобойников на страницах «Камчатской правды» писал: «Далеко к тундре раскинулся от морского берега рыбачий посёлок Кихчик. Сейчас в нём шесть больших улиц, сотни домов, три тысячи жителей, не считая сезонных рабочих. В Кихчике имеется средняя школа на 360 учащихся, больница, аптека, шесть магазинов рыбкоопа, столовая, просторный клуб, библиотека, электростанция, пекарня, баня, телефонная станция, пошивочная и сапожные мастерские, парикмахерская, отделение связи, радиостанция, сберкасса, типография многотиражной газеты, отделение Госбанка, управление комбината и контора рыбоконсервного завода, поселковый Совет, наконец, рыбоконсервный завод № 44 на пять линий...»

Районная газета «Ударник» 26 августа 1966 г. писала: «...среди других домов резко выделяется большое белое здание. Это новая школа-десятилетка, вокруг неё посажены в два ряда деревья. Это подарок школьникам от строителей комбината».

Кичига, селение. Река Кичига впадает в пролив Литке в 9,4 мили к северу от устья реки Паклаваям. У реки Кичиги располагалось корякское селение Хоранмыткуны. В XIX в. через Кичигу, находившуюся в семи верстах от устья реки, пролегал почтовый тракт из Нижнекамчатска до Гижиги.

И. С. Вдовин показывает, как менялись население и обустройство Кичиги в XIX в. (человек/юрт): 1829 г. — 107/6, 1836 г. — 48/7, 1840 — 93/4, 1844 г. — 122/10, 1865 г. — 173/8, 1866 г. — 180/8.

В годы коллективизации в селении был образован колхоз «Новая жизнь». В 1930-х гг. АКО рядом с устьем реки разместило рыббазу № 3 Кичигинского комбината.

Кол (*Привольное*). Кол, Колю — по-ительменски — извилистая, ломаная река. В документах XIX в. селение писалось как *Коловское*, при речке Кол. Отсюда до Петропавловска считалось 284 версты.

В 1836 г. здесь жили 37, в 1851 г. — 44 чел. В 1868 г. имелось пять домов, часовни нет, жителей мужского пола 16, женского — 15.

В 1876 г. учтено 50 чел. (28 мужского и 22 женского), грамотных нет. В селении семь домов, девять балаганов, один амбар, одна баня, всего 23 постройки. Имелось семь лошадей, 23 коровы, 103 собаки. В огородах выращивали картофель и репу. Основная пища населения — рыба, её выловлено 34 700 штук. Добыто 75 зверей, в том числе 11 соболей, 21 выдра, 34 нерп, одна росомаха.

Впечатления В. Н. Тюшова: «Кол, или Коловское селение, в 1894 г. находилось на левом низменном и тундровом берегу реки Кола, каждую весну затапливаемом разливом. Ввиду большого неудобства для жителей, обуславливаемого ежегодными наводнениями, с 1896 г. жителям было, наконец, разрешено перенести селение в другое, более пригодное место. Избранное место, куда к весне 1897 г. были перенесены все дома прежнего острожка, находится также на левом берегу Кола, но в расстоянии от матёрой реки приблизительно на одну версту, среди густого приречного тальника. Дома разбросаны далеко один от другого, и все среди упомянутого тальника. Всех жителей около 60 чел., нечего говорить, что все они такие же камчадалы... Я при осмотре селения нашёл в нём пять сифилитиков».

Население в 1901 г. — 50 чел.

Важным этапом в развитии населённого пункта стало открытие здесь 16 сентября 1914 г. почтово-телеграфного отделения.

Жители обратились к делегатам Чрезвычайного уездного съезда, проходившего в Петропавловске в марте — апреле 1920 г., с просьбой переименовать селение в *Привольное*. Съезд принял такое решение.

В 1923 г. разведпартия отряда Г. И. Чубарова застала здесь «25 домов, 15 холодных сараев, 10 балаганов, пять амбаров. Численность населения: взрослых мужчин 40, женщин 30, детей мужского пола 29, женского 19. Грамотных 45 чел. Школы и учителя нет, дети грамоты не получают. Вероисповедание православное, имеется часовня, попа нет. Почта, телеграф есть, государственных и других учреждений нет. Занятие жителей — охота, рыболовство и животноводство. Имеется отделение фирмы “Гудсон Бей”, доверенный Рыжук. Продукт рыболовства сдаётся арендаторам Пугачёву и Лаврову. Постоянным скупщиком пушнины является отделение фирмы “Гудсон Бей”. Торговля происходит на обмен товара, мануфактуру. Других товаров, особенно продуктов питания, при торговле очень мало. Также бывает спрос на спирт, каковой привозится

японцами в летнее время. Характер поверхности — тундра, покрытая лесом: берёза, ветла, тополь, ольховник. Район орошается реками: Кол, шириною 35 сажен, глубиною два аршина, в полноводность доходит до полутора сажени; Кехта, шириною 10 саженей, глубиною от одного аршина до одной сажени; Канкта, шириною восемь саженей, глубиною от одного аршина до одной сажени. Средняя температура зимы — минус 25, летом — плюс 15 градусов. Глубина снега от полутора аршин доходит до пяти аршин, падает часто. Ветры дуют со всех сторон. Пурги частые, заносы сильные. Питьевой водой пользуются из рек, ключей и колодцев, качество хорошее. Дороги идут от Немтика и Мономахово по кошке, расстояние до Немтика 18 вёрст. Состояние дороги — болотистое, переправы через реки бродами возможны только в мелководье. Мостов и паромов нет. Телеграфная линия идёт по тундре, состояние плохое. Селение имеет 15 лошадей, из них восемь вьючных, восемь сёдел конских, 410 собак, 33 нарты, 11 батов, 41 пара лыж; 50 коров, коз и баранов нет. Сведений об ископаемых не имеется. Охота производится на соболя и медведя, в среднем размере. Рыболовство хорошее, сбыт плохой. Имеются рыбалки при устье реки Кол — Пугачёва и Лаврова. Кочевых не имеется».

Лоция побережья Охотского моря (1923) указывает: «В девяти верстах вверх по течению реки расположено одноимённое с рекою селение, в котором находится телеграфная станция линии Петропавловск — Тигиль».

По Приполярной переписи 1926 г. здесь было 35 хозяйств, 104 чел.

В 1930-е гг. появился колхоз, получивший имя «всесоюзного старосты» М. И. Калинина. Основным занятием колхозников были рыболовство, сельское хозяйство играло вспомогательную роль.

В отчёте Верхнекамчатского геологического отряда Камчатской комплексной экспедиции (середина 1930-х гг.) сообщается: «В селе Привольном, расположенном в 12 км от побережья Охотского моря на правом берегу реки Кол, имеющем свою школу и детский очаг, к нашему прибытию были только женщины, дети и старики. Шла окучка картофеля, прополка колхозных огородов. На Камчатке земледелие — дело новое для коренных жителей, занимавшихся испокон века рыбной ловлей и охотой, но из года в год оно здесь развивается, и уже сейчас Привольненский колхоз полностью обеспечивает свои потребности в картофеле и овощах. Мужчины же все были на берегу моря — на рыбной путине».

Из «Камчатской правды» за 23 сентября 1956 г.: «Труженики рыболовецкой артели имени Калинина каждый год сдают государ-

ству много рыбы. В прошлом году при плане 16 500 они добыли 21 000 ц лосося. Неплохо потрудились рыбаки-колхозники и в нынешнюю путину. Они досрочно справились с годовым планом и уже сдали в счёт обязательства 2 600 ц. Большую долю денежных средств колхозники направляют на капитальное строительство. С зимы прошлого года в колхозе работает постоянная строительная бригада из 10 чел. Бригада строителей всю зиму работала в лесу. Колхозники не только заготавливали срубы под производственные объекты, а как только установилась дорога, готовые дома перевезли на центральную усадьбу... Только в этом году колхоз перевёл в новые здания контору, детские ясли, больницу, медпункт, построено картофелехранилище. Все дома колхозников радиофицированы. Сейчас колхоз завершает электрификацию села. На будущий год строители решили построить новый клуб и много жилых домов. Особенно старательно трудятся плотники В. А. Толстиков, К. Ф. Рогачёв, Н. Д. Макаров, К. И. Даниленко и П. Н. Кузнецов. Плотники не жалеют сил, чтобы село Привольное, где расположен их родной колхоз, стало самым красивым, благоустроенным селом в Соболевском районе».

Селение исключено из списка населённых пунктов КО 14 февраля 1964 г.

Колпаково, селение. У С. П. Крашенинникова — *Компаково*, *Конпаково*, в острожке (тойон Акет) — 53 ясачных плательщика. Б. П. Полевой сообщает, что в записях о сборе ясака в 1702 г. на реке имелось три острожка: верхний, средний и нижний. В ясачной книге перечисляются имена местных жителей, указывается, что «лучший мужик» по имени Компак жил в среднем острожке. Отсюда у казаков пошло название — Компакова речка.

В 1836 г. здесь жили 64, в 1851 г. — 110 чел.

Селение и река ещё в XIX в. так и именовались — Компаково, затем стали называться Колпаково. В 1868 г. местонахождение селения указывалось на берегу реки Колпаковки. Отсюда до Петропавловска считалось 368 вёрст. Селение имело восемь домов, деревянную часовню, его населяли 42 мужчины и 45 женщин. В 1876 г. селение учтено как Колпаковское с 89 чел. (46 мужского и 43 женского пола), в том числе двое грамотных, в основном камчадалы. Также здесь жила семья отставного казака из пяти членов. В селении имелись часовня, 12 домов, 16 балаганов, баня, а всего 49 построек; девять лошадей, 44 коровы и 160 собак. За сезон добыто 138 зверей, в том числе 42 нерпы, 26 медведей, 32 выдры, 16 соболей.

В 1897 г. селение посетил В. Н. Тюшов. По его словам, «селение Колпаковское, или Колпакова... находится на левом берегу реки того же имени, верстах в пяти от устья. Жителей считается 99, лошадей восемь. Всех домов 16. Несколько лет тому назад три семьи колпаковских жителей перешли вёрст за пять вверх по реке от селения, выстроили там новые домики и образовали новое поселение, так называемый Верхний острожек. Место, где находится Верхний острожек, называется Упткаяк. В настоящее время там только два дома — Ивана Вагина и Иннокентия Слободчикова.

Помимо существенного занятия рыболовством, старательно занимаются звероловством. Так, нерп промышляют на устьях рек Колпаковой и редко Брюмкиной ружьём и спицами, гоньбой и дрыгалками, когда они лежат на лайдах по мысам. Каждое домоводство имеет свой огород, в котором разводится, главным образом, картофель. Дома здесь также сыры, во многих можно видеть растущие плесневые грибки. Окна имеют вместо стёкол в рамах полотнища из медвежьих кишок. Для вентиляции в стене всегда имеется отверстие, называемое всюду на Камчатке “трубушиной”. В более свободное от занятий время женщины занимаются шитьём корзинок и... ачалов из морской травы. Эти произведения продаются желающим “на товар” — за четыре, пять и даже 10 аршин ситцу, который ценится здесь от 17 до 30 коп.

Здесь... невольно бросается в глаза обычай носить маленьких детей женщинами “на заплечках”, как японцы, что жителями обозначается особым словом “зжукайе”. В доме детей кладут в зыбку. Кормят часто, делая соску (титьку) из выделанной оленьей шкуры (ровдуги) или из какой-нибудь материи (“товару”), привязывая к коровьему рогу».

В 1901 г. здесь жили 83 чел.

В 1912 г. в устье реки Колпаковой был построен рыбоконсервный завод Г. А. Менарда размерами 212 на 45 футов. Он имел «деревянную основу, с боков обшит гладким оцинкованным железом; пол во всём здании сделан из бетона. С двух сторон к заводу сделаны пристройки: машинное отделение (45 на 20 футов) и лакировальня (20 на 20 футов). В машинном отделении помещён паровой котёл и паровая машина в 13 сил, которые и приводят в действие все машины».

В 1915 г. местные обитатели сдали заводу 97 297 «хвостов» горбуш и 619 кетин на 1 002 руб. 85 коп., считая горбушу по 1 коп. за «хвост», а кету по 5 коп. Несколько женщин и детей из селения

работали на предприятии, «получая поденную плату, зарекомендовали себя вполне с хорошей стороны».

Описание селения, названного *Компаково*, в 1923 г.: «Имеет 20 домов, 20 сараев и 12 амбаров. Численность населения: 39 мужчин, 31 женщина, детей мужского пола 37, женского 31. Грамотных 22 чел. Имеется одна школа, учитель и 16 учащихся. Вероисповедание православное, имеется одна часовня, попов нет. Главное занятие жителей — охота, рыбные промыслы и животноводство. Продукты — пушнина и рыба — сдаются русским и иностранным коммерсантам на обмен товаров: муку, сахар, чай, мыло, спички, табак и мануфактуру. Пушнина сдаётся на обмен товара и частью на деньги — иены. Имеется кооператив и отделение фирмы "Гудсон Бей", доверенный фирмы Рыжук. Спрос на спирт велик. Доставщиками спиртоносных напитков являются японцы. Имеется один консервный завод в 12 верстах от селения. Устройство поверхности болотистое и лесистое. Род леса: ветла, тополь, белая и чёрная берёза. Район селения Компаково орошается реками: Брюмкина, шириною 20 саженей, глубиною полтора аршина, полноводность бывает в июне месяце; Кынчи, шириною пять сажен, глубиною полтора аршина; Компаково, шириною 25 саженей, глубиною от одного до двух аршин, отличается полноводностью. Температура зимы — минус 25, лета — плюс 10 градусов. Снег падает часто, глубиною достигает до двух аршин. Пурги частые, заносы большие, ветры более южные и отчасти северные. Почва глинистая и тундровая. Питьевой водой пользуются из колодцев и из рек, качество воды хорошее. Зимняя дорога до Мономахово идёт по кошке 42 версты, до Крутогоровой — 40 вёрст. Тропы идут по телеграфной линии. Переправы через реки удобные, мостов и паромов не имеется. Имеется японская телеграфная и коммерческая сеть от одной рыбалки к другой. Состояние телеграфной линии плохое, то есть некоторые столбы стоят на слабой почве и на берегу рек подмываются и постепенно разрушаются. Количество рогатого скота — 31. Сведений об ископаемых и минеральных источниках не поступало. Охота средняя, рыбный промысел выше среднего. При устье реки Компаково имеется два засольных участка: один японский — Катезиро, другой русский — Менарда, и три морских японских участка. В стороне имеются кочевники, сведений об их жизни и занятиях не поступало. Сбыт рыбы плохой. Политработников нет».

В докладе председателя Хайрюзовского волостного ревкома о состоянии волости с октября 1924 по апрель 1925 г. указано: «В селе

Колпаково жители от часовни отказались, здание часовни за ветхостью никуда употреблено быть не может».

В документах советского времени посёлок именуется как *Колпаковский*. По Приполярной переписи 1926 г. здесь было 35 хозяйств, 166 чел. (97 мужского и 69 женского пола). В лоции Охотского моря (1938) указано: «в 7,5 км от берега моря на реке расположено одноимённое с ней селение, в которое ведёт пешеходная тропа».

Колпаково исключено из списка населённых пунктов КО 11 декабря 1964 г.

Комарное, селение. Просуществовало всего несколько лет. После того как жители покинули это место, здесь находился лесозаготовительный участок Козыревского леспромхоза. Сегодня даже старожилы не помнят о том, что некогда было такое совсем маленькое селение.

Единственным документом, где оно упоминается, является Приполярная перепись 1926 г. По ней, здесь размещались пять хозяйств и жили 37 русских переселенцев. Примерно в трёх километрах ниже по течению располагалось село староверов Каменка. Комарное находилось на правом берегу реки Камчатки в 7 км ниже Козыревска. В 1928 г. агроном И. Ф. Голованов застал здесь всего одно хозяйство староверов-переселенцев.

И. С. Гурвич, исследовавший быт старожилов долины реки Камчатки, встретил в Усть-Камчатске И. П. Клеймёнова, рассказавшего, что несколько семей, приехавших на Камчатку в 1925 г., привезли с собой коров и лошадей. Ниже Козыревска на берегу реки Камчатки они основали новое селение, начали заниматься земледелием. Но оно не обеспечивало их продовольствием, поэтому они переехали сначала в Чёрный Яр, затем в Усть-Камчатск.

Уроженец этих мест, сын участника Первой мировой войны, воевавшего в составе русского экспедиционного корпуса во Франции, П. Беговатов рассказывал, что во время Великой Отечественной войны здесь, на Комарином участке, на заготовке леса работали солдаты. С места валки брёвна доставляли до узкоколейной дороги и укладывали на дрезину. Затем их везли к берегу реки Камчатки, где выгружали. Тягловой силой служили лошади.

В лоции 1959 г. указано, что перекат Комариный расположен в 234–235 км от устья реки Камчатки. Река здесь узкая, глубина в районе переката составляет 2,1–2,7 м. На реке находятся четыре довольно крупных, поросших лесом острова. Осенью, когда вода спадает, в центре русла образуется ещё один песчаный остров. Это место сейчас зовут Комаринка.

В середине 1930-х гг. Ключевской леспромхоз начал строить здесь дом отдыха для рабочих. Но затем стройка остановилась, а дом отдыха на 30 мест открылся рядом с пионерским лагерем, на озере рядом с Ключами.

Коряки, село. В самом начале XVIII в. западное побережье полуострова и долина реки Камчатки уже были освоены казаками, обложившими аборигенов ясаком. Непокорёнными оставалась часть коряков-оленеводов и обитатели Южной Камчатки. По данным Б. П. Полевого, осенью 1703 г. отряд из 22 чел. во главе с Родионом Преснецовым достиг устья реки Авачи и открыл для русских Авачинскую губу. Освоение местностей, прилегающих к губе, шло очень сложно. Здешние ительмены отказывались платить ясак и неоднократно убивали ясачных сборщиков. В 1707 г. приказчик В. В. Атласов направил к Аваче отряд из 70 чел. Ительмены собрали со всех близлежащих острогов около 800 чел. После нескольких стычек, потеряв часть людей, казаки были вынуждены вернуться обратно. Следующие походы на «немирных камчадал» вновь терпели неудачи.

В 1712 г. Данила Анциферов возглавил новый отряд для покорения авачинских ительменов. Авачинцы заманили Анциферова с несколькими спутниками в большой балаган и сожгли его вместе с людьми. Но в следующем сражении русские вышли победителями.

С. П. Крашенинников писал: «Верстах в восьми ниже устья Коонам пала в Авачу с северу Имашху речка, над которой живут коряки. Они были прежде оленные, но по отогнании оленей их неприятелем учинились сидячими и поселились на объявленном месте... Да сверх того ясачных коряк, которые живут на Аваче, собольников — трое, лисичников — девять, число людей — 12». Современник Крашенинникова студент А. П. Горланов, заставший в селении как коряков, так и ительменов, сообщает: «Жития во оном острожке пять юрт, 42 балагана; жителей: пятеро коряк, 15 камчадалов». Здесь имелись в виду взрослые мужчины.

Французский путешественник Лессепс отмечал: «Корякский острог лежит посреди вырубленного лесу на реке Аваче, которая в сем месте очень сузилась. Пять или шесть изб и около пятнадцати балаганов составляют весь сей городок... Не так велик и не имеет церкви».

Мореплаватель В. М. Головнин в начале XIX в. записал: «Корякский острожек, или просто Коряки, некогда был обитаем коряками, которые все переселились или перемешались с камчадалами».

В середине XIX в. в Коряках построили часовню. В ноябре 1861 г. здесь проезжал И. Вениаминов, отметивший: «В половине

второго часа мы выехали в четырёх экипажах и в половине одиннадцатого приехали в Коряцкий острожек... 15-го, среда (ноября. — *В. Б.*), с полночи началось ненастье со снегом, который продолжался весь день беспрерывно. В половине двенадцатого я отправлял молебен св. Василию в часовне, устроенной во имя сего святого бывшим исправником В. Куклиным с помощью жителей-камчадалов. При ней устроен особый алтарь и колокольня. Наружным видом часовня весьма хороша. Внутри устроен иконостас, а в алтаре — престол и жертвенник и вся своя утварь, как то: евангелие, сосуды и крест, очень хорошие».

Неоднократно проезжал через этот острожек К. Дитмар: «Население Коряки состоит из 16 мужчин и 13 женщин; у них всего 29 голов рогатого скота и шесть лошадей. Нас встретил очень радушный приём, и камчадал Волков... вызвался сопровождать нас на батах до Старого острога».

В 1868 г. до Петропавловска отсюда считалось 57 вёрст, в селении имелись девять домов, жили 28 мужчин и 25 женщин.

В. Н. Тюшов в конце XIX в. сообщал: «...Коряцкое селение производит более благоприятное впечатление, чем лежащие ниже по реке. На обширной луговой равнине, отдельно от всех других построек, стоит убогая часовенка с окрашенною в красную краску дощатою крышею; жилые дома, казалось, свидетельствуют своими несколько большими размерами, сравнительно с домами Авачи и Старого Острога... Породы, из которых делаются все постройки, и здесь опять были преимущественно тополь, ветла и эрмановская берёза. Дом старосты (Дьяконова. — *В. Б.*) по размерам селения, в котором насчитывается всех жителей не более 70 душ, довольно просторный, даже, можно сказать, большой; содержится чисто... Тип жителей по преимуществу инородческий; сами себя обитатели этого селения называют камчадалами, и под этим же именем известны и официально.

Жителей Коряцкого селения можно назвать... одним общим именем — "рыбоеды". Рыба для них всё, это их насущный хлеб, составляющий почти единственную пищу одинаково в дни праздничные, будничные, постные и скоромные. Рыбою же питается их рабочий скот — собаки. Орудиями и снарядами рыбной ловли служат так называемые запоры, сети, марики и дрыгалки. Наиболее сложным снарядом по своему устройству является запор.

В осеннее время года жители селения, преимущественно женщины, занимаются собиранием по полям луковиц сараны, которая бывает тут двух сортов: одна более низкая с цветками красно-

бурого цвета, называемая кругляшкой... другая с более высоким стеблем, с весьма крупным и красивым оранжевым цветком, называемая овсянкой. Тот и другой вид луковиц сараны употребляется в пищу. Из них варится на молоке очень вкусная каша».

Численность населения, скота и лошадей менялась так: в 1836 г. — 54 чел., 20 голов и одна соответственно; в 1851 г. — 50 чел., 17 голов и одна; в 1901 г. — 108 чел., 74 голов и 27; в 1910 г. — 108 чел., 35 голов и 16.

По переписи 1876 г. числится 69 чел. (38 мужского и 31 женского пола), из них четверо грамотных; 41 камчадал, 15 отставных казаков, шесть отставных чинов морского ведомства, семеро местных мещан. Селение составляли часовня, 10 домов, одна юрта, девять амбаров, 11 балаганов, девять стай и три бани. За охотничий сезон добыто 34 соболя, восемь оленей, 14 нерп, два медведя, 11 выдр, одна лисица, одна росомаха. Заготовлено 58 080 рыбин.

Инженер П. Крынин в 1909 г. дал такие сведения о Коряках: «Мужчин 64, женщин 47, всего 111; часовен — одна, жилых домов — 17, школ — одна; рогатого скота — 42, лошадей — 17, ездовых собак — 213. Добыто 30 соболей, 41 медведь, лисица, девять выдр, пять горностаев».

В 1920 г. при помощи Союза камчатских кооперативов открылся Корякский кооператив.

По отчёту Камчатского губревкома за 1923 г., здесь жили 110 чел., в том числе 22 больных. Перепись 1926 г. показывает 22 хозяйства, 122 чел. (66 мужского и 56 женского пола). В начале 1930-х гг. здесь возник колхоз «Вторая пятилетка». К 1940 г. был построен «хороший, большой магазин... при избе-читальне создана библиотека». О её работе в марте 1940 г. рассказала «Камчатская правда»: «Образцово поставлена культурно-массовая работа... (избач Естехин). Там проводятся беседы, доклады, устраиваются громкие читки, организуются художественные выставки, коллективное слушание радиопередач. За хорошую работу изба-читальня премирована патефоном».

А вот пример работы сельских депутатов: «...товарищи Слободчикова и Осминин поставили вопрос о расширении медпункта. В своём выступлении Слободчикова сказала: “Население нашего села выросло. Это уже не то село, что было раньше, с 10–15 избушками. Избиратели требуют расширения фельдшерско-акушерского пункта. Думаю, что вы согласитесь с этим. Сессия поддержала просьбу депутата».

Колхоз развивался, но ему остро не хватало людей и техники. Были приглашены переселенцы. Обращение к ним — письмо местных

жителей — опубликовано в «Камчатской правде» 23 августа 1940 г: «Мы ждём в нашем родном колхозе. Большинство членов нашего колхоза “Вторая пятилетка” родились и выросли здесь, в селе Коряки. Совсем недавно в нашем селе было пять-шесть домиков, кругом лес. В город вела узкая, извилистая тропинка. Сейчас село нельзя узнать: расступилась тайга, выстроилось несколько улиц, в центре села находятся школа, изба-читальня, почтовое отделение, новый магазин. Есть у нас фельдшерский пункт. В город ведёт шоссейная дорога.

Село у нас колхозное, осталось единоличников три-четыре хозяйства. В каждом колхозном дворе есть корова, кроме тех, кто недавно вступил в колхоз. Есть в достатке свои овощи, молочные продукты, рыба. Культурнее стали жить наши колхозники. Редко в каком доме нет радио или не выписывается газета. В село часто приезжает кинопередвижка с новыми картинами.

С каждым годом расширяется посевная площадь. Начали мы в колхозе своё хозяйство с четырёх гектаров картофеля. В этом году посадили картофеля на 36 гектарах. Кроме него, у нас есть ещё овощи и посевы зерновых культур.

В 1933 г. у нас было колхозного имущества на 24 894 руб., а сейчас — на 198 078 руб. Почти в три раза вырос доход колхоза. В 1939 г. мы получили дохода 287 922 руб.

Доярку нашего колхоза Екатерину Александровну Селиванову знает вся область. Она добилась с каждой фуражной коровы удоя молока 1 700–1 800 литров. Товарищ Селиванова была экскурсантом на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1939 г.

Мы вас ждём, дорогие переселенцы! Вместе с вами мы, безусловно, справимся с поставленными перед нами задачами. Дружной работой завоюем первенство в соревновании с колхозами имени XVI партсъезда и “Путь Ильича”. *Осьминин П.*, *Слободчикова О. Ф.*, *Мышанина В. М.*, *Осьминина Л. С.*, *Рогачёва А. И.*, *Ядринцева А. Е.*, *Круглова Е. Д.*, колхозники колхоза “Вторая пятилетка”».

В годы Великой Отечественной войны селяне вносили посильный вклад в общее дело Победы. Газета «Камчатская правда» 4 июля 1941 г. писала: «...работают с утроенной энергией. План весенней посевной кампании колхоз выполнил на 100,2 %. На севе особенно хорошо работали первое, второе и третье звенья, которые выполняли норму на 125–150 %. Колхозницы этих звеньев вырабатывали норму на 125–150 %...»

В апреле 1943 г. газета рассказала о труде школьников: «Учащиеся третьего и четвёртого классов начальной школы села Коряки

работали на днях на колхозном поле по досрочной сгонке снега. Ребята быстро наполняли вёдра и корзины землёй и затем рассыпали её по снегу. Всего за этот день ребята посыпали площадь в 5,65 га. Особенно хорошо работали ученики Баннов Ося, Селиванов Трифон и Естехин Валя».

Перепись 1979 г. учла 1 982 чел., на территории Корякского сельского Совета жили: в посёлках Березняки — 468, в Зелёном — 756 и Лесном — 951 чел., в сёлах Северные Коряки — 308 и Южные Коряки — 516 чел.

Кострома, селение. О возникновении названия морской косы, по которой получило название и небольшое рыбацкое селение, сообщает В. П. Мартыненко: «В 1913 г. у южной оконечности косы Песчаной потерпел аварию пароход Добровольного флота “Кострома”, совершавший коммерческие сезонные рейсы по побережьям Камчатки».

Газета «Путь Ильича» 28 мая 1965 г. писала о строительстве на северной части косы: «Всё новые и новые жилые и производственные здания вырастают на колхозном участке Кострома, куда переведено островное отделение колхоза “Ударник”. Недавно бригада строителей под руководством Наконечного приступила к закладке ещё одного фундамента. На этот раз строители возведут здание будущего сетепошивочного цеха».

Лоция Берингова моря (1969) указывает: «Селение Кострома расположено в северной части косы Кострома. Жители селения занимаются в основном ловом рыбы. В селении находится рыбопромысловый участок. При участке имеется магазин, столовая и баня. Пресную воду жители берут из колодцев».

«Камчатская правда» 1 октября 1978 г. так охарактеризовала селение: «Мыс Кострома — рабочий мыс. Те самые домики, к которым ведёт дорога из райцентра, — усадьба колхоза “Ударник”. Проживают в посёлке около пятисот человек. Есть здесь начальная школа, Дом культуры с библиотекой, спортивным залом, узел связи, магазины, баня... Колхоз “Ударник” ещё 5 сентября доложил о выполнении трёхлетки по добыче рыбы... Рыбаки добыли 16 219 т рыбы при плане трёх лет 16 000 т».

По итогам Всесоюзной переписи населения 1979 г. здесь жили 388, а в 1994 г. — 280 чел.

Кошегочек, селение. Находилось на одноимённой реке, впадающей в Охотское море в двух километрах от устья. До Петропавловска отсюда 362 км. Ближайшие селения: на юг — Запорожье,

на север — Голыгино. Первоначально на реке Кошегочек имели рыболовные участки японцы и русский предприниматель Чурин.

И. И. Огрызко приводит фрагмент документа со сведениями об образовании селения: «В 1915 г. группа крестьян Смоленской и Вятской губерний подала прошение на имя камчатского губернатора: “Мы прибыли на Камчатку в 1909 г. с целью поселения... на реке Косогочке... Местность, по нашему взгляду, пригодна для местных огородов, имеются хороший сенокос, а также близко охоты на медведя и на оленей, причём на этой же реке селениев и рыбалок никаких не имеется...”»

В 1924 г. здесь учтены 20 хозяйств. В 1926 г. числились 14 хозяйств, 29 мужчин и 19 женщин, всего 48 чел.

В 1936 г., по данным Камчатской комплексной экспедиции Наркомпищепрома СССР, имелось 15 дворов, из них пять камчадальских и десять русских.

В 1930-х гг. Кошегочек становится производственным участком Озерновского рыбокомбината.

Крапивная, село. В начале 1930-х гг. власти решили разместить эвенов-кочевников в сёлах, построенных русскими строителями. В 1932 г. в границах существовавшего тогда Ламутского района образован Быстринский национальный район. В 1933 г. его население насчитывало 538 чел.

В октябре 1932 г. на основе строившихся больницы, школы, интерната, ветпункта появился посёлок, которому по инициативе делегатов районного съезда Советов присвоили название «Эссо», по-русски «Быстрый» (в конце XIX в. у К. Богдановича встречается написание «Ессо»). Росли и другие новые национальные сёла: Анавгай, Тваян, Лаучан, Кеккук. Они нуждались в доставке всё возраставших объёмов продуктов, одежды, строительных материалов. Для этого требовалась дорога, первые попытки её строительства были предприняты ещё в 1929 г.

3 ноября 1929 г. газета «Полярная звезда» напечатала небольшую заметку: «Кочевники-ламуты для улучшения связи расчистили половину дороги на Козыревск. Стремление ламут — связаться с культурными центрами — надо поддержать. Поэтому облисполком дал распоряжение Усть-Камчатскому райисполкому провести вторую половину работы, рекомендовав Козыревску исполнить её в порядке самообложения».

Для снабжения селений отдалённого района товарами, завозимыми из Усть-Камчатска по воде, на родниковой речке Анчекрах при её впадении в полноводную Камчатку решили разместить

перевалочную базу. Немного выше Козыревска на левом берегу реки Камчатки началось сооружение посёлка и складов для хранения продуктов.

Жители-переселенцы нового села занимались перевалкой товаров, работали на складах, доставляли на лошадях и собачьих упряжках грузы в Быстринский район, на базу, расположенную на 40-м километре, там, где в реку Быструю впадает речка Кававля. За несколько лет они пробили тропу, по которой летом шли конные вьючные караваны, зимой — собачьи нарты. С 40-го километра товары по сёлам района доставляли местные возчики. Шло время, по конной тропе пустили первый трактор, потом по прорубленной просеке прошли полноприводные грузовые автомобили. Эта старая заросшая дорога и остатки деревянных мостов видны ещё и сегодня.

С созданием Усть-Камчатской торговой базы здесь стали собирать грузы для Быстринского района, во время навигации их на катерах доставляли до Крапивной. Благоприятное время для завоза снабжения было непродолжительным: в сентябре уровень воды в реке Камчатке значительно падал, движение катеров с баржами становилось затруднительным. После открытия автодороги Петропавловск — Эссо роль Крапивной как перевалочной базы резко уменьшилась.

В 1970-х гг. в Крапивной организуется лесоучасток Козыревского леспромхоза. В это время в селении жили 120 чел. После активной, но непродолжительной работы лесоучасток закрылся. Вот что вспоминал об этом событии один из его жителей, служивший тогда в армии: «Получил письмо от матери, написано коротко, с болью. Посёлка Крапивная больше нет, всех переселили или в Атласово, или в Эссо. Мы с семьёй переехали в Козыревск, получили квартиру. Вся Саратовская улица заселена Крапивнинскими. Далее описывается, как тяжело люди перенесли трагедию, много их умерло от сердечных приступов, несколько пьяных утонули в реке, другие случайно застрелились на охоте. Некоторые семьи наотрез отказались уезжать, сказали: лучше здесь, в родной сторонушке помирать, чем на чужбине. Я долго сидел неподвижно. Для меня был такой удар, кровь в жилах кипела, что я не мог в это поверить, на глазах наворачивались слёзы, хотелось в кого-то стрелять, кого-то бить и бежать без оглядки. Одним росчерком пера на бумаге перечеркнули мое детство, мою юность. Я теперь — бездомная собака, сирота при родителях. Кто же дал такое право? О, господи, чем я жил и дорожил, что помогало мне в армии выстоять, теперь у меня нет, я опустошён и обезглавлен, я живой труп. Мысленно

вспоминаю родных и близких, а мне было всё родное в селе, представляю, как каждый переживал трагедию».

Сейчас здесь нет магазина, почты, электричества, но летом живут несколько семей.

Красный Яр. На расстоянии 181 км от устья реки Камчатки, в 25 км ниже села Майского, на правом берегу находится место, именуемое Красным Яром. Рядом — озеро Красное, с левого берега в Камчатку впадает протока Красная, получившие названия по цвету воды, содержащей глинистую взвесь, придающую ей красноватый оттенок.

Сколько живут люди на берегах реки Камчатки, столько им приходится сталкиваться с её непростым характером. Пришельцы, вновь поселяясь на берегах главной реки полуострова, снова и снова повторяли одну и ту же ошибку: они ставили свои жилища очень близко к воде. Неоднократно в половодье река затопляла дома, улицы, а иногда смывала целые села. Несколько раз переносили с места на место Ушки, Козыревск, а из Машуры жители уехали на другое место, где основали новое село — Долиновку.

Из-за размыва берега прекратили существование и Кресты, расположенные в 30 км от Ключей. В феврале 1924 г. Усть-Камчатский райревком рассмотрел заявление крестовцев с просьбой разрешить им переселиться на десять вёрст выше по реке Камчатке. Райревком решил: «Принимая во внимание, что берег реки Камчатки, на котором расположено селение Кресты, течением реки подмывается, этим вынуждает жителей переносить постройки, а так же и то, что селение расположено на низком болотистом месте, вследствие чего оно каждодневно в половодье подвергается затоплению и жителям нет возможности заниматься огородничеством, возбудить пред губземотделом ходатайство о разрешении гражданам-просителям переселиться в указанную местность под названием “Красный Яр”, отстоящую в 10 верстах выше селения Кресты».

Датой образования села, названного по месту расположения Красным Яром, считается 1926 г. В этом году здесь уже жили 19 чел. В 1930 г. селение составляли восемь дворов. По плану переселения сюда в 1931 г. должны были перебраться до 300 семейств лесорубов. Проект, выполненный землеустроительной партией, предусматривал, что в Красном Яру будут жить 633 чел. Но эти замыслы не осуществились.

Первое время новосёлы размещались в палатках и землянках. Постепенно они перевозили сюда свои дома из Крестов. Образо-

вавшийся колхоз «Красное знамя» выращивал капусту, картофель, огородные овощи, содержал скот.

В 1950-х гг. в Ключах развернулось строительство ракетного полигона. Большой интерес к новому оборонному объекту проявили США. В марте 1953 г. американские самолёты неоднократно нарушали воздушное пространство СССР в районе восточного побережья Камчатки. В конце марта неопознанный самолёт на большой скорости проскочил рубеж прикрытия противовоздушной обороны, облетел Ключи и Красный Яр и ушёл за пределы Камчатки в сторону Тихого океана.

Красный Яр закрылся в 1968 г., его жители переехали в близлежащие сёла Майское, Козыревск, Ключи. В начале 1990-х гг. на месте Красного Яра безуспешно пытались обосноваться фермеры. Сейчас здесь остались только ямы от домов да кусты одичавшей смородины, в которых можно найти ржавую сельскохозяйственную технику. Гражданских жителей не осталось, но на месте бывшего селения ныне несёт службу воинское подразделение.

Красная сопка, посёлок. Возник в январе 1939 г., назван по расположению поблизости от одноимённой сопки. Здесь непродолжительное время располагался посёлок рыбозавода № 4 Олюторского рыбокомбината, работали фельдшерский пункт, школа и детский сад. В августе 1968 г. решением КОИК исключён из списков населённых пунктов КО.

Крахча, селение. По данным В. П. Кускова, возникло в 1947 г. После Великой Отечественной войны на Камчатке стало быстро развиваться лесное хозяйство. В 1949 г. для работы в нём централизованно прибыла большая группа переселенцев. Затем в лесные посёлки начали приезжать врачи, учителя, другие специалисты.

Название *Крахча* у местных жителей существовало ещё в дорусский период, когда здесь не было никакого селения. В 1909 г. описанием реки Камчатки занимался В. Н. Лебедев. Он отметил протоку, именуемую *Крахць*. По Б. Дыбовскому, это слово можно перевести как «бабушка», но вообще-то значение этого слова более ёмкое — «священное место».

В XIX в. Крахча была известна как место обитания дикого табуна лошадей. Сюда камчадалы из ближайших сёл выгоняли своих лошадей на зимний выпас. До постройки моста через Камчатку на 168-м километре здесь работала автомобильная переправа: летом на пароме, зимой по льду.

Селение Крахча располагалось на правом берегу реки Камчатки в 285 км от Мильково. Строилось оно быстро. Газета «Камчатская

правда» 1 октября 1950 г. сообщала: «В Козыревском леспромхозе на лесоучастке Крахча в этом году будет закончено строительство 54 новых жилых домов. В этих домах будут жить лучшие стахановцы, служащие и инженерно-технические работники».

Областная молодёжная газета «Камчатский комсомолец» в статье «Растут сёла, растут люди» сообщала: «Летом 1949 г. сюда прибыло 250 семей. Трудно было первое время новоселам... С ранней зари до поздней ночи, и это помимо основной работы, люди вырубали лес, выкорчевывали пни, разделывали участки под усадьбы. На строительство школы с ними выходили и дети, и жёны — работы хватало всем. За три месяца была построена большая светлая школа, 1 сентября дети сели за парты. С каждым годом рос наш посёлок. Сейчас у нас более двухсот новых домов. В посёлке имеются семилетняя школа, больница, библиотека, два магазина, пекарня, электростанция, баня, столовая, клуб».

Описывая трудовые будни жителей Крахчи, козыревская газета «Камчатский лесник» в 1954 г. писала: «Высокой производительности труда добивается тракторист Крахчинского лесозаготовительного участка Иван Штонда. Он вместо 40 кубометров подвозит к верхним складам до 90 кубометров древесины в день... Этот молодой механизатор любит свою специальность. Вверенный ему трактор он всегда содержит в исправном состоянии... Василий Жальских горячо взялся за освоение материальной части электропилы, которая заменяет топор и пилу, намного облегчила труд рабочих».

В 1960 г. на лесозаготовках использовались лошади Орех, Керчь, Жаба, Листик, Маклуха, Зея, Замок.

К началу 1960-х гг. в Крахче имелись два магазина, школа-семилетка, больница, жили около 500 чел. Отдыхали они активно. Старожилы Козыревска и сегодня вспоминают о футбольных баталиях между командами двух соседних сёл.

С каждым годом всё дальше и дальше приходилось добираться рабочим от посёлка до отодвигавшейся лесосеки. Расстояние превышало 60 км. Затраты на транспорт значительно увеличивали себестоимость продукции. В 1964 г. администрация Козыревского леспромхоза решила заготавливать лес на Крерукe, расположенном в 20 км от Козыревска. Теперь рабочих из Крахчи стали возить сначала в Козыревск, а затем на деляны на Крерукe.

Руководство леспромхоза начало переселять людей из Крахчи в Козыревск и Быструю. В 1967 г. в селе осталось всего 50 семей. Через пять лет стало ясно, что сырьевая база на Крерукe оказалась слабой, и содержать посёлок лесорубов стало экономически нецеле-

сообразно. Прошло всего 27 лет, и селение Крахча было исключено из списка населённых пунктов КО. Случилось это в декабре 1974 г.

Кресты. Сегодня мало кто знает, что на Камчатке было такое селение, и не может сказать, почему оно так называлось. Селение Кресты, или Крестовское, располагалось рядом с устьем реки Крестовки, где русские казаки в конце XVII в. поставили православный крест — знак присоединения полуострова к Российскому государству.

Традиционными жителями этих мест были ительмены. Затем, после эпидемии «гнилой горячки» в 1799—1800 гг., когда большая часть населения погибла, сюда в начале XIX в. переселили несколько семей крестьян из русской деревни Ключи. Они несли каюрную повинность, обеспечивая удобство проезда чиновников и других «государевых» людей, предоставляя им ночлег и стол.

Точная дата образования Крестов неизвестна. Ещё до прихода на Камчатку русских в этих местах находилось ительменское поселение. Об этом свидетельствует С. П. Крашенинников, располагавший его в 43 вёрстах от Харчино и в 61 версте от Голкова острожка. Лессепс, проезжавший по этим местам в 1788 г., пишет: «Первая деревня была на дороге (от Ушков. — *В. Б.*) Крестова, она мне показалась немного получше прежней, но мало отличалась от прочих». К. Дитмар сообщал, что Кресты основаны в 1820 г., но В. Головнин уже в 1810 г. отмечал, что острожек Крестовский находился на расстоянии 31 версты от Ключей. П. Громов указывает: «Креста ныне нет; но от него река Кчанутчш получила название Крестовой, а от ней и самое селение, состоящее из нескольких семей пашенных крестьян, давних переселенцев с Лены, названо Крестовским». С Дитмаром согласен А. Кириллов, автор «Географическостатистического словаря», вышедшего в 1894 г. Он пишет: «Крестовское селение на Камчатке... основано в 1821 г. крестьянами, выселившимися из села Ключевского».

В 1868 г. от Авачинской губы до селения считалось 592 версты. В нём стояли восемь домов, жили 24 мужчины и 26 женщин. По переписи 1876 г., здесь обитали 48 чел., из них лишь один грамотный. В селении имелись восемь домов и столько же балаганов, 12 амбаров, семь стай и две бани. В 1888 г. здесь были часовня и десять домов, 39 мужчин и 42 женщины. В 1891 г. из 19 местных детишек школьного возраста грамоте обучались пять мальчиков и 12 девочек, а в 1896 г. из 14 детей почему-то никто не учился.

В 1893 г. в селении жили Докучаевы, Ушаковы, Кречетовы, Рыковы, Чудиновы. В начале XX в. заметной фигурой здесь был русский

купец Власов, успешно ведший меновую торговлю на Камчатке, Чукотке и Аляске.Мало кто знает, что после гражданской войны в Крестах на поселении находились бывшие русские офицеры, воевавшие на стороне белых.

После установления советской власти сельский комитет возглавил В. Ушаков, секретарём при нём состоял И. Чуркин.

Когда на Камчатке началась коллективизация, власти, учитывая, что близ Крестов не было мест, благоприятных для возделывания сельскохозяйственных культур, решили перенести селение на новое место — Красный Яр. Переселение проходило постепенно в течение довольно длительного срока. В 1933 г. в Крестах числились 29 хозяйств, жили 100 чел.: 53 мужчины и 47 женщин, по социальному составу делившихся на 61 бедняка, 27 середняков, 12 рабочих, а по национальному составу — на 45 русских, 54 камчадала и одного корейца.

В начале 1930-х гг. здесь возник колхоз «Красное знамя». В 1935 г. он располагал 20 лошадьми, 13 коровами, четырьмя свиньями и 10 собаками. В 1930-х гг. председателем сельсовета трудился местный житель Михаил Васильевич Чудинов, в селе работала начальная школа.

Бывшая жительница селения Раиса Кирсановна Маленкова (Коллегова) вспоминала: «У нас был небольшой домик. Сначала заходишь в коридорчик, а затем комната, в комнате стояла печь, было три окна и три кровати, и всё. Во дворе банька. Дрова хранили в коридоре и возле бани. Мама нас заставляла подметать в уголок щепки. Дрова обычно заготавливали из сушняка, их не кололи. Как помню, к печке подходишь, а рядом квашенка стоит. Хлеб пекли в печке. Недалеко от Крестов построили кирпичный завод, вниз по реке, налево, примерно три-четыре километра от села».

А вот что вспоминала о былой жизни Валентина Михайловна Фомич (Чудинова): «Деревушка была двадцать с лишним домиков, колхоз, поля были в Красном Яру, по линии связи — семь километров, напрямую — четыре, но летом по тундре не пройдёшь — вода. Была часовня, при мне там были клуб и библиотека, и избач — Коля Портнягин. Часовня стояла около дороги в Ключи, а за часовней было старое кладбище. А при мне кладбище было по дороге в Красный Яр.

Охотились, ловили свежую рыбу, красную в основном. На зиму варили жир. Разводили костры, камни нагревали добела, докрасна, всё кипело, потом собирали жир. Его по семьям делили, по количеству членов: у тебя пятеро детей — тебе столько, у тебя двое —

поменьше. Банками делили, в банках и сохраняли. С рыбьим жиром ели печёную картошку (печёнки). Её ставили в печку часа на три-четыре. Верхушку очищаешь, добавляешь жирку и соли. Первая рыба — настоящий праздник! На берегу отрезают головки, скоблят слизь, нарезают кубиками и едят без соли, без всего. Ели олений мозг, тоже без соли. Солёные чавычьи хвосты рубили на части, ели. У нас на Крестах ключей нет, и река замерзала. Воду брали из проруби всей деревней. Кресты образовались позже, чем Ключи, а при нас дома из Крестов перевозили тракторами на санях в Красный Яр, потому, что не было полей, нет выпасных пастбищ.

С первого по четвёртый класс занимались в одной комнате. На первом ряду сидит первый класс, на втором — второй, потом третий, четвёртый. Была одна учительница, она давала задание: эти самостоятельно занимаются, эти пишут, эти читают. Вот так мы и учились. Учительница — Зинаида Петровна Юркова из Хабаровска, молоденькая, жила у нас. К каждому празднику готовились, самодеятельность была и танцы. В нашей семье шестеро детей. Отец нарту запряжёт с фонарём, всех посадит и везёт, детсадовто не было. В праздник всех детей в клуб стаскивали. Сначала на сцене выступают, а потом там же спать уложат, сами танцуют, а отцы в домино играют. Но чтобы матерились, чтобы пили — не было такого...

За ягодой ходили на моховище, от нас рядом. У нас ветра не дуют, даже бельё вешают без прищепок...»

Кроме сельского хозяйства и рыбной ловли селяне занимались охотой. Районная газета «Штурм» 6 февраля 1938 г. писала по этому поводу: «Крестовский колхоз на 25 января план пушных заготовок выполнил на 54,7 %. Впереди всех охотников села Кресты идёт бригада колхозника Рыкова, члены бригады Чудинов Т. В., Коллегов Х. П. Бригадный договор заключён на 2 365 руб., сдано же пушнины уже на 1 973 руб. Бригада уверена в перевыполнении своего плана».

Постепенно все местные жители перебрались в Красный Яр, и после Великой Отечественной войны селение Кресты опустело.

Кроноки, посёлок. В. П. Кусков сообщает: «Возник в 1940 г. как база Кроноцкого заповедника, затем исчез. Вновь восстановлен в 1960 г.». В ноябре 1952 г. на побережье Кроноцкого залива обрушилось цунами. По словам Б. И. Пийпа, здесь смыты «склады нефтегазоразведки, и там погибло девять человек».

Исключён из списка населённых пунктов КО 13 декабря 1974 г.

Крутоберегово. На Камчатке два населённых пункта носят такое название: одно расположено в Елизовском районе, другое — в Усть-Камчатском. О последнем и пойдёт речь.

Его возникновение связано с трагедией, разыгравшейся 14 апреля 1923 г. в устье реки Камчатки. Тогда на Усть-Камчатск и рыбоконсервные заводы, расположенные на морском побережье, обрушилось цунами, погибло много людей. После этого жители Усть-Камчатска Попов, Фрикман, Константин Косыгин, Кирилл и Леонид Яковлевы решили переехать за 18 км от райцентра в более безопасное место и поселиться в предгорьях Камчатского мыса, на берегу небольшой нерестовой речки Крутой. Новое поселение получило название Крутоберегово.

Его население быстро росло. В 1924 г. здесь уже жили 37 чел. Затем сюда стали приезжать переселенцы из Центральной России: Брагинцевы, Бобкины, Вычегжанины, Нараб, Осколковы, Онскули и другие.

Дома располагались на «горе» — бывшей морской террасе, там, где несколько веков назад дымились костры коренных обитателей этих краев — ительменов. Это место получило громкое название — Кремль. Здесь возводились добротные рубленые дома и бараки, прослужившие людям вплоть до 1980-х гг.

В 1933 г. в Крутоберегово имелись 71 хозяйство и 310 селян, в том числе 165 бедняков, 74 середняка, 38 батраков и 33 рабочих. Их национальный состав распределялся так: 282 русских, 26 украинцев, по одному корейцу и поляку.

В 1935 г. хозяйств осталось всего 27, причём 20 из них входили в колхоз. Председателем сельсовета был Коковин.

В 1936 г. в селе жили 198 чел., число хозяйств по сравнению с прошлым годом увеличилось на 30, членами колхоза стали 52 хозяйства из 57.

В ходе коллективизации появилось хозяйство «Рыбак-Охотник». Местные остряки называли его так: «Ни рыбалки, ни охоты». Действительно, в 1939 г. вместо 400 т рыбы поймали всего 135. В этом году работали 72 колхозника.

1943 г. выдался неурожайным. Так, картофеля при плане 75 ц с гектара собрали всего 24. Общий доход от растениеводства составил 41 568 при плане 138 087 руб. На один трудодень колхозники получили 9 руб., 0,7 кг картофеля и 0,1 кг капусты. Одной из причин невыполнения плана, по мнению райисполкома, явилась плохая работа председателя колхоза Привалихина, вместо которого избрали Н. Г. Сосновского.

В его характеристике значилось: «С 1943 г. работает председателем колхоза, за это время колхоз значительно вырос в экономическом отношении, колхозники стали зажиточными. Ежегодное выполнение плана по добыче рыбы колхозом составляет от 105 до 193 %. По его инициативе введены хорошо оправдавший себя метод полгектарниц по обработке картофеля, благодаря чему план урожая перевыполняется ежегодно от 163 до 304 %. Тов. Сосновский принимал активное участие в помощи фронту».

В 1943 г. колхозники Крутоберегово передали в особый фонд Главнокомандующего Красной Армией 500 л молока, 315 пудов картофеля и одну голову крупного рогатого скота.

В колхозе с 1930-х гг. работала начальная школа. Затем дети продолжали учёбу в школе на Первом заводе в Усть-Камчатске. Сначала учащиеся жили в доме колхозника, затем для них организовали интернат. Из него ребята на выходные дни добирались до дома пешком.

В 1949 г. колхозники заработали на трудодень 10 руб. 49 коп. и по килограмму картофеля и овощей. В 1950 г. в колхозе имелись 28 хозяйств, работали 58 чел., в том числе 28 мужчин, 27 женщин и три подростка. Хозяйство располагало 27 головами крупного рогатого скота, 15 лошадями, 50 овцами и тремя свиньями. Посевная площадь равнялась 9,5 га. Стоимость трудодня в этом году составила 5 руб. 49 коп. Попытка заняться овцеводством потерпела неудачу: небольшое стадо, находившееся на пастбище, попало в сильную пургу, все овцы замёрзли.

В 1955 г. местную власть возглавляли председатель сельсовета Вычегжанин, секретарь парткома Нараб и председатель колхоза Федоринов. Дела в хозяйстве шли плохо, урожаи были низкие, страдала трудовая дисциплина. Основных причин тому было несколько: отсутствие сельхозтехники, низкая агрокультура, суровые климатические условия.

В начале 1960-х гг. колхоз вошёл в совхоз «Усть-Камчатский». Вот что писала газета «Ленинский путь» 21 октября 1960 г.: «Усть-Камчатский совхоз — одно из молодых предприятий района. Хозяйство его уверенно идёт в гору. Особенно хороших результатов добились животноводы. Средний надой молока на одну корову увеличился на 429 кг и составил 2 170 кг. Совхоз сдал государству 1 964 ц молока». Спустя некоторое время совхоз стал называться «Крутобереговским».

Новое хозяйство расширялось. Были построены две улицы с домами на двух хозяев с бытовыми удобствами. Сооружались

коровники, склады, гараж, механические мастерские, был возведён Дом культуры, магазины. В августе 1972 г. открылся новый клуб. «В День строителя жители села Крутобережова и работники совхоза получили от строителей подарок — новый клуб на 200 мест. В строительстве этого учреждения культуры принимали участие студенческие строительные отряды московских институтов. Вчера в торжественной обстановке прораб строительного участка Б. Н. Лущик вручил ножницы передовой доярке Крутобереговского совхоза Н. С. Румянцевой, которая перерезала ленточку. Клуб открыт!»

В 1979 г. в селе жили 746 чел.

К 1980-м гг. посевные площади кормовых культур составили около 2 000, силосных культур — до 13 500, сенокосов — около 1 500 га. Совхоз имел одно из крупнейших на Камчатке стадо крупного рогатого скота и полностью обеспечивал молочными продуктами и куриными яйцами восемнадцатитысячное население Усть-Камчатска. Избыток вывозился в областной центр.

За долгую историю колхоза и совхоза здесь сменилось много председателей, но и сегодня старожилы с особенной теплотой вспоминают Тихона Васильевича Каширского. При нём хозяйство достигло самых значительных высот. Его авторитет у селян был непререкаем, а к людям он относился по-доброму.

26 февраля 1988 г. в совхозе «Крутобереговский» состоялись выборы нового директора. По итогам голосования им стал В. Я. Корниенко.

В 1988 г. в селе жили 310 семей, 170 из них содержали подворья, 530 свиней, огороды площадью 19 га, 200 семей имели теплицы площадью 4 000 кв. м.

18 апреля 1991 г. директор совхоза В. Я. Корниенко отправил в адрес председателя Усть-Камчатского райсовета письмо, в котором, в частности, говорилось: «В 1991 г., согласно утверждённому производственно-финансовому плану, убытки от реализации мяса птицы составят 404 тыс. руб., от яйца — 209 тыс. руб. В целом убытки составят 703 тыс. руб., а с учётом увеличения тарифа на перевоз... к концу года — 1 млн руб., что ознаменует финансовый крах и банкротство совхоза».

В конце мая 1992 г. работники совхоза готовились объявить забастовку и выдвинули властям ультиматум: если их экономические требования не будут удовлетворены в двухнедельный срок, то совхоз прекратит поставку продукции населению Усть-Камчатска и откажется от проведения посевной кампании. Но это не смогло переломить критическую обстановку.

В 1993 г. численность жителей составила 700, в 1994 г. — 666, в 2002 г. — 407 чел. Население продолжало сокращаться. Совхоз «Крутобереговский» прекратил существование, на его остатках образовалась агрофирма «Усть-Камчатская».

В 2002 г. село образовывали пять улиц: Юбилейная, Новая, Строительная, Лесная, Нагорная и переулок Строительный. В этом году здесь действовали участок тепловодхоза, дом культуры, три частных предприятия, школа и детский сад «Теремок», который посещали 16 детей. Большинство селян уже покинули эти благодатные края, остались лишь несколько десятков семей, жизнь которых далека от процветания. В связи с перемещением воинской части, где работали многие крутобереговцы, участь села предрешена.

Крутогорово, острожек, селение. Это название встречается ещё у С. П. Крашенинникова. В источниках XIX в. попадается написание *Крутогоровск*.

К. Дитмар в середине XIX в. застал селение расположенным в 15 верстах от моря на левом берегу реки Крутогоровой. Здесь стояли пять домов, в которых жили 45 чел. Они содержали 19 коров. Отсюда до Петропавловска насчитывалось 400 вёрст. В 1868 г. домов в Крутогорово было шесть, а жителей — 33 (19 мужского и 14 женского пола). Здесь действовала деревянная православная часовня.

По переписи 1876 г. жителей стало уже 46, в том числе 23 мужчины и 23 женщины. По сословному составу они подразделялись на мещан «здешних» и камчадалов. Село составляли 25 построек, жители содержали семь лошадей, 45 коров, 94 собаки. Они посадили 47, а собрали 139 пудов картофеля, за охотничий сезон добыли по пять соболей и выдр, три лисицы и 33 нерпы.

В конце XIX в. В. Н. Тюшов дал селению следующую характеристику: «Расположено на левом берегу одноимённой реки, точнее, на левом берегу небольшой протоки, приблизительно в расстоянии одной версты от самой реки и того места, где жителями ставятся рыбные запоры; верстах в 25–30 от ея устья в море. Население инородческое камчадальское, утратившее свой родной язык настолько, что даже дети пользуются исключительно русским языком, своеобразно коверкая его на свой лад.

Одиннадцать небольших домиков, большею частью обнесённых оградками, с надворными постройками, как то: амбары, скотные дворы или “стаи”, отчасти также крытые травою от заноса снегом и для тепла, длинный ряд высоких пирамидальных балаганов для сушки и сохранения рыбных запасов, стоящих по краю селения на

берегу упомянутой протоки, встречаемой по селению... рослый и сытый скот — всё это невольно заставляет отдать преимущество крутогоровцам в смысле развития домовитости перед жителями других острожков западного берега... Я записал 14 сентября 1894 г.: "Жители Крутогоровой — скотоводы. У каждого имеется по нескольку голов рогатого скота, у некоторых до десяти и даже более. Всего же скота в селении штук 80".

По переписи в 1890 г. в этом селении числилось 31 мужчина и 27 женщин, всех ясачных 14 душ. В мой проезд в 1894 г. было всех жителей более 50 чел., в том числе 13 душ ясачных. Домов 12, то есть на один более чем в этот раз, и шесть голов лошадей».

Численность населения в 1901 г. достигла 80 чел.

По материалам обследования селения, проведённого в 1923 г., оно состояло из 13 домов, 13 балаганов, 13 тёплых сараев и семи амбаров. «Численность населения: мужчин 21, женщин 22, детей мужского пола 11, женского — семь. Грамотных в селении имеется четыре человека. Имеется одна школа, один учитель и учащихся 24 чел. Партийных организаций не имеется, партработников нет. Вероисповедание православное, церквей и попов нет. Имеется один кооператив, а государственных и других учреждений нет.

Главное занятие жителей — охота, рыбные промыслы и животноводство. Продукт от охоты — пушнина — сдаётся в кооператив, бывают и скупщики (непостоянные), с которыми производят торговлю на обмен товара: главным образом муку и мануфактуру, далее идут сахар, чай, керосин, соль, мыло, спички и т. д., и нельзя не отметить и спирт, на который спрос велик.

Поверхность глинистая и болотистая, покрытая лесом: чёрный и белый березняк, тополь, кедровник, тальник. Район села Крутогорово орошается реками: Крутогорово, шириной 10 саженей, глубиною от полуаршина до двух аршин, полноводность бывает часто; Садышка — правый приток реки Крутогоровой, шириною пять саженей, глубина четверти по полутора аршин, как и Крутогорово, отличается полноводностью. Средняя температура зимы — минус 30, лета — плюс 8 градусов. Глубина снега достигает до двух с половиной аршин, снег падает часто. Ветры бывают большие, частью южные, пурги частые, заносы большие.

Расстояние между Крутогоровой и Облуковино исчисляется в 25 вёрст, дорога увалистая, телеграфная линия большей частью идёт по болотистому месту, ввиду этого состояние таковой плачевное. Во время сильных ветров столбы, плохо поддерживаемые слабой почвой, уклоняются и затем падают. Питьевой водой пользуют-

ся из колодцев, качество воды хорошее. Число лошадей 11, и все годные под вьюк, собак 220, коров 59, нарт 21, лыж 21 пара, сёдел конских 11. Остальных пород животных нет.

Минеральных источников нет. Сведений об ископаемых не поступало. Рыбный промысел сильно развит: имеется одна рыбалка рыбопромышленника Попова при устье реки Крутогоровой, охота развита плохо». Дополнительно отмечено: «При отсутствии данных об общих сведениях больше ничего не скажу, кроме того, что население благонадёжное и сочувствующее советской власти».

По данным Приполярной переписи 1926 г., здесь действовали 22 хозяйства, населённые 82 мужчинами и 71 женщиной.

С 1930-х гг. на побережье Охотского моря работал Крутогоровский рыбокомбинат. Постепенно рядом с цехами сложился рабочий посёлок, названный Крутогорово. О здешних новостройках 6 сентября 1950 г. рассказывала «Камчатская правда»: «Бригада плотников Квасова недавно сдала в эксплуатацию новую школу. Дети рабочих пришли в уютное, светлое здание».

На комбинате издавалась собственная газета — «Крутогоровец». 2 марта 1955 г. в связи с объединением Крутогоровского и Колпаковского комбинатов бюро КОК КПСС постановило передать её Большерецкому комбинату, присвоив новое название — «Большерецкий рыбак». В 1966 г. на комбинате взамен старого был построен новый деревянный консервный цех. В 1979 г. в комбинатском посёлке жили 1 419 чел. В 1984 г. Крутогоровский РКЗ выпустил 5 млн условных банок продукции. Завод содержал сезонную базу на реке Колпаковой.

Уроженец Крутогорово, работавший в 1960-х гг. председателем сельсовета Владимир Георгиевич Борисов вспоминает: «Мы жили в селении Крутогорово на западном побережье. Селение протяжённостью около километра стояло на левом берегу реки Крутогорова. В нём была всего одна улица — Советская. От устья реки расстояние до селения составляло примерно 25 км. Крутогорово стояло не на самой реке, а на берегу старицы, соединённой с рекой. Её называли Домашней. Здесь раньше было основное русло реки. На самой реке ставили запоры для ловли рыбы. На острове находились икрянка, коптилка, новый клуб, рыбкооповский магазин, два склада. В Домашней речке били ключи, там и брали воду. Рядом были протоки реки Садушки и Тыумщеч. Весной из тундры разливались две маленькие речки на окраине села.

Школа сначала была начальная, потом стала восьмилетняя. Учителя все были приезжие с материка, они жили в специально

построенных квартирах. В селе работали пекарня, почта, медпункт, электростанция, имелся скотный двор. Сразу за селом — тундра, а за ней дальше — берёзовый лес, и дальше опять тундра. Наш родной дом стоял на окраине села, ниже по течению. На нижней окраине села было кладбище.

В 1930 г. образовался колхоз "Ударник", просуществовавший до 1968 г., когда его закрыли. Основным занятием колхозников было рыболовство и сельское хозяйство. Общая посевная площадь 22 га. Поля располагались рядом с селом.

Рыбачили в Охотском море, рыбу сдавали Крутогоровскому комбинату. Из выловленной рыбы заготавливали 450–500 ц икры. Рыбу готовили для себя и собак, раньше ловили столько, сколько хотели. Невод длиной 35–40 м, на батах выезжаешь, сетку бросаешь и выбираешь. Рыбы шло очень много. Рунный ход начинался с 25 июля и длился по 15 августа, потом в конце августа и сентябре шёл кижуч, в октябре — семга и голец. С 5 по 10 ноября река вставала. В те годы подледным ловом мы не занимались, только в 1960-х гг. стали ставить вентери. После рыбалки все мужики собирались на охоту, обычно 8 или 9 ноября все разъезжались по своим участкам.

В 1950-х гг. поставили американскую электростанцию, сразу и радио провели. В это же время появились автомашины. Работала экспедиция по разработке угля, она привезла с собой машины и тракторы, 50-сильные. А нам привезли тракторы С-100 без кабины».

Селение Крутогорово исключено из списков населённых пунктов КО 13 декабря 1974 г.

Крюгер, посёлок. Название «Крюгер» бухте, расположенной на восточном побережье Камчатки, в 1900 г. дал знаменитый шкипер Фридольф Гек.

В 1896 г. в устье реки Камчатки появились первые японские рыбаки, начавшие промышленный лов лосося. С 1910 г. в устье реки строятся японские РКЗ фирм «Цуцуми» и «Ничиро Гио-Гио Кабусики Кайша». К 1940-м гг. здесь работали три японских завода фирмы «Ничиро» № 36, 37 и 39, имевшие в общей сложности 16 консервных линий.

Завод № 36 находился в бухте Крюгер, южнее Усть-Камчатска. Лоция Берингова моря, изданная в 1938 г., указывала: «В южном углу бухты, почти у самого мыса Крюгера, расположен рыбоконсервный завод. На заводе имеются электростанция, слесарно-механические мастерские, больница, баня, водопровод и ряд других подсобных предприятий».

Вот описание завода № 36 по данным, собранным краеведом С. В. Гавриловым: «...из подсобных предприятий имел только одну кузницу. После заключения концессионного договора построили холодильник и литейную мастерскую. В 1929 г. по разрешению Дальрыбы возвели жиротуковый завод, кухню и новые жилые бараки. В 1934 г. появился ещё один холодильник, а берег подняли на три метра установкой капитальных двухъярусных свай. Завод снабжался пресной водой из реки Крюгеровки при помощи прорытого через сопку канала и туннеля длиной 276 м.

В 1942 г. предприятие имело два разделочных станка "Железный китаец" с пропускной способностью 3 300 рыбин в час, шесть набивочных станков, заполнявших в течение часа 4 200 полуфунтовых банок, и один станок производительностью 6 600 ящиков полуфунтовых банок в сутки. Пароэнергетическое хозяйство предприятия обслуживало пять котлов...»

После окончания Второй мировой войны, в 1945 г., японский РКЗ передан Шубертовскому комбинату. Сюда привезли рабочих с материка. Рыбаки, кроме лосося, ловили треску.

Решением КОИК в 1952 г. мыс и бухту Крюгер переименовали в мыс Чаячий и бухту Чаячью. Мыс назвали по большому птичьему базару, расположенному на высоком скалистом берегу.

Расстояние от Крюгера до Шубертово составляло 9 км, сюда вела пешеходная тропа. До районного центра Усть-Камчатска насчитывалось 40 км.

Посёлок Крюгер просуществовал до 1964 г. Из-за слабых подходов лосося было решено закрыть РКЗ и его посёлок.

Култук, селение. Слово «култук» по-тюркски значит «залив, лагуна».

Самое большое озеро на Камчатке — Нерпичье — соединяется с озером Култучным. На его северном берегу находилось небольшое поселение, названное по имени озера — Култук. По данным В. П. Кускова, оно возникло до 1953 г. Старожилы же утверждают, что селение основано в середине 1930-х гг. как подсобное хозяйство Усть-Камчатского рыбокомбината.

Климат в селении более благоприятный, чем в Усть-Камчатске. Здесь, на защищённом от холодных ветров горными хребтами месте, имеются прекрасные пастбища, где летом выпасали лошадей и коров. Из молока вручную сбивали сливочное масло. Его, молоко и мясо доставляли в столовую комбината.

В 1946 г. в Култуке жили 13 рабочих и служащих. Всё селение состояло из нескольких жилых строений и магазина. Профсоюз

комбината организовал здесь дом отдыха. Рядом с селением располагалось месторождение глины. Её использовал скульптор Н. Кононенко, имевший здесь мастерскую, в которой он проработал около десятка лет. Здесь же на небольшом кустарном заводике делали кирпич для нужд рыбокомбината.

В 1960 г. в Култуке имелись всего четыре хозяйства. Они возделывали картофель, посевы которого занимали 5,5 га.

Култук исключили из списков населённых пунктов Камчатской области 13 декабря 1974 г.

Култушино, корякское селение Олюторского района, находилось в заливе Корфа. Названо в связи с расположением на реке Култушиной. На русских картах XVIII в. отмечено как *Илирь*. Вариант перевода названия на русский язык — *Островная*.

В устье река Култучная делится на несколько рукавов, образуя устье с островами. К. Дитмар на своей карте в устье реки Култужной указывает селение без названия, хотя и говорит, что крупными селениями считались Култужная, Олюторка и Аспотка.

По Приполярной переписи 1926 г. в селении Култушино (*Илыр*, *Илир*, точнее *Илирв'аям* по-алюторски) имелось семь хозяйств и 51 чел. Перепись учла отдельные части селения, расположенные на расстоянии друг от друга: Котанмэтэн — два хозяйства, Веэткуну — одно, Кэланавринавын (собственно Култушное) — три, верховья реки Култушиной — одно. Кроме того, по реке Култушиной кочевали 17 семей общей численностью 144 чел. С. Н. Стебницкий в 1930-х гг. отмечает ту же численность населения, видимо, он ссылался на официальные данные переписи.

Раньше селение стояло выше по течению близ озера Илиргытгын. Ближайший населённый пункт — Тиличики. В. П. Кусков считал, что селение «возникло и названо до 1925 г.». На карте, составленной по итогам переписи 1926 г., оно уже обозначено.

И. Пыхтеева приводит фрагмент документа, характеризующий неудовлетворительное положение, сложившееся в местной школе: «На сессии окрсовета 1 марта 1958 г. секретарь окружкома комсомола коряк Яйлеткан делится своими впечатлениями от посещения малокомплектных школ Олюторского района: “В селе Култушино ученики не моются, в школу ходят грязные, грубят, дерутся, систематически не выполняют домашние задания. Я сам стриг ребят, так как у них от грязи и завшивленности на головах пошло заболевание — гнойники. Медработники свыше трёх месяцев не бывали в школе...”»

Писатель С. Баруздин в 1965 г. записал в Култушино вот такой рассказ бригадира колхоза имени Горького Николая Николаевича Кусьенна об истории селения: «Колхоз наш в 1931 г. организовался. И сейчас... по реке Култушной, это километров восемнадцать отсюда, землянки прежние увидите. А юрты сюда на новое место перенесли в 1941 г. В 1952 г. уже село отстраивать начали. Сейчас юрты ни одной нет. Дома хорошие есть, огороды коряки при них разводят. Новое это дело для коряка, чтоб картошку сажать, капусту, репу. Сейчас у коряка родится ребёнок, государство его сразу на свой доход берёт. Ясли, детский сад, школа-интернат... всё за счёт государства... Раньше коряка из тундры, бывало, в колхоз не выгонишь. Сейчас, наоборот, из колхоза в тундру коряка никак не загонишь...»

Писатель застал 260 местных жителей. Тогда в селе имелись почта, столовая, клуб, школа.

Интересные сведения о переменах, произошедших в селении, поместила 4 января 1975 г. на своих страницах газета «Заря коммунизма»: «Каким было Култушино сорок лет назад, теперь мало кто помнит. Ведь сюда на постоянное жительство местное коренное население перебралось в 1930 г. Тогда же култушинцы организовали и рыболовецкую артель "Тумгутум" ("Товарищ"). Десяток землянок — вот что представляло собой село в то далёкое время.

Постепенно с Тёплой речки, с Чёрной протоки, с крутого поворота реки Култушино, которое теперь называют Старое Култушино, местное коренное население спускалось к устью реки и обосновывалось на постоянное жительство вокруг членов рыболовецкой артели на берегу бухты Сибирь.

Росло население, но мало что менялось во внешнем облике села: валились одни землянки, на их месте строили новые, правда, более усовершенствованные. Если раньше их рыли вроде траншеи и пол в ней находился на метр-полтора ниже уровня улицы, то новые землянки начали строить иначе — сплетая прутья и обкладывая их снаружи дёрном. В прежних землянках всегда было сыро, потому что дождевая и снеговая вода стекала в неё, и на полу осенью и весной стояла непросыхающая затхлая жижа. В новых землянках стало сухо, но не чище, ибо никакой мебели местное население не имело, спало на шкурах на полу или на общих нарах. Не было бани, понятия не имели оленеводы и рыбаки об электрическом свете, радио, телефоне.

Первые рубленые дома построены в 1954 г. В них переселились организаторы рыболовецкой артели И. Ф. Кигда, М. Ф. Руванкина,

А. И. Кумну, Г. Н. Амгит, Н. Н. Кусьен. Переселяли товарищей всем колхозом, потому что такое событие было радостью и для других. Все ходили из дома в дом, любовались оштукатуренными и чисто выбеленными стенами, крашеными полами, открывали и закрывали форточки и окна и, обследовав одну квартиру, переходили в следующую. За несколько дней в новых домах побывали все жители села. В том же 1954 г. были построены каркасно-засыпной клуб, здания начальной школы и больницы, которые до этого тоже находились в землянках.

Менялся облик села, менялись люди, подрастала молодёжь с новыми запросами. Но экономически слабый колхоз не всегда мог полностью удовлетворить их. И однажды молодёжь села на комсомольском собрании постановила: построить своими силами линию электропередачи и потребовать от правления колхоза новогоднюю ёлку 1958 г. провести при электрическом свете.

Под руководством секретаря комсомольской организации Вали Кожарской и её помощницы Маши Нутанпанавой молодёжь ежедневно работала на установке линии электропередачи. В считанные дни, остававшиеся до нового 1958 г., правление колхоза привезло с базы моторно-рыболовной станции дизель-генератор и при помощи специалистов подключило линию к агрегату.

Култушинцы с нетерпением ждали этого дня, волновались. Всем хотелось посмотреть свет на улице и, разумеется, у себя дома, поэтому беспрерывно хлопают двери, сельчане снуют из дома на улицу и обратно — ждут.

А молодёжь и школьники собрались в клубе. Им тоже не терпится увидеть, как же это будет освещена ёлка электрическим светом? Как будут гореть маленькие лампочки на ёлке и большие в зале клуба? А вдруг не загорятся?

Когда же они загорелись, все как-то невольно притихли, молча любуясь ярким светом, а потом... Потом поднялся такой шум, что ничего нельзя было понять, радости и веселью не было предела. Тут же вокруг ёлки организовалась карусель, появились бубен, гармошка и начался импровизированный концерт.

А старики в это время сидели дома, с радостью и вместе с тем с опаской поглядывали на свет, ходили вокруг лампочек и удивлялись: почему же они горят без дыма и не гаснут, когда на них дуешь? ...Свет горел всю ночь, пока не израсходовали весь соляр на станции.

Так молодёжь решила одну проблему. Теперь необходимо было навести санитарный порядок в квартирах колхозников, повысить личную гигиену. А для этого селу, как говорится, позарез нужна

была общественная баня. И вот снова собрание молодёжи, которое постановляет: во-первых, просить правление и партийную организацию колхоза построить в Култушино общественную баню, а молодёжи оказать практическую помощь правлению в её строительстве; во-вторых, обязать всех комсомольцев и молодёжь самим регулярно мыться в бане и показывать пример старым колхозникам. И в-третьих, до окончания строительства бани развернуть среди населения агитмассовую работу о пользе бани.

Сейчас многих, наверное, удивит такое постановление. Но по тому времени оно было самым обычным, главное — важным и своевременным.

Баня строилась быстро, потому что в этом были заинтересованы все. И вот она готова, но... кроме молодёжи почти никто не пришёл. Тогда-то комсомольцы и задумались: как же приучить людей к бане? Решили за каждым колхозником и колхозницей закрепить молодых товарищей, а через правление колхоза всем старикам закупить самое лучшее нижнее бельё и пойти в баню со своим подшефным».

По итогам переписи 1979 г. здесь жили всего 36 чел., а сегодня селение не существует.

Кунжик, селение. Кунжик — русифицированное название ительменской речки Кунч или Кынчи.

Бывший директор Колпаковской семилетней школы А. Кисин 1 мая 1958 г. в газете «Камчатская правда» опубликовал свою версию происхождения названия селения: «Однажды, возвращаясь в воскресный день с удачной охоты, группа сезонных рабочих консервного завода бывшего Колпаковского рыбокомбината остановилась отдохнуть на берегу безымянной речки. Взорам охотников открылись необозримые зелёные просторы.

— Эх, богатый край... Вот бы здесь построить село... — проговорил Александр Егоров.

Не всем по душе пришлась мысль Егорова — начинать жизнь на совсем необжитом месте слишком тяжело.

Но вот кончилась путина, и в сентябре 1936 г. восемь рыбаков во главе с Александром Егоровым, вооружившись топорами, пилами и запасшись продуктами, отправились на облюбованное место — к реке Безымянной. А 12 сентября было свалено первое дерево. Лес был кругом, много леса... Работали все дружно, и первый дом — дом для всех — рос день ото дня.

Чтобы экономить продукты и не тратить времени на ходьбу в магазин, решили с первого же дня ловить рыбу. Тогда-то и произошло

событие, которое вошло в историю будущего села — не то как легенда, не то как быль.

Получилось почти как в сказке: закинули рыбаки невод — ничего не поймали. Закинули во второй раз, но попавшийся не то кижуч, не то сёмга оказался проворным: обдав всех множеством брызг, рыба вырвалась на свободу.

Условились рыбаки: какую первую рыбу поймают к обеду — так и назовут своё село. Забросили невод третий раз и вытащили большую трепещущую кумжу... (правильно «кунжа». — *В. Б.*).

Так и назвали пионеры-строители своё будущее село — Кунжик — в честь первой пойманной здесь рыбы. Переименовали и Безымянку в реку Кунжик».

Кунжик в настоящее время не существует.

Лаучан, селение. Располагалось в юго-западной части Быстринского района в 180 км от районного центра Эссо. До ближайшего населённого пункта Тваян отсюда считалось 80 км. Селение находилось на левом берегу реки Рассошиной, правого притока реки Сопочной, у подножья горы Кешум.

В 1926 г. в Лаучанский тузсовет входили: стойбище Ник. Мандятова на реке Димзекке; стойбище Ант. Димканова у хребта Этопания; стойбища Лаучан и Чичиля в верховьях рек Сопочной и Рассошиной. В них было пять хозяйств и 84 чел., 43 мужского и 41 женского пола.

В 1930—1940-х гг. в селе действовал колхоз имени Ленина, имелись изба-читальня, начальная школа, фельдшерский пункт, отделение связи, ларёк Ичинского рыбкоопа. В 1948 г. в начальной школе занимались всего 14 ребят: в первом классе — девять, во втором — трое и в третьем — двое. В 1949 г. число учащихся возросло до 19.

К концу 1950-х гг. на развитие села были затрачены значительные средства. По этому поводу «Камчатская правда» в июле 1957 г. сообщала: «В селе Лаучан строительная бригада колхоза имени Ленина... возглавляемая товарищем Сальковым, сдала в эксплуатацию просторный жилой дом. Здесь две хорошо оборудованные квартиры, отдельные кухня, коридор и кладовая. Недавно в новом доме справили новоселье Емельян Александрович Адуканов и Спиридон Кирьякович Банаканов.

Строительная бригада колхоза, которой руководит Илья Афанасьевич Банаканов, подвела сруб под крышу второго дома. В нём будет жить семья колхозницы Софьи Фёдоровны Солодиковой.

Заканчивается сруб третьего дома, который колхозные плотники обязались сдать к 40-й годовщине Октября...

В колхозе начато производство кирпича. Это поручено члену артели Кириллу Афанасьевичу Банаканову. На днях он выдал первую партию продукции — полторы тысячи штук кирпича. Фельдшер Лаучанского медпункта Евгения Васильевна Николаева посетила оленеводов третьей бригады. Она провела с пастухами беседы на санитарно-просветительные темы, обследовала состояние их здоровья и нуждающимся оказала медицинскую помощь».

В другой газетной заметке рассказывалось о подготовке начальной школы к зиме: «В ответ на обращение хабаровчан, общественность села Лаучан принимает активное участие в подготовке школы к новому учебному году. В школе произведена покраска, переложены печи. Колхозники заготовили 40 кубометров дров...»

В марте 1959 г. в состав местного сельсовета было избрано 11 депутатов. В это время численность населения составляла 108 чел., из них 95 эвенов.

До 1960 г. колхоз имени Ленина действовал как самостоятельная хозяйственная единица, но был маломощным. Основная причина этого — отсутствие дорог до побережья и районного центра, нехватка техники. Все товары в село завозились вьючно на лошадях и собачьих упряжках. Редко для этой цели использовался вертолёт.

В марте 1960 г. колхозники решили объединиться с хозяйством из села Тваян, там же держать центральную базу. С этого времени численность населения Лаучана начала постепенно уменьшаться. В конце 1960 г. здесь оставались всего 30 чел., их в этом же году намечали переселить в Тваян. В 1961 г. в Лаучане жили менее 10 чел. Уже 15 декабря 1960 г. состоялось решение райисполкома № 176 о ликвидации Лаучанского сельсовета с 5 марта 1961 г.

Село Лаучан было исключено из списков населённых пунктов КО 14 августа 1964 г. На современных картах название Лаучан сохранилось, его носит потухший вулкан в Срединном хребте, находящийся в истоках рек Сопочной и Алестар.

Лазо. Днём рождения этого населённого пункта, по мнению краеведа А. Горбача, является 7 марта 1935 г. В. П. Кусков указывает другую дату и утверждает, что Лазо было образовано как лесозаготовительный участок в 1932 г. Название посёлок получил по предложению строителя Ф. Н. Бердина, соратника С. Г. Лазо. Сергей Лазо — участник гражданской войны на Дальнем Востоке, в возрасте 26 лет был замучен японцами. Мы скорее должны согласиться с В. П. Кусковым.

Первые лесозаготовители появились здесь в 1930 г. Три года они жили в землянках, затем очистили площадку от леса, срубили четыре барака, столовую, начальную школу, контору леспромхоза. Вручную пилили лес, на волокушах подвозили брёвна к реке, укладывали их здесь в штабели. Весной, в начале мая, скатывали в реку. Брёвна сплавлялись до Ключевского лесокомбината, где изготавливали доски, ящики, бочкокомплекты, строили маломерные суда.

В 1938 г. здесь жили 124 лесозаготовителя и члены их семей, а в 1939 г. — 67 чел. На 1 января 1941 г. в местной четырёхклассной школе учились 18 чел. В 1944/45 учебном году школьников было 39 чел., 15 из них не успевали.

Больших успехов в выполнении плановых заданий лесозаготовители добивались во время войны. В 1943—1944 гг. они заготовили 19 477 куб. м, выполнив план на 120 %. Производительность труда на лесоучастке составляла в декабре 1943 г. 219 %, а в 1944 г.: в январе — 207, в феврале — 200, в марте — 224 %.

Через несколько лет после войны на лесоучастке развернулось широкое строительство. 2 июля 1950 г. «Камчатская правда» сообщала: «Рабочие и служащие леспромхоза решили провести воскресник по быстрейшему окончанию строительства школы». Возводились магазин, чайная и новая контора леспромхоза. Здесь хорошо трудились бригады строителей под руководством Гайдатова и Лаптева, выполнявшие дневные нормы на 200 % и более.

К 1955 г. в посёлке были построены клуб, библиотека, где насчитывалось более 3 000 книг, больница, магазин, столовая, начальная и средняя школы, интернат, два общежития на 66 мест, детские ясли, баня. Более 250 индивидуальных электрифицированных и радиофицированных домов образовывали улицы Набережную, Омскую и Краснодарскую.

«После рабочего дня лесозаготовители часто собираются в клубе. Недавно с концертами для них выступили участники местной художественной самодеятельности, в их числе активисты клуба — грузчик Г. Михайлов и заведующая аптекой посёлка Лазо В. Крынковская, вдвоём исполнившие на последнем концерте песню из кинофильма “Свадьба с приданым” — “На крылечке вдвоём”».

В 1957 г. жители Лазо выписывали 23 газеты в количестве 659 экз., 389 разных журналов. Торговлю вёл местный рыбкооп, также занимавшийся животноводством, откармливавший 98 свиней средним весом по 135 кг.

В начале 1960-х гг., по данным И. Гурвича, в посёлке было около 300 дворов, из них всего около двадцати старожильческих.

После более чем тридцатилетней эксплуатации запасов делового леса в окрестностях Лазо не осталось. Власти решили перенаправить жителей на занятие сельским хозяйством. На пахотных землях колхозов «Имени XVII партсъезда» (село Макарка) и «Вторая пятилетка» (Среднекамчатск) был создан совхоз «Лазовский». Первоначально построили животноводческую ферму, гараж, тепличный комплекс. В 1976 г. совхоз получал от каждой коровы 3 285 л молока, средний сдаточный вес скота на мясо составил 267 кг. В 1977 г. эти цифры достигли соответственно 3 405 л и 362 кг, в 1978 г. — 3 404 л и 397 кг.

По Всесоюзной переписи населения, проходившей в январе 1979 г., численность населения Лазо составляла 617 чел.

Ленино, селение. Названо в честь В. И. Ульянова-Ленина (1870—1924), организатора и руководителя партии большевиков, главы первого советского правительства, основателя СССР. Находилось в 55 км от районного центра Усть-Большерецк.

Перепись 1926 г. учла здесь 20 хозяйств и 42 жителя, в том числе 33 мужчины и девять женщин. Все — корейцы. Кроме Ленино, в это время на Камчатке было ещё два корейских села — Хвалёнка и Брюмка.

М. А. Сергеев излагает историю создания селения: «В 1925 г. группа корейцев в 70 чел., бежавших от голода на родине, поселилась на западном побережье полуострова и стала заниматься рыболовством и огородничеством. Теперь (в 1935 г. — *В. Б.*) на месте бывших шалашей и землянок выросло село Ленино, обстроившееся 23 домами. Продукция огородничества сбывается в Большерецк. Урожайность картофеля достигнута в размере 9,6 т с гектара, средний вес кочана капусты составляет 6,8 кг».

В 1937 г. корейцев насильно выселили с Камчатки, впоследствии в Ленино появились переселенцы из Европейской России. Во время коллективизации здесь был организован колхоз имени И. В. Сталина. Звучало это несколько странно: «колхоз Сталина из села Ленино».

По состоянию на 1 января 1943 г. в селе имелось 38 дворов, жили 120 чел., в том числе трудоспособных 35 мужчин и 38 женщин. За год они выработали 4 132 трудодня. По итогам года колхозники на один трудодень получили деньгами по 9 руб., натурой — 0,8 кг картофеля и 0,1 кг солёной рыбы.

10 февраля 1950 г. «Камчатская правда» сообщала: «Колхозники села Ленино Большерецкого района усиленно готовятся к весеннему севу. Ими закончен ремонт плугов, борон и сбруи, засыпан

полностью семенной фонд картофеля. Вся запланированная площадь посева, за исключением зерновых, обеспечена семенами. На общем собрании колхозники приняли контрольные цифры сева и ещё раз проверили качество подготовительных работ к севу».

А 19 сентября 1952 г. эта же газета извещала: «В колхозы сел Кавалеровское, Апача и Ленино Усть-Большерецкого района прибыли переселенцы из западных областей Советского Союза. Колхозники радушно встретили новосёлов, предоставив им новые просторные дома, оказав помощь в обзаведении хозяйством. Семьи переселенцев быстро освоились на новом месте и активно включаются в трудовую и общественную жизнь».

В настоящее время селение Ленино не существует.

Майское, селение. Находится на правом берегу реки Камчатки, ближайшие населённые пункты — Ключи и Козыревск. Расстояние от Майского до районного центра Усть-Камчатск по реке 185 км. Жители добираются в райцентр на рейсовом автобусе Петропавловск — Усть-Камчатск. Летом в соседние населённые пункты можно доехать и по реке, но уже лет десять как здесь нет пассажирского сообщения. Буксирные же катера не ходят, а на лодке добираться накладно из-за очень дорогого бензина.

Майское обязано своим возникновением бурному экономическому развитию Камчатки, начавшемуся на рубеже 1930-х гг. Тогда организовывались сельскохозяйственные предприятия: Петропавловский, Усть-Большерецкий и Козыревский совхозы. Последнему следовало снабжать продуктами Ключевской лесокомбинат, Усть-Камчатский рыбокомбинат и Козыревский лесозаготовительный участок.

Совхоз был основан 27 мая 1930 г. Его первым директором стал Иван Михеевич Касьянов, заместителем — Борис Иванович Береговой. В хозяйстве начинали трудиться агроном Гавриил Леонтьевич Терещенко, зоотехник Еремеев, завхоз Критик, прораб Кирющенко, механик Стукалов, завскладом Шобалин, завмагазином Косицин.

В совхоз завезли 45 дойных коров, двух быков-производителей, 30 лошадей, пять голов свиней, 11 тракторов, сельхозмашины к ним, конные плуги, бороны «Зигзаг». Автомашин на первых порах не имелось. Начинали работу 25 механизаторов, доярки, скотники, конюхи, два кузнеца, сельхозрабочие. Позже, в июне 1930 г., приехали 150 сезонных строителей, приступившие к возведению жилых бараков и производственных помещений: скотного двора, конюшни, а также пекарни и больницы.

В первые годы АКО не особенно щедро снабжало совхоз техникой. До войны хозяйство имело всего одну автомашину, полуторку ГАЗ-АА, и отечественные тракторы «Интер» с моторами мощностью 25 л. с., один-два газогенераторных трактора ХТЗ, газогенераторный трактор «Сталинец» в 65 л. с. и два 40-сильных керосиновых трактора «Алтаец». В конце войны пришли американские грузовики «Студебеккер». После войны начали поступать тракторы С-80, С-100, «Беларусь», ДТ-54, автомашины ГАЗ-63, самосвалы...

Урожайность полей сильно колебалась: так, в 1939 г. селяне собрали урожая в три раза больше, чем в 1938 г.

К 1960-м гг. значительно выросло население района, и совхоз «Козыревский», расположенный в Майском, уже не мог удовлетворить потребность близлежащих пунктов в сельхозпродукции. Поэтому в 1959 г. был образован совхоз «Крутобереговский», а в 1960 г. — совхоз «Ключевской».

Тридцать лет село не имело определённого названия. Его именовали то «Совхозом», то «Козыревским совхозом», то совхозом имени Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. Так было до 1960 г., когда на общем собрании жители наконец-то решили дать название своему селу. Думали, рядили, предлагали: «Светлый путь», «Ленинский путь». В итоге дали название «Майское», мол, в мае образовано. Теперь шутят: «С тех пор и маемся».

В 1970 г. селяне собрали 677 т капусты, 711 т овощей. В 1985 г. получили по 202 яйца с одной курицы, на одну корову надоили 2 877 л молока. Посевы были настолько большие, что на уборочную в Майское приезжали десятки автомашин из Ключей и Усть-Камчатска. В Козыревске и Ключах открылись отделения совхоза.

Посевная площадь в 1976 г. насчитывала 1 171, в 1977 г. — 1 358, в 1980 г. — 1 818 га. В 1976 г. совхоз собрал 300, в 1977 и 1980 гг. — 200 т картофеля. Урожайность гектара капусты к 1980 г. достигла 250–300 ц. В 1987 г. план надоев был установлен в 2 920 л с коровы, надоено же 3 180 л.

С началом «экономических реформ» в 1990-х гг. надои резко упали и составляли: в 1993 г. — 600, в 1994 г. — 586 л. Сократилось стадо крупного рогатого скота. Если в 1992 г. имелось 3 200 голов, то к 1997 г. осталось 200. Численность работавших снизилась с 250 в 1992 г. до 70 в 1997 г.

Далее положение лишь продолжало ухудшаться. Газета «Новая камчатская правда» 26 августа 1999 г. опубликовала открытое письмо жителей: «Майское, в котором ещё недавно проживало 720 чел., лишили статуса села. В связи с разрушением села и совхоза

в Майском сейчас насчитывается 386 чел., из них 240 избирателей. В селе Майском закрыли участковую больницу. Среднюю школу перевели в жилой дом, где нет столовой и спортивного зала. Совхоз "Козыревский" на бумаге ещё существует. Есть директор совхоза, главный бухгалтер, инженер по кадрам, две коровы, десять телят и один трактор "Беларусь". Вот и всё хозяйство».

Вскоре совхоз прекратил своё существование. Закрылась местная дизельная электростанция, энергия теперь подаётся из Козыревска. Население продолжает сокращаться. Село не имеет собственной администрации и входит в Козыревский сельский округ.

Макарка, селение. Возникло в 1926 г., после того, как сюда сплавили свои дома несколько жителей селения Толбачик. В 1928 г. на 3-м съезде Советов в Усть-Камчатске депутат от Толбачика Григорьев заявил, что «некоторые из селян уже перевезлись и начали постройку в местечке Макарка».

Село названо по месту расположения рядом с ключевым озером Макарка. Из озера вытекает одноимённая протока, соединяющая озеро и реку Камчатку. Расстояние от Макарки до Мильково 216 км, с Лазо село соединяла грунтовая дорога протяжённостью 3 км. В 1930-е гг. Макарка административно относилась к Среднекамчатскому сельсовету. Располагалась она на правом берегу реки Камчатки, здесь было около пятидесяти дворов, образовывавших две улицы, тянувшиеся вдоль берега.

В 1935 г. местному колхозу установили план посадки 2,5 га картофеля, 0,2 га капусты, 4 га зерновых. Единоличники должны были посадить 0,2 га картофеля, 0,05 га капусты и 0,04 га других овощей.

В 1938 г. здесь жили 63, в 1939 г. — 58 чел.

В январе 1939 г. «Камчатская правда» рассказала о трудовых подвигах охотника Николая Фёдоровича Слободчикова, одним из первых в области выполнившего план пушных заготовок.

В годы войны макаровцы принимали участие в защите страны, один из них — родившийся в 1912 г. Иннокентий Андриянович Слободчиков — пропал без вести.

В 1944/45 учебном году в селении работала четырёхклассная школа с 28 учениками, девять из них не успевали. В 1947 г. здесь учительствовал камчадал М. Ф. Пермяков, член ВКП(б) с восьмилетним стажем, окончивший педагогическое училище. Самой высокой успеваемости — стопроцентной — в 1946/47 учебном году добился второй класс. Из 29 учащихся школы на второй год оставили пятерых.

14 февраля 1954 г. колхозники на общем собрании обсуждали результаты деятельности за 1953 г. Они отметили, что пали 16 голов крупного рогатого скота и шесть лошадей. Доход от животноводства ожидался в 134 238 руб., а фактически получено 103 469 руб. План заготовки кормов выполнен всего на 30 %, удои на одну корову составили 808, при плане 1 355 л. Прямой убыток от полеводства определился в 22 256 руб.

В ноябре 1955 г. село электрифицировали, сюда провели проводное радио.

В 1960-х гг. число хозяйств оставалось на прежнем уровне — 49, население — около 200 чел., камчадалы составляли только треть, остальные были пришлыми — русскими и белорусами. Последние приехали в Макарку по вербовке в 1941 г.

Часть старожильческого населения в течение 30 лет переехала в другие близлежащие посёлки. В начале 1960-х гг. Макарка перешла в административное подчинение Мильковского совхоза. Тогда в селе имелись телятник и скотный двор. Здесь работала бригада доярок и животноводов, имелась трёхклассная школа.

В 1960-е гг. в селе жил Николай Каргопольцев — последний ключевской священник, служивший в 1920-х гг. в Троицкой церкви.

Как достопримечательность села, на берегу несколько десятилетий стоял трактор «Фордзон». В 1969 г. в результате необычайно тёплой весны поднявшейся водой село затопило, смыло и «Фордзон». Жители решили разбирать дома и перевозить их в безопасное место. Но вода уже начала спадать, рушился берег, увлекая за собой сараи, изгороди и жильё. Спасти удалось всего несколько строений. Так прекратило существование село Макарка. Официально оно закрылось в 1974 г. Сейчас на его месте находится пустая терраса реки Камчатки.

Макарьевск, посёлок. Исследователь камчатской топонимики В. П. Кусков считал, что этот «посёлок Карагинского района возник до 1953 г.». Он располагался на морской косе, с востока ограниченной проливом Литке, на западе — лагуной, в которую впадает несколько рек, в том числе и Макаровка. Ближайшие населённые пункты: на юг — Ивашка, на север — Кострома, Карага.

В начале XX в. существовало предание, что когда-то давно на морской косе долго жил русский казак с женой-ительменкой. У них было много сыновей и дочерей. Сыновья уехали с косы, когда уже сами стали стариками. Им пришлось переселиться в Дранку и Хайлюлю после сильного шторма, затопившего их землянки.

Макарьевск не оставил большого следа в истории. Попытка развивать здесь рыбную промышленность успехом не увенчалась из-за слабых подходов лосося. В селении действовал колхоз. Карагинская районная газета «Путь Ильича» 29 апреля 1959 г. сообщала о здешней школьной жизни: «Пионеры дружины имени Олега Кошевого из Макарьевской семилетней школы, готовясь к ленинским дням, хорошо потрудились на сборе золы для удобрения колхозных полей. Ими собрано около 200 кг этого ценного удобрения».

К 1960-м гг. в Макарьевске осталась лишь маленькая животноводческая ферма на 20 «голов» да рыбообрабатывающая база. Здесь сложилась безрадостная обстановка, всюду царило запустение и безнадёжность. Газета «Путь Ильича» 25 января 1967 г. сообщала по этому поводу: «Было в районе большое село Макарьевск, сейчас стало бесперспективным. Разъехались люди, вывезли оборудование. Но сезонная база осталась. Ферма осталась. И остались обслуживающие их люди. Пусть их мало, но они люди!»

Решением КОИК № 174 от 22 апреля 1985 г. посёлок Макарьевск Карагинского района исключён из учётных данных административного состава КО.

Малки, селение. Расположено на левом берегу реки Быстрой. В 1868 г. ближайшим водоёмом к нему считался Безымянный ключ. До Петропавловска — 138 вёрст.

В 1730-х гг. С. П. Крашенинников указывал на наличие между Апачей и Ганалами «Аханичева жилища». От Апачинского острожка досюда было 55, от Аханичева до Ганал — 33 версты.

Впервые наименование *Малки* встречается у Лессепса, в 1787 г. записавшего: «Острог Малкин сходен с теми, кои видел я и описал; в нём пять или шесть изб и с 15 балаганов; стоит на берегу Быстрой реки и окружён высокими горами». Лессепс указывал на то, что рядом с селением имеется горячий ключ.

В. Головнин в 1811 г. так описывает основное занятие местных жителей — охоту: «Зимою с 1810 на 1811 г. здесь был большой соболиный лов. Малкинский тойон Спиридон Дурынин имел у себя в лесах 280 кулемок, из коих в одну ночь он вынул 18 соболей».

К. Дитмар, в 1850-х гг. неоднократно бывавший здесь, считал селение одним из самых больших и зажиточных на Камчатке, хотя во время его посещения стояло всего 12 домов. Путешественник отмечал: «Этот острог больше Начик и очень живописно расположен в обширной котловине, окружённой горами. Тойон сообщил нам об очень удачном урожае овощей: уродилась капуста, репа и хрен,

а с посаженных пяти пудов картофеля наш рассказчик собрал шестьдесят».

Здесь находился дом директора и аптекаря госпиталя, имелся деревянный бассейн для купания. Госпиталь был построен в 1818 г., после эпидемии, поразившей население Камчатки. Его возглавлял штаб-лекарь коллежский асессор Померанцов. Всего на Камчатке в то время было две больницы, вторая — в Тигиле.

В словаре А. Кириллова указывалось: «Малкинское — селение в южной части Камчатки, на месте бывшего острожка. В 1888 г. в селении этом было: часовня во имя Казанской иконы Богоматери, домов 11 и жителей — камчадалов 40 мужского и 25 женского пола».

В последние годы XIX в. население несколько выросло, и уже в 1895 г. здесь стояли 18 домов и 23 нежилых постройки, жили 99 чел. (61 мужского и 38 женского пола). Значительное развитие получило животноводство, селяне содержали 30 лошадей и 59 коров, 188 ездовых и охотничьих собак. Охотники добыли 51 соболя, 39 медведей, три лисицы, две выдры, девять горных баранов, шесть диких оленей, поймали 71 580 рыбин. С огородов сняли 597 пудов картофеля и 10 пудов репы.

В 1908 г. В. Л. Комаров отмечал, что в селении имелась «маленькая, крытая травой часовня. Небольшие, но чистые домики, разделённые огородами и пустырями, говорят о недостатке строительного материала, так как селение это — одно из зажиточных и растущих».

Здесь проживали камчадалы, и только одна семья Ворошиловых, где хозяйкой была сестра жителя селения Завойко И. Е. Машихина, могла считаться русской. Коренными жителями являлись Абакумовы, Атласовы, Пановы, Пермяковы, Дурынины. В течение почти полутора веков (с 1852 по 1994 г.) численность населения оставалась примерно постоянной: от 65 в 1888 г. до 108 в 1896 и 1924 гг. Самая низкая численность (56 чел.) отмечена в 1994 г.

Обычно семьи здесь были большие. Так, в 1889 г. зарегистрирован брак Петра Петровича Абакумова и Ольги Викторовны Антоновой, родивших восьмерых сыновей: Фотия, Ивана, Иллариона, Константина, Виктора, Никифора, Григория и Василия. Вплоть до 1930-х гг. детская смертность на Камчатке оставалась высокой: умирали до 20 % родившихся.

Малкинцы принадлежали к приходу Большерецкой Успенской церкви, но из-за очень большого расстояния священник бывал здесь редко.

В период гражданского противостояния на Камчатке малкинцы осторожно относились к смене власти, поэтому были причислены

к «сепаратистам». На заседании 2-го Петропавловского уездного съезда в 1922 г. о Малкинской волости говорилось как об «идущей на поводу спекулянтов и другого разъезжающего по области контрреволюционного сброда, желающего внести смуту и раздор между населением Камчатки...» В октябре 1922 г. через Малки в Петропавловск прошёл усть-камчатский партизанский отряд. Никаких осложнений во взаимоотношениях со здешним населением у него не возникло.

В 1909 г. была образована КО. В её селениях стали открываться новые одно- и двухклассные школы. Одноклассная церковно-приходская школа появилась и в селении. Уровень преподавания оказался в ней крайне низким.

Советское государство придавало школьному делу большое значение. В 1930 г. вышло постановление «О всеобщем обязательном образовании». Важное место уделялось дисциплине учащихся. В 1932 г. были переработаны учебные программы и созданы новые учебники. На рубеже 1930-х гг. и в камчатских селениях начали открываться новые школы, а местная получила государственное финансирование. До этого времени её содержали сами жители.

В 1939 г. в школе преподавали два учителя: Линев и Сахно. В этом году затраты на содержание учебного заведения, его отопление, приобретение инвентаря и заработную плату учителей составили 6 555 руб. В 1940 г. здесь учились 22, а в 1944 г. — 16 чел.

До 1960-х гг. дороги между Петропавловском и селением ещё не было. Все товары сюда привозились вьюками на лошадях или зимой на собачьих упряжках. В 1926 г. стоимость продуктов составляла (руб. за фунт): крупчатка — 0,24, крупа гречневая — 0,25, рис — 0,4, масло сливочное — 3,0, масло бобовое — 0,82, сахар-песок — 0,6, чай байховый — 5, табак листовой — 1,25 коп. Спички стоили 13 коп. за коробку, сапоги простые — 15 руб., резиновые — 10 руб. 90 коп.

В июле 1924 г. Малки посетил камчатский краевед и естествоиспытатель П. Т. Новограбленов. В отчёте, направленном в Русское географическое общество, он отметил: «Малки — небольшое селение, обычного невзрачного камчадальского типа, с маленькими деревянными домиками, крытыми травой, расположено на левом берегу реки Быстрой. Расположение неудачное: весенние воды реки затопляют улицы деревни; реченька, которая течёт посредине деревни, разбухает, даже сносит мостики через неё; улицы сырые, всюду лужи. Место для жилья нездоровое. Кроме того, Быстрая — стремительная и мощная река — быстро подмывает речной аллю-

вий, на котором расположено селение, и грозит смыть года в три тот островок, на котором находится западная часть Малки. Жители уже стали поговаривать, что-де надо бы подумать о том, куда переносить свою деревню.

Население перенесло недоход рыбы в прошлом году, вследствие которого погибли ездовые собаки (около 75 %) и скот, убыль которого равна почти 50 %.

Школа первой ступени занимает небольшой домик с соломенной крышей, кривыми окнами, дверьми и даже кривой трубой. Кривизна преобладает в архитектуре здания школы. Недалеко от этой убогой постройки, наводящей уныние даже в солнечный летний день, стоит хорошее, просторное здание, начатое почтовым ведомством для конторы и так и не оконченное; малкинцы исхлопотали передачу этого здания для школы, но сами тоже не в силах окончить постройку. Сруб с железной крышей укоризненно чернеет большими отверстиями для окон и дверей».

В восхождении на горный хребет П. Т. Новограбленова сопровождал здешний житель Дурынин. Новограбленов записал местные названия: Малкинские термы, хребет Малкинское зеркало, луг Асачанок, местечко Корханчиц, где растёт одно из редких растений — ароидное, которое малкинцы зовут «цхауч».

Малкинцы, лишённые в те годы медицинской помощи, принуждены были сами изыскивать способы для излечения болезней. Много им в этом помогали горячие ключи и разные травы, «почему их познания в области ботаники значительны. Названия растений у малкинцев свои. Старокамчадальских слов у них ещё много, хотя говорят они все на русском языке, своеобразным говором».

Ещё одним этапом в истории села стало образование колхоза. По сравнению с другими, он появился значительно позже, только в 1932 г. Хозяйство назвали «Первое мая». В январе 1939 г. в нём насчитывалось 13 семей, 52 чел., в том числе трудоспособных 15 мужчин и 10 женщин. Имущество составляли: два невода, четыре запора, два плуга, четыре бороны «Зигзаг», окучник, три сенокосилки, двое конных грабель, четверо дровней и три бата. Колхозники обрабатывали 2 га пашни и 8 га огородов. Луга простирались на 70 га.

Административно Малкинский сельсовет первоначально входил в Мильковский район, но из-за значительного расстояния (около 200 км) до районного центра — села Мильково связь с колхозом и сельсоветом была крайне затруднена. А со стороны Петропавловска в сторону селения Начики строилась автодорога. По ходатайству Мильковского райсовета и облсовета 5 сентября 1944 г. вышел

указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О перечислении Малкинского и Начикинского сельских Советов из Мильковского района в пригородную зону города Петропавловск-Камчатский, Камчатской области Хабаровского края».

12 февраля 1956 г. прошло общее собрание граждан села. Из 72 взрослых жителей здесь присутствовали 64 чел. Решили упразднить Малкинский и войти в Начикинский сельсовет.

Основоположник камчатского туризма В. И. Семёнов в конце 1960-х гг. отмечал: «Сейчас Малки — крошечный посёлок из нескольких почерневших от времени покосившихся домиков. Захирение Малки началось с открытием регулярного морского сообщения с Усть-Камчатском и развитием автотранспорта».

Сегодня для камчатцев и гостей полуострова Малки — это, прежде всего, минеральная вода и горячие источники, расположенные в долине реки Ключевки, в четырёх километрах от дороги Петропавловск — Мильково. Температура воды в них достигает 84 градусов.

В 1963 г. на Малкинских источниках начались буровые работы. Сегодня эксплуатируется Малкинское месторождение холодных углекислых вод с минерализацией от 4,5 до 32,5 г на литр. Запасы этих вод утверждены в 1968 г. в объёме 335 т в сутки. С 1960-х гг. минеральная вода разливается в бутылки для продажи населению. Здесь имеется рыборазводный завод, но на нём трудятся лишь несколько местных жителей.

Машура, селение. По собранным в 1909 г. В. Л. Комаровым сведениям, имело первоначально ительменское название, звучавшее как *Контопшок*. Название *Машура* получило от русских казаков по имени тойона Начик Машурина.

Перед Машурой, напротив устья реки Кылтыгина, находился Машуровский лабазок — помост, с которого камчадалы наблюдали за рекой. Отсюда она хорошо просматривалась, и было ясно видно приближение рыбных косяков. В Машуринском остроге стояли девять зимних жилищ, о размерах которых в 1727 г. сообщал В. Й. Беринг: «...в оном остроге тойонская юрта весьма велика, глубина три сажени, в которой без труда можно уместить человек 250».

В начале XVIII в. острожек был самым многочисленным в долине реки Камчатки. С. П. Крашенинников сообщает, что ясачных плательщиков в Машуре было 154 чел., то есть всё население можно оценить приблизительно в 700 чел.

С 1745 г. рядом с Машурой при устье озёрной протоки Пхлаухчича непродолжительное время существовала русская заимка из кре-

стьян, переселённых сюда для развития сельского хозяйства. Здесь же стояла небольшая часовня.

Для обучения отроков грамоте в 1750-х гг. в Машуре открылась школа.

Лессепс в 1780-х гг. сообщал: «Острог Машура был из числа лучших на полуострове, когда ещё не было в оном оспы, но сия жестокая болезнь так его опустошила, что двадцать только фамилий осталось после того».

Посетивший селение в середине XIX в. К. Дитмар отмечал: «Поселение расположено очень живописно на высоком левом берегу главной реки и окружено рослым, густым хвойным лесом. Десять жилых домов со службами были в полной исправности и порядке; жители... имели свежий и здоровый вид». Тойоном селения был Мерлин. Мерлины принадлежали к очень древнему и известному роду. Их предком, по преданию, был знаменитый камчатский воин Божош. Он славился небывалой силой: выпущенные им стрелы пробивали деревья. Другой Мерлин победил в бою известного харчинского разбойника Гулгуча, славившегося по всей Камчатке своими похождениями.

Основным занятием жителей Машуры, как и в других камчатских сёлах, были рыболовство и охота. В 1894 г. здешние охотники добыли 71 соболя, 48 медведей, 25 лисиц и 19 выдр. На огородах машурцы собрали 414 пудов картофеля, 61 пуд репы, выловили 38 000 рыбин.

Через полвека после Дитмара гидролог В. Н. Лебедев застал здесь совсем другую картину: «...расположенное в таком живописном месте, производит довольно безотрадное впечатление: бедность, особенно поражающая по сравнению с Толбачиком и Мильковым, какая-то пришибленность, унылые жалобы на судьбу. Впечатление такое, точно люди на всё махнули рукой».

В. Л. Комаров, описывая селение, замечает: «Мы застали в Машуре 84 души жителей, 16 хозяйств при 18 балаганах, располагающих 56 головами рогатого скота и 11 лошадьми; собак 305, нарт 97, батов 29». По камчатским меркам, это было большое селение. Далее он подтверждает слова Лебедева: «Население в упадке; какая-то общая вялость и беспечность бросаются в глаза очень резко... Запор они ставят едва ли не слишком поздно, так как не могут совладать с рекой до полного спада воды».

До 1925 г. в Машуре находилась фактория, куда катера из устья реки Камчатки привозили товары для верхних селений Щапино, Кирганика, Мильково, Верхнекамчатска, Шаром. В 1925 г. факторию

передали Мильковскому кооперативу. По переписи 1926 г., численность жителей по сравнению с 1909 г. несколько возросла и составляла 107 чел., в том числе 64 мужчины и 43 женщины.

К 1920-м гг. на Камчатке происходит заметное расслоение населения, в том числе и среди коренных жителей. Появляются «передовики» — зажиточные хозяева. В 1929 г. журналист В. Канторович посетил в Машуре дом, где в хозяйстве было 11 лошадей, 11 свиней и три коровы, имелась американская кафельная печь.

26 августа 1928 г. газета «Полярная звезда» сообщила, что в селении Машура прошли первые киносеансы: «Население очень заинтересовано, кино многие видели первый раз и теперь всё время вспоминают эти три вечера. Некоторые граждане говорят: "Как вспомнишь, так и становится на душе весело, хорошо бы всё время смотреть кино"».

А вот ещё одна яркая картинка из жизни того времени: «9 июля (1928 г. — *В. Б.*) в селение Машура прибыл агиткунгас, следующий по реке Камчатке. В этом агиткунгасе работает товарищ Петров (инструктор РИК), доктор Вымлятил, Голованов (окрЗУ), Ноздрин (райполитпросветорганизатор). Товарищи дали живой инструктаж — разные разъяснения и указания. Товарищ Голованов размерял огородные площади и разъяснял крестьянам и крестьянкам, как садить овощи, как снимать и вообще как с ними обращаться. Некоторые женщины поняли совет товарища Голованова и на будущий год хотят провести опыт, как он учил».

В 1932 г. здесь было 31 хозяйство, в том числе 27 колхозных, три единоличных и одно «кулацкое». В 1933 г., по данным райисполкома, осталось 29 хозяйств, 111 жителей, в том числе 70 бедняков, 36 середняков и пять «кулаков». Из них 110 камчадалов и один русский. Камчадалы начали строить просторные жилища. Так, Всеволод Васильевич Мерлин возвёл рубленый дом длиной 8,85, шириной 7,2 и высотой 2,58 м.

В конце 1920-х гг. двое молодых местных жителей Красильниковых переселились из Машуры на новое место, где основали селение Долиновку. Через несколько лет сюда переехало большинство жителей Машуры, и в 1935 г. там осталось всего шесть хозяйств. В 1936 г. на новое место жительства перебрались и они. Так прекратило существование это старинное камчадальское село.

Медвежка, селение. Лоция 1968 г. сообщает: «Раскинулось на берегу залива Корфа... Имеется амбулатория и школа. Около селения находится пристань. В селении можно пополнить запасы угля». По переписи 1979 г., здесь жили 100, а в 1994 г. — всего 48 чел.

Мильково, село. В 1981 г. при исследованиях старого, разрушающегося дома в старейшей части села, на крутом берегу заболоченной старицы реки Антоновки, отделённой от современной реки первой мильковской дамбой, позади церкви краевед М. В. Фёдоров нашёл древнюю ительменскую стоянку. Он сообщает: «В завалинке дома, где использовалась выброшенная во время рытья погреба земля, были найдены крупные кремневые скребки, обсидиановые отходы и очажные камни. Очевидно, здесь находился только край древней стоянки, так как Антоновка подмывала этот высокий, но сыпучий берег, в результате чего было смыто много домов. Следовательно, стоянка была большая, ибо ительмены, являясь в первую очередь рыболовами, стремились селиться вплотную к реке».

Ещё одна, поздняя, ительменская стоянка располагается на берегу Антоновки чуть выше устья ручья Таловенького, поблизости от стадиона «Строитель». Две более древние стоянки находятся на правом берегу реки Мильковушки. Одна, бо́льшая по площади, расположена на старой террасе реки, вторая — прямо на её берегу. Расстояние между ними не более 200 м. Московские геологи подтвердили, что возраст первой стоянки превышает тысячу, а второй — около шестисот лет.

Наиболее распространёнными находками на первой стоянке являются тщательно выделанные листовидные, двусторонне обработанные наконечники копий и стрел из обсидиана, боковые и концевые скребки из обсидиана и халцедона, тщательно отшлифованные тесла различных размеров. Из костяных изделий имеются только отдельные шильца. Кость была непопулярным материалом для изготовления орудий, хотя её сохранность в культурном слое довольно хорошая.

Инвентарь второй стоянки значительно беднее. Найден крупный каменный топор, несколько концевых обсидиановых скребков и ножей на отщепах. В отличие от первой стоянки, на второй совершенно нет оббитых или с просверленным отверстием грузил, приготовленных из плоских галек.

В границах села Мильково были сделаны ещё несколько случайных находок, не связанных с устойчивым культурным слоем. Это традиционные концевые скребки, наконечники стрел и каменные грузила, найденные в обрыве старой Антоновки с правой стороны улицы Партизанской.

Надо отметить, что в системе местных рек происходят значительные гидрологические изменения. В относительно недалёком прошлом Мильковушка прямо не соединялась с Камчаткой, а впадала

в Антоновку. То есть Антоновка не являлась протокой Камчатки, а была всего лишь приустьевой частью Мильковушки, а ещё раньше сама являлась основным руслом Камчатки. На месте бывшего русла этой реки (даже за последние несколько десятков лет его характер менялся многократно) было найдено древнее кострище, выбитое тропой. На его неолитический возраст указывали многочисленные обсидиановые отщепы и сколы (отходы производства каменных орудий) среди разбитых и обожжённых очажных камней. Кроме кострища, никаких признаков культурного слоя обнаружено не было.

Полоса древнеительменских археологических стоянок наиболее густо проявляется к югу от Мильково по «домашней» стороне реки Камчатки. Это Варлатанка (ительменская Уэролатын), Грешная (Иромлин), Поперечка, Чабайка, Максимка и т. д. Правый же берег Камчатки здесь очень низок и неудобен для поселения. Стоянки появляются только на правом, высоком берегу реки Валагиной, впадающей в Камчатку в восьми километрах к северу от Мильково, где проходит северная граница Валагинского бобрового заказника.

Так, крупная стоянка находится напротив места впадения в Валагину реки Вахвиной. К северу от Мильково местность также была неудобна для расположения стойбищ, поскольку до проведения в советское время мелиоративных работ была сильно заболочена.

На западе от Мильково начинается полоса мелкосопочника под названием Едома. Это тоже бывшие речные террасы (по крайней мере, та их часть, которая является ближайшей к селу), но настолько древние, что здесь могут быть найдены только стоянки людей древнекаменного века — палеолита, а их поиск очень затруднён из-за большой глубины залегания культурного слоя и отсутствия каких-либо внешних признаков на поверхности. Он требует серьёзных, долгосрочных и дорогостоящих научных исследований.

В описываемом районе встречается несколько видов тесел: подтреугольные в плане; линзовидные или шестиугольные в поперечном разрезе, подпрямоугольные, почти линзовидные в разрезе; массивные прямоугольные и квадратные в разрезе (почти все они изготовлялись из плотного зелёного камня) и широкие, почти всегда шестиугольные в поперечном разрезе из белого кварцита с разноцветными вкраплениями.

Уникальными изделиями являются миниатюрные каменные проколки, изготовленные мелкой ретушью из обсидиана, они очень красивы. Некоторые из них отшлифованы, хотя сложно представить, как это можно было сделать — ведь эта работа требует мно-

гих часов. Видимо, очень ловкие пальцы были у древнеительменских мастериц.

Есть и другие предметы, относящиеся к женской деятельности, — маленькие пряслица. Это небольшие плоские галечки (до 4 см диаметром) с аккуратно просверленными дырочками посредине. Вероятно, с их помощью сучили прядево для сетей и нити из крапивы, тальниковой коры или другого материала.

Здесь встречаются своеобразные хозяйственные ножи. Они небольшие, длиной до 11 см. Один напоминает маленький меч с двумя жальцами-эфесом над черенком в 1 см. Вероятно, так было удобно для крепления. Второй имеет форму вытянутой остроконечной восьмёрки. Большая плоскость восьмёрки, возможно, служила лезвием, а меньшая была черенком для рукоятки. Этот нож острее и удобнее первого, несмотря на то, что они были распространены примерно одинаково. Таких ножей у ительменов было великое множество, различных форм и размеров, и каждый имел свою особую функцию. И это далеко не все виды каменных орудий, встречающиеся здесь.

Как видно, мильковская земля была обитаемой за многие годы до прихода сюда русских. Сотни и тысячи лет до них здесь уже горели костры, человеческие руки и разум боролись с суровой природой.

Возникновение села Мильково. По одной из версий, оно получило название по маленькой речке Мильковушке, хотя на этот счёт существуют и другие мнения. Вот что рассказывал местный житель М. А. Ворошилов: «Приехали сюда с материка первые материковские люди, пошли они по Камчатке. К какой речке не подойдут, та кишмя кишит рыбой. И вот они шли-шли и пришли, наконец, до этого места, где сейчас находится село Мильково. Почему же, кто его назвал это село Мильково? А вот они шли, шли и между собой советовались: “Вот какое милое место — всего вдоволь: и ягоды разные, и рыба разная. Да как же мы назовём это место?” Посоветовались и решили: “Давайте назовём это место Мильково. Значит, милое место”».

А вот что о возникновении Мильково сообщает А. С. Сгибнев: «В 1732 г. из Илимска было отправлено в Камчатку 50 семейств крестьян, а 7-го октября 1732 г. Сенат предписал Иркутской провинциальной канцелярии, чтобы “в Камчатке пахоту и сев хлеба размножить”».

В 1741 г. здесь жили пять семей, около 30 чел., в 1744—1745 гг. — семь семейств, насчитывавших до 50 чел.

Одно из первых описаний села в 1787 г. даёт Ж. Б. Лессепс: «Их домы, состоящие близ Камчатки, можно почесть выгодными, они водят скотину, заботливость их подаёт надежды иметь успех во всём. Я приметил, что они, по-видимому, все вообще были довольны своим состоянием, любили чистоту, всё для них служило в пользу, и ничего не было трудного. Всякий пахал и засевал своё поле, и, обязываясь только заплатить подушное, всякий имел волю собирать плоды своих трудов, которыми плодородная земля награждала его с излишеством. Главная жатва состоит из ржи и меньшего количества ячменя».

Участник первого русского кругосветного плавания 1803—1806 гг. Г. И. Лангсдорф оставил об этом месте такие воспоминания: «...Милькова деревня, состоящая из 13 домов, в ней 25 мужчин, а в целом 80 душ. Местные жители имеют 85 коров, 22 лошади, но это не солдаты, а трудолюбивые крестьяне, предки которых... около семидесяти лет тому назад были посланы правительством с тем, чтобы заниматься земледелием. Осенённые божьим благословением, они, женившись на камчадалках, постепенно увеличились в числе и питаются тем, что приносит им работа: выращенным самими хлебом, картофелем, капустой, репой, редькой, огурцами, рыбой».

Через полвека в Мильково побывал К. Дитмар, чиновник по особым поручениям при губернаторе В. С. Завойко. Вот его впечатления о селе: «Обитатели Милковой называют своё поселение русской деревней... Нисколько не отличаясь от камчадалов ни по одежде, ни по языку... они, тем не менее, очень напирают на своё чисто русское происхождение. Русский язык был здесь только очень немногим более чист, чем у камчадалов. Благодаря самому тесному общению в течение десятков лет со своими соседями и частым смешанным бракам, русские успели столько же заимствовать от камчадалов, сколько передать им свои особенности и привычки; таким образом, здесь возникла своеобразная помесь, занимающая как бы середину между обоими племенами. Склад лица лишь в редких случаях представляет здесь европейским; в этом именно отношении одерживает верх камчатский элемент.

Составляющие её теперь 27 домов прочно и аккуратно выстроены, стояли двумя длинными рядами, окружённые хлевами, сараями и обширными огородами. Среди деревни возвышается красивая деревянная церковь, где служит священник, живущий здесь же».

В 1892 г. в Мильково имелось 165 коров, 62 лошади и 530 собак. В этом году здешние охотники добыли 68 медведей, 17 лисиц,

11 горных баранов, шесть выдр, семь диких оленей. В среднем на каждого жителя выловлено по 373 рыбины лососёвых пород.

Руководитель Зоологического отдела экспедиции Ф. Рябушинского П. Ю. Шмидт, работавший на Камчатке в 1908—1909 гг., отмечал: «Население Милькова... одевается также гораздо лучше нашего крестьянина. Лапти здесь неизвестны, так же как неизвестны и домотканые материи. Вся одежда добывается покупкою, причём в большом ходу готовое платье, доставляемое частью из Америки, частью из Москвы, оно продаётся, конечно, по двойным ценам. В большом ходу также и готовая обувь. Впрочем, обувь шьётся и домашним способом: это так называемые чижи, или меховые носки, чаще всего из оленьего меха, и торбаса — самодельные сапоги из нерпичьих или других каких-нибудь шкур и с медвежьими подошвами. Во всяком случае, по одежде жители камчатских селений совершенно не походят на наших крестьян, — их скорее можно принять за мещан или ремесленников, особенно когда они вырядятся в праздник. Женские платья шьются нередко не только из шерстяных, но и из шёлковых материй, а шёлковый платок и шёлковая кофточка составляют самое обыкновенное праздничное одеяние.

Довольно обычным явлением можно считать, что бюджет крестьянской семьи составляет 1 000–1 500 руб. в год, конечно, благодаря соболю и другой пушнине. Хозяйство камчатского крестьянина очень своеобразно. Основными элементами его являются соболь и рыба, побочные отрасли хозяйства — скотоводство и огородничество. Главным охотничьим районом мильковцев являются северные склоны Валагинского хребта, вплоть до реки Щапиной, но нередко они переваливают и в долину Жупановой, а также доходят и до Щапинской сопки...»

Подробный материал о Мильково оставил и известный русский путешественник В. К. Арсеньев. Возглавляя Камчатскую переселенческую экспедицию, он с 7 по 11 сентября 1918 г. находился в Мильково, где заполнил следующую анкету:

«1. Селение Мильково. Название сохранилось исстари. Расположено на левой протоке реки Камчатки, называемой Антоновкой. Село наиболее благоустроенное во всей долине реки Камчатки. Жителям не известен год основания села.

2. Число дворов. Коренных — 68, приписавшихся — 1.

3. Число жителей: (мужчин/женщин; мальчиков/девочек): коренных — 106/101; 95/105; пришлых — 6/1; —; китайцев — 3/–, —.

4. Санитарные условия. Колодцы сделаны для того, чтобы пользоваться хорошей водой во время половодья, когда в реке вода мутная.

В колодцы часто падают мыши, и тогда подливают в колодец святую воду. Мёртвых собак бросают по кустам. Много костей валяется всегда вокруг селения. Трупы собак не зарывают в землю и не сжигают.

5. Главные болезни. Чахотка наиболее распространена. Умерло 30 чел., в том числе 10 детей.

6. Врачебная помощь. Есть фельдшерский пункт с небольшой аптекой. Жалоба на недостаток медикаментов.

7. Личный врачебный персонал. Врача нет. Есть фельдшер, сменивший сестру милосердия. Акушерки нет. Женщины помогают друг другу.

8. Школы. Церковноприходская школа, преобразованная в текущем году в министерскую. Школы в Мильково существуют издавна. Во времена Кегеля была в Милькове ремесленная школа. Дом деревянный, крытый железной крышей. Помещения большие. Для учителей выстроены отдельные дома — квартиры. Дрова сторожу школы и учителям от общества доставляли исправно. Частные пожертвования и от министерства из Петропавловского склада — книги — присылались исправно. Обучение слабое, 70 учеников и два учителя. Дома дети не занимаются вовсе, на что жалуется учитель.

9. Учительский персонал. Один учитель — сын священника из Мильково. Учился в городской школе в Петропавловске и потом на специальных учительских курсах. Другой, не имеющий права преподавать, ныне уволен.

10. Церковь во имя Богоявления. Эта церковь выстроена 37 лет назад. Построена из лиственничного лесу. Вид небольшой церкви, чистенькой, новенькой. Жители строили её на свои средства. Крыта американским гонтом.

11. Церковный причт. Священник учился в сельской одноклассной школе. Раньше был в Петропавловске дьяконом. Лет пятнадцать был помощником.

12. Заработки. Рыболовство. Продают юколу торговцам из города по цене 15–20 руб. за вязку сушёных рыб. Земледелие не имеет места. На пушные промыслы уходят все. Осенью ходят за баранами, убивают до 300 баранов в Кроноцком районе.

13. Хлебопашество. Хлебопашество угасло давно. Старожилы, которым 77 лет от роду, не помнят его в детском даже возрасте. В одной версте от селения в кустах в лесу лежат два жернова времён Кегеля. Земля родит хорошо, но требует удобрения. Нет даже сох.

14. Огородничество — 67 домов с огородами. Небольшие посевы по всей долине Камчатки. Картофель, капуста, репа, редька, свёкла,

морковь. Огурцы не каждый год. Тыквы нет. Главный недостаток в парниках. Грибов в окрестностях мало. Жимолость, которую сушат для киселей с картофельной мукой. Голубица (местн. голубель). Черёмуха — для толкуши, делают из неё лепешки. Шикша замороженная, клюква для морса больным. Боярышник варят. За кореньями не ходят. Употребляют пластину кипрея вместо чая. Саранный кофе.

15. Коневодство — 53 дома имеют коней. Общее число их 178. За последние 50 лет число лошадей увеличилось, по крайней мере в четыре раза. Порода лошадей улучшается. Подножный корм до 16 января. Гоняют в Щапино.

16. Собаководство. Общее число собак 945. За последние 50 лет число собак сокращается. Медленно и постепенно лошадь вытесняет собаку. Порода собак ухудшилась. Теперь 12 собак по силе не заменяют шесть прежних.

17. Скотоводство — 68 дворов имеют скот. Общее число 304 головы. Скот в хорошем теле. Число скота мало увеличивается, избыток продают или бьют. Главная причина — труден уход за ним. Во время сенокошения рабочие руки очень дороги. Мужчина берёт до 25 руб., женщина — 6 руб. Падежа телят почти не бывает. Редко телёнок пропадает.

18. Свиноводство. Никто никогда не заводил.

19. Куроводство. Тоже не было. Птичьих яиц не собирают. Бьют домашних уток. Гусей нет. Лебеди зимуют в тёплых речках.

20. Ветеринарная помощь. Нет никакой помощи. Есть ветеринарный инспектор, но нет ветеринарных врачей и фельдшеров. Гибнет много скота от объедания омигом и опиваются водой на кислых ямах.

21. Кустарные промыслы. Раньше шили одежду из шкур собак. Собачьи кухлянки продавали друг другу. Из кожи чавычи и кеты шили наколенники. Деревянных изделий нет. О гончарном ремесле не имеют понятия.

22. Торговля. Лавки торгового дома Чурина, китайца Сунинтуна и местный торговец Коршунов. Зимой приезжает много мелочников из Петропавловска. Бумажные товары и галантерея, табак и чай. Товары разные — китайские, русские, японские, американские.

23. Скупка пушнины. Эти же лица занимаются и скупкой пушнины. Меняют пушнину на товары, но меняют и на деньги. Лисица — 30, соболь — 500, медведь — 50, росомаха — 30 руб.

24. Спиртоношество. Раньше привозилось много спирту из Петропавловска. Теперь спирта не привозят. Варят свою брагу из хмеля,

сахара, хлеба сухого, вроде кваса. Раньше собирали мухоморы, сушили их и продавали кочующим корякам и ламутам на сговор.

25. Пути сообщения. От Мильково до Верхнекамчатска 12 вёрст по дороге и от Мильково до Кирганика — 14. Зимняя дорога на лошадях возможна до Толбачика. Заметно, что жители начинают предпочитать езду на лошадях езде на собаках.

26. Почта и телеграф. Почтово-телеграфное отделение открыто с апреля с. г. Расписания хода почты нет. Телеграммы посылаются с оказиями и по телефону.

27. Метеорологическая станция около школы [появилась] лет семь-восемь тому назад. Заведовал ею учитель Телятьев на содержании. Когда ему прекратили дополнительное жалование, её свалили на чердак и по частям растащили. Новая станция доставлена до Щапино на моторном катере Юхновичем.

28. Настроение населения. Народ патриархальный, спокойный, религиозный. О России мало знают и мало интересуются.

29. Рыболовство. Рыба ловится только для себя, и то её не хватает. Соль покупается у Чурина и привозится из Петропавловска. Солёное, юкола для себя, и висят головы рыбы. Ловят рыбу запорами. Неводами не позволяет ловить река — много коряжин».

Из истории сельского хозяйства. Первоначально крестьян переселили сюда для хлебопашества, которое должно было обеспечить независимость полуострова от поставок зерна из метрополии. Но несколько лет опытов не дали устойчивого урожая зерновых. Крестьяне стали заниматься животноводством, рыбной ловлей и охотой.

Одновременно для привлечения коренных жителей к огородничеству правительство стало направлять на полуостров агрономов. В огородничестве были достигнуты неплохие результаты. Начальник Камчатки П. И. Рикорд в письме в Общество сельского хозяйства отмечал: «...из семян, присланных от Фишера... в течение трёх лет картофель улучшился весом в двух картофелинах до одного фунта... В 1822 г. в селе Мильковском в посеве... было 31 пуд 15 фунтов, а собрано 1 510 пудов...» Уже в 1830-х гг. селяне получали урожаи сам 26,5.

Сложнее оказалось с садоводством. По ходатайству начальника Камчатки А. В. Голенищева, на полуостров отправлен садовник Ридель. Видимых успехов ему добиться не удалось. В 1841 г. прибыл агроном Кегель, которому предписано «сделать посев озимых хлебов. Делать опыт над разведением картофеля, гречихи, репы, брюквы, капусты и хлебных растений. Стараться развести яблоки

и другие кустарные породы...» Работа этого прусского подданного тоже не увенчалась успехом.

С 1742 по 1757 г. крестьяне посеяли всего 50 пудов ячменя, ярицы и озимой ржи, но «весь хлеб не дозрел». Попытки продолжались и далее. В Мильково, Машуре, Кирганике, Верхнекамчатске и Шигачике в 1763—1766 и 1770 гг. было посеяно «разных зерновых хлебов» 471 пуд, а собрано 489 пудов 19 фунтов. В 1850 г. занятые хлебопашеством крестьяне собрали около 2 500 пудов ячменя и 48 пудов конопли. Но, чтобы спасти урожай от «утренников», то есть заморозков, селяне были вынуждены верёвкой стряхивать утреннюю росу.

В 1916 г. на Камчатку прибыл бывший депутат Государственной Думы от социал-демократов И. Ф. Голованов, с 1916 по 1922 г. заведовавший Петропавловской сельхозфермой, проводивший опыты по выращиванию культурных растений в местных условиях.

В начале 1920-х гг. сельское хозяйство на Камчатке всё ещё находилось в зачаточном состоянии. По данным М. А. Сергеева, вся посевная площадь равнялась 14,8 га, стадо крупного рогатого скота составляло 3 200 голов. На душу населения производилось по 44 кг картофеля и по 1,6 кг овощей в год.

После установления советской власти были предприняты попытки исследовать возможности производства на Камчатке собственных сельхозпродуктов. В 1926 г. И. Ф. Голованов, теперь заведующий окружным земельным управлением, изучал возможность налаживания в Мильково маслодельного производства. В то время сельское стадо состояло из 86 телят, 69 подтёлок и нетелей, 101 коровы и 17 быков. Жирность молока составляла 4 %. По расчётам, Мильково могло давать с июня до октября ежедневно по 15 фунтов (более 6 кг) высококачественного масла. В это время сливочное масло завозилось на Камчатку из США. Молочные продукты в Петропавловск шли из Явино, Начик, Завойко, поставки носили случайный характер. Следует отметить, что 30 лет спустя надои молока в мильковском колхозе были невысоки и равнялись 1 500 кг на дойную корову.

В 1928 г. в Мильково насчитывалось 68 дворов, общая площадь, занятая огородами, составляла 55 371 кв. м.

С началом деятельности на полуострове АКО, с конца 1920-х гг. очень остро встал вопрос обеспечения вновь прибывших рабочих и их семей продуктами питания. Уже в первые годы работы АКО на рыбные промыслы из Центральной России прибыли несколько десятков тысяч человек. Было решено организовать на Камчатке

три сельскохозяйственных совхоза — «Петропавловский», «Козыревский» и «Большерецкий».

Коллективизация на Камчатке активно проходила с 1930 г. В её ходе для совместного ведения сельского хозяйства и вылова рыбы создавались коллективные хозяйства. В Мильково возник колхоз «Безбожник». Первыми в него вступили 10 семей. Общее имущество состояло из 10 лошадей, нескольких коров, лопат и тяпок.

Одна из первых колхозниц вспоминала: «Не стали мы ждать, пока поступят тракторы... пошли отвоёвывать у тайги землю для посевов своими силами. Лопатами подкапывали деревья, затем топорами обрубали корни. Обхватывали толстую высоченную берёзу у комля и гурьбой тянули, выкорчёвывая сваленную лесину, распиливали на части и на носилках выносили...»

В 1931 г. на полуострове отказались от выращивания зерновых культур: был взят курс на огородное и животноводческо-молочное направление сельского хозяйства. В апреле 1933 г. в 12 км от села организована Мильковская опытная станция по полеводству и животноводству. Уже к 1935 г. она имела семь рабочих лошадей, столько же саней, две телеги, четыре нарты, молотилку, сенокосилку, три катера с моторами общей мощностью 29 л. с., 48 ездовых собак и другой инвентарь, а также жилые дома и хозяйственные постройки. За годы работы станция внесла весомый вклад в изучение климата, почв, разработки агроприёмов возделывания сельхозкультур.

С 1932 г. на Камчатку стала поступать сельхозтехника. Первый трактор колхозу доставили из Усть-Камчатска по реке. Из-за низкой воды его выгрузили в Кирганике, откуда он должен был своим ходом добраться до Мильково. Но за околицей Кирганика трактор сломался. Тогда первый мильковский тракторист Михаил Ремезов разобрал его и по частям по раннему снегу на собачьих упряжках перевёз в село. Весной на колхозных полях сделана первая борозда.

Наряду с мужчинами освоила первые тракторы и мильковчанка Мария Григорьевна Плотникова. Она вплоть до ухода на заслуженный отдых была в первых рядах совхозных работников, неоднократно награждалась орденами и медалями.

В 1938 г. «Безбожник» за высокие показатели в выполнении государственного плана Главным выставочным комитетом Всесоюзной сельскохозяйственной выставки был награждён дипломом 2-й степени. В этом году «Безбожник» с 30 га собрал по 14 и с 5 — по 17,1 ц пшеницы, а с 24 га — по 13 ц овса.

Из отчёта Мильковского райисполкома за 1938 г.: «Сельское хозяйство в нашем районе является отраслью хозяйства, определяющей экономику района. Район, расположенный по долине реки Камчатки, шириной до 40 и более километров... является благоприятным по почвенным и климатическим условиям для вызревания зерновых и плодоовощных культур и при соответствующей технической оснащенности (особенно для раскорчёвки, поднятия и обработки целины), а также укрепления совхозов переселенческими кадрами, должен быть и будет житницей Камчатки.

Колхозы района занимаются посевами с начала их организации (1931—1932 гг.), но твёрдой товарной продукции они до сих пор не имеют. Особенно это относится к зерновым культурам, по которым до 1938 г. не было даже своих собственных семян, что вынуждало колхозы ежегодно завозить семена для посева...

В 1938 г. вопросы земледелия в районе получили резкий поворот в сторону улучшения. При настойчивом требовании района перед областным земельным управлением, краевым земельным управлением, даже перед Наркомземом в район были завезены (не полностью) требуемые сорта зерновых: овёс, пшеница. Ячмень всё же завезён не был. При упорном сопротивлении против областного земельного управления, требовавшего производить сев фуражными семенами в более поздние сроки, с чем район не согласился, выполняя основные правила агротехники, колхозы в 1938 г. добились высоких урожаев зерновых, обеспечив себя собственными семенами, сдав натуроплату и распределив впервые в районе зерно на трудодни.

Если в 1937 г. зерновые 3 сентября были убиты в начале восковой и молочной зрелости осенними заморозками, то в текущем году 15 августа зерновые созрели. Таким образом, ушли от ранних осенних заморозков, что в нашем районе является основным условием получения урожая...»

Для обслуживания техники на окраине села 16 февраля 1935 г. была образована машинно-тракторная станция (МТС). В 1952 г. её работники обслужили 3 505, в 1956 г. — уже 11 300 га. К этому времени механизаторы располагали передовой техникой: тракторами С-80, ДТ-54, ХТЗ-7, фрезбарабанами, канавокопалками, картофелесажалками СКГ-4, картофелеуборочными комбайнами.

Летом 1936 г. мильковчане с ликованием встречали первый отряд автомобилей, проехавший по бездорожью из Петропавловска. Так открылась новая страница в освоении территорий камчатской глубинки, хотя настоящая проезжая дорога от города до Мильково была пущена только в 1967 г.

Новая страница в культурной жизни села открылась с приходом сюда радио. Вот что сообщала по этому поводу в 1937 г. областная газета «Камчатская правда»: «Мильково. Сюда прибыло оборудование для трансляционного узла мощностью на 100 точек». Жители камчатского села начали слушать передачи из Москвы.

До 1960-х гг. село Мильково оставалось небольшим районным центром с несколькими торговыми точками, с нерегулярной подачей электричества в дома, плохими дорогами, необорудованным аэропортом. Положение стало меняться только в 1970-х гг., когда развернулось бурное жилищное и промышленное строительство.

Как складывалось население Мильково. После похода Атласова в 1697—1699 гг. и присоединения полуострова к Российскому государству здесь начинает складываться русское население. Первыми русскими жителями полуострова были казаки, их численность в начале XVIII в. оценивается исследователями всего в 150–200 чел. (Огрызко, 1973).

Из-за трудностей с доставкой на Камчатку казакам «хлебного жалования» правительство решает направить на полуостров крестьян, чтобы они обеспечивали хлебом служилых людей и их семьи. Первые 22 крестьянские семьи переселились на Камчатку в 1730-х гг. Они небольшими группами расселялись по разным местам. В устье реки Мильковой обосновались три семьи, в 1744—1745 гг. к ним добавились ещё несколько. Надо отметить, что места их размещения на Шигачике и Мильковой находились рядом и впоследствии положили начало селу Мильково.

В 1799—1800 гг. на Камчатку обрушилась эпидемия «гнилой горячки» — брюшного тифа. В 1804 г. на полуострове имелось 1 685 ясачных плательщиков, а в 1818 г. их оказалось всего 945 при общей численности аборигенов 1 741 мужского и 1 616 женского пола. Русских в это время насчитывалось 701 и 645 соответственно (Слюнин, 1900). Как видно, к концу начального периода русского влияния численность аборигенов Камчатки составила не более 3–3,3, а пришлого населения — 1,3 тыс. чел.

Отдалённость села, отсутствие удобного транспортного сообщения с другими местами полуострова сказались на особенностях населения. Первоначально браки заключались исключительно между русскими, но в последующем из-за нехватки невест русские стали брать в жёны камчадалок соседних селений. Далее этот процесс углублялся, так как из-за малочисленности крестьян третье и последующие поколения уже имели значительную примесь камча-

дальской крови. Поглощение русского населения продолжалось до 1940—1950-х гг., когда началось обратное.

В. Головнин в начале XIX в. отмечал: «Ныне в Камчатке, кроме сей деревни, есть ещё другое селение русских крестьян, в коем мужеского пола 70 душ. И как они поселены здесь издавна, то все почти семейства в обоих сих селениях состоят между собою в какомнибудь родстве. И поелику молодые мужчины у них весьма редко могут сыскать себе невест из камчадалок, а женщины русские почитают за большое себе унижение иметь мужем камчадала и никогда за них не выходят, то от сего происходит, что девки здесь по большой части ведут распутную жизнь. Но ещё в вящее преступление приводит их стыд, заставляющий изыскивать средства к истреблению младенцев, незаконно ими рождённых, которых иногда лишают они жизни в самой утробе и чрез то лишаются собственного здоровья и навсегда делаются бесплодными. Зло сие не только что оскорбляет веру, но и для государства вредно, лишая оного граждан в таком месте, где народонаселение самое слабейшее из всей империи, и потому... не было бы противно правилам религии разрешить для них брак даже на двоюродных сестрах...»

По седьмой переписи, проведённой начальником Камчатки П. И. Рикордом в начале XIX в., в Мильковском селении проживало 113 русских (72 мужского и 41 женского пола).

К 1820-м гг. на всём Камчатском полуострове находилось 407 государственных крестьян обоего пола, причём добрая их половина жила в двух селениях — Ключевском и Мильково и занималась земледелием. Во второй половине XIX в. численность мильковчан менялась так: в 1853 г. — 211, в 1876 — 271, в 1894 г. — 331 чел.

В 1876 г. на Камчатке прошла перепись населения, в ходе которой в Мильково учли 271 чел. По сословному составу они делились так: пять камчадалов, три якута, четверо почётных граждан, 17 духовных лиц, 30 петропавловских мещан, 212 местных крестьян.

В течение XIX в. население увеличилось более чем вдвое. В январе-марте 2006 г. автором выявлена и расшифрована «Исповедальная роспись Мильковской Богоявленской церкви» за 1893 г. Она показывает, что в этом году в селе находилось 44 дома и 288 чел., в их числе 148 мужчин и 140 женщин.

Назовём фамилии местных жителей того времени: священники Малаховы, Логиновы; крестьяне Бобряковы, Верещагины, Еланцевы, Синаевы, Пинигины, Потаповы, Поповы, Краснояровы, Мальцевы, Михайловы, Подкорытовы, Плотниковы, Петровы, Ивановы, Шишкины; почётные граждане Колесовы, Машихины; мещане Бушуевы,

Верещагины, Ворошиловы, Толман, Корелины; якуты Решетниковы; поселяне (крестьяне) Татариновы, Коркины.

В «Материалах по статистике», опубликованных в Хабаровске в 1925 г., в селе числились 440 чел., в том числе 108 мужчин и 98 женщин старше 18 лет. К русским были отнесены девять, к камчадалам — 425 чел. Якутов насчитывалось пять, китайцев — один.

По данным Приполярной переписи 1926 г., село имело 64 хозяйства и 447 чел. (229 мужского и 218 женского пола), все — камчадалы. Вплоть до 1933 г., когда образовался Мильковский район, национальный состав населения почти не изменялся. В 1933 г. стали прибывать партийные работники, специалисты советских, финансовых органов, работники торговли и сельского хозяйства.

Характер изменения численности местного населения в 1920—1960-х гг., по данным Государственного архива Камчатского края, таков: 1926 г. — 447, 1938 г. — 677, 1939 г. — 966, 1960 г. — 2 745, 1964 г. — 2 820 чел.

Население Мильково, начавшее расти в конце XIX в. без привлечения большого числа брачных партнёров со стороны, к 1939 г. прибавилось втрое. Эта тенденция сохранялась вплоть до конца 1950-х гг. В круг брачных партнёров до середины 1930-х гг. входили в основном жители Мильково и в меньшей степени жители близлежащих селений — Верхнекамчатска, Кирганика, Шаром, Машуры. К середине XX в. почти все мильковчане находились в родстве между собой.

В 1950-х гг. после начавшегося активного переселения на Камчатку с «материка» много браков стало заключаться между приезжими и коренными жителями. В последующем их число только увеличивалось, и уже к 1960-м гг. браки между коренными жителями заключались в единичных случаях.

И. С. Гурвич, исследовавший особенности русских старожилов долины реки Камчатки, в начале 1960-х гг. отмечал: «В селе Мильково в 1923 г. было 450 чел. обоего пола, 64 двора. Население представляло собой русских старожилов, членов местного крестьянского общества. В 1934 г. сюда впервые прибыло значительное число переселенцев в связи с организацией района. Впоследствии Мильково неоднократно пополнялось приезжими с “материка”. Однако в Мильково стянулось немало и “камчадальских” семей.

В 1956 г. было упразднено селение Верхнекамчатск. В нём насчитывалось тогда 18 дворов. Здесь жили “камчадалы” Зимины, Верещагины, Машихины, Нечаевы, Пермяковы. Большинство жителей Верхнекамчатска переехало в Мильково, а часть — в Новые

Шаромы. В Мильково живут отдельные семьи из Кирганика (Пермяковы), из Шаром (Машихины, Заочные), из Машуры (Ушаковы, Красильниковы), из Толбачиков (Бушуевы, Слободчиковы). Но численно преобладают переселенцы с материка — русские, белорусы, украинцы, удмурты и другие. Браки между переселенцами и старожилами — обычное явление. Изучение похозяйственных книг этого посёлка и частичная проверка этих данных у населения показали, что в настоящее время здесь имеется около 150 семей старожилов и около 100 смешанных семей, образовавшихся от браков между старожилами и приезжими. Всего здесь около 650 чел. старожилов. Следует указать, что точное число старожилов выявлено не может быть не только потому, что не ведётся специальный учёт старожилов, но и потому, что лица от смешанных браков часто причисляют себя к приезжим. Таким образом, старожилы Мильково перемешались со старожилами других посёлков долины реки Камчатки и в значительной степени с пришлым населением».

Большие изменения в привычное жизнеобеспечение коренного населения внёс принятый в 1957 г. «курс» на укрупнение сельских поселений, в результате которого многие удобные для жизни и освоения природных ресурсов посёлки были упразднены.

В последующие годы административная политика проводилась без учёта местной природной, исторической и этнической специфики. Преследовалась цель полного вхождения коренного населения в «новую историческую общность — советский народ». Национальные посёлки на Камчатке почти исчезли. К 1970 г. селений, где аборигены составляли большинство, оставалось всего шесть: один ительменский, один эвенский и четыре корякских. Если в 1926 г. коренные жители на Камчатке составляли 64, то в 1989 г. — только 2 % от всей численности населения.

Надо отметить, что после 1905 г., когда была закрыта сахалинская каторга, на Камчатке появились русские, прибывшие с Сахалина и из Маньчжурии. Они имели низкий моральный облик. Камчадалы старались не иметь с ними никаких отношений, называли их «мурками» (собаками). Впоследствии негативное отношение к ним в камчадальской среде перенеслось на других переселенцев и сохранялось вплоть до 1980-х гг. Сейчас понятие «мурки» помнят только представители старшего поколения.

С 1950-х гг. количество детей, рождённых от браков между местными жителями и приезжими, несколько увеличивается. И. И. Огрызко (1973) приводит среднюю численность детей в семьях русских крестьян на Камчатке: в 1836 г. — 6,8, в 1901 г. — 6,5,

в 1926 г. — 6,3 чел. В 1930—1940-х гг. этот показатель оставался в тех же пределах, а с 1960-х гг. он редко превышал 4 чел. Подсчёты показывают, что с учётом переселения в 1960-х гг. в Мильково коренных жителей из Макарки, Щапино, Кирганика, Верхнекамчатска, количество жителей, имевших предками камчадалов, составляет на сегодня более 3 300 чел.

В ходе сложных социально-экономических процессов, протекавших в долине реки Камчатки, и в связи с высоким оттоком пришлого населения на материк, в Елизовский район и Петропавловск-Камчатский численность населения Мильково постепенно установилась.

Неполный список многодетных матерей села Мильково. С 1893 по 1950 г. большая часть местных жителей имела по 5–7, а отдельные семейства — по 7–9 детей. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1944 г. многодетным матерям вручали правительственные награды. Так, указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 мая 1951 г. орденом «Материнская слава» 3-й степени отмечены родившие и воспитавшие семерых детей колхозницы хозяйства имени Сталина *Варвара Гавриловна Бобрякова* и *Александра Георгиевна Михайлова*; домохозяйки *Людмила Ивановна Машихина* и *Галина Македоновна Плотникова*; «Медалью материнства» 2-й степени — родившие и воспитавшие пятерых детей: колхозницы хозяйства имени Сталина *Пелагея Дмитриевна Ворошилова*, *Анна Кузьминична Пинчук*, *Фёкла Яковлевна Пинчук*; домохозяйка *Агафья Михайловна Сенникова* и служащая районной конторы связи *Екатерина Михайловна Сюткина*.

24 сентября 1953 г. Президиум Верховного Совета РСФСР наградил:

— орденом «Материнская слава» 1-й степени — домохозяйку *Феоктисту Николаевну Пинигину*, родившую и воспитавшую девятерых детей;

— орденом “Материнская слава” 2-й степени — родивших и воспитавших восьмерых детей: работницу районного коммунального отдела *Василису Ильиничну Зимину*, домохозяйку *Александру Георгиевну Михайлову*, колхозницу *Евстолию Григорьевну Потапову*;

— орденом «Материнская слава» 3-й степени — родивших и воспитавших семерых детей: домохозяек *Феодосию Николаевну Кривоногову*, *Анну Семёновну Пермякову*, *Екатерину Андреевну Селиванову*, *Ольгу Петровну Толман* и *Елену Даниловну Чернышёву*;

— «Медалью материнства» 1-й степени — родивших и воспитавших шестерых детей: домохозяек *Наталью Григорьевну Алексееву* и *Екатерину Михайловну Сюткину*;

— «Медалью материнства» 2-й степени — родивших и воспитавших пятерых детей: домохозяек *Матрёну Касьяновну Демидову*, *Матрёну Анисимовну Лоншакову*; служащую районной конторы связи *Марию Владимировну Захарову*, колхозницу хозяйства имени Сталина *Кузьмич Марию Афанасьевну*, работницу детских яслей *Любовь Степановну Маловечкину*.

Эти награды были торжественно вручены в селе 29 октября 1953 г.

Морошечное, или *Аннава*, ительменское селение. Находилось на реке Морошечной, впадающей в Охотское море. С. П. Крашенинников застал в острожке (тойон Вайхо) 13 ясачных плательщиков. Расстояние отсюда до Петропавловска — 584 версты. В 1836 г. здесь жили 90, в 1851 г. — 85 чел.

В 1868 г. селение составляли девять домов, 46 лиц мужского и 33 женского пола. В 1876 г. население насчитывало 89 чел. (43 мужского и 46 женского пола), имелось 12 домов, 31 хозяйственное строение, в том числе 16 балаганов и одна баня. Селяне содержали девять лошадей, 20 коров и 93 собаки. За охотничий сезон они добыли 10 соболей, 85 нерп, 11 оленей, семь медведей и четыре выдры.

В. Н. Тюшов описал селение: «Располагается по правому высокому берегу одноимённой реки, саженях в ста от увала. В настоящее время всех домов 14, из них две земляных юрты. Жителей 122. В 1894 г. жителей было 120 чел., лошадей шесть и рогатого скота 40 голов. Дома разбросаны по селению без всякого плана, ни при одном из них нет никакой ограды. Крыты они травою, оконные отверстия затянуты лоскутами, сшитыми или из рыбьей кожи (хайковой), или из медвежьих кишок, или оленьими очищенными от шерсти шкурами. Большинство этих жалких домов представляет собою четырёхугольные срубы с отверстиями для окон и для одной двери. Также обыкновенно, что при входе в дом нет крыльца. Двери прикрываются неплотно, неплотно вставлены и оконные рамы, собственно жалкое подобие рам, неплотно привязываются и названные полотнища, заменяющие собою стекла. В редком доме можно увидеть раму со стёклами. Стены не проконопачиваются; при стройке брёвна кладутся только на мох. Печи, как и всюду, кладутся на деревянных “опечках” из самодельного необожжённого кирпича. Освещение этих жилищ обычно, производится нерпичьим или медвежьим жиром.

Видную статью в поддержании существования морошечных камчадалов составляет нерпичий промысел, производимый ими на устье их реки. Промысел этот ведётся главным образом сетками. Так называемые "нерпичьи сетки" вяжутся из ремней, выкраиваются из нерпичьей же или скотской шкуры, хотя часто за неимением другого материала они приготовляются также из крапивного прядева.

В 1896 г. картофель уродился очень плохо по причине рано выпавшего инея (до 6 августа), поморозившего картофель в цвету, также плохо родилась репа. Других овощей не садят».

В 1901 г. здесь обитали 114 чел.

Газета «Известия Камчатского областного народно-революционного комитета» 19 сентября 1920 г. сообщала: «Нам телеграфируют из селения Морошечного, что там умерло 32 человека. Причина смерти не выяснена».

А так селение выглядело в 1923 г.: «Имеет 14 домов, 19 сараев, две бани, три амбара. Численность населения: взрослых мужчин 28, женщин 30, детей мужского пола 26, женского 26. Грамотных пятеро, школы и учителя нет, дети грамоте не обучаются. Парторганизаций и партработников нет. Вероисповедание православное, имеется часовня, попов нет. Кооперативов и других государственных учреждений нет. Занятия жителей — охота и рыбный промысел, животноводство. Имеется отделение фирмы "Швецен", доверенный Запорожский. Предметы охоты сдаются в отделение и проезжающим коммерсантам-спекулянтам на обмен товара, главным образом на продовольствие и мануфактуру. Спирт не ввозится. Характер поверхности — тундра, покрытая лесом, чёрный и белый березняк, тополь, ольховник, тальник. Протекают реки: Морошечная, шириною 60 саженей, глубиной от полуаршина до пяти саженей; Калмык, шириною 10 саженей, глубиной одна сажень; Уших, шириною 15 саженей, глубиною от одного аршина до двух саженей; Кипкакен, шириною пять саженей, глубиною до одной сажени, все отличаются полноводностью. Имеется семь озёр, одно из них — Кетзиосхон, длиною семь вёрст, шириною пять, остальные шесть без названий, величиною каждое от двух до трёх квадратных вёрст, глубина первого и остальных достигает полутора сажен. По тундре проходят большие болота. Средняя температура зимы — минус 25, лета — плюс 15 градусов. Глубина снега средняя, падает часто. Ветры бывают сильные южные, западные и северо-западные. Пурги частые, заносы большие. Почва глинистая и тундристая. Питьевой водой пользуются из речек, качество хорошее. Дорога от села

Сопочного идёт по телеграфной линии 75 вёрст, расстояние до Белоголовой 50 вёрст, троп нет. Способы передвижения: летом — вьючный, переправы через реки возможны только в мелководье, мостов нет, в полноводье переправляются на батах. Селение имеет девять лошадей, из них вьючных семь, сёдел конских семь, собак 150, нарт 12, телег и саней не имеется, батов девять, лыж 20 пар; рогатого скота 34 головы. Сведений об ископаемых нет. Охота и рыбный промысел мало развиты, имеются японские рыбалки по морскому берегу. Кочевники-коряки в числе 22 чел. имеют 2 000 оленей, 16 собак, две нарты. Главное занятие — уход за оленями».

В докладе председателя Хайрюзовского волостного ревкома о состоянии волости с октября 1924 по апрель 1925 г. указано: «Более или менее исправными являются здания Ковранской и Морошечной часовен, которые ни под какие нужды обществом не используются».

В 1926 г. в селении имелось 14 хозяйств, 109 чел. (55 мужского, 54 женского пола).

В феврале 1930 г. здесь организован колхоз «Интернационал». По итогам работы в 1957 г. за один трудодень заплачено 31 руб. 50 коп.

Местоположение селения, сообщённое этнографом Е. П. Орловой: «...находилось на правом берегу реки Морошечной (Аннава) в 50–55 км от устья по зимнему прямому пути... Оба истока вершины реки Морошечной начинаются с Ичинской... а по-ительменски Кольхон». Лоция Охотского моря (1938) указывает другое расстояние: «На реке Морошечной в 42,7 км от берега моря располагается одноимённое с ней селение».

В 1933 г. здесь в 16 домах проживали 105 чел., в том числе двое русских.

Камчадал Фёдор Греченин вспоминал о селении 1950-х гг.: «Село Морошечное, куда мы, наконец, добрались, встретило нас необыкновенной тишиной и каким-то умиротворённым спокойствием. И река Морошечная, протекающая рядом, и её тундровые притоки тоже были какими-то сонными — с медленным плавным течением. И жители села — ительмены — тоже на первый взгляд показались тихими, неторопливыми. Но это на первый взгляд. На самом деле, когда надо, они практичны, смелы и ловки, всегда у них вдосталь и мяса, и рыбы, и дикоросов. Чистенько, аккуратно в избе Трапезниковых. Деревянный некрашеный пол и тот выскоблен, поблескивает желтизной. Как же — гости у них! На столе — дымящаяся картошка и нарезанная ровными полосками малосолёная сёмга. В глубокой

тарелке она сразу утонула в собственном розоватом жиру. Старушка всё больше молчит, а вот деду не терпится по должности (он самый главный в селе, к тому же коммунист) покритиковать меня, молодого избача-киномеханика: и движок, мол, глохнет, и фильм рвётся на самом интересном месте. А знает ведь наперёд, что двухсильному трофейному движку давно на погост пора, и не заведёшь его никогда, пока не раскалишь докрасна паяльной лампой. А латаный, клееный-переклеенный "Чапаев" тоже не сегодня-завтра испустит дух. "Чапаев" — это фильм такой, который за неимением другого уже в десятый раз смотрят селяне. Однако, как и в прошлый раз, расстаёмся по-доброму, как будто на самом деле решили проблемы культурного фронта».

Фамилии местных жителей: Запороцкие, Слободчиковы, Трапезниковы.

Морошечное давно исключено из списков населённых пунктов КО.

Налычево, селение. Находилось в устье реки Налычевой, впадающей в Авачинский залив. Возникло в начале XX в. Расстояние до Петропавловска — 65 км.

Во время гражданского противостояния местные жители поддерживали красных партизан. По воспоминаниям П. Г. Ивашкина, на общем собрании в их отряд вступили четверо налычевцев.

К лету 1923 г. недалеко от селения японская фирма «Ничиро» на арендованном участке № 238 построила РКЗ. Только за одну неделю жители выловили и сдали заводу 4 000 рыбин.

Приполярная перепись 1926 г. учла здесь шесть хозяйств, 36 обитателей (20 мужского и 16 женского пола).

Газета «Полярная звезда» 12 августа 1928 г. сообщила: «Налычевцы на ремонт и оборудование избы-читальни постановили провести самообложение в сумме 200 руб.».

В 1933 г. в Налычево побывал вулканолог Б. И. Пийп, отметивший в дневнике: «Деревня располагается на кошке, в нескольких шагах от прибойной полосы. Все домики выстроены в ряд...»

16 февраля 1938 г. «Камчатская правда» писала: «60-летний охотник села Налычево Иван Михайлович Селиванов перевыполнил годовой план добычи пушнины в два с половиной раза. Им упромышлено 10 лисиц, пять горностаев, два медведя. Пушнина от него принята первым сортом. Дальзаготпушнина премировала его 200 руб.».

В ноябре 1952 г. селение было смыто цунами, но люди спаслись на пограничной заставе, находившейся на возвышенности. На месте бывшего селения образовались три протоки реки Налычевой.

В настоящее время селение не существует.

Напана, острожек, по-ительменски *Нап пан*, что, по мнению уроженки селения Виктории Евдокимовны Федотовой, можно перевести как *самое верхнее селение*, или *селение над другими острожками*, потому что севернее Тигиля располагались уже острожки оседлых коряков-нымыланов. По версии Веры Ивановны Бречаловой, также уроженки селения, *напана* переводится как *люди, вышедшие из-за скалы*.

Острожек находился на реке Напан. Отсюда до Петропавловска считалось 832 версты. Ближайшие селения — Тигиль и Седанка. Как рассказала нам В. И. Бречалова, из Напаны до Ключей ходили по тропе, мужчина мог преодолеть это расстояние за две недели. Эта тропа существовала ещё в 1950-е гг. Видимо, именно этот путь использовал В. В. Атласов для выхода на реку Камчатку, «вожами», то есть проводниками, у него были местные жители.

В 1868 г. острожек состоял из шести сооружений, его населяли 30 мужчин и 29 женщин. В 1876 г. здесь жили 26 мужчин и 22 женщины, в их числе всего один грамотный. В острожке имелось два дома, четыре юрты, пять стай, баня и 11 балаганов. Население содержало девять лошадей, 10 коров и 48 собак. За сезон местные охотники добыли 35 нерп, 14 оленей, 11 соболей и пять медведей. В 1901 г. численность местного населения составляла 50 чел.

Петропавловский окружной врач В. Н. Тюшов записал такие впечатления: «Напанский острожек... есть крайний северный пункт области верховых камчадалов. Он расположен на правом возвышенном берегу одноимённой реки, верстах в 25 от второго русского поселения западного побережья Камчатки — Тигиля...

Десять разбросанных, как везде по Камчатке, без всякого определённого плана, жалких лачуг образуют всё поселение. Из них — три бревенчатых дома и семь юрт, обложенных снаружи для большей теплоты дёрном. Эти юрты представляют собою квадратные одноместные помещения, сделанные из стоймя поставленных горбылей.

Пол земляной, покрытый для чистоты травой. Посредине такого жилья-юрты находится миниатюрная печка из необожжённого самодельного кирпича. Оконные отверстия очень малы и затянуты, по обыкновению, вместо стекольной рамы, полотнищами из медвежьих кишок...

Чем ближе к русским, тем инородцы во всех отношениях хуже; чем дальше, тем лучше.

В селении, кроме юрт, можно видеть обнесённые плетнём огороды, в которых садится репа и картофель, потом так называемые стаи, то есть загоны для скота, и неизбежную и неотъемлемую

принадлежность всякого камчатского хозяйства — рыбные балаганы и вешала.

Всех жителей считается около 60 чел. (по переписи 1897 г. 66 чел. обоих полов).

Разговорный язык, несмотря на упомянутую близость Тигиля, у напанцев между собою камчадальский. Очень редко можно услышать русскую фразу.

Самый большой дом в Напане принадлежит... старосте Арефьеву, состоит из двух половин и из просторной пристройки сеней. Дом этот построен из разных пород деревьев: тут есть и берёза, и тополь, и ветла.

До сих пор мною не было отмечено, что во многих домах камчадальских острожков можно увидеть самодельные или же приобретённые (покупные) скрипки и гармонии, свидетельствующие о склонности камчадалов к музыке. Доморощенными музыкантами разыгрываются на этих инструментах русские песни и обыкновенные камчатские танцы: восьмёрка, вальс-козак, ванька-гарун, косая, русская и тому подобные. Я слышал, что у камчадалов очень много своих чисто камчадальских песен, но самому мне не приходилось их слышать нигде».

А вот описание селения, датируемое 1923 г.: «Имеет 11 домов, 11 амбаров, одну баню, 11 тёплых сараев. Численность населения: взрослых мужчин 19, женщин 18, мальчиков пять, девочек 16. Грамотных и учителя нет, дети грамоты не получают. Парторганизаций нет, работников партийных тоже. Вероисповедание православное, церкви и попов нет. Главное занятие жителей — охота, рыболовство и животноводство. Все добывающиеся продукты сдаются проезжающим скупщикам-спекулянтам в обмен на необходимый товар: продовольствие и мануфактуру. Спрос на спирт есть, ввоза нет.

Характер поверхности: болотистая, покрытая лесом — чёрноберезняком, ольховником и кедровником. Протекает река Напана шириною 50 сажен глубиною до двух сажен. Река Правый Ланыч шириною 10 сажен, глубина до полусажени; девятый приток шириною 10 сажен, глубина одна сажень, полноводность бывает. Есть озёра. Средняя температура зимы — минус 30, лета — плюс 15 градусов. Снег глубиною один аршин, падает часто. Ветры западные, пурги частые, заносы большие. Почвы песчаные и тундра. Питьевой водой пользуются из речки, качество хорошее.

Имеются тропы на кошку и в Тигиль. Расстояние до кошки 30 вёрст, до Тигиля — 21 верста. Способы передвижения в летнее время: вьючными на лошадях. Переправы через реки бродами воз-

можны в мелководье, в полную воду переправляются на батах. Мостов и паромов нет. Селение имеет восемь лошадей, восемь конских сёдел, 200 собак, 20 нарт, 20 пар лыж; 30 коров, телег и саней нет. В 12 верстах от селения имеется каменный уголь. Охота и рыболовство мало развиты. Живут кочевники-коряки в числе 15 чел. Имеют 1 500 оленей, 20 собак, две нарты. Занятие их оленеводство».

В 1926 г. в селении имелось 16 хозяйств и 79 жителей (37 мужского и 42 женского пола). Е. П. Орлова считала, что «северной границей расселения ительменов в 1926 г. являлась река Напана, левый приток реки Тигиля, на правом берегу реки Напаны, в 40–42 км от моря...»

В 1933 г. в 15 домах жили 75 чел., в том числе двое русских.

В ходе коллективизации здесь создано хозяйство «Красный партизан». В 1936 г. оно включало 13 хозяйств, 75 чел., из них 36 трудоспособных. Доход на одного колхозника составил всего 87 руб.

В Корякском окружном архиве Н. А. Крамнистая выявила копию домовой книги села Напана за 1944 г. Из неё следует, что в 1944 г. председателем сельсовета был Иван Семёнович Бречалов, 1890 г. р., ительмен, уроженец села Аманина, секретарём сельсовета — Терентий Давидович Арефьев, он же исполнял обязанности начальника почты. Николай Прокопьевич Сенопальников, 1921 г. р., уроженец Тигиля, трудился монтёром линейного участка связи. Колхозом «Красный партизан» руководил председатель Иван Павлович Осипов, 1916 г. р., русский.

Заведующий начальной школой Николай Егорович Юрченко, 1921 г. р., прибыл из Белоруссии. Школьный военрук Николай Иванович Чирков приехал из села Белоголовое. Учителями были Алевтина Алексеевна Алексеева, Ульяна Артамоновна Пенизина, Татьяна Петровна Толстихина. Акушерским пунктом заведовала Александра Степановна Чернявская, 1921 г. р., приехала из Башкирии, а фельдшер Мария Андреевна Крывожеева, 1920 г. р., — из Краснодарского края. Кроме того, была ещё одна заведующая фельдшерским пунктом — Ольга Васильевна Морозова, из Саратовской области.

Заведующими магазином трудились Е. Ф. Притчин, 1915 г. р., уроженец села Седанка Оседлая; Евдокия Ивановна Орлова, 1922 г. р., из Саратовской области; Кузьма Фёдорович Шевченко, 1905 г. р., из Харьковской области; Василий Тимофеевич Почекутов, 1907 г. р., прибыл из Краснодарского края. Избой-читальней заведовала Роза Ивановна Шмагина, 1927 г. р., из села Хайрюзово.

Похозяйственная книга сельсовета за 1955—1957 гг. ценна тем, что показывает семьи в полном составе с указанием имеющегося

хозяйства. Так, семья Д. А. Яганова, 1921 г. р., из 11 чел. в 1957 г. имела корову, бычка и девять собак-кобелей. Семья Сергея Кузьмича Полякова, 1920 г. р., состояла из семерых, содержала только собак. А семья Ивана Ивановича Бречалова, 1924 г. р., тоже включавшая семь членов, имела корову, тёлку, бычка и девять собак. В книге отмечены семьи Какаулиных, Арефьевых, Притчиных, Слободчиковых, Левковских, Поповых и другие.

Ещё один интересный документ из окружного архива — «Рабочие и служащие Напанского сельсовета Тигильского района за 1955—1957 гг.». Из него узнаём, что Елена Африкановна Лонгинова — заведующая почтовым агентством; Степан Петрович Жеванов — завмагазином; Пётр Иванович Шелевой — бухгалтер колхоза; Степан Николаевич Назаров — колхозный моторист; Ия Александровна Семилет — заведующая клубом; Евдокия Георгиевна Буцкая — заведующая медпунктом; Татьяна Петровна Толстихина — заведующая начальной школой. Всего же имеются сведения о 52 чел.

В. Д. Зверев, бывший первый секретарь Корякского окружкома КПСС, в книге «Прерванное молчание» на примере уроженца Напаны Вячеслава Николаевича Арефьева прослеживает трудовую деятельность представителя коренного населения — ительмена во время социалистического строительства: «...окончил Хабаровский учительский институт, институт имени Герцена (отделение народов Севера). Был направлен на учёбу в высшую партийную школу при ЦК КПСС, которую окончил в 1970 г. ...Много лет работал секретарём окружкома партии по идеологии, а затем вторым секретарём окружкома. Награждён орденом Дружбы народов, ему присвоено звание “Почётный житель Корякского автономного округа”. Высокообразованный, внимательный, принципиальный, обладающий незаурядными данными художник, человек высокой культуры, до тонкостей знающий песни и танцы коренных жителей округа, их лад и быт, он со знанием дела руководил преобразованиями в округе — в области культуры, обучения и воспитания кадров культуры».

Напана — родина ительменской певуньи, мастерицы Татьяны Евстроповны Гуторовой (Наседкиной), автора легенды «Эльвель».

В настоящее время селение Напана не существует.

Начилово, селение Усть-Большерецкого района. Название получило по одноименной реке. Здесь находилось отделение Большерецкого совхоза. Основное занятие жителей — содержание стада крупного рогатого скота. В 1989 г. отделение совхоза закрыто как бесперспективное.

В настоящее время селение не существует.

Немтик, селение, находившееся на левом берегу одноимённой реки, впадающей в Охотское море. На картах XVII в. река отмечена как *Немтик* (Демтик, Немтина, Нымта). С. П. Крашенинников в острожке тойона Налача на реке Немтик застал 10 ясачных плательщиков. В XIX в. берега реки не были населены. В начале XX в. В. Н. Тюшов подробно описал устьевую часть Немтика: «Образует у моря, так же как и другие до сих пор пройденные речки, залив, длиною до трёх вёрст. Видно, как волны, не утихнувшие еще после шторма, перекатываются через низкую кошку самого устья Немтика... За заливом Немтика потянулся параллельно кошке опять ряд озёр, озерков и болот, вытянувшихся длинной линиею...»

В 1912 г., после открытия вольного заселения Камчатки, 15 семей общей численностью 47 чел. подали заявление о поселении на реке Немтик.

В 1920-х гг. было создано товарищество по ловле лосося, на месте бывшего ительменского селения Немтик построено новое одноимённое село на левом берегу реки в полутора милях от устья. К 1926 г. по Приполярной переписи здесь зарегистрировано 21 хозяйство, численность жителей достигла 75 чел. (41 мужского и 34 женского пола), все — русские.

До 1930-х гг. на географических картах и в документах река Пымта, впадающая в Охотское море, именовалась Немтиком. В 1930 г. здесь на основе пымтинской группы рыболовных участков, раньше принадлежавших частной фирме «Люри», образован комбинат с РКЗ № 10, имевшим две лососёвых и одну крабовую консервные линии. В 1938 г. комбинат был разделён на два: Кихчикский и Пымтинский. Второй состоял из двух морских и двух речных рыбозаводов, консервного завода и холодильника. В. П. Кусков считал, что посёлок при рыбокомбинате «возник в 1933 г. Назван по его расположению на реке Пымта».

«Камчатская правда» 9 июля 1940 г. сообщала: «Духовой оркестр организован при клубе Пымтинского комбината. Молодёжь с удовольствием занимается в музыкальном кружке и показывает неплохие результаты. Оркестр уже изучил несколько маршей, песен советских композиторов. Каждый выходной день в клубе устраиваются танцы под духовой оркестр».

Одной из статей дохода селян была охота. Об успехах охотников в сентябре 1940 г. рассказала «Камчатская правда»: «В колхозе имени Сталинской конституции села Немтик организована охотничья бригада (бригадир тов. Яцкий) из четырёх человек. Охота

на медведей проходит успешно, уже убито 19 медведей, один из них весом 283 кг».

В другом номере газета, тоже в сентябре 1941 г., писала: «Никогда ещё с такой энергией и отдачей не работали в колхозе имени Сталинской конституции, как в дни Отечественной войны. В текущем году колхоз увеличил посевную площадь на 34 %... Поголовье свиней, коров и лошадей по сравнению с прошлым годом удвоилось... Работа в колхозе перестроена на военный лад. Значительно укрепилась трудовая дисциплина, повысилась производительность труда. Колхозники единодушно решили ежемесячно отчислять от двух до шести трудодней в фонд обороны Родины. Проведено два субботника, в которых участвовали все жители села. Заработанные деньги перечислены на укрепление Красной Армии».

Два названия — Немтик и Пымта — сосуществовали долгое время. Название реки, сокращённое *Нымта*, преобразовалось в *Пымта*, сохранившееся до настоящего времени.

О труде и быте ловцов и обработчиков Пымтинского рыбокомбината 1950-х гг. издана повесть «Белый лист» писателя Виктора Аикина.

В 1968 г. Пымтинский комбинат в связи с подрывом сырьевой базы и убыточностью преобразован в рыбозавод комбината имени Кирова. В 1977 г. его населённые пункты были упразднены и исключены из списка населённых пунктов КО.

Надо сказать, что имя реки Немтик всё же сохранилось на современной карте. Так называется правый приток реки Быстрой, берущий начало в Срединном хребте рядом с рекой Пымтой.

Нижнекамчатск. Во время похода В. В Атласова в устье реки Еловки казак Старицин-Морозко основал небольшое зимовье. В 1703 г. служилый Михайло Зиновьев перенёс его отсюда несколько ниже, на так называемые «ключи», зимовье получило название Нижнекамчатска.

Пятидесятник Колесов, прибывший на полуостров в 1704 г., поставил около существовавшего зимовья «другой острог, мерою кругом 30 сажен, в вышину пол-третья сажени». Приехавший в августе 1713 г. дворянин Иван Енисейский заложил на ключах первую на Камчатке Никольскую церковь и вновь перенёс острог на новое место. С. П. Крашенинников отмечает, что «от того времени стали помаленьку строиться Нижнего острога жители на ключах, оставя старый острог».

В 1728—1729 гг. Нижнекамчатский острог становится базой Первой Камчатской экспедиции. По тем временам он являлся одним

из самых крупных на полуострове. В. Й. Беринг сообщал: «...а при нижнем Камчатском остроге дворов с пятьдесят. Да в другом месте, где церковь, с пятнадцать». В журнале мичмана П. Чаплина записано: «Жилья имеется дворов с сорок, а распространяется по берегу близ версты».

Рапорт В. Й. Беринга в Адмиралтейство от 10 июля 1728 г. гласил: «А для оставших от нас вещей построили мы анбар при ключах, где церковь, расстоянием от нижнего Камчадальского острогу вёрст с шесть... а при остроге построить не смел, для того что по вся годы топит водою и стоит воды июня с первых чисел и до половины июля месяца».

На Ильин день в 1731 г. восставшие ительмены под руководством тойона Федьки Харчина захватили Нижнекамчатский острог, перебив его немногочисленный гарнизон. Ительмены знали, что в это время готовилась экспедиция на Чукотский полуостров к Анадырю для покорения «немирных чукоч», и воспользовались случаем.

В результате захвата острога и последующего подавления бунта почти все строения Нижнекамчатска были сожжены. Было решено построить новый острог, но на другом месте, значительно ниже первого. В 1736 г. при впадении реки Радуги в реку Камчатку майор Якутского полка Василий Мерлин возвёл новый Нижнекамчатский острог с башней «о четырёх жильях». «Оной острог зделан четырёхугольным, длиною 42, а шириною 40 сажен», — сообщал позже С. П. Крашенинников.

1 августа 1743 г. из Нижнекамчатска вышла первая промышленная экспедиция, снаряженная на средства московского купца Е. Санникова, посадских людей Паншина и Д. Соснина, крестьян Попова и Холщевникова.

Итоги плавания промышленника Емельяна Басова и купца Никифора Трапезникова послужили толчком для новых экспедиций на «незнаемые острова», вначале Командорские, а затем Алеутские и Курильские для добычи на них пушнины. В период 1743—1783 гг. мореходами, вышедшими из Нижнекамчатска, была открыта и нанесена на карту большая часть Алеутских островов. Русские промышленники начали освоение «матёрой» американской земли — Аляски.

Таким образом, история Нижнекамчатска самым тесным образом связана с именами русских мореходов, промышленников и купцов: Е. Басова, Е. Санникова, Л. Наседкина, С. Глотова, А. Толстых, Г. Пушкарёва, С. Соловьёва, П. Зайкова, И. Коровина,

Г. Измайлова, Е. Деларова, Д. Бочарова, М. Чурина, Д. Панкова и многих других.

В 1767—1770 гг. в Нижнекамчатске размещалась «секретная» правительственная экспедиция П. К. Креницына — М. Д. Левашова. Здесь её участники построили морской катер «Чёрный орёл». В 1768 г. они составили топографический план Нижнекамчатска. На нём изображены: «*A*. Нижно камчацкая крепость, которая обнесена деревянным палисадом, и сквозь оной вкруг крепости зделаны для стреляния из ружей маленькие окошечки, которых числом 137. *B*. Трои ворота, ис которых и протчих более и над оными башня на которой вместо калаколны повешены колокола и в нижнем апартаменте для паления ис пушек зделаны четыре окна... *C*. Четыре бастиона, и во оных для постановления пушек намощены мосты, а сквозь крепостной палисад зделано по два окна. В крепости строения казённаго: *D*. Церковь деревянная Успение Пресвятыя Богородицы, *E*. Приказная изба, *F*. Магазейны, *G*. Анбар для поклажи ясажной мяхкой рухляди и слаткой травы. Строения вокруг крепости: *H*. Церковь деревянная Никалая Чудотворца, *I*. Казённые лавки зделаны для приезжих купцов, К. *К*азённой дом зделан для прежде бывшего на Камчатке архимандрита, ныне пуст, *L*. Прядильные сараи, *M*. Место, где строятца купеческие суда, *N*. Казённой дом для командира крепости, *O*. Кабак, по-тамошнему названию каштак, а протчеи строения обывательские домы».

В 1783 г. указом Екатерины II Нижнекамчатск был возведён в статус уездного города. 26 октября 1790 г. императрица утвердила городской герб: «В верхней части щита герб Иркутский. В нижней части, в голубом поле, кит, в знак того, что у сего города в океане много их находится».

В описании Иркутской губернии указывалось, что в конце 1790-х гг. острог занимал площадь длиною в 350 сажен и шириною в 120 сажен (около 20 000 кв. м). Над воротами палисада возвышалась башня с колоколами, в стенах были прорезаны бойницы. В остроге находились две церкви, нижний земский суд и уездное казначейство, казённые амбары, два гостиных ряда, четыре кузницы, питейный дом и 45 обывательских домов. По пятой ревизии (1795 г.) в городе считалось 55 «мужеска пола мещан и цеховых» и 56 церковнослужителей.

Жители выращивали репу и редьку, ячмень, овёс. Растущие «травы пырейные» были «столь злачны, что летом три раза можно скашивать». На зиму заготавливали лесные ягоды, ловили рыбу и промышляли зверя. «У жителей запас съестной к зиме состоит из

кореньев разных пород лилий... Сладкая трава важнее лилейных, ибо употребляется в разные толкуши с ягодами... Она готовится вот как: связав её десятками, дают завянуть, потом кладут в травяные мешки, в коих она чрез несколько дней сахарится, коей отрясают с пуда четверть фунта; сок её ядовит; из неё, в тёплой воде сквашенной, гонится водка: из двух пудов травы выходит целое ведро. Черемши и луку много».

В 1803 г. при нижнекамчатском гарнизоне открылась «военно-сиротская школа» для солдатских детей, работавшая до 1817 г.

В 1812 г. Нижнекамчатск являлся самым большим населённым пунктом полуострова: здесь жили 840 чел., в том числе 41 духовное лицо, 450 военных, 190 приказных, 61 разночинец, 63 мещанина, 35 крестьян.

В январе 1811 г. под председательством И. Б. Пестеля в Санкт-Петербурге работал комитет, принявший «Новое положение о Камчатке», утверждённое императором Александром I 9 апреля 1812 г. По этому положению «пребывание начальника Камчатки назначается впредь в Петропавловской гавани». Центр политической, экономической и духовной жизни полуострова с этого времени перемещается на берега Авачинской губы.

После переноса администрации и воинской команды Нижнекамчатск быстро превратился в обычное камчадальское поселение. В 1813 г. население сократилось на 48 чел. и составило 792 чел. В 1822 г. здесь жили 299, а в 1852 г. — всего 245 чел., в том числе 13 духовных лиц, 73 казака, 12 мещан, 105 крестьян и поселян, 42 камчадала. В 1891 г. в Нижнекамчатске остались 148, а в 1895 г. — 107 чел.

Побывавший в селении в середине XIX в. К. Дитмар сообщал: «Деревня помещается теперь почти совсем в новом месте; только нынешняя церковь и несколько домов стоят по-старому. От прежнего блеска древней столицы страны оставались только старинная церковь и название “городничего”».

В 1852 г. городничим, то есть старостой, был 68-летний Иван Васильевич Кузнецов, «сын очень зажиточных родителей, живших в Нижнекамчатске, родился около 1770 г. Ещё молодым человеком он отправился в Вологду, чтобы там научиться торговому делу. В 1804 г. Кузнецов вернулся в Нижнекамчатск и с того времени безвыездно жил в Камчатке. Составив себе большое состояние, он затем вследствие нескольких кораблекрушений опять потерял его».

В Нижнекамчатске до 1930-х гг. находился местный архив, где хранились уникальные документы по истории освоения Камчатки

и Русской Америки, охватывавшие начало XVIII — начало XX в. К сожалению, весь архив утрачен. У нас есть сведения, что во время Великой Отечественной войны из-за нехватки бумаги часть архива передали местным школам. На обратной стороне документов дети учились чистописанию и арифметике.

После успешного отражения высадки англо-французского десанта в Петропавловске в 1854 г. перед властями Камчатки встал вопрос о том, что делать, если враг повторно нападёт на порт летом 1855 г. Здесь готовились к отпору: ремонтировали и укрепляли батареи, обучали местных жителей военному делу, создавали запасы продуктов. В селения полуострова тойонам и старостам были посланы депеши, содержавшие требование направить на оборону Петропавловска местных охотников.

Вот документ, дошедший до нас благодаря сотруднику Нижнекамчатского сельсовета В. Петрову, снявшему в 1926 г. с него копию. «Приказ Нижнекамчатскому старосте Кузнецову. Находя нужным оставить в распоряжении твоём наибольшее [число] людей для вспомоществования в работах оставшимся казацким семействам в Усть-Приморском селении по требованию тамошнего частного командира, также для защиты и спасения женщин, детей, скота, всего крестьянского имущества здешнего селения по случаю появления врага в реке, а потому и предписываю им по желанию их идти на защиту Петропавловского порта 12 человек, послать всего пять, здесь поименованных: Захара Греченина, Ивана Гусева, Ивана Никифорова, Андрея Тарабыкина, Афанасия Помазкина, которым и выехать непременно к 1-му мая. Подлинный подписал капитан-лейтенант *Чехачев*. 1855 г. Генваря 22 дня».

Особое место в истории Камчатки занимает Нижнекамчатская Успенская церковь. Это — единственный памятник деревянной архитектуры, дошедший до нас через столетия. Церковь построили в 1737 г., освятил её 15 июня 1741 г. священник Ермолай Иванов.

Затем рядом с острогом строится вторая церковь. В 1773 г. камчатский исправник капитан Тимофей Шмалев писал: «Крепость деревянная, в коей строения, церковь Успения Пресвятые Богородицы... За крепостью церковь же Николая Чудотворца...»

Новую Успенскую церковь построили при городничем Крылове. Её освятил 12 ноября 1796 г. протоиерей Стефан Никифоров.

Иннокентий Вениаминов в 1846 г. отмечал: «Церковь деревянная, прочная, собранная из двух церквей, существовавших здесь до 1827 г., проповеднической Успенской и приходской Николаевской». Из-за угрозы разрушения сильными паводками церковь

перенесли на возвышенность, куда впоследствии переселились и местные жители.

Вот что рассказывала в 1994 г. об этом событии родившаяся в 1909 г. в Нижнекамчатске Акулина Захаровна Портнягина, в девичестве Греченина: «Раньше Нижнекамчатск на заимке стоял, церковь там была другая. Потом стало подмывать, а наши деды жили на заимке, потом они давай переезжать туда, где сегодня Нижнекамчатск, жребий бросали, куда переезжать: на эту сторону или в Обухово. Заворачивали, билетики бросали, старухи это рассказывали».

В 1865 г. построили последнюю Успенскую церковь. Её возвели из лиственничного леса, покрыли тёсом, окрасили белой масляной краской, внутри обтянули плотной материей. Церковь имела длину 21,5, высоту до крыши 11,5 и ширину 10,25 аршина. Отмечая её убранство, иеромонах Нестор писал: «В этой церкви на горном месте находится образ Успения Божьей Матери, присланный в благословение первой Камчатской Успенской пустыни в 1717 г. от Киево-Печерской лавры. Образ этот в чеканной серебряной ризе и с вырезанной надписью».

С запада от церкви находилась двухъярусная колокольня, на ней висели два больших колокола весом 40 и 23 пуда и несколько меньших. Участок, прилегавший к церкви, был огорожен волнистой оградой с красивыми решётчатыми воротами. Церкви принадлежали дом священника и псаломщика, а также церковноприходская школа.

Архивные документы донесли до нас фамилии последних служителей церкви: священника Геронтия Васильевича Коллегова, псаломщиков Петра Никифорова и Николая Сновидова.

Убранство церкви складывалось в течение всего времени её существования. Прихожане жертвовали сюда вклады по случаю личных событий в жизни. Здесь находился один из самых богатых на Востоке России иконостасов. Церковная утварь пополнялась в годы бурного освоения русскими промышленниками Северной Америки и Алеутских островов. После плаваний они делали посильные вклады. Эта традиция продолжилась в XIX и начале XX в. Как сообщили нам старожилы села, после закрытия церкви утварь изъяли и вывезли в райисполком в Усть-Камчатск.

В 1921—1922 гг., в период гражданского противостояния на Камчатке, власть в Усть-Камчатске принадлежала революционно настроенным лицам, прибывшим сюда для работы на рыбных промыслах. Они создали партизанский отряд, куда вошли и нижнекамчатцы, несшие караулы в устье реки Камчатки и на Цуцумской

кошке. В отряде числились: В. А. Греченин, Т. И. Козаев, Э. Косыгин, З. А. Петров, Т. С. Попов, Н. М. Попов, М. В. Портнягин, П. В. Портнягин, А. Сновидов, кореец Цо Ен Седи.

Во время двоевластия на Камчатке обе стороны — и красные, и белые — пытались склонять на свою сторону местное население и объяснять ему свои действия. Так, священник нижнекамчатской церкви Геронтий Коллегов получил от проезжавших каюров воззвания к населению полуострова из Петропавловска, занятого отрядами белых.

Это стало известно красным партизанам. В апреле 1922 г. они отправили священнику предупреждение: «По полученным сведениям известно, что вами распространяются прокламации меркуловского правительства, а также высших духовных лиц, явно подрывающие престиж народной трудовой власти и губящие тем дело завоеваний великой пролетарской революции, поддерживая... разного рода самозваные правительства, которые стремятся к восстановлению старого царского деспотизма. Военный совет усть-камчатского добровольческого отряда стоит на страже защиты исконных прав трудового народа, далёк от вмешательства в дело церкви и подрыва дела религии и в свою очередь просит вас не вмешиваться в дела политического характера и все имеющиеся у вас прокламации передать военному совету для уничтожения, прекратив таким образом преступную агитацию против прав трудового народа, занимаясь исключительно делом церкви... При этом, считаясь с тяжёлым переживаемым моментом, военный совет предупреждает вас, что если после сего вами не будет прекращено дело агитации, то будут приняты самые решительные меры».

В то же время молодёжь села создала «тайно-политическую группу», стоявшую «на платформе революционной борьбы». Вот текст её сообщения из Нижнекамчатска в партизанский отряд от 3 апреля 1922 г. «Сим ставим вас в известность, что у нас организовалась небольшая тайно-политическая группа, цель которой — стоять на защите интересов народа. Сообщаем для сведения и, между прочим, просим держать в секрете, за исключением самого отряда. Но надеемся на вашу поддержку в вопросе потребности, как с материалами, так и во всех остальных службах. Кроме того, что мы очень незначительны и сила наша не многая, просим, если есть на лишке хотя один револьвер и, наверное, есть сабли... штуки две для милиции. Если есть, то, пожалуйста, пришлите. Кроме того, сообщите письменно ваше положение в отряде».

В 1923 г. в Нижнекамчатске установилась советская власть. Существенных изменений в жизни селян на первых порах не произошло, если не считать появление в декабре 1924 г. комсомольской ячейки.

По Приполярной переписи 1926 г. в Нижнекамчатске числились 36 хозяйств и 225 жителей. Они носили такие характерные фамилии: Греченины, Портнягины, Тарабыкины, Коллеговы, Поповы, Никифоровы, Сновидовы, Снафидовы.

В начале 1930-х гг. образовался колхоз «Путь Ленина». Его члены ловили лосося, возделывали картофель и капусту, выращивали табак, занимались скотоводством. В 1935 г. колхоз возглавил Давид Фёдорович Савинский — внук известного на Камчатке казачьего сотника, принимавшего участие в обороне Петропавловска в 1854 г.

Затем на основе колхоза открылось отделение совхоза «Крутобереговский», а в 1968 г. Нижнекамчатск был закрыт. Жителей переселили в Усть-Камчатск и Ключи.

В 1980-х гг. сотрудники Камчатского областного краеведческого музея проводили археологические раскопки на месте бывшего острога. В 1993 г. частично отремонтирована и освящена Успенская церковь. Исторический центр полуострова — Нижнекамчатск — должен возродиться в новом качестве: как историко-туристический объект.

Николаевка, село Елизовского района. В. П. Кусков считает, что оно основано в 1854 г. на месте деревень Тихой и Орловки, «называвшихся так по расположению на одноимённых притоках реки Паратунки... В связи с заражением проказой жители села незадолго до 1908 г. переселены на горячие Паратунские ключи. Позднее село снова восстановлено на прежнем месте». На наш взгляд, название село получило в честь императора Николая I, во время правления которого оно возникло.

По данным И. И. Огрызко, весной 1853 г. из Иркутской губернии через Якутск и Нелькан в порт Аян были отправлены 25 крестьянских семей. В этом же году летом на судах «Иртыш» и «Цесаревич» их доставили из Аяна на Камчатку. Для обзаведения переселенцев с ними посланы: «семенной хлеб... 26 лошадей, восемь коров... сошки, бороны, лопаты, серпы, топоры, косы-горбушки, ножи, котлы». Переселенцев высадили в Петропавловском порту, затем их водворили «...в трёх верстах от устья реки Тихой, на берегу речки Паратунки... Поселение названо Николаевским». Через год камчатский военный губернатор В. С. Завойко сообщал: «...доставленные в 1853 г. ...25 переселенческих семейств в числе 134 душ...

обзавелись, по возможности, хозяйством, имеют дома, скотоводство, огороды».

В 1868 г. от селения по почтовому тракту до Петропавловска считалось 27 вёрст. Здесь имелись православная часовня во имя св. Николая Чудотворца, 30 домов, обитали 101 житель мужского и 93 женского пола.

В 1901 г. население насчитывало 150 чел.

О нелёгкой судьбе села пишет В. Л. Комаров: «Колония эта развилась в большое селение, но, к сожалению, рядом с крестьянами было поселено несколько якутов, выписанных из Якутской области уже заражёнными проказой. Их изолировали, но дома для больных поставили рядом с селением, хотя и в сторонке; хоронили их также рядом, у речного берега, в аллювии, и в половодье река размывала места погребения. Новые заболевания никогда не прекращались и по временам число их даже усиливалось; одной из причин признали заражение через воду и постановили выселить отсюда всех жителей». Они перебрались на Паратунские горячие ключи и в Микижу.

Об истории села на страницах газеты «Камчатская правда» в октябре 1957 г. рассказывал Алексей Иванович Брекаловский: «...Я в этом селе родился в 1890 г., а отец мой приехал сюда из Сибири в 1852-м. Уже и тогда Николаевка была. Правда, стояло село на другом месте и жили в нём... завезённые на Камчатку якуты».

Николаевка перемещалась дважды. В 1903 г. здесь проявилась страшная болезнь — проказа. По распоряжению властей всех больных принудительно переселили в специальный лагерь (лепрозорий) в бухте Раковой в окрестностях Петропавловска, а село сожгли.

Возрождение началось в 1919 г. Тогда из Приморья прибыли переселенцы. Один из них — подросток Иван Чудин — так вспоминал о первых годах жизни в новой Николаевке: «Сперва жили в землянке. Постепенно отстроили дом. Деды помогали — лесу вокруг много... Потихоньку начал охотиться. Сперва на зайцев, по 400–500 штук за зиму отлавливал. Много добывал гороностая. Днём обойду, соберу добычу, сменю приманку и домой — обедать. Мать хорошо готовила. Суп, рыба жареная, творог, сметана, картошка. Ну и мясо. Обжились мы... Купили корову... Отец больше рыбачил. Так что охотиться приходилось мне».

Когда-то в Петропавловске на Первой улице (сейчас Ленинская), там, где расположен сквер Свободы, стояла большая деревянная часовня. Её разобрали, перевезли в Николаевку и открыли

церковь. Здание бывшей церкви дожило до наших дней. Сейчас оно переоборудовано в школу.

Состояние местных дел описано в отчёте сельревкома о деятельности с 1 июля по 1 октября 1925 г. «Николаевский сельревком находится на расстоянии от волревкома зимним и летним путём в 16 верстах. В селении находится 13 дворов; населения: мужчин — 17, женщин — 13, детей — 42... Школы в настоящее время нет, но будет в нынешнем году, на аренду взят дом. Заболеваний серьёзных не было, а также и болезней на скот и зверей не замечается. По сдаче рыбы с волкресткомом заключён письменный договор. Цена кеты — 15 коп., икра, один пуд, — 2 руб. 50 коп. в готовом виде. Население также занимается огородничеством — посадкой картофеля, капусты, свёклы, моркови, редьки. Занято под огородами всего 8,5 десятин приблизительно, и с каждым годом заметно расширение разработки огородов. В покосах всего занято 55 десятин. Скот разводится рогатый. Всего в селении имеется крупного скота от трёх лет — 38, до трёх лет — 15 шт., от году — 24 шт.».

По итогам переписи 1926 г. в Николаевке было 16 дворов, 2,31 га посевов, три плуга, три бороны, 43 косы, сотня ездовых собак, два десятка кур.

В 1927 г. появилась комсомольская ячейка из нескольких человек. Начинает работу школа и изба-читальня. В этом же году создаётся рыболовная артель «Заря».

В докладе по обследованию работы комсомольской ячейки инструктором окружкома ВЛКСМ Борисовым говорится: «Село Николаевка состоит из 18 дворов. Большинство населения чрезвычайно религиозно — из староверов. Они очень спаяны между собой, оказывают большое влияние на жизнь села и отдельных крестьян. И. Чудин — крестьянин, батрак, ему 18 лет. Развит более остальных, видел условия и размах комсомольской работы на материке».

В 1930 г. организован колхоз «Красный Октябрь». По воспоминаниям И. Чудина, в первое время в нём числилось всего шесть семей, две лошади и четыре коровы. Опыта ведения дел с применением современных способов и техники у крестьян не было. Состояние сельского хозяйства описала окружная газета «Полярная звезда»: «Уже два года работают на Камчатке сельхозячейки — кружки. Но распространение сельскохозяйственных знаний ведётся слабо. Деревня нуждается не в бездушных бумажных циркулярах, а в живом слове, рассказе, показе, проведении опытов непосредственно

в поле, на глазах у крестьян. Нам приходится начинать с азов, с азбуки сельского хозяйства».

В 1932 г. колхоз имел 22,6 га посевной площади. На большей части засевали овёс — корм для лошадей, картофель, по полгектара ячменя и ржи. Каждая колхозная семья должна была обработать 25 соток посевов.

7 августа 1931 г. организована ячейка коммунистической партии из 7 чел. Состав партийцев часто менялся. 14 сентября 1940 г. «Камчатская правда» сообщала о создании новой парторганизации: «Недавно там был всего только один член ВКП(б). Сейчас насчитываются пять членов партии и два кандидата. Петропавловский горком ВКП(б) утвердил эту парторганизацию, и она 3 сентября провела первое собрание... Собрание избрало секретарём парторганизации тов. Кустова, работающего заведующим молочно-товарной фермой колхоза “Красный Октябрь”».

В годы Великой Отечественной войны многие селяне ушли защищать родину. Они воевали на западном фронте и принимали участие в Курильском десанте.

К 1957 г. в селе имелось более 70 дворов, все дома были радиофицированы и освещались электричеством от своей станции. Местный клуб был оснащён киноустановкой, действовали библиотека, семилетняя школа, медицинский пункт, магазин, хлебопекарня, детский сад.

Колхоз обрабатывал уже 400 га пахотных земель, занятых картофелем, капустой, зерновыми культурами и сеяными травами. Хозяйство располагало стадом в 230 голов крупного рогатого скота, 150 свиньями, сотнями птиц. Отлично трудились передовики производства — Евстратова, Горбаль, Новиченкова, Гамолина, Глазырина, Рыбакова, Лунева, Брикаловская, Десятиченко.

К концу 1950-х гг. колхоз значительно окреп. Об этом свидетельствует материал, опубликованный в конце 1958 г.: «Растёт колхозное село Николаевка. В нынешнем году в нём появилась ещё одна улица, застроенная 15 одноквартирными сборно-щитовыми домиками. Сооружены они добротно и прочно: цементированные фундаменты, штукатуренные стены... Строительство объектов ведут 27 плотников, штукатуров, каменщиков. Возглавляет коллектив строителей освобождённый бригадир Николай Яковлевич Евстратов. Пятнадцать домов готовы для переселенцев, прибывающих с “Большой земли”. Сдан в эксплуатацию птичник на 2 000 голов. В настоящее время ведётся строительство автогаража. В нём разместятся шесть машин, бокс для ремонта. Заканчивается сооружение свинарника на 25 свиноматок. Недавно в колхозе возник ещё один

объект — типовая конюшня, сооружаемая из блоков. Недалёк тот день, когда труженики села смогут по-настоящему культурно проводить свой досуг. На строительство клуба решено израсходовать 250 тыс. руб. ...Особенно хорошо работают плотники Алексей Антаков, Сергей Сергейчик, каменщики, руководимые Николаем Тюлениным, и бригада штукатуров Анатолия Слободчикова...»

В 1970-х гг. на основе колхоза возник совхоз «Октябрьский», возглавить который пригласили директора совхоза «Ключевской» Михаила Кузьмича Фомина. При нём и происходило становление этого хозяйства. В 1975 г. по инициативе Фомина в селе был установлен обелиск в память погибших земляков. К концу 1970-х гг. совхоз «Октябрьский» стал одним из крупнейших хозяйств в Елизовском районе. Борьбе совхоза за урожай картофеля посвятил очерк «Соль земли» Алексей Клименко. Очерк вошёл в одноимённую книжку, изданную в Москве в 1985 г. В 1990 г. в «Октябрьском» трудились 425 чел. Валовая продукция за этот год составила 3 941 тыс. руб., в том числе растениеводства — 1 235, животноводства — 2 728. Всего государству поставлено в живом весе 4 754 ц скота и птицы.

По Всесоюзной переписи 1979 г. в селе жили 1 170 чел.

Николаевка, село. Основано в смутное время гражданского противостояния начала 1920-х гг. рабочими усть-камчатских рыбных промыслов, решившими остаться зимовать на берегу реки Камчатки. От Усть-Камчатска до Николаевки тянулась тропа длиной 6 км, а от Мильково по реке на катере нужно было ехать несколько дней, чтобы преодолеть 559 км.

Точной даты основания села пока не выявлено. В архивных данных оно упоминается с 1922 г., а сведения за 1923 г. говорят, что здесь жили 60, в 1928 г. — 73, а в 1933 г. — уже 128 чел. В 1925 г. в селе было 18 дворов, в 1927 г. — 54 чел., в том числе 26 детей, имелись 53 нартовые собаки. Жизнь переселенцев была очень тяжёлой. Первые новосёлы ютились в землянках. К весне они голодали, за шкурку соболя местные скупщики давали всего 15 руб.

В 1931 г. в Николаевке образовался рыболовецкий колхоз, добывавший лосося. Первыми колхозниками стали семьи Бобыльских, Станкеевых, Хомяковых. Глава семейства Хомяковых — Ефим Селеверстович — славился в округе умением изготавливать высококачественные балыки. Колхоз назвали «Новая жизнь». Всё его имущество состояло из нескольких лодок да гнилых сеток. Наплава делали из кусков дерева, а грузила — из камней.

Прошли годы, колхоз окреп, вырос; средства, полученные от рыбалки, вкладывались в развитие посёлка. Дома колхозники строили на совесть, рубили их из лиственничного леса, рядом возводили хозяйственные постройки, держали домашнюю птицу и скот. К 1 января 1933 г. здесь было 31 хозяйство, 140 жителей, из них 136 бедняков и четыре середняка. По национальному составу они делились так: 133 русских, пять татар и два поляка. В 1935 г. из 21 имеющегося в селе хозяйства в колхозе числились 20.

За время существования колхоза бывало всякое. Так, в 1939 г. из-за плохой организации работ последний невод установили только в июле. В результате при плане 8 200 колхозники добыли всего 5 571 ц. Очень напряжённо они трудились во время Великой Отечественной войны. 22 августа 1943 г. под председательством С. Ф. Фомина первыми в районе выполнили годовой план путины и сдали государству сверх задания более 500 ц рыбы.

Районная газета «Большевистский путь» 23 марта 1944 г. сообщала: «От колхозников села Николаевка поступило на строительство эскадрильи самолётов “Камчатка — фронту” 12 677 руб.».

31 июля 1944 г. в приказе по Усть-Камчатской моторно-рыболовной станции отмечалось: «За обеспечение чёткой работы звена закидного невода, хорошего ухода за орудиями лова и выполнение квартального плана звена на 157 % звеньевого Лобкова А. А. премировать денежной премией в сумме 500 руб. За исключительный хороший уход за морским неводом № 5, обеспечивающий бесперебойную работу невода, в результате чего бригада выполнила свой квартальный план на 308 %, премировать Новикова денежной премией в сумме 300 руб. Стахановцев рыбаков-колхозников Китаева И. и Тарасова П. Н., добившихся выполнения своего квартального плана на 308 %, премировать денежной премией по 250 руб. каждого. За оперативное руководство ловом, обеспечение выполнения квартального плана по добыче рыбы на 150 % председателя колхоза Фомина С. Ф. премировать 500 руб.».

В 1951 г. колхоз выставлял в Камчатском заливе два ставных невода, имел два тресколовных катера, 60 жаберных сетей, трудились 39 рыбаков. По итогам работы в этом году колхозники на один трудодень заработали по 5 руб. 45 коп. В 1954 г. их средняя заработная плата составила 27 тыс. руб. Наибольших успехов добились В. П. и Н. П. Васильевы, К. Л. Шапран, И. Ф. Долгов и Г. И. Воробьев. Лучше всех сработал морской ставной невод бригадира И. Ф. Долгова. Его рыбаки поймали 7 000 ц лосося, что составило 270 % задания.

В этом же году село активно строилось: были возведены два жилых дома, пущена электростанция, открылась новая школа, клуб, завершился капитальный ремонт пяти домов. Сельское хозяйство играло в жизни колхоза вспомогательную роль, но, тем не менее, в 1954 г. оно принесло ему 15 тыс. руб. дохода. Наибольшего процветания колхоз добился под руководством председателя Е. Дмитриенко. Старожилы вспоминают его добрым словом ещё и сегодня.

Большое внимание уделялось общественной жизни. Наряду с устройством досуга, была налажена работа народной дружины. В результате за 1960 г. в Николаевке не зарегистрировали ни одного случая нарушения порядка. В 1960 г. число хозяйств выросло до 70, но в 1974 г. Николаевка была закрыта. В 1970—1980-х гг. по имени селения называлась рыбалка колхоза «Путь Ленина», располагавшаяся недалеко от бывшего села. После того как оно закрылось, жители переехали в Усть-Камчатск. До конца 1980-х гг. ещё стояли добротные срубы домов, но потом кто-то пустил пал и все они сгорели.

Новая Долиновка, село. Сельское хозяйство Камчатки в досоветский период носило зачаточный, примитивный характер. Развитие камчатское село получило с началом 1930-х гг., когда после притока рабочих на рыбные промыслы и лесные предприятия АКО потребовалось обеспечивать продуктами постоянно растущее население полуострова.

В самом начале 1930-х гг. образуются первые камчатские совхозы, но только к 1960-х гг. сельское хозяйство полуострова вышло на относительно высокий качественный уровень. Главным направлением стало молочно-овощное, дополнительным — птицеводство, свиноводство и звероводство.

К 1970-м гг. сельскохозяйственное производство закрывало потребности населения области в картофеле на 100 %, а в овощах, молоке, мясе и яйцах — более чем наполовину. Планами развития на 1971—1985 гг. в Мильковском районе предусматривалось освоить дополнительно 31,4 тыс. га, в том числе 13,6 тыс. га торфяных болот.

На майском 1982 г. пленуме ЦК КПСС была принята Продовольственная программа. В рамках развития сельского хозяйства предусматривалась организация новых совхозов в долине реки Камчатки. Строители приступили к возведению жилых объектов для села, получившего название Новая Долиновка, так как оно располагалось рядом с уже существовавшей Долиновкой, на которую с каждым годом наступала река Камчатка, подмывая берега

и угрожая строениям. Руководство района решило перенести село подальше от реки.

Рождение нового села можно приурочить к концу 1987 г. Мильковская районная газета «Знамя труда» 15 сентября 1987 г. сообщала: «Заметно поднялся и расширился за прошедшие два года будущий совхоз “Новая Долиновка”. К октябрьским праздникам здесь практически будет уже построено первое в посёлке жилое здание. Готовить его к сдаче будут строители недавно созданной строительной организации — Мильковской ПМК-2». Они должны были «построить к зиме общежитие, запустить котельную, завершив строительство теплотрассы». Далее газета писала: «...примерно через год-два совхоз заживёт полнокровной жизнью и в скором будущем даст первую свою продукцию».

Но этим планам не суждено было сбыться. Хотя в Новой Долиновке и появились первые новосёлы, жили они в новом селе недолго: к концу 1990-х гг. всех их перевели в другие места. Основной сложностью, с которой столкнулись люди, оказалось отсутствие качественной воды. А потом закончилась советская власть, вместе с ней и устойчивое финансирование.

Начало 1990-х гг. характеризовалось развалом сельхозпредприятий. За несколько лет от процветающих хозяйств остались руины ферм да остовы ржавой техники, а недавние передовики производства превратились в безработных. Одним из последних жителей Новой Долиновки стал фермер В. И. Думченко, участник Великой Отечественной войны.

Новое село так и не успели достроить, многие дома стоят без крыш. Возле них разбросана разбитая техника. Впечатление от посещения многоэтажек жутковатое — на стенах новые обои, свежая краска, остатки столярки, брошенные учебники и тетради, детские игрушки. Такое впечатление, что люди бежали отсюда, как будто им дали всего несколько часов на сборы...

Облуковино. С. П. Крашенинников в острожке новокрещённого тойона Ивана Отласова застал 49 ясачных плательщиков. Именно с тойоном селения Оглукомино, как именовался острожек ещё в XIX в., побратался казачий пятидесятник В. В. Атласов.

В 1836 г. здесь жили 45, в 1851 г. — 69 чел. В 1868 г. в селении было 13 домов, 70 жителей (33 мужского и 37 женского пола), православная часовня. Расстояние до Петропавловска — 422 версты.

Благоприятные условия для рыбной ловли и охоты способствовали увеличению населения. В 1876 г. учтены 121 чел., в том числе 12 грамотных. По сословиям они делились так: два отстав-

ных казака, 14 духовных лиц, семеро купцов, 98 камчадалов. В этом году село составляли: одна церковь, 17 домов, лавка, 31 балаган, 16 стай, три бани и три амбара. Местные обитатели имели 20 лошадей, 58 коров и 237 собак; посадили 86 пудов репы, собрали 106. За охотничий сезон добыто семь соболей, 19 выдр, 15 оленей, 26 медведей, 29 нерп.

В. Н. Тюшов отмечал, что Облуковинская церковь, выкрашенная в белый цвет, видна издали. Он писал: «Облуковинским селением заканчивается область поселений... низовых камчадалов, или *тнум-лен*, как их называют жители острожков, находящихся севернее Облуковины, именуемые в свою очередь *давнайками*. Селение Облуковинское, или просто Облуковина, расположено на левом берегу одноимённой реки верстах в 30–40 от её устья. По общему характеру построек, то есть домов, амбаров и пирамидальных рыбных балаганов, по отсутствию какого-либо плана в возведении построек, селение это нисколько не отличается от перечисленных выше. Единственное отличие от других камчадальских острожков от Большерецка заключается в церкви... По данным переписи населения 1890 г., в Облуковино считалось 52 мужчины и 39 женщин. В 1894 г. мною со слов жителей записано общее число населения в 150 чел. В настоящее время здесь имеется 19 домов, из которых четыре принадлежат лицам духовного звания. Всех жителей насчитывается 118 чел. Состав населения: те же камчадалы — тнум-лен. Кроме них, составляющих значительное большинство населения, есть несколько лиц смешанного происхождения (это лица духовного звания). Благодаря тому обстоятельству, что в создании последних участвовала когда-то русская кровь, все они считают себя среди остального коренного облуковинского населения людьми привилегированными, за каких почитаются и чистыми камчадалами. По самому положению своему они, не представляя ничего из себя начальственного и ничем собственно не отличаясь от камчадалов, в то же время смотрят на последних как на низшую расу, как на дикарей, и стараются всегда воспользоваться своим измышленным преимуществом, относясь к ним как-то смешно покровительственно. Все они живут, можно сказать, в значительной мере на иждивении общественников-камчадалов, которые поставляют своему “пастырю духовному” со всем клиром дрова, дают квартиры, дают работников и вообще чем только могут, работают на них. Население Облуковиной дополняется ещё семьей торговца Косыгина.

Таким образом, всё население можно разделить на два класса: аристократов, к которым относятся духовные и торговцы, и плебеев —

камчадалов, не могущих в своём роду похвалиться ни бабушкой, ни прадедушкой, которые были бы также “откуда-то из русских, сказывают, мест”.

Нами говорилось ранее, что как селение западнобереговых камчадалов, так и сами они чрезвычайно между собою сходны, настолько, что всё, относящееся к какому-либо одному селению и его жителям, также верно относится и к другому. Поэтому-то немногое, что нами записывалось относительно облуковинцев, равно может быть отнесено и к инородцам южнее и севернее этого селения. Постепенно увеличивающееся смешение языков — испорченного русского и камчадальского — нами также отмечено. Говоря о занятиях тнум-лен, мы полагаем возможным разделить их на три категории, правда, не с особой верностью, но для большинства: занятие чисто мужской половины населения; занятия женской половины и занятия, одинаково разделяемые как мужчинами, так и женщинами. К первой категории нужно отнести, главным образом, звериный промысел, охоту за соболями, медведями, нерпами, оленями и т. п., постановку и устройство рыбных запоров, устройство нарт, уход за собаками, исправление “путей сообщения”, рубку и вывозку леса, строительство домов и других надворных строений, заготовку дров, сена, отбывание натуральной повинности — каюрства. Ко второй категории — выделку шкур и приготовление обуви и одежды, заготовку растительных продуктов и приготовление пищи, уход за детьми, присмотр за домом, уход за коровами, огород. К третьей категории — уборку добытой рыбы, пластание рыбы и вообще заготовку её впрок.

В Облуковиной жители также разводят огороды, как в самом селении (при домах), так и в лесу (репища). В огородах садят преимущественно картофель. Пробуют иногда садить капусту, но она не завивается “в кочен”, давая только лист. Репа родится всегда хорошо. Земля в огородах “разделывается” как женщинами, так и мужчинами. Орудием для этого служит так называемая капорилка... палка, загнутая на одном конце в виде крюка. Репное семя при посадке берётся женщинами в рот и таким образом выпрыскивается или “расплёвывается”.

В огородах на грядах рассаживается также и руками. Если случится иметь семя редьки, то и оно садится. Недостаток семян, их недоброкачественность — общая жалоба на то, что семян добрых достать неоткуда. Картофель служит значительным подспорьем в однообразной пище камчадала, состоящей, главным образом, из рыбы».

В 1901 г. в Облуковино жили 84 чел.

Важным этапом в развитии этого населённого пункта стало открытие 16 сентября 1914 г. почтово-телеграфного отделения.

В 1923 г., по данным отряда Г. И. Чубарова, здесь имелось 26 дворов, население из русских (15 мужчин и 19 женщин) и инородцев (41 мужчин и 37 женщин). «Занятие жителей — охота и рыбный промысел. Торговая фирма "Гудсон Бей" имеет в селении своё отделение. Количество каюров — 26. Протекает река Облуковина с притоками. Расстояние от селения Ича 40 вёрст».

В докладе председателя Хайрюзовского волревкома о состоянии волости с октября 1924 г. по апрель 1925 г. указано: «В селениях Облуковино и Ича часовни переданы группе верующих... Зарегистрированными группами считаются две: в селе Облуковино — 54 чел. и в селе Ича — 54 чел.».

По Приполярной переписи 1926 г. здесь было 23 хозяйства, 63 мужчины и 57 женщин, всего 120 чел.

Газета «Камчатская правда» 14 февраля 1938 г. в заметке «Кукольный театр всем» сообщала: «По инициативе пионеров-школьников в селе Облуковино Большерецкого района в школе организовался самодеятельный кукольный театр. Театром руководит колхозник — комсомолец Сафонов. В январе была дана первая постановка "Два потапыча", прошедшая с большим успехом среди детей и взрослых. В феврале театр выезжал с постановкой на первую базу Крутогоровского комбината и в ближние колхозы. На общем собрании колхозники решили сделать самодеятельный кукольный театр колхозным».

В постановлении бюро КОК ВКП(б) от 15 октября 1941 г. о перестройке работы в условиях военного времени отмечалось: «Облуковинская изба-читальня организовала три оборонных кружка, по вечерам проводит читки сообщений Совинформбюро и политинформации, провела большую работу по сбору средств в фонд обороны и по сбору тёплых вещей для Красной Армии».

Районная газета «Ударник» 15 октября 1943 г. известила: «Среди лучших ловецких комсомольских бригад района почётное место принадлежит фронтовой молодёжной бригаде колхоза имени 17-й партконференции (село Облуковино). Молодые ловцы с самого начала работы включились в борьбу за высокие уловы, изо дня в день перевыполняли дневные нормы и выполнили свой годовой план на 180 %».

В сентябре 1958 г. в заметке «В колхозных детских яслях» «Камчатская правда» писала: «На зелёной улице села Облуковино стоит здание под железной крышей... Это — колхозные детские

ясли, которые открываются ежегодно на время горячих летне-осенних работ. Опекают малышей Ия Васильевна Соболева и Ульяна Ферапонтовна Захарова... Хорошо детям в яслях. Четверо детей семьи Оглоблиных чувствуют себя здесь как дома. Ежемесячно дети поправляются на полтора-два килограмма. Правление артели заботится о малышах. Часто бывают здесь председатель сельсовета т. Толстихин, парторг и секретарь сельсовета Иван Владимирович Серебренников, председатель колхоза Иннокентий Иннокентьевич Косыгин».

Из Облуковино вёл свой род известный камчатский бард Сергей Косыгин.

Селение исключено из списков населённых пунктов КО 14 февраля 1964 г.

Озерновский, посёлок. Находится в устье реки Озерной на юго-западе полуострова. Рыбопромышленник Г. А. Крамаренко в 1907 г. сообщил: «Некий господин Потужный, будучи направлен японцами для получения в аренду реки Озерной... придумал такой план: он объявляет себя устроителем русской рыболовной колонии с тем, чтобы при заселении этой местности русскими захватить в своё исключительное пользование эту реку. Но так как колонисты оказались не такими простаками, то к середине же сезона между инициатором и его сподвижниками стал происходить разлад... Дело же оказалось очень просто: чтобы заполучить реку Озерную, господин Потужный от японцев получил известную сумму; те же японцы привезли на Озерную два-три домика, а Потужный в свою очередь за всё это обязался сбывать им всю пойманную рыбу. Какое участие в этом принимали русские колонисты, я точно не знаю, но, в конце концов, они явились с жалобами на своего арендатора, и большинство из них оставило Камчатку, Потужный же отправился в Японию».

И. И. Огрызко подтверждает дату образования селения и публикует фрагмент документа — рапорт большерецкого пристава. Из него следует, что на реке Озерной «селение Унтербергoвское образовалось из поселившихся случайных людей в 1907 г.». И далее: «В конце 1907 г. начальник Петропавловского уезда докладывал губернатору: “Поселились... около 100 чел. на реке Озерной”».

В устье реки Озерной был отправлен уссурийский казак, призванный следить за порядком. Случайно он нашёл на берегу бутылку с письмом. «Бутылка сия найдена, не доходя до реки Косогоцкой в верстах пяти от селения Явина. Найдена 25 октября 1908 г. Ходил на охоту, нашёл казак Уссурийский Иннокентий Меновщиков, проживающий на реке Озерная».

В отчёте Императорского РГО за 1908 г. указывалось: «Селение Озерная основано в 1907 г. колонистами под предводительством Потужного. Затея была широкая, но в настоящее время колония, о которой много писали в газетах, распалась и осталось всего несколько человек».

Из материалов о поездке по Камчатке в 1910 г. генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера: «6 августа вечером встали на якоре против устья реки Озерной, где обосновалась рыболовная компания Грушецкого и Ко. На следующее утро съехали на берег для осмотра рыбалки. Там, кроме заведующего господина Белображецкого, находился и смотритель рыболовства по западному берегу Камчатского полуострова Тушков.

Обстановка промысла лучшая по сравнению со всеми другими, находящимися на этом берегу Камчатки, и улов наибольший. Засолено было к этому времени на речном участке, по данным заведующего, 50 тыс. пудов, а на морских — 20 тыс. пудов. На последних работают от компании японцы...

На устье реки Озерной несколько лет тому назад образовалась небольшая компания, инициатором которой явился некий Потужный. Образовалась она в разгар рыболовных предприятий на Камчатке, в расчёте на большие заработки. Когда на деле это не оправдалось, произошли недоразумения между колонистами и инициатором дела, часть первых уехала, но из них некоторые возвратились обратно. В данное время колония насчитывает 24 чел., и к ним прибывают всё новые засельщики. От компании они имели хороший заработок, продавши ей в этом году 120 тыс. рыб в свежем виде и, кроме того, часть в засоленном. Колонисты разделали у себя огороды и намерены окончательно тут поселиться. Зимой у них была хорошая охота на белых куропаток, которых встречаются целые стаи, затем на горных баранов и диких оленей. Плата рабочим на промысле Грушецкого и Ко — 25 руб. в месяц, известная премия и хозяйское продовольствие. Всего рабочих 162 чел., все русские».

В начале 1910-х гг. селение Озерное (Озерновское) было переименовано в Унтербергеровское (называлось также Унтербергер, Унтербергеровка) в честь бывшего генерал-губернатора, много сделавшего для возрождения Камчатской области. Спустя десятилетие оно вновь сменило название и стало Запорожским, чуть позже — Запорожьем, видимо, в память о местах, откуда вышли его первые обитатели.

Лоция побережий РСФСР (1923) указывает: «На южной косе расположены рыбоконсервный завод фирмы Грушецкого и Ко, на

северной видны гораздо менее солидные постройки в виде сараев. На правом берегу реки, непосредственно перед выходом её в лагуну, раскинулось небольшое туземное селение».

В 1928 г. на противоположном берегу возник рабочий посёлок Озерная (Озерновский) как часть Озерновских рыбных промыслов, затем рыбокомбината, имевшего в своём составе Озерновский РКЗ № 3 (позже № 55).

Ниже приводим подборку газетных статей о жизни селения и завода (комбината).

«Камчатская правда», октябрь 1943 г: «В целях более широкого радиообслуживания трудящихся в рыбокомбинате организовано местное вещание. В программе местных радиопередач — правительственные сообщения, материалы с фронтов Отечественной войны, последние известия по Советскому Союзу, а также местные материалы о делах комбината. К празднику по радио готовятся выступать кружки художественной самодеятельности».

«Камчатская правда», 7 ноября 1943 г.: «Общественность комбината подготовила и провела вечер, от которого выручено 16 855 руб. Из этой суммы перечислено в областной фонд помощи семьям военнослужащих 8 855 руб., остальные деньги розданы семьям военнослужащих на месте. Красноармейке Вдовиной выдано 500, Ярисовой, Шулубиной, Бараткиной — по 200 руб.».

«Камчатская правда», август 1950 г.: «Дом отдыха Озерновского комбината находится в живописном месте, в окружении горных ключей. В доме отдыха имеются библиотека, шашки, шахматы, патефон, радиоприёмник. В июле здесь отдохнули 50 рыбаков, учителей и служащих Озерновского комбината».

«Камчатская правда», 29 июля 1956 г.: «До последнего времени на консервном заводе № 58 Озерновского рыбокомбината не было больницы. В ближайшие дни трудящиеся здесь получат хороший подарок — в новом помещении будет открыта больница».

Районная газета «Ударник», 25 января 1968 г.: «Большие строительные работы развернулись в этом году в посёлке Озерновском. Идёт закладка фундамента двух 36-квартирных домов для строителей и рабочих комбината. В лесах новостроек подстанция комбината, цех по выпуску сборного железобетона. Оживают строительные площадки...»

В январе 1987 г. в посёлке числилось 3 700 чел.

Озерновское, селение. Находилось на реке Озерной (на восточном побережье полуострова, Озерной-Восточной), местное название *Кооч-агжа* или *Еловское устье*. Селение основано на почтовом

тракте, проходившем по долине реки Камчатки, далее по реке Еловке, затем по восточному побережью. Ближайшие селения — Еловка и Ука.

Морской офицер П. Ф. Кузмищев, побывавший здесь в 1827 г., отмечал, что острожек стоял на берегу реки Озерной и был последним камчадальским поселением на пути к земле коряков.

В 1868 г. отсюда до Петропавловска считалось 755 вёрст. В селении имелось шесть домов и деревянная часовня, жили 30 мужчин и 31 женщина. По сведениям 1876 г., жителей было 34, мужчин и женщин поровну. Здесь располагались 25 построек, в том числе пять жилых домов, часовня, шесть амбаров, столько же балаганов, пять стай и две бани. За охотничий сезон 1876 г. жители добыли 36 соболей, три лисицы, пять оленей и одного медведя.

Численность местных жителей была небольшой и не превышала 50 чел.: в 1836 г. — 30, в 1851 г. — 49, в 1901 г. — 48 чел. Детей школьного возраста в 1891 г. было трое, в 1896 г. — шестеро. Грамоте они не обучались.

Летом жители переселялись на северный берег лагуны для промысла рыбы. По их словам, река вставала в конце октября или начале ноября, а вскрывалась в начале или середине мая.

Лоция побережий РСФСР (1923) указывает: «Селение Озерное, расположенное на реке в восьми верстах от берега моря, немноголюдно; летом жители занимаются рыбной ловлей в устьях реки, уходя на зиму в горы на промыслы пушного зверя».

Материалы переписи 1926 г. сообщают: «...селение Озерное на реке Озерной в 85 км к югу от селения Уки и в 275 км от Усть-Камчатска. В момент переписи село Озерное пустовало, так как население его в течение последних трёх лет выселилось в село Уку. Переписью зарегистрированы лишь постройки».

Но после переписи местное население вновь вернулось в свои дома. Вулканолог Б. И. Пийп в середине 1930-х гг. сообщал: «Вскоре подъехали к пяти домикам селения Озерное. Здесь живут 28 чел., есть одна корова, один бык, трое нарт, лошадей нет. Какое это убогое, сиротливое селение среди открытой тундры, доступное ветрам! Какой контраст этого селения с более южными, которые окружены лесами! Остановились в доме Клочева. Домик маленький, но уютный, много тараканов и детей. Дом обложен дёрном, с тёплыми сенями. На всём видна забота — уберечься от ветра. Ночевать пошли к сыну хозяина Егору».

В 1933 г. здесь побывал В. С. Шаталов: «Селение Озерное от моря расположено в 70 км. На многие десятки километров нет

живой души, и вдруг два маленьких, на несколько человек, домика». Он сообщает, что в 1933 г. здесь ещё оставались три семьи.

Кроме этого селения, некоторое время на реке Озерной существовало и селение *Нижне-Озерная*. По данным канцелярии камчатского губернатора, в 1913 г. в устье реки переселились 13 семей латышей. Эта колония просуществовала недолго и в документах больше не упоминается. Но на карте Б. И. Пийпа, датированной 1936 г., селение Нижне-Озерная обозначено в устье реки Озерной.

В конце1930-х гг. местных жителей переселили в Уку.

Озерное, селение. Упоминается в «Списке населённых мест Приморской области Восточной Сибири Петропавловского округа», датированном 1868 г. Селение «при озере и речке», откуда до Петропавловска по почтовому тракту считалось 39 вёрст. Здесь стояли два дома, жили пять мужчин и шесть женщин.

В. П. Кусков считал, что оно возникло в 1832 г. и было названо по расположению у озера Дальнего. В 1876 г. местное общество было административно объединено с Николаевским, Паратунским и заимкой Микижа. Во всех обществах проживали 229 чел.

В. Л. Комаров, работавший на Камчатке в 1908—1909 гг., сообщает об имевшихся здесь строениях: «...хутор П. Яковлева на истоке Ближнего озера и, само собою разумеется, летовка на Дальнем озере».

В Приполярной переписи 1926 г. это селение не упоминается. Официально оно исключено из списка населённых пунктов КО 13 декабря 1974 г.

Оклан, селение. Находится на одноимённой реке, от неё и получило название. Река Оклан — правый приток реки Пенжины. На первых русских картах упоминается как Аккалан. Окланский острог занимал важное стратегическое положение в землях коряков. Он позволял отслеживать все кочующие на огромных пространствах племена и являлся стоянкой многочисленных казачьих отрядов на путях от Якутска и от Андырского острога до Камчатки.

Впервые Окланский острог упоминается в 1679 г., при этом разные источники указывают несколько мест его нахождения. С. П. Крашенинников пишет: «Первое зимовье поставлено там в 7187 г. (здесь исчисление указано от «сотворения мира», то есть речь идёт о 1679 г. — *В. Б.*), в которое через несколько времени повсегодно служилые посылались за ясачным сбором, но после того доныне оставлено было за отдалением впусте».

А. С. Сгибнев сообщает: «...по распоряжению начальника Охотского порта Девиера был возобновлён в 1742 и 1743 гг. Акланский острог, сержантом Енисейским. Новый острог был квадратный, в 15 сажен каждая сторона, в вышину две сажени. Внутри острога часовня, командирский дом, казармы, ясачная изба и два амбара».

В ноябре 1745 г. на острог напали коряки и держали его в осаде по март 1746 г.

В сентябре 1780 г. на Камчатку прибыл новый главный командир — Франц Рейнике. В ходе преобразования управления указами от 19 марта 1782 г., 2 и 6 марта 1783 г. в Сибири учреждены наместничества и особая Охотская область, в состав которой вошла и Камчатка с тремя округами: Ижигинским, Акланским и Нижнекамчатским. Ко времени издания указов поселения Акланск не существовало, поэтому камчатскому командиру пришлось строить его заново. А. С. Сгибнев сообщает: «Акланский же острог, оставленный русскими осенью 1746 г. и выжженный коряками в 1748 г., уже не был возобновляем по близости к нему Ижигинской крепости... Не найдя удобного места для города Акланска на реке Пенжине и опасаясь нового восстания коряк, Рейнике построил его наконец на реке Аклане... переведя туда присутственные места из Тигиля...»

По указу Екатерины II Акланск имел свой герб. В его верхней части — герб Иркутский, в нижней — на золотом фоне изображён стоящий на задних лапах медведь «в знак того, что в округе сего города много их находится».

Сведения об Оклане после XVIII в. в известных автору источниках отсутствуют.

«В 1930-х гг. началось строительство центральной усадьбы Окланского оленесовхоза. Постепенно вытягивались просторные улицы бревенчатых домов. Яркие электрические огни озарили тёмные северные ночи. Навеки ушли в прошлое дымные юрты. От прежнего стойбища осталось только название Оклан. Большое строительство развернулось здесь не случайно. Предгорья здешних мест славятся высокими сочными травами, богатейшими пастбищами. На них пасутся тысячные стада оленей».

Из записки КОК ВЛКСМ от 30 декабря 1941 г.: «Комсомольцы села Оклан... обязались вырастить и сдать для Красной Армии по два оленя».

«Камчатская правда» в ноябре 1956 г. сообщала: «Бригада плотников Т. М. Долгана построила и сдала в эксплуатацию четыре жилых дома... Помимо участия в строительстве новых домов,

плотники достроили начатые ранее семь жилых и производственных зданий».

В декабре 1978 г. эта же газета так описывала селение: «Оклан теперешний — это 67 дворов, в большинстве которых проживают семьи коренных национальностей. Окланцы — оленеводы, охотники. Они входят в состав коллектива совхоза “Полярная звезда”. Обращают на себя внимание заброшенные поля вокруг посёлка. Неужели здесь, на Крайнем Севере, люди пытались заниматься земледелием? На окланской земле превосходно растёт картофель, капуста, свёкла, морковь...»

По переписи 1979 г. в селении жили 166, в 1994 г. — 171 чел.

Опала, селение. Датой его образования шведский учёный Э. Гультен считал 1911 г. Располагалось на реке Опала, ближайшее селение — Голыгино, до Петропавловска — 342 км.

В 1915 г., по данным И. И. Огрызко, 12 семей из Киевской, Полтавской, Херсонской и Тобольской губерний положили начало селению Усть-Опала. По переписи 1926 г. здесь имелось 18 хозяйств, жили 44 чел. (29 мужского и 15 женского пола), национальность жителей — украинцы.

В 1931 г. в селении возникла комсомольская ячейка. В 1930-х гг. на реке Опала был построен Опальский комбинат, в него входило несколько рыбообрабатывающих баз.

16 февраля 1940 г. «Камчатская правда» сообщала: «Стахановцы ткацкого цеха, начальник тов. Кузнецов, досрочно выполнили план изготовления якорных мешков для неводов. На первое место в соревновании вышла бригада ткача тов. Пилипченко, добившаяся выполнения нормы на 200 %. Ткач тов. Греховодов, челночница тов. Овчинникова и подавальщица травы тов. Букоева довели производительность труда на ткацком станке до 195 %».

29 марта 1950 г. эта же газета отметила ударную работу бондарей рыбозавода № 4 Опальского комбината: «Небольшой их коллектив за последние пять дней изготовил свыше 800 рыбных ящиков, что значительно превышает задание. Лучшими по праву считаются бондари тт. Лотырев и Ерёмин. Они делают за смену по 50–60 ящиков. Не отстаёт от них молодой мастер т. Мцайво».

В 1959 г. предпринята попытка построить на морской косе сельдяную базу, но из-за подрыва рыбных запасов этот проект не был осуществлён.

«Камчатская правда» в октябре 1960 г. обрисовала работу местных консервщиков завода № 53: «На днях коллектив добился

трудовой победы. План второго года семилетки — 1 850 тыс. банок консервов — выполнен...»

В связи с быстрым истощением запасов лососёвых Опальский комбинат стал нерентабельным, в 1965 г. он был закрыт. Селение Опала исключено из списка населённых пунктов КО 23 марта 1968 г.

Опытная станция. Сельское хозяйство на Камчатке начало развиваться в первые годы колонизации полуострова. А. С. Сгибнев сообщает: «Первые попытки хлебопашества в Камчатке делались ещё до экспедиции Беринга. В монастырской пустыне в 1724 г. посеяно было 18 пудов ржи, и урожай был хорош».

В связи с ростом русского населения полуострова перед правительством встала проблема доставки для него хлебного жалования. Для её решения в середине XVIII в. на Камчатку переселили пашенных крестьян. Но опыты хлебопашества не дали гарантированного урожая зерновых. Крестьяне стали заниматься животноводством, рыбной ловлей и охотой. Правительство направляло на полуостров агрономов, которые должны были обучить камчадалов огородничеству.

В конце 1920-х гг., с началом деятельности на полуострове АКО, перед специалистами сельского хозяйства встала задача — добиться высоких урожаев в сложных климатических условиях. Для изучения климата, почв, внедрения агротехнических приёмов и культур следовало создать научно-исследовательское учреждение. В 1931 г. прошли первые опыты в совхозе «Козыревский», завершившиеся неудачно. После этого научную работу перенесли в окрестности села Мильково, в 12 км от которого возникла Мильковская зональная опытная станция по полеводству и животноводству. Официальной датой её создания считается 1 апреля 1933 г. В этот день вышло соответствующее решение КОИК.

Посёлок опытной станции находился ниже Мильково по течению реки Камчатки. От него до Кирганика было 5 км. Эти пункты связывала грунтовая дорога.

3 ноября 1936 г. бюро КОК ВКП(б) рассмотрело итоги деятельности станции. Её руководство обязали установить связь с хатами-лабораториями и оживить исследовательскую работу по выращиванию новых видов сельскохозяйственных культур.

В 1938 г. на станции проживали 36, в 1939 г. — 44 чел.

В 1939 г. на полях станции посеяли 11 сортов ячменя, девять сортов пшеницы и восемь сортов овса. Работники станции успешно применили снегосгонку и посеяли культуры намного раньше

обычного. В результате все яровые культуры сократили время развития от колошения до созревания. Всего станция имела 10 га пашни.

Ячмень «Червонец», собранный в 1938 г. на стадии перехода к восковой спелости, дал в 1939 г. всхожесть 99 %. Специалисты пришли к выводу, что из сортов ячменя наиболее подходящими для выращивания на Камчатке являются скандинавские «Олли», «Хольт», «Нотум». Из 20 испытанных сортов овса наилучших результатов достигли «Тулунский» и «Хибинский». Из скороспелых сортов пшеницы лучше других росли и вызревали «Гарнет», «Гамма 85/А» и «Экстра-прелюд».

Кроме опытов над зерновыми культурами, изучалась методика выращивания скороспелых сортов льна. При досрочной сгонке снега и ранней уборке получены положительные результаты. Из сортов подсолнуха вызревал только один — «Карлик». Удалось добиться урожая гречихи. Положительные опыты освобождения земли от снега и продления вегетационного периода были успешно внедрены в колхозах Мильковского района «Безбожник» и «Красное знамя».

В 1943 г. на станции впервые в Мильковском районе строятся теплицы, где проводились опыты по выращиванию овощей в закрытом грунте.

Весомый вклад в становление сельскохозяйственной науки на Камчатке внёс первый директор станции А. В. Мамин, агрономы В. Н. Чистовский, Н. Е. Тихомиров, А. А. Титлянов, Е. Г. Лебедева и другие. Наряду со специалистами, здесь работали местные жители-камчадалы, а в 1937—1943 гг. на опытную станцию прибыли четыре семьи переселенцев из Центральной России.

10 февраля 1943 г. газета «Камчатский колхозник» рассказывала: «Работники Камчатской сельскохозяйственной опытной станции и агрометеостанции в подарок к 25-й годовщине Красной Армии вносят на постройку танка “Мильковский колхозник” наличными деньгами 2 912 руб. и отчисляют двухдневный заработок в сумме 1 088 руб. Был проведён воскресник по заготовке дров. Заработанные на воскреснике деньги в сумме 500 руб. также передаются на строительство танка. Товарищ Филатова внесла на постройку танка свой месячный заработок, т. Тихомиров — 500 руб., т. Стаценко — 500 руб., т. Пилипченко — 300 руб. и т. Копылова — 100 руб.».

В 1944/45 учебном году в селении действовала трёхклассная школа с 28 учащимися. Пятеро из них не успевали.

В 1955 г. на станции жили Дмитриевы, Потаповы, Гарднер, Чулковы, Бушуевы.

В конце 1950-х гг. здесь находилось деревянное здание, где размещалась лаборатория, и три жилых дома для сотрудников и рабочих.

С расширением сельскохозяйственного производства в Елизовском районе власти решили перевести опытную станцию сюда, в село Сосновку. В фондах Государственного архива Камчатского края нами обнаружена «Справка о ликвидации деревни Опытная станция»: «Ранее в этой деревне проживали 54 жителя, преобладающая национальность — русские. Наименование деревни "Опытная станция" было дано потому, что там располагалась Камчатская сельскохозяйственная опытная станция со всеми постройками и опытными участками. В 1957 г. Опытная станция была переведена в Елизовский район Камчатской области. Населения осталось очень мало. На этой усадьбе была организована бригада от бывшего колхоза имени Сталина. Со временем население из этого населённого пункта выбыло в сёла Кирганик и Мильково. В настоящее время на этом месте нет никаких построек. Мильковский райисполком просит облисполком утвердить наше решение об упразднении этого населённого пункта с 1 марта 1962 г.».

Посёлок опытной станции был исключён из списков населённых пунктов КО в марте 1962 г.

Оссора, административный центр Карагинского района. Расположен на берегу одноимённой бухты. В 1936 г. о начале строительства посёлка писал землеустроитель В. С. Шаталов: «Мне вменялось в обязанность помочь комиссии выбрать место для будущего районного центра, произвести буссольную съёмку и составить схему и распланировку селения. Комиссия в составе восьми человек осмотрела более пяти предлагаемых мест, и выбор пал на морской берег бухты Оссоры. Это действительно было одно из лучших мест для будущего райцентра. Морской берег возвышался на три-четыре метра, с севера и востока место закрыто от морских штормов. После выбора места сразу же приступили к планировке. Застучали топоры, завизжали ручные пилы, заскрипели тележные колёса. На месте будущего райцентра закипела работа. Через двое суток вдоль морского берега появились столбы и колышки — разметка будущих улиц, переулков, кварталов».

В. П. Кусков считал, что «рабочий посёлок возник в 1941 г.».

О его истории районная газета «Путь Ильича» 8 августа 1965 г. сообщила: «Год 1940-й. Только что покинувшие борт парохода оссорские новосёлы принялись устанавливать жилую палатку. На месте Оссоры сиротливо стояли четыре маленьких домика и где-то

вдали... виднелись несколько домиков посёлка Оссорского рыбокомбината... За болотистой речушкой на месте нынешнего кирпичного завода появятся первые "целиком" жилые полудома-полуземлянки с прозаическим названием "копай-город..."»

13 июля 1941 г. в Оссоре началось издание районной газеты «Знамя Сталина», органа Карагинского райкома ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся. Газета выходила трижды в неделю, в 1954 г. переименована в «Путь Ильича». С 1962 по 1965 г. она не существовала, а в 1980-х гг. печаталась тиражом 1 500 экземпляров.

Описание посёлка, приведённое «Камчатской правдой» 26 января 1955 г.: «Село Оссора — административный и культурный центр Карагинского района. Здесь имеется крупнейший в районе рыбокомбинат, больница, контора связи, ряд культурно-просветительных учреждений. В начале текущего учебного года учащиеся Оссоры получили хороший подарок — новое благоустроенное здание средней школы с просторными светлыми классами».

В 1950-х гг. шло преобразование рыбопромышленных предприятий. По этому поводу районная газета «Путь Ильича» 18 февраля 1959 г. сообщила: «По решению Камчатского совнархоза Оссорский рыбокомбинат переведён в разряд рыбокомбинатов первой категории. В ведение Оссорского рыбокомбината передан Карагинский рыбозавод, бывший ранее в системе Анапкинского рыбокомбината...»

Эта же газета 16 июня 1959 г. извещала, что «работники подсобного хозяйства Оссорского комбината планируют в этом году посадку пяти гектаров картофеля: четырёх в Оссоре и одного на Карагинском острове...»

В 1965 г. хорошо потрудилось Оссорское стройуправление — возвело три корпуса восьмиквартирных домов, быстро отделывало 12-квартирные дома, завершило кладку первого этажа 100-местной столовой.

29 августа 1965 г. отмечены заботы о благоустройстве: «Пионеры Оссорской средней школы посадили 150 кустов чёрной смородины, 100 кустов малины, 100 кустов декоративных растений».

Лоция Берингова моря (1969) сообщает: «Посёлок Оссора, являющийся районным центром, расположен на западном берегу бухты Оссора... В посёлке есть почта, телеграф, магазин, поликлиника, больница, столовая, пекарня и школа. Посёлок имеет регулярное пароходное и воздушное сообщение с городом Петропавловском-Камчатским. Рыбозавод расположен на западном берегу бухты Оссора в посёлке Оссора. Здесь же находится управление рыбокомбината».

Важным условием устойчивой работы предприятий и организаций, высокого уровня жизни жителей стал пуск в 1975 г. новой дизельной электростанции мощностью 480 кВт.

По итогам переписи 1979 г. в посёлке жили 3 720, в 1994 г. — 3 901 чел.

Островная, селение. По Приполярной переписи 1926 г. здесь учтено всего одно хозяйство численностью 13 чел. Расстояние до Петропавловска — 90 км. В 1933 г. здесь побывал вулканолог Б. И. Пийп: «Подъехав к Островной, вошёл в первый из домиков... Гостеприимные хозяева сразу же пригласили за стол. Приятно видеть довольство этих в одиночестве живущих людей. Хозяева приехали с материка. После долгих мытарств и на материке и здесь, на Камчатке, они наконец обрели удачную жизнь... Всем довольны».

Отрадное, селение. Находилось на левом берегу реки Голыгиной, на берегу Охотского моря. Ближайшее селение — Голыгино, стоящее выше по реке. До районного центра Усть-Большерецка отсюда в 1926 г. считалось 116 км.

Здесь имелось 10 хозяйств, 22 чел. (14 мужского и восемь женского пола), большинство — камчадалы. Часть населения прибыла на устье из Голыгино, часть — из других мест.

В. И. Воскобойников в книге «Слово на карте» сообщает: «В Усть-Большерецком районе раскинулось колхозное село Отрадное. “А село своё мы назвали Отрадным за то, что здесь жить отрадно, в достатке”, — сказал старый колхозный рыбак Мирошниченко. А до чего же хорошо сочетание названий, имеющих глубокий смысл: колхоз “Труженик” в селе Отрадном!»

Заметка «Я работаю в колхозе “Труженик”» из «Камчатской правды» за 29 января 1940 г.: «Наш колхоз за путину 1939 г. выполнил план вылова рыбы на 150 %. Лучшими в колхозе являются бригады ловцов Рачинского и Потужного. Отлично работала колхозница Харитина Назарова, систематически перевыполнявшая план. Доход колхозников в 1939 г. значительно выше 1938 г. Тогда трудодень составлял 16 руб. 50 коп., а в 1939 г. — 39 руб. В прошлом году мы посадили 5 га картофеля и 0,1 га капусты. Урожая картофеля добились 11 т с гектара. За весь год заработанных трудодней у меня больше всех. Мой заработок составляет 14 000 руб. Остальные колхозники заработали по 8–10 тыс. руб.».

Палана, ныне административный центр Корякского автономного округа. Старинное село находилось на реке Паллан, в переводе

с корякского языка — *река, имеющая пороги, водопады*. До Петропавловска — 1 084 версты.

С. П. Крашенинников застал на реке Палланской три острожка, где тойонами были Амгаль, Амриль, Камак, всего здесь находилось 73 ясачных плательщика. К началу XIX в. на реке Палланской осталось только одно поселение оседлых коряков-нымыланов.

В 1836 г. здесь жили 111, в 1851 г. — 130 чел.

К. Дитмар в середине XIX в. так описывает селение: «Теперь здесь находилось 12 хорошей постройки домов, четыре юрты, прехорошенькая небольшая церковь, которая прежде стояла в Лесной и только в последнее время перенесена в Паллан, и дом священника. Жители (всего 73 мужчины и 70 женщин), народ с виду свежий, здоровый; скота было всего лишь восемь голов рогатого и 14 лошадей. Огородов не было почти ни у кого, кроме священника».

В декабре 1861 г. в селении побывал И. Вениаминов, отметивший в своём путевом журнале: «Все дела церковные и денежные найдены в должном порядке. Ризница очень бедна и здание храма требует исправления, для чего даны священнику советы и наставления. На воскресенье и в воскресенье слушал я богослужение, которое отправлял местный священник... а ныне протоиерей Стефан Вениаминов, своими трудами и с пожертвованием собственных денег построивший церковь на Паллане и постоянно занимавшийся обучением детей грамоте... Камчадалы в последние годы более прежнего оказали усердие к построению церквей и часовен, и в этом отношении прихожане... Палланской церкви превзошли всех. Они, несмотря на трудность перевозки и доставки леса, не более как в два года перенесли церковь».

В 1868 г. здесь было 13 домов, 92 жителя мужского и 76 женского пола. В 1876 г. — 180 чел., в том числе 102 мужского и 78 женского пола, из них 18 грамотных. По сословиям они делились так: трое гижигинских крестьян, двое купцов, 15 духовных лиц, 160 камчадалов. В селении имелась церковь, 14 домов, 11 юрт, одна лавка, 61 балаган, две бани. Селяне держали 44 лошади, 69 коров и 208 собак; добыли на охоте 17 соболей, две лисицы, пять оленей, медведя и волка, 19 горностаев и 108 нерп.

Кроме полуземлянок, из местного леса были построены 16 небольших домиков. В окнах вместо стекол вставлены рыбьи или медвежьи пузыри, дома освещались жирниками.

В конце XIX в. Н. В. Слюнин писал: «...видна некоторая наружная культурность; домики с чистой половиной, двор обнесён решёткой, в окнах стёкла, мужчины в брюках и даже штиблетах,

женщины — в ситцевых юбках и с шёлковым иногда платком на голове, но в избе грязь и недомовитость. Корма часто не хватает, несмотря на то, что река славится рыбой и сюда для промысла приезжают из четырёх окрестных селений».

В 1901 г. насчитывалось 143 жителя.

В 1907 г. Г. А. Крамаренко сообщал: «Жителей в селе Палана около двухсот душ, но работников не более тридцати. В вершине реки имеется тополёвый и тальниковый лес, толщиной 4–5 вершков... из которого жители строят дома. Породы рыб в реке Паллан следующие: чавыча (но немного), хайко, красная и голец. Приливы здесь доходят до 20 футов и более».

К маю 1918 г. был организован первый орган советской власти — Паланский волостной Совет. Б. И. Мухачёв в работе «Становление советской власти и борьба с иностранной экспансией на Северо-Востоке СССР» приводит такой факт о политической обстановке в селении: «На общем собрании были публично растоптаны все царские портреты».

Данные 1923 г: «Селение Палан. Имеется 43 дома, 30 амбаров, пять бань. Численность населения: взрослых мужчин — 64, женщин — 68, детей мужского пола — 66, женского — 75. Грамотных мужчин и женщин — 25 чел. Имеется школа, учитель и учащихся 11 чел. Коммунистических ячеек и Союза молодёжи нет. Вероисповедание православное. Имеется церковь и священник. Государственных и других учреждений нет. Занятие жителей — охота, рыболовство, животноводство. Пушнина сдаётся частью в отделение фирмы Свенсона, а в большинстве случаев — в кооператив в обмен на продукты питания и мануфактуру. Постоянных и заезжающих скупщиков нет. Доверенный фирмы Свенсона — Флетчер. Спрос на спирт большой. Имеется при устье реки Паллан японский консервный завод. Кочевники-коряки в числе 85 чел. имеют 2 500 оленей, 60 собак, пять нарт. Ламуты в числе 60 чел. имеют 1 000 оленей, 30 собак, три нарты. Занятие кочевников — оленеводство и охота».

В отчёте Тигильского волревкома за 1925 г. указывалось, что местная религиозная община отказалась принять церковь.

По Приполярной переписи 1926 г. в селении числилось 58 хозяйств, 124 мужчины, 152 женщины, из них 117 грамотных. Кроме 47 деревянных домов, имелись пять деревянных юрт.

В 1937 г. численность выросла до 390 чел.

О том, как Палана стала административным центром Корякского национального округа, вспоминает В. Д. Зверев, бывший первый

секретарь Корякского окружного комитета КПСС: «...при переезде в 1937 г. окружных организаций на постоянное местонахождение в село Тигиль из села Каменского, караван оленьих и собачьих упряжек, который вёз всю документацию и частично штат окружной организации, остановила ранняя весна, распутица в селе Палана-Оседлая. Поселение находилось на высоком, живописном правом берегу реки Палана, в десяти километрах от устья... Село стояло почти посередине территории округа. Исходя из этой предпосылки, Президиум ВЦИК 15 октября 1937 г. своим постановлением утвердил окружным центром село Палана». Далее Зверев указывает: «Из-за сложных условий доставки материалов строительство социально-культурных объектов Паланы велось в основном из местных пород деревьев. Тополь, берёза, ветла, ольха доставлялись из ближайших лесных массивов. Летом — сплавом с верховьев реки Палана, зимой — конным и собачьим транспортом. Строительство велось хозяйственным способом».

17 июня 1939 г. общее собрание жителей решило начать «оседание» кочевого населения. В то время председателем сельсовета Паланы-Кочевой трудился Вуввупель — коряк, малограмотный, беспартийный, 1911 г. р., а председателем сельсовета Паланы-Оседлой была Василиса Ивановна Шмагина, корячка, 1916 г. р.

О значительных переменах в жизни ранее небольшого селения можно проследить по материалам «Камчатской правды». 5 мая 1940 г. вышли две заметки: «В 1937 г. в Палане выходила одна стенгазета, печатной газеты окружной центр не имел. Печатные газеты выходили только в двух районах Корякского округа. Сейчас в Палане выходит окружная газета “Корякский большевик” тиражом 1 000 экземпляров, 11 стенных газет, кроме того, в районах и на предприятиях имеется пять печатных газет».

(«Корякский большевик», орган Корякского окружкома ВКП(б) и окружного Совета депутатов трудящихся, издавался со 2 ноября 1937 г. С 1953 г. газета выходила трижды в неделю под названием «Корякский коммунист». Тираж в 1980-х гг. достигал 2 000 экземпляров. С 1990-х гг. газета стала называться «Народовластие».)

«Начиная с 29 апреля 1940 г. Палана приняла праздничный вид. Во всех домах играют патефоны, музыка. В магазине и ларьках идёт оживлённая торговля. Здания учреждений, предприятий украшены красными флагами. В демонстрации приняло участие более 500 чел. После митинга состоялся детский утренник».

В июле 1940 г. сообщено о развитии физкультуры и спорта: «Празднично провела молодёжь Паланы Всесоюзный день физкуль-

турника. Состоялись соревнования по бегу и прыжкам. Первое место по прыжкам в длину (5,15 м) и в высоту (1,5 м) занял работник корякского окружкома комсомола тов. Кривченко. Из женской команды первенство взяла тов. Черепанова... По забегу на дистанции 100 и 1 000 м занял первое место тов. Кравченко. Первенство в забеге на 500 м среди женщин принадлежит физкультурнице Юшиной. Праздник продолжался в лесу до позднего вечера. Замечательная особенность этого молодёжного праздника — это массовое участие физкультурников-коряков».

Август 1940 г.: «В связи с проведением большого строительства для оседающих колхозников-кочевников в Палане открываются курсы плотников. На этих курсах 10 колхозников-коряков будут обучаться плотничьему делу, чтобы затем руководить работой по строительству в своих колхозах. Курсы рассчитаны на два месяца».

В годы Великой Отечественной войны трудящиеся села вносили посильный вклад в дело всеобщей Победы.

24 октября 1941 г.: «Чётко, по-военному, проходит учёба в селе Палана. Все обучающие своевременно являются на занятия, настойчиво изучают строй, тактику, материальную часть оружия. Особенный интерес к учёбе проявляет местное население — коряки и ительмены... Природный опыт охотников подсказывал им правильное решение... Все бойцы серьёзно, обдуманно выполняли приказы командира, особенно отличились в маскировке и правильно решали тактические задачи тт. Копылов, Явнуни, Наянов, Петров...»

В ноябре 1941 г. учительница Еланцева сообщала: «...Работаю в Паланской школе, преподаю английский язык. Люблю свою работу, стараюсь дать ребятам больше знаний. Вечерами я посещаю курсы радистов. Я комсомолка. По первому зову партии готова пойти на фронт... Отчисляю ежемесячно двухнедельный заработок в фонд обороны. Послала посылку бойцам, сдала валенки».

7 марта 1943 г.: «Всего с начала Отечественной войны женсовет села Паланы внёс 120 000 руб., в том числе на подарки бойцам — 5 800, детям освобождённых советских районов — 8 200, на постройку танковой колоны “Камчатский рыбак” — 19 200 руб.».

10 августа 1950 г.: «Силами общественности села Палана для учащихся неполной средней школы строится интернат. Ещё зимой в верховьях реки Паланы в достаточном количестве был заготовлен лес, а затем сразу же после ледохода сплавлен к месту строительства. Активное участие в строительстве интерната принимают комсомольцы села. Они дали слово к началу учебного года сдать интернат в эксплуатацию».

1 декабря 1956 г.: «Корякская окружная библиотека насчитывает около 15 тыс. томов книг художественной и политической литературы. Библиотека имеет почти пятьсот постоянных читателей. Книги читают рабочие и служащие окружного центра, домашние хозяйки, колхозники артели "Пролетарий". В число особенно активных читателей входит, например, домохозяйка т. Жукова, любят читать колхозницы Екатерина и Мария Кавав. Активными читателями являются служащий т. Тарасов, учительница Паланской средней школы т. Долганова, работница конторы связи т. Телегина, работник связи т. Шмидт и многие другие...»

Окружная газета «Корякский коммунист» в марте 1965 г. сообщила о ходе обновления посёлка: «Новое здание окружного Дома культуры, пять восьмиквартирных жилых домов — таковы сегодня новостройки окружного центра...»

Добрую память своей заботой о благоустройстве посёлка оставил Н. М. Русанов, председатель сельсовета в 1958—1962 гг. В разное время Палану возглавляли А. И. Солодякова, В. Г. Корнев, В. И. Притчин, М. А. Дьячков, Н. А. Шмагин, Б. П. Полканов, Н. Г. Абидуева.

Газета Тигильского района «Знамя Ленина» 17 января 1968 г. рассказала о деятельности Паланского аэропорта. Тот выполнил годовой план по перевозкам пассажиров на 129, почты — на 128, грузов — на 165, по выручке — на 105 %.

В 1974 г. посёлок стал на этаж выше — появился первый трёхэтажный каменный дом со всеми коммунальными удобствами, поднялось новое трёхэтажное здание школы. Для их строительства использованы в основном местные материалы.

В апреле 1978 г. «Камчатская правда» писала: «Посёлок раскинулся в нескольких километрах от того места, где река Палана, пройдя долгий путь, впадает в Охотское море... Старожилы Паланы не перестают удивляться: они помнят юрты, землянки, первые деревянные дома. На их глазах посёлок становится чище, благоустроеннее, красивее, выше...»

К этому времени выросли производственные базы строительно-монтажного и ремонтно-строительного управлений. После этого стало возможным сооружение школы на 600 мест, больничного комплекса, учебного корпуса сельского профтехучилища, окружной школы искусств, зданий окрисполкома и поссовета. Кроме них, возведены Дом радио, Госбанк, здание связи, комплекс для ансамбля «Мэнго», универмаг, два продовольственных магазина, пекарня, колбасный цех, холодильник, склады, комбинат бытового обслужи-

вания, пищекомбинат. Реконструирована столовая, введён в строй технический телевизионный комплекс «Орбита». Так за десятилетие сложился облик столицы Корякского округа.

В 2005 г. посёлок городского типа получил новый статус — «Городской округ “посёлок Палана”».

Парень, селение. Расположено на левом берегу реки Парень, по-корякски *Пойтываям*, *Пойтын* (С. Н. Стебницкий). Т. В. Давыдова сообщает, что *Пойтываям* в переводе с корякского *река, на которой заготавливали полозья для нарт*.

Исконное занятие местных жителей — оседлых коряков — зверобойный промысел, рыболовство, охота. Н. В. Слюнин в конце 1890-х гг. застал здесь, «при устье реки того же имени», в 150 верстах от Гижиги, семь юрт, 150 душ (84 мужского и 66 женского пола).

Селение широко известно на Камчатке и за пределами полуострова своими кузнечными изделиями — знаменитыми пареньскими ножами. Дальневосточный краевой отдел народного образования распорядился открыть здесь учебно-производственные мастерские (учебный пункт) «с 1 октября 1928 г. с ассигнованием в 1928/29 гг. 5 837 руб., в том числе на дооборудование — 2 731 руб. и текущее содержание — 3 106 руб.

Известный учёный и знаток Севера М. А. Сергеев в работе «Корякский национальный округ» писал: «Почти повсеместно развит кузнечный промысел... Товарного значения он нигде, кроме Парени, не имеет. Пареньское кузнечество, широко известное по всему Охотско-Камчатскому краю, было подробно обследовано и впоследствии реорганизовано К. И. Бауэрманом. В хозяйстве жителей села Парень оно занимает третье место, будучи сезонным промыслом в промежутке между окончанием и возобновлением основных промыслов — рыбного и морского, но значение его очень велико. Размеры продукции зависят исключительно от обеспеченности сырьём (железом и сталью), которое завозится очень неаккуратно и колеблется от одной до трёх тысяч ножей в сезон. Реализуется продукция частично в фактории и в кооперативе, частично самими кустарями на туземных ярмарках. В 1928 г. по инициативе Комитета Севера организована кузнечно-слесарная мастерская, объединившая кустарей. Производственное кооперирование последних встретило большие препятствия в их общем низком культурном уровне и в сопротивлении кулачества, владельцев мастерских, эксплуатирующих туземцев, не имеющих своих наковален. Вся организация промысла была построена на близких родственных и семейных связях и почти поголовном участии членов семьи в производстве. Организация артели,

объединившей разрозненных пареньских кустарей, открывает громадные перспективы для развития этого промысла...

Ассортимент изделий может и должен быть сильно расширен. Помимо знаменитых пареньских ножей, артель может вырабатывать рыбные ножи, охотничьи топоры, копья, собачьи цепи и принадлежности упряжки, печки для палаток, капканы, замки... Этим ассортиментом, при условии обеспечения сырьём и соответственными орудиями производства, артель может снабжать не только весь округ, но соседние районы. Организация крупного производства облегчается и удешевляется возможностью работать на собственном, местном угле».

Стихотворение В. Акимова «Пареньский нож», опубликованное в «Камчатской правде» 13 февраля 1972 г.:

Пареньский нож тяжёл и груб на вид,
С берёзовой простою рукояткой.
Но прочностью своей он знаменит
На всём огромном Севере Камчатки.
Им разрезают шкуры, колют лёд,
Кедрач срубают, разбивают кости,
И никогда пастух-оленевод
Его, как друга верного, не бросит.
Нож заменяет бритву и топор...
Блестит на солнце сталь особой марки,
На ярмарке его я приобрёл,
Как сувенир, как лучший из подарков.
И вот теперь, когда держу в руках
Я этот нож, что выкован в Парени,
Испытываю радость, а не страх —
Передо мной искусное творенье.
Пареньский нож — нож мирный, трудовой,
Себя не запятнал в кровавой драке.
И потому гордятся так тобой
Оленные эвены и коряки.

На очень высоком уровне рассматривался вопрос о создании и другой мастерской. Из протокола заседания президиума Далькрайисполкома от 14 августа 1928 г:. «Слушали: об организации мастерской по резьбе ...учебно-показательной мастерской в селе Парень Камчатского округа. Постановили: 1. Удовлетворить ходатайство крайОНО и комсода Севера при Далькрайисполкоме, разрешив крайОНО теперь же приступить к организации... Согласиться с предложением Комитета Севера об обеспечении содержания... мастерских с 1 октября 1928 г. за счёт средств комсода».

В 1929 г. на Камчатке работала киноэкспедиция под руководством режиссёра А. Литвинова. Позже он написал книгу о полуострове. Вот фрагменты о посещении селения Парень: «25 октября 1929 г. мы приехали в коряцкое селение Парень. Собаки, почуяв дым жилья, весело бежали по замёрзшей и запорошенной снегом реке... Мы остановились на окраине селения у избушки этнографа Бауэрмана. Константин Иванович сюда был командирован Комитетом Севера не только для изучения нравов, быта и обычаев береговых коряков, но и для устройства в Парени показательной кузницы. Этнографу не сразу удалось наладить хорошие отношения с местными жителями. Коряки приглядывались к мельгитанину, как он ведёт себя, не делает ли худа людям. Убедились, что он занимается только кузнечным делом».

К. И. Бауэрман рассказал Литвинову о своих первых шагах: «Одной из моих задач было заменить пареньским кузнецам орудия каменного века на современные инструменты. В первые же дни у меня нашёлся недруг — шаман Тутава. Он объявил, что если кит узнает о пребывании в Парени мельгитанина, то не приплывёт в Пенжинскую губу, коряки останутся без китового мяса и жира. Народ будет голодовать. Тутава потребовал, чтобы пареньцы выгнали меня из селения... Я знал, что они ни в коем случае не применят насилия и отказался покинуть Парень, сказав, что избавиться от меня они могут только, если свяжут и вывезут из селения. Такое упорство произвело на пареньцев большое впечатление. Они оставили русского кузнеца в покое... А когда пареньцы убили кита, наши отношения стали вполне нормальные. Дружба с коряками окрепла. Они стали мне активно помогать в строительстве новой, удобной кузницы».

А. Литвинов описал празднование в селе годовщины Октябрьской революции, показав, что жители Парени, видимо, слабо представляли, что такое русская революция и каково её историческое значение. «Около юрты председателя сельсовета, прямо на снегу, расположилось всё население Парени, от мала до велика. На падающий снег никто не обращал внимания. Наступила тишина, когда председатель обратился к присутствующим: “Тумгутум! Сегодня большой праздник у русских и у коряков. Об этом немного расскажет Бауэрман”. Председатель сел на корточки и закурил трубку. На его место встал Константин Иванович. На корякском языке он произнёс коротенькую речь. Коряки не любят многословия, оно их утомляет».

Речь Бауэрмана выглядела примерно так: «Пареньцы! Прошло двенадцать лет, как русские прогнали царя. Бедняки стали хозяевами

земли. Они выбрали честных людей управлять сельскими Советами. Самый главный председатель — такой же кузнец, как и вы. Звать его Ка-ли-нин. Работает он в Москве. Вместе с другими кузнецами он думает, как сделать, чтобы люди жили хорошо. И мы об этом должны думать. Пареньским кузнецам пришло время собраться в одну артель...»

В день «Большого праздника», как называли годовщину Октября пареньцы, они единодушно утвердили организацию кооператива.

В Парени широко практиковались жертвоприношения. Об этом, со слов Бауэрмана, свидетельствует А. Литвинов: «Коряки приносят в жертву собак по любому поводу: наступление зимы, весны, осени, лета, начало лова рыбы или охоты, выздоровление или смерть родственников. Никогда не убьют плохую собаку. Они не умеют хитрить и обманывать кого бы то ни было, а тем более бога...»

В древней тундре был показан первый кинофильм. «Кузница Бауэрмана вечером превратилась в зрительный зал. Впервые на Камчатке была распакована наша передвижка... Коряки не понимали, зачем мельгитане пригласили их в кузницу. Мужчины расположились подальше от экрана. Женщины и ребятишки оказались более любопытными и устроились ближе к полотну. Программа киносеанса в тот вечер состояла из трёх короткометражных фильмов. Вначале показали "Охоту на тюленей", затем — "Международный женский день" и в конце — мультипликационный фильм "Самоедский мальчик".

Чудеса начались, когда на "белой тряпке" вдруг появились тюлени и охотники-поморы. Люди внимательно следили за охотой. Она хорошо была им знакома. Отдельные реплики возникали, когда охотники на экране вели себя не так, по мнению коряков, как следовало бы в этих случаях. Фильм был просмотрен с огромным интересом. В антракте пареньцы возбужденно разговаривали. Критиковали и хвалили поведение охотников на тюленей...

Фильм "Международный женский день" вызвал бурную реакцию зрителей. Когда на экране появились поезда, пароходы, дома, городские улицы, трамваи и автомобили, в кузнице началось невообразимое. Возгласы удивления, смех, вопросы, разговоры взорвали тишину. "Не может быть, чтобы нарта, похожая на большой ящик, бежала без упряжки по железным палкам. Как быть, если человеку потребуется свернуть в сторону? Нет, так в жизни не бывает..."»

Следующим шагом в приобщении пареньцев к культуре стала организация первой радиопередачи. «Перед отъездом на Камчатку мы заблаговременно заказали Хабаровской радиостанции передачу

на корякском языке, установив месяц, день и час. В назначенный час в кузнице Бауэрмана был установлен радиоприёмник. Его плотно обступило чуть ли не всё население Парени. Вскоре из репродуктора послышалась речь на корякском языке. Вначале была передана беседа о коллективизации и кооперации народностей, а в конце — о значении работы киноэкспедиции в Пенжинском районе. Затаив дыхание, не моргая, люди смотрели на репродуктор, услышав родной язык. Коряки не могли поверить, что их сородич говорит где-то в Хабаровске, а они слушают его в кузнице. Может быть, это говорит кто-нибудь, спрятавшийся в кузнице? Осмотрев тщательно помещение, ничего подозрительного не обнаружили. Когда радиопередача закончилась, пареньцы некоторое время сидели молча. Должно быть, каждый пытался разгадать сущность привезённого мельгитанами ещё одного "чуда". Крупные капли пота покрывали их лица...»

В Парени А. Литвинов со своей киногруппой провёл 25 дней.

В 1941 г. в окрестностях был создан оленеводческий совхоз «Пареньский», а в селе действовал колхоз «Искра». За годы войны колхоз выстроил 15 объектов, в том числе 10 жилых домов. Стройка продолжилась и после войны. «Камчатская правда» 20 марта 1949 г. сообщила: «В пареньском колхозе "Искра" построено восемь жилых домов и изба-читальня, строится здание семилетней школы».

21 сентября 1960 г. газета подробно рассказала о жизни села, на месте которого в 1930-х гг. было лишь несколько юрт. «Обитатели — оседлые коряки-нымыланы, что в буквальном переводе означает "безоленные", не кочующие. Нымыланы жили стойбищами на морских побережьях и реках Пенжинской губы, занимались охотой на морских зверей и добычей рыбы.

Рыба, дикорастущие травы, ягода были основной пищей. Сахар и хлеб были здесь в диковинку. Живя в тёмных и дымных юртах, люди страдали от многих болезней. Врачей здесь не было. Охотники часто замерзали, тонули, когда ветхие байдарки, покрытые нерпичьей шкурой, уносило в море. Семьи оставались без кормильца.

У нас в стойбище, как и везде на территории нынешнего Корякского округа, не было грамотных людей из местного населения...

Артель в Парени организовали в 1933 г. В артель вступали по одному из каждой семьи. Но вскоре убедились, что артельное хозяйство имеет большую силу, и в колхоз начали вступать целыми семьями. Коллективное хозяйство уверенно шло в гору. Если в 1939 г. артель имела годовой доход 7 000 руб., то теперь в колхозе "Искра" он достигает 2 млн руб. Артель "Искра" — рыболовецкая. Колхозники

ловят сельдь в Хаимчиках, Хайрюзове, ежегодно колхоз посылает бригаду ловцов на Чайбуху. Заработок каждого рыбака составил более 10 тыс. руб. Растёт богатство колхоза. Мы обзавелись двумя рыболовными сейнерами, приобрели два трактора ДТ-54 для подсобного хозяйства. В прошлом году купили новую электростанцию и другие машины. Только в нынешнем году колхозники построили 11 жилых домов.

Кроме основной отрасли — рыболовства, мы имеем подсобное хозяйство: животноводство и полеводство, создали ферму голубых песцов.

За 30 лет произошли громадные изменения. На месте стойбища выросло замечательное село. В Парени есть где потрудиться и отдохнуть. Здесь есть детский сад, ясли, школа, больница, клуб, баня, электростанция. А молодёжь после трудового дня имеет возможность ежедневно смотреть кино, слушает беседы или лекции, устраивает концерты художественной самодеятельности, вечера отдыха.

На базе Пареньской семилетней школы открыли вечернюю школу. В этом большая заслуга директора школы т. Мазно. Хочется особенно отметить работу учителей тт. Мельниковой и Улыбышевой.

Прекрасно справляются с обязанностями доярки Акулина Киене и Вера Авзеплепо, которые добились высоких показателей в надое молока. Тракторист Эвенто ежедневно выполняет нормы на 140 %. Отлично промышляют "мягкое золото" охотники Егор Долган и Аяв. На сельдяной путине замечательно потрудились бригады тт. Милико и Хокко, которые, несмотря на плохие метеорологические условия, выполнили план добычи рыбы».

Известная камчатская сказительница, ительменка Т. П. Лукашкина, вспоминая о создании танцевального ансамбля «Мэнго», писала: «Танец "В рыболовецкой бригаде" создан в селе Парень... участниками национальной самодеятельности. Труженицы рыболовецкого колхоза ярко показали в своём танце обработку рыбы и её засолку. Хорошо были сделаны рыбацкие костюмы, как раз по характеру танца. Участники этого танца – Зорина, Хахаипина, Краснояров, Эйгина».

В 1961 г. после окончания Ногинского педагогического училища на работу в село была направлена Людмила Николаевна Симикина. Спустя годы она вспоминала о местной жизни 1960—1970-х гг.:

«После суточного отдыха мы познакомились с учительским коллективом восьмилетней школы-интерната. Её руководителем был замечательный педагог Андрей Степанович Мазно, которому в ту

пору было 50 лет. Примечательно, что русский язык и литературу преподавал коряк по фамилии Тынынкавав.

Среди учеников были и великовозрастные воспитанники, которым исполнилось по 15–17 лет. Поставленная задача о ликвидации неграмотности по всей стране на окраинах Союза была ещё актуальной. Все молодые специалисты, кроме основной работы в школе, были обязаны работать на полставки воспитателями в интернате и бесплатно вести общественную работу. Это и пропаганда, и ведение различных кружков в клубе, организация художественной самодеятельности, подготовка и проведение тематических вечеров, лекций. Одним словом, просветительная и культурно-массовая работа с местным населением.

Следует сказать, что я имела диплом специалиста, который мог вести уроки пения и физкультуры по 10-й класс. Поэтому я занималась организацией школьной самодеятельности и всех спортивных мероприятий. В общем, скучать было некогда. 17 августа 1961 г. я приступила к работе.

Перед началом учебного года директор школы предложил мне вести нулевой класс. Обосновывая отказ, я сослалась на незнание этой работы. Директор улыбнулся и объяснил, как важно научить детей русскому языку именно до того, как они пойдут в первый класс. “А помощь мы гарантируем”, — ободрил Андрей Степанович. Когда впервые вошла в класс, то от удивления сначала просто растерялась. Передо мной сидели 15 детей, одетых в национальные одежды из оленьих шкур (торбаса, кухлянки, малахаи). У большинства были не в порядке носы, которыми они без конца шмыгали. Дети разглядывали меня, не решаясь заговорить. На минуту мне показалось, что я попала в прошлый век. Но доверчивые лица и любознательные глаза детей согрели мне душу. Я начала рассказывать, не догадываясь о том, что ребятишки не понимают по-русски, я же ни слова не знала по-корякски. Потом я чем-то развеселила их, и мы с помощью рук, улыбок и мимики лица стали общаться и привыкать друг к другу.

С самого рождения корякский ребёнок находился на полном обеспечении государства. Сначала в яслях и детском саду, затем, окончив восьмилетку, желающие учились в школе-интернате села Каменского. После окончания десяти классов могли продолжить образование в техникумах или вузах страны. Детям народов Севера везде была “зелёная улица”. В то время в шестом классе учился Сергей Кевевтегин. Занятия, особенно математика, давались ему довольно трудно. Зато в художественной самодеятельности он был

не только первым, но и незаменимым артистом. В любое время дня и ночи мог заниматься танцами и музыкой. Разбуди его ночью, и Сергей с присущим ему увлечением станцует весь концертный репертуар. Одарённый от природы юноша обладал исключительным музыкальным слухом и изумительной пластикой. Кроме того, играл на баяне, гитаре, балалайке. Высокий и стройный, среди сверстников Серёжа выделялся особой статью. Для меня, руководителя художественной самодеятельности, он был надёжным помощником при подготовке всех концертных программ. Наша школьная самодеятельность (музыкально-литературные композиции, сольное и хоровое пение, гимнастические и танцевальные номера, художественное чтение) занимала первые места на районных и областных смотрах. Именно здесь талант Сергея Кевевтегина оценили профессиональные хореографы.

В дальнейшем он окончил институт культуры и работал в Петропавловске-Камчатском. Часто выезжал в посёлки Корякского округа для постановки национальных танцев. Все созданные им концертные программы мне очень нравились, и я гордилась своим воспитанником. Сергей Кевевтегин был первым корякским балетмейстером. Он многого достиг, служа высокому искусству. И мне бесконечно жаль, что этот самобытный, талантливый человек так рано ушёл из жизни.

Село Парень расположено на материковой части, на левом берегу реки Парень, берущей начало из Пареньского озера, находящегося на территории Магаданской области. Расстояние от села до Пенжинской губы при приливах составляет 6–8 километров. Село находилось на ровной песчаной низменности в окружении каменноберёзовых, кедрово- и ольховостланиковых лесов и кустарников. Деревья не высоки, и поначалу мне было трудно различать, где кустарник, а где дерево. Далее шли болота, переход через которые зачастую был трудным. Вдалеке виднелись сопки.

Село застроено одноэтажными деревянными домами (были рубленые, из бруса и сборно-щитовые). Кроме средней школы-интерната, в селе работали фельдшерский пункт, магазин, электрическая станция, пекарня, в которой выпекали очень вкусный хлеб, скотный двор, где держали много лошадей.

Был и свой культурный центр — клуб. Здесь работала библиотека, проходили концерты, политинформации, вечера танцев и отдыха, показывались кинофильмы. Каждый год село пополнялось рабочими и молодыми специалистами. Приехавшая интеллигенция оказывала большое влияние на культурную жизнь села.

Однажды в посёлок привезли группу заключённых (отсюда бежать некуда) и разместили их на окраине. Они строили дома, изготовляли мебель — столы, табуретки, встроенные шкафы, то есть сдавали жильё "под ключ". В эти дома переселяли корякские семьи. Получив жильё, новосёлы выбрасывали мебель и застилали весь пол шкурами. В одной половине дома жили взрослые и дети, в другой располагались собаки.

Основным средством передвижения являлись традиционные собачьи и оленьи упряжки. Самолёты местных авиалиний летали редко, по крайней необходимости. Они не приземлялись, а сбрасывали на снег мешки с почтой, медикаментами и прочим. Один раз в год приходил пароход, привозил продукты (все овощи и фрукты только сухие: лук, морковь, свёкла, картошка, яблоки, порошковые молоко и сливки), мануфактуру, спиртное, запчасти — всё необходимое для жизни населения. Завозимых товаров на весь год не хватало, зато в избытке было свежее мясо оленя. К сожалению, оленеводство сейчас в огромном упадке и переживает трудные времена.

Впервые в жизни я оказалась в краю снегов. Зимой дом*а* заметало так, что торчали лишь печные трубы. Снег убирало всё население, и мы тоже часто расчищали дорожки к своему дому, школе, бане. В половодье, когда интенсивно таяло, почти все дома затопляло. Несколько дней жить приходилось на чердаках. В магазин за продуктами ездили на лодках. Когда вода уходила, в домах наводили порядок и всё налаживалось.

Долгая, холодная (морозы достигали минус сорока и ниже), снежная зима сменялась короткой холодной весной. Природа так торопилась, что на любой крохотной проталинке сразу ярко зеленела трава, появлялись первые цветы. Но метровые снега не спешили сдаваться. Этот разительный контраст — нежные, живые цветы среди снегов — был просто потрясающим.

Весной природа оживала мгновенно, и сразу наступало короткое, прохладное лето. На сопках снег никогда не таял, поэтому с гор всё время тянуло прохладной сыростью. Земля летом оттаивала на 15–20 см, а ниже — вечная мерзлота, поэтому корни деревьев расстилаются по поверхности земли. Всё разнообразие растительного мира спешило вырасти, созреть, принести плоды и семена. В тундре урожай ягод и грибов был сказочным.

Уже в августе наступала осень. Дули осенние ветры, желтела и осыпалась листва, моросили дожди. За первыми белыми "мухами" вскоре выпадал снег, и наступала зима. А долгожданное лето быстро заканчивалось, так и не успев отогреть людей своим теплом.

Жизнь воспитанников интерната (50 чел.) проходила по установленному распорядку. Воспитатели помогали готовить домашнее задание, соблюдать личную гигиену и опрятность в одежде, организовывали культурно-массовую работу. Школьную форму, а в советский период она была единой, носили и наши ученики, кроме малышей нулевого класса.

Старшеклассники участвовали в приготовлении пищи. Младшие школьники с удовольствием дежурили по столовой. К праздникам, дням рождения детей обязательно выпекали вкусные пироги. Именинников ждали подарки и торжественные поздравления. К сожалению, корякские дети очень не любили банные процедуры. Для воспитателей интерната и их подопечных банные дни были настоящим мучением. В случае, когда не действовали уговоры, иных упрямцев приходилось под "конвоем" вести в баню. В ней было три отделения. В первом воспитатели заставляли каждую группу раздеваться. Во втором стояли огромные, в человеческий рост, чаны с тузлуком, то есть солёной водой. Для профилактики и избавления от вредных насекомых (гнид, вшей) каждого ребёнка несколько раз с головой окунали в тузлук. Затем вели в третье отделение — мыться душистым мылом. Беда заключалась в том, что дети отказывались мыться сами. Воспитателям приходилось мыть чуть ли не каждого ученика. Одевались они уже сами, радуясь тому, что банная "экзекуция" наконец-то закончилась.

Однажды при медицинском осмотре школьников оказалось, что большая часть из них больна туберкулёзом в открытой или закрытой форме. Многие корякские дети рождались с врождённым туберкулёзом. Меня это весьма обеспокоило, и я стала бояться заразиться этой опасной болезнью. Но работа настолько увлекала, что все страхи постепенно рассеивались.

Спортом и танцами я занималась с пяти лет. После окончания педучилища имела второй разряд по художественной гимнастике, третий разряд по лыжам и очень увлекалась фигурным катанием. В Парень привезла свои любимые коньки, которые со мной и по сей день, а мне уже седьмой десяток лет. С наступлением зимы организовывала и проводила лыжные прогулки и соревнования. Но привезённые коньки не давали покоя. Вокруг столько снега, неужели не сумеем залить хотя бы небольшой каток? На моё счастье, директор одобрил идею организации катка, и работа началась. Очистили от снега небольшую площадку и стали носить воду вёдрами. В награду за труд получили ровное, зеркальное ледяное поле. Встав на лёд, я забыла обо всём на свете. Казалось, что

коньки сами выписывают на льду сложные фигуры. Ребята завороженно смотрели во все глаза. А счастливая учительница танцевала на залитом пятачке, не замечая собравшейся толпы. Стар и млад с удивлением разглядывали меня и мои коньки. Осознав в чём дело, я, смутившись, сняла коньки, которые пошли по рукам. Оказалось, что коряки впервые видели такой странный способ передвижения. Так я стала первым "тренером" фигурного катания для пареньских мальчишек. А наш каток продержался до первой пурги.

Среди местного населения большой популярностью пользовались грибы мухоморы. Я узнала, что ими лечатся животные и люди, а коряки из этого гриба делают настойку и пьют её зимой. От этой настойки они не пьянеют, а впадают в прострацию. В таком состоянии люди разговаривали со всем, что попадётся под руку: с кустом, деревом, столбом, причём обрывками слов и несвязными фразами. Вот почему, когда я уже в первом классе проводила урок на тему "Съедобные и несъедобные грибы", дети коряков мне в один голос (я назвала мухомор несъедобным) закричали, что тот съедобен, что дедушка делает из него вино и вместе с папой пьют!

Как-то, готовясь к урокам, услышала крики. Выглянув в окно, увидела, что все коряки, старые и молодые, с кружками бежали на берег реки. Мне стало любопытно, и я тоже пошла вслед за ними. К берегу причалила байдара, и несколько человек с трудом вытащили огромную тушу нерпы. Тут же на берегу её начали разделывать. Все присутствующие наполняли кружки ещё тёплой нерпичьей кровью и сразу её пили, с удовольствием ели куски сырого мяса и жира, смеялись и приплясывали. Так я увидела ещё один национальный обычай. Несмотря на то что корякский праздник был в разгаре, я поспешила домой.

У корякского народа, как и любого другого, свои традиции и обычаи. Правда, не всегда русским разрешалось присутствовать на них. Иногда мы тайком, "по-партизански", подкрадывались и рассматривали неведомое нам действо. Так, присутствовали на обряде похорон. На самом краю села жил один старый коряк с двенадцатью собаками. Когда он умер, о его смерти не знали целую неделю. Обнаружили покойника по вою привязанных голодных собак. Умерший в национальной одежде лежал на полу посреди комнаты. Вокруг него сидели коряки. Шаман с бубном производил непонятные для нас действия. Далее похоронная процессия двинулась в ближайший лес. Покойника положили на приготовленный настил и подожгли. Шаман бил в бубен, обходя вокруг костра, и громко что-то выкрикивал. Остальные повторяли за ним слова и движения.

Когда всё сгорело, пепел развеяли и ушли. Нам было страшно, но мы, затаив дыхание, не высовывались из своего укрытия. Тогда я не знала, что сжигание покойных — это традиция предков. А однажды, когда ходили за кедрачом, нашли захоронение младенца. К дереву было подвешено приспособление, выполненное из коры в виде лунки. В ней лежало тельце. Нам объяснили, что так хоронят рано умерших младенцев — чистых и непорочных. На деревья их подвешивают для съедения птицами.

Общаясь с коренным населением, я поняла, что коряки — очень талантливые люди. Даже не зная нотной грамоты, многие из них играли на различных музыкальных инструментах. Женщины очень искусно работали с кожей, вышивали бисером, придумывая замысловатые узоры. Молодые девушки замечательно вышивали на ткани нитками мулине. Особенно поражало их уважительное отношение к природе, поклонение ей.

Конечно же, мы не только передавали свои знания корякскому народу, но и сами многому учились у него. Коряки — это дети природы, и живут они в полной гармонии с ней. Наверное, поэтому они сумели сохранить свои традиции, искусство и культуру».

Но не всё складывалось так благостно, как хотелось бы. Так, М. Икавав 4 марта 1972 г. сообщал в «Камчатской правде»: «Сейчас очень сильно изменилось село, и не в лучшую сторону. Много порублено лесонасаждений на дрова, в ход пошли не только кедрач и ольха, но и ветла, и карликовые берёзки, хотя в наказах избирателей было упомянуто о завозе угля...»

В 1980-х гг. селение Парень было признано неперспективным, было решено его закрыть, жителей переселить в другие места. Но против этого решения выступили и жители, и многие руководители. По итогам Всесоюзной переписи населения, в 1979 г. здесь жили 214, а в 1994 г. — 135 чел.

Паужетка, посёлок. В. П. Кусков сообщает: «Возник в 1951 г., назван по его расположению на реке Паужетке. Посёлок находится в Усть-Большерцком районе».

В 1950—1960-х гг. здесь впервые в СССР построена геотермальная электростанция, введённая в эксплуатацию в 1966 г. как экспериментальная. Автор работы «Создание Камчатской энергосистемы» В. М. Колосов сообщает: «Приказом Минэнерго СССР от 7 марта 1967 г. № 18а в Камчатэнерго образовалось предприятие “Паужетская ГеоТЭС” в составе турбогенератора № 1 мощностью 2,5 мВт». Турбогенератор пущен 19 августа 1966 г. После строи-

тельства и ввода в эксплуатацию высоковольтной линии Паужетка — Озерная протяжённостью 30 км станция стала обеспечивать потребности посёлка Озерновский в электроэнергии.

Усть-Большерецкая районная газета «Ударник» 6 января 1976 г. сообщала: «Самый отдалённый посёлок в нашем районе — Паужетка. Здесь живут вулканологи, буровики, энергетики, всего чуть более 200 чел.».

В посёлке имеются только две улицы: Термальная и Энергетиков. Из термальной воды вырабатывается электричество, горячая вода используется местными жителями для выращивания овощей. Сегодня население посёлка составляет менее 100 чел.

Первореченский, посёлок. Находился на берегу Пенжинской губы, назван по расположению на Первой речке. Ближайшее селение — Манилы, до него около 10 км. В. П. Кусков считал, что посёлок был образован в августе 1964 г. Он состоял из трёх десятков строений, стоявших тремя рядами на высокой террасе. Иногда местные жители называли его «Усть-Пенжино». Основное население — геологи. Здесь работал клуб, выпускалась стенная газета «Разлом». Молодёжь занималась спортом, организовывала даже хоккейные команды.

17 сентября 1993 г. Камчатский областной Совет народных депутатов принял решение: «Упразднить Первореченский сельский Совет, передать посёлок Первореченский в состав Манильского сельского Совета Пенжинского района». Решение обосновано такими доводами. На протяжении последних трёх лет численность местного населения резко сокращалась. Если в январе 1991 г. она составляла 172 чел. (88 семей), то в январе 1993 г. — 67 чел. (29 семей). «В настоящее время численность населения составляет 46 чел., абсолютное большинство которых составляют нетрудоспособные жители. Ликвидация посёлка связана с переводом основной базы Пенжинской геологоразведочной экспедиции. В селе отсутствуют предприятия и учреждения торговли, народного образования, культуры».

В 1950—1960-х гг. одноимённый посёлок существовал в Усть-Большерецком районе.

Привольное, село. По Приполярной переписи 1926 г., здесь было 35 хозяйств и 104 жителя (61 мужского и 43 женского пола). В селе имелся колхоз имени Калинина. Основным занятием колхозников было рыболовство, вспомогательную роль играло сельское хозяйство.

В отчёте Верхне-Камчатского геологического отряда Камчатской комплексной экспедиции (середина 1930-х гг.) указывалось: «В селе Привольном, расположенном в 12 км от побережья Охотского моря, на правом берегу реки Кол, имеющем свою школу и детский очаг, к нашему прибытию были только женщины, дети и старики. Шла окучка картофеля, прополка колхозных огородов. На Камчатке земледелие — дело новое для коренных жителей, занимавшихся испокон века рыбной ловлей и охотой, но из года в год оно здесь развивается, и уже сейчас Привольненский колхоз полностью обеспечивает свои потребности в картофеле и овощах. Мужчины же все были на берегу моря на рыбной путине».

«Камчатская правда» 23 сентября 1956 г. в заметке «Привольное обновляется» сообщала: «Труженики рыболовецкой артели имени Калинина каждый год сдают государству много рыбы. В прошлом году при плане 16 500 они добыли 21 000 ц лосося. Неплохо потрудились рыбаки-колхозники и в нынешнюю путину. Они досрочно справились с годовым планом и уже сдали в счёт обязательства 2 600 т. Большую долю денежных средств колхозники направляют на капитальное строительство. С зимы прошлого года в колхозе работает постоянная строительная бригада из 10 чел. Бригада строителей всю зиму работала в лесу. Колхозники заготавливали срубы под производственные объекты, а как только установилась дорога, готовые дома перевезли на центральную усадьбу. Только в этом году колхоз перевёл в новые здания контору, детские ясли, больницу, медпункт. Построено картофелехранилище. Все дома колхозников радиофицированы. Сейчас колхоз завершает электрификацию села. На будущий год строители решили построить новый клуб и много жилых домов. Особенно старательно трудятся плотники В. А. Толстиков, К. Ф. Рогачёв, Н. Д. Макаров, К. И. Даниленко и П. Н. Кузнецов. Плотники не жалеют сил, чтобы село Привольное, где расположен их родной колхоз, стало самым красивым, благоустроенным селом в Соболевском районе».

Село исключено из списка населённых пунктов КО 14 февраля 1964 г.

Пущино, селение. С. П. Крашенинников в «Описании земли Камчатки» упоминает речку *Пущина*, по-ительменски *Кашхоин*. Видимо, от этого названия и произошло русифицированное название *Кашкан* — небольшая речка, впадающая в реку Камчатку рядом с селением Пущино.

Пущино знаменито своими ключами, расположенными в 18 км от села. Сюда ведёт обычная просёлочная дорога, после дождей про-

ехать по ней бывает сложно. Всего источников шесть, они расположены в живописном ущелье Валагинского хребта. Температура воды в них достигает 42 градусов. По составу она считается одной из самых целебных на Камчатке.

Почти через полвека после Крашенинникова Пущино посетил участник плавания Лаперуза Лессепс. Он застал здесь у коренного населения первые избы, построенные по русскому образцу, но ещё несовершенные. «Отличным для меня здесь показалось то, что избы не имели труб, в них, так как в балаганах, делалось небольшое отверстие вверху, это было одно место для выхода дыма, которое, не мешкая ещё, запирали задвижкою, дабы не простудить комнату».

В 1799—1800 гг. солдаты сомовского батальона завезли на Камчатку «горячку». Из-за несвоевременно принятых карантинных мер болезнь быстро распространилась среди местных жителей, в селениях между Петропавловском и устьем реки Камчатки выжили лишь по нескольку человек. Для обеспечения «почтовой гоньбы» и содержания тракта в селения долины реки Камчатки переселили обитателей западного побережья, которых эпидемия коснулась в меньшей степени. Так, в Пущино попали жители Морошечного, Белоголового и Колпаково.

В середине XIX в. тойонами Пущино были представители рода Мерлиных, их потомки и сегодня проживают в долине реки Камчатки. Посетивший Пущино К. Дитмар отмечал: «При неспособности пущинских обывателей к работе, немудрено, что и огородничество им не даётся, и что они с трудом добывают нужный корм для своего рогатого скота в 11 голов и две лошади».

В 1852 г. здесь жили 19, в 1868 г. в трёх домах — 18 чел.: по девять мужского и женского пола. В 1876 г. население Пущино составляли 19, а в 1880 г. — 15 чел., в том числе всего четыре ясачных плательщика.

В 1895 г. Пущино образовывали шесть домов, где жили 25 чел. В этом году пущинцы не сажали картофеля и собрали всего два пуда репы; добыли 15 соболей, 29 медведей, 17 лисиц и четыре выдры; поймали 16 950 рыбин.

В 1909 г., по данным инженера П. Крынина, село состояло из шести домов, где жили 21 чел. Селяне содержали пять голов крупного рогатого скота и 71 ездовую собаку, лошадей у них не было. Охотники добыли 15 соболей и 18 медведей.

Спустя девять лет В. К. Арсеньев оценил Пущино как «маленькую деревушку жалкого вида» с 20 жителями.

В 1925 г. на реке Камчатке работала экспедиция, изучавшая возможность организации судоходства. В её отчёте указывалось, что тогда в селе жили 24 чел. и стояли пять домов.

Газета «Полярная звезда» 6 апреля 1926 г. так обрисовала Пущино: «Полузасыпанная снегом до крыш деревушка в шесть домохозяев. Не видит она ни света, ни радости. Даже солнце зимой не всегда показывается: тучи и снег, снег и тучи. Каждое родное, современное общественное живое слово — большой праздник пущинцам. В самом деле: в вечной снежной мгле ни газет, ни книг, ни школы. Собрание с интересом слушает сообщение о растущей мощи нашего необъятного Советского Союза и дружно выбирает во вновь строящийся крестьянский комитет. В комитет вошли: Илло — 41 год, Малахов — 35 лет, Подкорытов — 34 года. В ревизионную комиссию избираются: Красюкинас — 34 года, Дурынин — 24 года и Выходцева — 18 лет».

В 1938 г. численность местного населения составила 49 чел.

Во время коллективизации в Пущино образовался колхоз «Красное знамя». В годы Великой Отечественной войны колхозники трудились весьма напряжённо: «В тайге находятся все охотники. Председатель колхоза тов. Мерлин и председатель сельсовета тов. Выходцев, охотясь вблизи села, убили двух выдр, двух лисиц, пять горностаев, четырёх соболей. Одной из первых вышла на промысел колхозница Елена Дементьевна Илло. Она уже добыла двух соболей, двух горностаев и одну выдру. План добычи лисы колхозники выполнили на 160 и выдры на 100 %».

Газета «Камчатский колхозник» 2 декабря 1943 г. извещала: «В Пущино все, от мала до велика, борются за выполнение фронтового задания. Любители-охотники уже упромышлили 15 зайцев и восемь горностаев. Только один Василий Величко добыл 10 зайцев».

В сентябре 1946 г. колхоз «Красное знамя» (председатель Николаев, парторг Дворцов), выполнивший план заготовок сена на 101,4 и силоса на 102,5 %, был занесён на районную Доску почёта.

В первые годы работы колхоза площади, занятые под картофель, были невелики и составляли в 1948 г. всего 4 га, с них собрано 37,8 т. В связи с отсутствием неорганических удобрений, на поля на гужевом транспорте вывозили навоз и золу. Уже к 1 марта 1948 г. их доставили сюда 113,5 т. Здесь во главе соревнующихся шла Фаина Луконцева, ежедневно перевыполнявшая норму. Она «работает так, что не считается с пурговой погодой».

В 1954 г. на районную Доску почёта за хорошую работу занесли возчика Ф. А. Ившина и доярку А. Г. Заочную. В 1955 г. замет-

ных успехов в уборке урожая достигли Н. Зимина, А. Ившина, И. Жестянникова. В этом году в Пущино с материка переехали несколько семей, численность колхозников удвоилась.

В 1957 г. пущинский колхоз «Красное знамя» объединился с шаромской «Новой деревней». Так возник совхоз «Комсомольский». Пущинцы не только полностью обеспечивали себя продуктами питания, но и поставляли их в областной центр. В сентябре 1957 г. из Петропавловска в Пущино за урожаем, выращенным селянами, отправилась колонна из 28 автомашин повышенной проходимости (в то время дороги до Пущино ещё не было). Преодолев около 300 км, колонна доставила в город 70 т свежих овощей.

В январе 1979 г. в селе насчитывалось 137 чел.

Сегодня местные жители живут в нескольких деревянных двухэтажных домах и небольших частных домиках. Центром жизни можно смело назвать местный клуб: здесь собираются по вечерам, репетируют номера художественной самодеятельности, есть небольшое кафе, где можно попить чаю и послушать музыку. По вечерам в клубе проводятся дискотеки для местной молодёжи. Ныне Пущино — одно из проблемных сёл Мильковского районного муниципального образования. Здесь очень высок уровень безработицы.

Рекинники, селение. По С. Н. Стебницкому — *Рыкыннон*. В. П. Кусков указывает: «Возникло до 1923 г. Названо по его расположению у реки Рекинники». Расстояние до Петропавловска — 1 557 км. Материалов по этому селению крайне мало даже в архивных документах. И. С. Вдовин сообщал, что в 1770-х гг. на реке *Пустой* жили семь семей коряков-палланцев. И. Вознесенский в 1846 г. отмечал, что жители «Пусторецкого и Подкагерного говорят одним языком, коряцким, палланского наречия».

Что касается принадлежности населения к определённому роду, то тут у специалистов (В. В. Антропова, И. С. Вдовин, С. Н. Стебницкий) есть разночтения. В. И. Иохельсон указывает: «Пусторецкий род — в него входят все жители селений Пусторецка и Рекинники, за исключением... 15 каменцев». По отчёту начальника Гижигинской округи, в 1867 г. в Пусторецком роде было 110 чел. (62 мужчины и 48 женщин). По подсчёту В. Г. Богораза, в 1901 г. в селении Рекинники было 87 жителей вместе с 15 каменцами, а в Пусторецке — 54 чел. и 25 оленных, приписанных к Рекинникам. «Большинство коряков этого рода крещены».

Н. В. Слюнин в конце 1890-х гг. застал при устье реки Рекинники, впадавшей в большую бухту, семь юрт и 50 душ (24 мужского и 26 женского пола).

В 1928 г. был создан Корякский туземный район, куда входил и Рекинникский туземный Совет.

Из записки КОК ВЛКСМ от 30 декабря 1941 г.: «Агитатор комсомолец т. Пономарёв (село Рекинники) добился того, что всё население приняло участие в сдаче тёплого белья [для фронта]. Уже сдано 10 ватных фуфаек, 11 пар торбасов, 27 пар чижей, семь пар валенок, 35 пар меховых рукавиц, девять ватных костюмов...»

Газета «Камчатская правда» опубликовала материал Н. Селивановой «Рекинники — село колхозное», где, в частности, отмечено: «Рекинники спряталось в ложбину между небольшими сопками... Улицы тянутся прямо, если встать спиной к реке и смотреть вперёд, и лишь в конце посёлка слегка карабкаются вверх. Колхоз "Вперёд к коммунизму" расстроился. Большой интернат — в центре села, больница, школа клуб. Вдоль реки темнеют колхозные склады. Сюда летом завозят продукты, товары, уголь, топливо для электростанции. Село, можно сказать, выросло на пустом месте. Кругом тундра — ни деревца, лишь кедрач да ольхач стелются по сопкам. Это значит, что каждое брёвнышко для дома — на вес золота...»

Во время расцвета селения здесь имелись сельсовет, школа, детсад, фельдшерский пункт, почта, сберкасса, магазин, радиостанция. По данным В. В. Антроповой, в 1960-х гг. жители Парени и Рекинники объединились в колхоз имени XXII съезда КПСС.

В. И. Алексеев, секретарь КОК КПСС в 1950—1970 гг., писал: «Из некоторых бесперспективных для современного развития населённых пунктов местное население пришлось переселить в лучшие места. Так, состоялось переселение из села Рекинники в село Тымлат... где построены добротные дома с коммунальными удобствами».

Бывший первый секретарь Корякского окружного комитета КПСС В. Д. Зверев в книге «Прерванное молчание» пишет: «Ставилась задача: всех жителей села Рекинники, где были тяжёлые условия для проживания (вечная мерзлота и большая удалённость от районного центра), перевести в село Тымлат, на центральную усадьбу вновь создаваемого совхоза "Карагинский". Реализация этого решения оказалась непростым делом. Мы добились включения в планы выделения средств на строительство жилья и объектов культурно-бытового назначения. Переселили в первую очередь оленеводов. Часть переселенцев из числа жителей села Рекинники устроили на работу в мастерских госпромхоза, часть — рыбаками, охотниками, часть — в организации и учреждения районного центра. Все переехавшие семьи были обеспечены жильём».

Селение исключено из списка населённых пунктов КО.

Русь, селение. Находилось на правом берегу реки Удова, в нескольких километрах от Охотского моря. Ближайшие населённые пункты: на север — посёлок Кировский, село Соболево, на юг — село Привольное. До районного центра Усть-Большерецка — 160 км.

Видимо, строительство нового селения началось в 1919—1920 гг. Старожил села Соболево Л. Ф. Спешнев вспоминал: «В Руси жили бывшие белогвардейцы Сутурин, Копьев, Мышов, Радьков. Они сделали себе село на увале, ближе к реке Удова». В январе 1921 г. вопрос о его наименовании ставился перед Соболевским волостным ревкомом. В. И. Воскобойников в книге «Слово на карте» приводит документ об утверждении названия: «В протоколе Камчатского областного народно-революционного комитета от 7 февраля 1921 г. в параграфе 3-м говорится: "Слушали: ходатайство жителей Мономаховской (Соболевской) волости С. М. Копьева, М. П. Сараева, П. И. Панчу, М. И. Попова и других граждан этой волости, поселившихся на реке Удова, о разрешении наименовать образованный ими посёлок "Русь", с заключением по означенному вопросу Соболевского волостного нарревкома от 16 января 1921 г. за № 5. Постановили: утвердить название посёлку "Русь"».

По Приполярной переписи 1926 г. здесь уже имелось 28 хозяйств, 110 чел. (56 мужского и 54 женского пола).

В марте 1940 г. «Камчатская правда» известила о ходе подписки на государственный заём: «Колхозники колхоза "Октябрь", село Русь Соболевского сельсовета, полностью погасили подписку в размере 15 500 руб. Деньги переведены на счёт сберкассы. Подписавшимся вручены облигации».

Селение исключено из списка населённых пунктов КО 16 апреля 1968 г.

Рыборазвод, посёлок. Местное население именовало его «Рыбоводом». Недалеко от Козыревска на основной дороге Мильково — Ключи есть малозаметный съезд, идущий в сторону реки Камчатки. Он ведёт на Ушковский рыборазводный завод. Впрочем, завода давно уже нет, осталось лишь несколько разбросанных на берегу озера строений, да кое-где встречаются отдельные предметы, напоминающие о некогда активной деятельности здесь.

Ушковский рыборазводный завод располагался на берегу одноимённого озера, соединяющегося протокой с рекой Камчаткой и находящегося в её среднем течении на правом берегу. До райцентра — Усть-Камчатска — расстояние отсюда составляло 200, до Козыревска — 18 км.

На берегу озера в нескольких сотнях метрах от посёлка, в 1960—1980 гг. магаданский археолог Н. Н. Диков вёл раскопки Ушковской стоянки. Здесь впервые на Камчатке были обнаружены следы палеолита. Сегодня Ушковская стоянка является самым древним историческим памятником Камчатки. Возраст древнего поселения насчитывает около 14,5 тыс. лет. Учёным деятельно помогало местное население, руководитель рыборазводного завода И. И. Исаев, председатель Козыревского поссовета А. Музалевский. В начале раскопок основной рабочей силой у археологов были здешние школьники.

Работы по оплодотворению икры в этом месте начались в 1926 г., когда появился наблюдательный пункт по учёту лососей. В августе и сентябре 1927 г. сюда доставили оборудование, а в 1928 г. началось строительство рыборазводного завода по проекту инструктора-рыбовода В. И. Орава.

Первые четыре года подряд результаты работы завода были неудовлетворительны: потери икры и мальков достигали 90 %. Положение стало меняться только в 1930 г., когда потери уменьшились до 40,2, а в следующем году они снизились до 21,4 %. В 1930—1934 гг. завод выпустил 38,6 млн мальков.

В 1940 г. здесь имелись семь жилых домов, жилой барак, баня, несколько хозяйственных построек: дизельная электростанция, гараж, склад. Основным объектом разведения являлась нерка, или осенняя красная. При недоборе икры красной закладывалась икра и других лососей — кеты и зимнего кижуча. Полная мощность завода после его реконструкции (в 1965 г.) была рассчитана на 25 млн икринок.

По данным Всесоюзной переписи населения, прошедшей в 1979 г., самая низкая численность населения на Камчатке наблюдалась в заводском посёлке: здесь имелись всего три человека, на два меньше, чем в другом малонаселённом пункте — Щапино.

В 1988 г. Ушковский рыборазводный завод был закрыт, на его основе организован контрольно-наблюдательный пункт, существующий до настоящего времени. Хотя сегодня в посёлке осталось всего несколько строений, Рыборазводный завод указан на всех картах района и области.

Рябиково, селение. Значительной роли в истории Камчатки не сыграло, а о его существовании сейчас мало кто знает, даже старожилы не помнят такого села. Оно располагалось на левом берегу реки Камчатки. Отсюда до Среднекамчатска, лежавшего ниже по течению, насчитывалось 40 км, а до старинного села Машуры, находившегося

выше, — 70 км. Между собой их жители сообщались летом по реке на катерах и батах, а зимой — на собачьих упряжках.

Названо село в честь Иллариона Васильевича Рябикова, «борца за установление советской власти на Камчатке». Авторы публикаций о нём обычно сообщали, что в «сентябре 1922 г. И. В. Рябиков был расстрелян», иногда называлась другая дата гибели — октябрь 1922 г.

Село Рябиково возникло, видимо, незадолго до 1926 г. Сюда переселились, по некоторым данным, камчадалы из Толбачика, в связи с тем, что последний закрылся. Часть селян обосновалась в местечке Макарка, другая разъехалась по сёлам долины реки Камчатки, а четыре семьи основали Рябиково. По данным 1926 г., здесь было всего четыре хозяйства и 21 житель: 12 мужчин и девять женщин, все камчадалы.

Селение просуществовало недолго, последний раз оно было обозначено на географических картах в 1934 г. В списке населённых пунктов Мильковского района за 1938 г. селение Рябиково уже не упоминается.

Сайчик, селение. Находилось на одноимённой реке, впадающей в Охотское море. Ближайшие селения — Ича и Сопочное.

Как установил И. И. Огрызко, сюда в 1913 г. переселились пять крестьянских семейств из Казанской, Самарской и Иркутской губерний (Фёдора Афанасьева, Кузьмы Михеева, Степана Семёнова, Николая Мухаметова и Митрофана Барбара).

Селение просуществовало недолго, и уже в 1926—1927 гг. в документах указывалось: «Даже в Петропавловском уезде... наблюдается... исчезновение селений... Совершенно исчезли... Сайчик... в Большерецкой волости».

Седанка-Кочевая, селение, созданное при переводе коряковчавчувенов на оседлость. В это время в Тигильском районе уже существовало ительменское селение Седанка-Оседлая (Эсхлин). Возможно, коряки, ранее кочевавшие в его окрестностях, где каждый имел приятеля, а дети учились в местной школе, перенесли на вновь строящееся селение название, хорошо им знакомое.

Одним из первых сооружённых объектов стала школа, Вот что о ней в районной газете «Знамя Ленина» 29 мая 1971 г. вспоминал М. К. Кегеляпов: «Первая школа в Седанке-Кочевой открылась в 1941 г. в землянке, очень тесной и темноватой. Тетрадей не было. Писали мы на полях газеты. Жили ученики дома, в юртах, интерната не было. Обувь и одежду купить было негде, ходили мы

в школу в кухлянках и торбазах. Хотя и находилась наша школа в землянке, учиться мы старались. Проходили военное дело, делали зарядку... С благодарностью вспоминаем первых учителей — Фёдора Алексеевича Наянова, Елену Алексеевну Гусеву, Николая Яковлевича Осипова, Софью Иосифовну Яковлеву, Виталия Семёновича Черепанова».

В годы Великой Отечественной войны жители Седанки-Кочевой приобретали облигации госзайма. Бюро Тигильского райкома ВКП(б) от 24 мая 1945 г. сообщало, что план по их распространению выполнен на 140 %. «Лучшие колхозники, давшие высокую подписку по селу Седанка-Кочевая: тт. Лектыгин — 3 000 руб., Огам — 2 500 руб., Нотайме, Нигилян, Гвагин — по 1 500 руб. каждый».

20 марта 1949 г. «Камчатская правда» сообщила: «В новом колхозном посёлке Седанка-Кочевая... в прошлом году переданы колхозникам пять новых рубленых домов, медпункт, школа, баня и другие здания. Ведётся строительство гидроэлектростанции».

5 июля 1960 г. газета рассказала о развитии полеводства: «На карте сама жизнь внесла изменения. Нет теперь в Тигильском районе Седанки-Кочевой, есть Седанка — село оседлых коряков. В Седанке теперь весь год царит оживление... За селом гудели тракторы, на поля подвозили семена. Высажено 11 га картофеля, два — капусты, два — турнепса, гектар разных овощей... В этом году Седанка похорошела: почти у каждого дома высажено не менее пятишести деревьев. Колхоз выделил больше 700 погонных метров готовой изгороди, которой теперь обнесены личные дворы колхозников».

Ю. Муравин в очерке «Новая Седанка», опубликованном в газете «Ленинское знамя» в 1963 г., отмечает: «Сегодня Седанка — это северное село современного типа. Около сотни светлых деревянных домов, клуб, школа, больница, детские ясли, столовая, магазин. И как музейная редкость — единственная юрта на краю села. Со дня рождения дети коряков находятся на полном государственном обеспечении, учатся в высших и средних учебных заведениях... “Ленинский путь” — так назвали новый укрупнённый колхоз, в состав которого вошла и Седанка. Вот уже несколько лет в любую погоду несёт оленеводам культуру и знания яранга Яэтлы Анакьевича Акеева. Заведующий Красной ярангой коммунист Акеев вместе с учителем и киномехаником всегда в пути. В самые далёкие уголки тундры везут культработники свежие кинофильмы, газеты, журналы, литературу, интересные беседы и лекции».

К. Г. Кузаков и В. Г. Ларькин в статье «Возрождение народности», опубликованной в 1968 г., указывают: «Ровная улица, капитальные

бревенчатые дома, вокруг домов изгороди, вдоль улицы — ряды деревьев. Внешняя сторона быта уже о многом говорит. Электростанция, клуб, больница, школа, библиотека, магазин, баня — вот что пришло на смену задымлённому чуму, старому бытовому укладу».

В августе 1968 г. Д. Николаев в газете «Знамя Ленина» рассказал о подготовке к зиме: «То здесь, то там слышится стук топоров. Идёт ремонт жилых домов и общественных помещений. Сейчас плотницкая бригада ремонтирует дом пенсионера Чевику Кукулитовича. Белить и красить будут члены женсовета. А в доме Тунны Ольевны Туликовой уже заканчивается ремонт: перекрыли крышу, перестелили пол. Рабочие совхоза получают поддержку и помощь со стороны руководства отделения. Так, Миткалу Пойтовичу Векиеву совхоз выделил пиломатериал, и он будет сам ремонтировать свой дом. Рабочему Гивлы Ночавичу совхоз выписал в счёт аванса шифер. Скоро и у него будет перекрыта крыша».

6 мая 1970 г. «Знамя Ленина» сообщает о развитии села: «Построена новая школа, интернат, детский сад, большое типовое помещение для скота, электростанция, где работают дети бывших кочевников, магазин, баня, сельский Дом культуры с широким экраном. Строятся больница, двухэтажный дом для интеллигенции».

Седанка-Оседлая, селение, по-ительменски *Эсхлин*. Находилось в устье реки Седанки, правого притока Тигиля. До Петропавловска — 893 версты. В 1836 г. здесь жили 54, в 1851 г. — 74 чел.

К. Дитмар в середине XIX в. застал здесь тойона известной камчадальской фамилии Черных. «Население Седанки, всего 42 мужчины и 46 женщин, произвело на меня очень приятное, здоровое и сильное впечатление. Лишь немногие, как тойон, понимали по-русски, а женщины и дети не знали ни слова... Налицо всего 10 голов рогатого скота да пара лошадей...» Дитмар сообщает ряд любопытных фактов: «Тигиль был чисто камчадальским местечком, но затем русские... изгнали жителей и переселились частью в Седанку, частью в селение на реке Пирожниковой. В Тигиле начали заниматься хлебопашеством, а затем и в Седанку явилось несколько человек русских, выстроивших там и пустивших в ход мельницу. Это, говорят, продолжалось, однако, недолго, и все они перемёрли».

В 1868 г. здесь имелось 11 домов, 38 обитателей мужского и 49 женского пола. По переписи 1876 г. — 87 чел., в том числе трое грамотных и двое малограмотных, все камчадалы. В селении имелись часовня, 10 домов, семь юрт, 22 балагана, восемь стай, два амбара и баня; содержалось девять лошадей, 13 коров и 71 собака;

добыто 20 соболей, 12 горностаев, по одной лисице и выдре; собрано 178 пудов картофеля и 111 репы. В 1901 г. здесь жили 88 чел.

Селение служило связующим звеном между пунктами долины реки Камчатки и западным берегом полуострова. Путь проходил по реке Еловке через горный хребет до Седанки. Вот как в 1921 г. описывает его шведский путешественник С. Бергман: «Никогда ещё никакая деревня не была для нас такой желанной, как на этот раз. Нас хорошо приняли... Седанка — очень оригинальная деревня. Она расположена в 50 верстах в стороне от главной дороги, идущей по западному побережью, поэтому её очень редко посещают. Было заметно по всему, что в ней камчадалы очень смешаны с русскими».

Вот характеристика селения в 1923 г.: «...в 60 верстах от Тигиля. Расположено на реке Тигиль. Дорога до селения всё время идёт по реке. В селе около сорока дворов. Жители, за исключением русского учителя, все камчадалы. Общественников 60 чел., каждый имеет нарту собак, некоторые даже лошадь и корову. Во всём селе только две здоровые семьи, остальные все поголовно заражены сифилисом. Жители занимаются охотой и рыбной ловлей. В этом году район Седанки особенно богат соболями. Отсюда переваливают через хребты на восточный берег. От Седанки до первого селения по ту сторону хребта 140 вёрст, до первой трактовой юрты всё время едешь по тундре, только от юрты начинается подъём на первый хребет, он не высок, но зато второй хребет, так называемый Столбовой, высокий и опасный, особенно в пургу. Перевалка совершается по узкой полоске, в ширину 20 саженей, с обеих сторон глубокие овраги. В пургу по этому хребту не переваливают, а дожидаются под хребтом, пока не выяснит. Как только миновали Столбовой, дорога пошла под гору, по листвягу до селения Еловка».

В селении была часовня, где службы совершал тигильский священник. В отчёте Тигильского волревкома за 1925 г. указывалось, что седанкинская группа верующих отказалось принять часовню.

Уроженка Седанки Татьяна Федотова (Майрова) вспоминала: «В тридцатые годы действовала церковь. Христианское учение проповедовал батюшка отец Василий (я точно не уверена, что его звали так, может, я забыла). Отец Василий общался со всеми жителями села дружелюбно. Люди ходили в церковь, искренне верили в добро, которое проповедовал он. Я помню, как он часто приходил к нам, разговаривал с моими родителями, любил играть со мной. Я помню его примерно с 1933 г., когда мне было пять лет».

В 1926 г. в селении отмечено 15 хозяйств и 90 чел. (44 мужского и 46 женского пола), в 1933 г. — 16 и 88 соответственно.

В 1929 г. Седанку посетила киногруппа А. Литвинова, в её составе пребывал известный камчатский краевед П. Т. Новограбленов. По итогам этой экспедиции издана книга «Среди трёх морей», где описано и селение: «На семнадцатый день пути увидели Седанку. Остановились в трёх километрах от неё... Счастливейшими часами в жизни показался всей нашей группе привал в Седанке. Тотчас же по приезде сюда подняли радиомачту и услыхали передававшуюся из Хабаровска радиогазету и концерт. Племя ительменов впервые услышало радио. Это было во втором часу по седанкинскому времени, или в одиннадцатом часу вечера по хабаровскому. После трехнедельного пути все участники экспедиции основательно устали, но разве можно было удалить набивших комнату людей, глотавших каждый звук, выходивший из репродукторов. Днём снимали один из примечательных камчатских способов ловли рыбы — запорами, затем приготовление юколы... В десять часов вечера по местному времени снова заговорило радио.

Ительмены поголовно всем селением сбежались послушать диковину. Мужчины, женщины с грудными детьми, глубокие старики оказались жадными слушателями хабаровской передачи. Сидели до того момента, пока не раздалась из репродуктора заключительная фраза: “Спокойной ночи”. Свою благодарность нам ительмены выразили при отъезде экспедиции в дальнейший путь. Эти люди, почти сплошь больные наследственным сифилисом и трахомой, явились проводить нас, ласково улыбались нам, жали руки всем работникам киногруппы».

При коллективизации здесь создано хозяйство имени 1 Мая, позже названное в честь С. М. Кирова. К 1 января 1958 г. баланс колхоза составил 2,91, а к 1 января 1961 г. — 4,2 млн руб. В 1958 г. за один трудодень колхозники получили 12 руб. 26 коп., в 1960 г. — 23 руб. 16 коп.

Т. Федотова вспоминала: «Я родилась в Седанке 22 декабря 1928 г. Детство прошло на лоне природы. Хорошо, обеспеченно жили, когда я была ребёнком. Такая жизнь создавалась большим трудом, обеспечивали себя всем, что создаёт окружающая природа. Ведь наше село Эсхлин находилось в таком месте, где природа была необычно богата. Летом — изобилие ягод: жимолость, морошка, брусника, княженика. Женщины собирали их вёдрами, заготавливали впрок, варили варенье. Запасали на зиму скопище витаминов черемшу — дикий чеснок. Недалеко от села был лес, казалось, что он бескраен, росли высокие каменные берёзы, тополя. Из стволов тополей делали баты, своеобразные камчатские лодки.

Большинство семей имели коров, у нас было пять или шесть дойных. Имели много сметаны, творога, масла, молоко пили как воду. Чтобы содержать коров, женщинам приходилось много работать. Заготовкой сена занимались все члены семьи, в том числе женщины и дети. Каждая семья имела свои покосы, свои луга».

В 1936 г. Седанка имела 14 хозяйств, 107 жителей, в том числе 19 трудоспособных. Доход на одного работника составил всего 108 руб.

После начала Великой Отечественной войны районная газета «За новую жизнь» 6 июля 1941 г. опубликовала заметку о митинге: «24 июня в селе Седанка состоялся митинг. Первым берёт слово колхозник хозяйства «Имени 1 Мая» Е. Федотов. "Мы, колхозники, — говорит т. Федотов, — в ответ на нападение фашистов должны работать ещё лучше, своевременно выполнять план рыбной путины, сенокоса, бороться за высокую урожайность, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии...»

В докладной записке заведующего военным отделом КОК ВКП(б) от 5 января 1942 г. указывалось: «Первичная организация Осоавиахима села Седанка-Оседлая Тигильского района, где председателем первичной организации К. Я. Черных, добилась стопроцентного вовлечения жителей села в члены Осоавиахима. Все члены Осоавиахима этой организации сдали нормы противовоздушной и химической обороны, имеют свой огород, урожай с которого сдали в фонд обороны. В настоящее время выращивают оборонную нарту собак».

Постановление бюро Тигильского райкома ВКП(б) от 24 мая 1945 г. свидетельствует, что план распространения облигаций 4-го государственного займа в Седанке-Оседлой выполнен на 460 %.

В 1950 г. местный колхоз был объединён с тигильским «Ленинским путём», решено закрыть селение. Осенью жители разобрали свои дома и сплавили их в Тигиль. Вот что об этом вспоминала Т. Федотова: «Сделав плоты, всё переплавили по реке и построили свои дома на новом месте — в Тигиле, за речкой Сарайкой. Это произошло в 1953—1954 гг. С этого времени все жители села Седанка-Оседлая — ительмены — стали жить в Тигиле, после чего начали терять свою самобытность, начали забывать родной язык. Дети на нём уже не разговаривали».

Коренные жители Седанки носили фамилии Федотовых, Бекеревых, Притчиных. Село — родина первого редактора газеты «Абориген Камчатки» Валентины Ивановны Бекеровой (Успенской) (23.10.1941 — 05.08.2004). Её отец — Иван Васильевич Бекеров, мать — Иллария Гавриловна Федотова. В. И. Успенская

окончила педагогическое училище в Петропавловске, 12 лет работала учителем начальных классов в школах Корякского округа. Затем окончила Хабаровскую высшую партийную школу и с 1974 г. трудилась в органах исполнительной власти. В 1985 г. на 1-й сессии окружного Совета народных депутатов 19-го созыва избрана председателем Корякского окрисполкома. В 1995 г. решением Камчатской областной ассоциации общественных объединений коренных малочисленных народов Севера создана газета «Абориген Камчатки», освещавшая и обсуждавшая проблемы коренных народов полуострова. С июня 1995 г. В. И. Успенская — её главный редактор.

За годы существования Корякского округа его окрисполком возглавляли шесть председателей, трое из них были уроженцами Седанки, в том числе:

— Василий Полуэктович Беккеров (15.03.1917 — 29.05.1986), председатель окрисполкома в 1959—1971 гг.;

— Степан Никандрович Слободчиков (01.06.1928 — 14.06.1990), председатель в 1971—1985 гг., кавалер двух орденов Трудового Красного Знамени, ордена Октябрьской Революции. Награждён медалями «За боевые заслуги», «За доблестный труд».

Семячик, *Семлячик* (а также Шемячик, Шемлячик), селение. По данным канцелярии камчатского губернатора, в 1915 г. на притоке Семячик поселилось восемь семей. В. П. Кусков считает, что селение «возникло в 1928 г.». Эту же дату указывает краевед В. П. Мартыненко: «В 1928 г. на южном берегу Семячикского лимана возникло село Семячик (Семлячик), являющееся центральной базой Семлячикского (Жупановского) рыбокомбината. Позднее рыбокомбинат был перенесён на полторы мили южнее, к более удобной бухточке у мыса Памятник. На устье же лимана был организован рыболовецкий колхоз “Красный партизан”». Колхоз и рыбокомбинат были упразднены в конце 1950-х гг.

Лоция 1938 г. сообщает: «В устье реки Семлячик расположен рыбоконсервный завод АКО».

В апреле 1940 г. об успехах местных рыбаков сообщила «Камчатская правда»: «Дружно ведут лов колхозники рыбацкой артели “Красный партизан” села Шемячики (председатель колхоза т. Илларионов). В подарок празднику ловцы поймали 342 ц корюшки и гольца. Вся рыба сдана Жупановскому комбинату».

Селение исключено из списков населённых пунктов КО 13 декабря 1974 г.

Слаутное, село. Ему повезло — оно одно из немногих, имеющих свою написанную историю. Много лет посвятила поиску и публикации материалов о селе Людмила Дрокина. В частности, она приводит такие данные, характеризующие современное состояние Слаутного:

«*2000 г.* В совхозе работают 110 чел., четыре звена. Имеется 5 500 оленей, три трактора, вездеход, две баржи, 12 голов крупного рогатого скота, из них шесть дойных коров, пашня, пилорама. Специалисты с высшим образованием: Валерий Тарасович Тынагирин, Геннадий Викторович Эйпичнин, Надежда Александровна Эйпичнина, Галина Николаевна Егувье. Специалисты со средним образованием: Александр Николаевич Тынанто, Валерий Ивтыгин, Александр Эутвагаль.

2011 г. На 1 января оленепоголовье составляет 5 500 оленей, работает 36 чел. Имеется техника: три вездехода (два рабочих), четыре снегохода "Буран", две баржи. Начальник участка Александр Хачгинтович Эутвагаль».

С. Н. Стебницкий сообщает о первых годах возникновения села: «Только в 1933 г. несколько ниже посёлка Пенжино, при впадении в Пенжину реки Слаутной, был организован центр оседания бывших кочевников-оленеводов, пастухов Пенжинского оленесовхоза. Часть зданий была перенесена из села Пенжино. Зимой 1932/33 г. на месте оседания было 12 яранг и несколько деревянных домов, в которых помещались школа, интернат, фактория, склад, фельдшерский пункт и квартиры нескольких служащих оленесовхоза».

К. Г. Кузаков писал в 1973 г.: «Тридцать — сорок лет назад центральная усадьба этого совхоза представляла собой стойбище Слаутное из нескольких десятков яранг. Сегодня в Слаутном — электричество, радио, восьмилетняя школа с интернатом, больница, ясли, магазин, клуб, столовая, мастерская для пошива меховой одежды, баня — всё необходимое для нормальной жизни людей».

Легендарной личностью в Слаутном был орденоносец, мастер северного оленеводства Тит Нутанватович Тынетегин, бригадир совхоза «Пенжинский». 26 февраля 1965 г. на страницах газеты «Корякский коммунист» он рассказывал об успехах оленеводов: «Много лет я работаю в оленеводстве. Сколько сделал кочевок с табунами — не сосчитать. Но главным в работе бригады всегда считал и считаю организованность, дружбу и сплочённость оленеводов, их честное исполнение своих обязанностей, соблюдение всех зоотехнических правил. В нашем совхозе табуны большие. В моём — 3 000 голов. Трудно работать, но справляемся. В прошлом году нам удалось сохранить взрослое поголовье оленей на

99,7 % и от каждой сотни важенок получить по 90,3 телёнка. У нас установилось твёрдое правило: к летовке готовимся с весенней отбивки. Вовремя проведёшь её — отёл проходит хорошо. Для плодовой части создаём самые лучшие условия: хорошие пастбища, опытные пастухи исправно присматривают за стадом. Мест хороших для отёла в наших условиях мало, а поэтому мы бережём их. Перед отёлом проверяем эти участки, а потом уже подгоняем туда табун. После отёла, 5—6 июня выходим на летовку. Табун идёт тихо, пастухи ориентируются на телят. Как только видим, что телята устают, делаем остановку, но обязательно на местах, где есть хороший корм. В жаркие дни загоняем табун в кустарники. Здесь тоже требуется особый опыт. Надо обязательно делать так, чтобы табун не спугнуть. Если он намучается — не миновать копытки, да и потерять можно часть животных. Но наши пастухи опытные, они научились выпасать так, что копытка у оленей не появится. Все новейшие достижения мы применяем: опрыскиваем табун ядохимикатами против овода, применяем медикаменты, если животное заболеет, соблюдаем пастбищеобороты. Своевременная отбивка и проведение в самые короткие сроки отёла — всё это способствует работе без потерь».

Снежный, посёлок. В 1966—1973 гг. институт «Ленгидропроект» проводил на реке Кроноцкой и одноимённом озере масштабные работы по подготовке к строительству Кроноцкой гидроэлектростанции. Учитывая значительное число людей, занятых здесь, решили строить посёлок. Предполагалось, что после начала эксплуатации станции здесь будут жить её работники.

Г. В. Белошапкин, сын одного из строителей, сообщает: «Посёлок постепенно обстраивался, жизнь налаживалась, работа продолжалась, деньги платили хорошие, тратить их было некуда. Раз в неделю показывали кино. Благодаря отцовским стараниям, на берегу озера построили баню. В праздники, хоть и был в посёлке “сухой закон”, выдавали по бутылке на человека. А на Новый год все собирались в управлении. Сдвигали столы, выставляли рыбу всех видов, икру, мясо, грибы, ягоды. Из смеси спирта и шампанского делали коктейль “Северное сияние”. Слушали радио, радовались, что одними из первых в стране встречают Новый год. Потом включали проигрыватель, танцевали. Пели песни под гитару и гармонь».

После закрытия проекта люди разъехались из Снежного, посёлок перестал существовать.

Соболево, село, центр одноимённого района. Ранее называлось *Алгу*, затем *Воровское*, *Мономахово*, неоднократно переносилось по берегу реки Воровской. Ныне расположено на левом берегу реки Большой Воровской на высоте 25 м от уровня моря. Устойчивый снежный покров устанавливается здесь 1 ноября, снег окончательно сходит к 15 мая. До Петропавловска отсюда считалось 334 версты.

Алгу являлось одним из самых старинных сёл Камчатки. Известно, что до прихода на полуостров русских, по данным И. И. Огрызко, здесь находились 164 острожка коренных жителей, в том числе 120 ительменских. На основе некоторых из них сложились населённые пункты, в том числе и Соболево. В 1805 г. транспорт «Охотск», застигнутый осенними штормами, вошёл в реку Воровскую и зазимовал в селении. По словам В. Штейнгеля, тогда в острожке было 12 изб. По седьмой камчатской переписи 1818 г. здесь жили трое русских, остальные обитатели были ительменами.

24 апреля 1818 г. начальник Камчатки П. И. Рикорд адресовал «Воровского селения тойону Спешневу» вот такое послание: «Дошло до моего сведения, что Воровского селения камчадал Александр Спешнев, отправленный из оного в Петропавловский порт для отвозу ясаку, при обратном отсюда возвращении в своё селение с данными от меня деньгами, принадлежащими Колпаковскому и Воровскому обществам, 738 руб., бывал в некоторых острожках в бесчувственном пьяном состоянии. Но как ещё неизвестно мне, какие негодный сей человек издерживает на пьянство деньги, я нужным счёл дать знать о сем воровскому обществу, а между тем как таковой поступок терпим быть не может, а особливо в молодом человеке, я предписываю тебе наказать его нещадно пятьюдесятью ударами розог при собрании всего общества».

В 1836 г. местных обитателей насчитывалось 67, а в 1851 г. — уже 98 чел.

В середине 1850-х гг. в селении побывал К. Дитмар, оставивший вот такие впечатления: «Воровская принадлежит положительно к самым большим и наиболее порядочным местечкам западного берега. В ней 11 домов, а жителей 40 чел. мужского пола и 47 женского. Владеют большим стадом в 90 коров и 16 лошадьми, огороды обнесены плетнём и содержатся в большом порядке. Старинное камчадальское название этой деревни Алгу, а Воровскою её переименовали во времена завоевания Камчатки русские, так как здесь они часто подвергались грабежам». Далее Дитмар указывает, что в конце морского залива ссыльный Смолянин много лет варил соль из морской воды.

В ноябре 1861 г. селение посетил архиепископ Камчатский И. Вениаминов, записавший в путевом журнале: «30-е, четверг. В половине девятого приехали в Воровское селение, где находится часовня во имя св. Николая. Отправлял в ней молебен святителю и после оного говорил прощальное слово».

В 1868 г. селение состояло из девяти домов, их населял 91 чел. (51 мужского и 40 женского пола). В 1876 г. насчитывалось 99 чел. (47 мужского и 52 женского пола), в их числе двое грамотных и двое малограмотных. В селении имелась часовня, 13 домов, 18 балаганов, две бани; 15 лошадей, 52 коровы и 128 собак. Охотники добыли 14 соболей, 18 выдр, 26 медведей, 57 нерп, четыре оленя. Снят урожай картофеля в 184, а репы — в 138 пудов.

В конце 1890-х гг. В. Н. Тюшов отмечал: «Воровской острожек расположен на большой равнине, в сухом луговом месте, на левом берегу одноимённой реки. Находящемуся в селении, невольно, прежде всего, бросается в глаза длинный ряд высоких четырёхгранных пирамид, поставленных на нескольких столь же высоких столбах — стойках. Это тянется ряд рыбных балаганов, вдоль самого берега реки. Всех домов в селении 18 штук, из которых два даже обнесены небольшими оградками — один из признаков большей домовитости. Все они крыты или исключительно травой, или же травой и ветловой корой (корьё), также и все хозяйственные постройки, как то: скотный двор (стаи), амбары и названные балаганы. На некоторых крышах домов видны обрубки дуплистых стволов деревьев, заменяющих собою печную трубу... Имеется так называемый “запасной магазин”, в котором должен храниться запас юколы, обеспечивающий население на один год».

В 1901 г. здесь жили 140 чел.

Описание селения, датированное 1907 г.: «Расположено... на левом берегу реки в 13–15 км от устья. Оно состоит из 21 домика. Часть домиков чистенькие, с двумя половинами, и окна со стёклами. Остальная часть — грязная, с кишечными окнами. Здесь имеется лавка Камчатского торгово-промышленного общества, часовня и недостроенное здание школы. Прежде эта деревня располагалась на левом берегу реки, но затем её перенесли на низкую тундру к устью, где деревня почти ежегодно затоплялась водою. Тогда, лет двадцать тому назад, жители снова поднялись вверх по реке и остановились на теперешнем месте, на сухой тундре, площадь которой около 50 квадратных вёрст...»

Важным этапом в развитии села, в 1914 г. переименованного в Мономахово в честь третьего и последнего царского камчатского

губернатора, стало открытие 1 сентября этого года почтово-телеграфного отделения. В сентябре 1917 г. в Петропавловск сообщали: «Прошу немедленно командировать... хотя бы фельдшера, если медицинского нет, то даже ветеринарного. Необходима медицинская помощь, которая в Мономахове и во всём районе отсутствует. Результат сообщите».

В 1918 г. село снова переименовали, на этот раз в Соболево, хотя название «Мономахово» встречалось в документах вплоть до начала 1920-х гг. Так, после свержения в январе 1920 г. в Петропавловске представителя колчаковского правительства в город пошла следующая телеграмма: «Мономаховский волостной съезд приветствует и признаёт власть комитета, как единую народную власть. Волостной съезд питает широкие надежды, что областной комитет будет стоять на страже народных интересов. Председатель съезда *Стельмах*. Секретарь *Н. Карлсон*».

Характеристика селения в 1923 г.: «Имеет 46 домов, 32 тёплых сарая, пять холодных и 23 прочих домашних постройки. Численность населения: взрослых мужчин — 65, женщин — 59, детей мужского пола — 30, женских — 39. Грамотных в селении 76 чел., имеется школа, учителя, учащихся 31 чел. Парторганизаций нет. Имеется часовня, священник, вероисповедание православное. Есть почтово-телеграфное отделение, кооператив, других государственных учреждений нет. Главное занятие жителей — охота, рыболовство и животноводство. Продукты, добываемые охотой, сдаются в кооператив на обмен товара — продовольствие и мануфактуру. Имеется отделение фирмы “Свенсон и Ко”, находящееся по реке Воровской в 12 верстах от селения. Доверенный Карлсон. В 10 верстах от селения и в 12 верстах от устья реки Воровской есть консервный японский завод. Имеются нижеследующие рыбалки: в 10 верстах от устья реки Соболевой — японцы на море, здесь же имеется засольный участок рыбопромышленника Березовского; в восьми верстах от устья той же реки — рыбалка японца Чиачиро; в шести верстах на морском берегу — японца Ничиро. В шести верстах имеется рыбообделочный участок А. П. Надецкого, в двух верстах от той реки имеется его рыбалка. Поверхность лесистая и богатая растительностью, простираются большие болота, имеются озёра. Протекает река Воровская, шириною 30 саженей, глубиною до полутора аршин. Во время сильных дождей полноводность большая. Средняя температура зимы — минус 25 градусов. Ветры со всех сторон. Почва песчаная — нанос. Питьевой водой пользуются из рек, колодцев, качество хорошее. Дорога идёт на село Удово, рас-

стояние восемь вёрст, на село Компаково — 40 вёрст. Местность увалистая, тундра. Переправа через реки бродами, мостов и паромов нет. Состояние телеграфной линии плохое. Селение имеет 42 лошади, 22 конских седла, 600 собак, 60 нарт, шесть телег, 65 пар лыж, 20 батов, 124 коровы. Сведений о богатствах не имеется. В районе Соболево охота и рыбный промысел развиты хорошо. Кочевых нет».

В докладе председателя Хайрюзовского волостного ревкома о состоянии волости с октября 1924 г. по апрель 1925 г. указано, что 7 ноября 1924 г. в здании бывшей соболевской церкви открылся клуб имени семилетия Октябрьской революции.

По Приполярной переписи 1926 г. здесь числилось 51 хозяйство, 252 чел. (135 мужского и 117 женского пола).

В 1927 г. в селе сложилась первая комсомольская ячейка.

В 1929 г. в устье реки Воровской построен рыбокомбинат, в 1938 г. по просьбе трудящихся получивший имя С. М. Кирова, иначе Кировский.

В начале 1930-х гг. в селе пребывал финский подданный Пекка Панчу. Позже он написал книгу «Камчатка», рассказав о местной жизни.

В 1930 г. создан колхоз «Пионер Запада», его первым председателем избран Константин Васильевич Трапезников. 18 января 1940 г. «Камчатская правда» сообщила, что в хозяйстве завершается строительство скотного сарая, рассчитанного на 30 голов, к 1 февраля он будет сдан. Одним из направлений деятельности колхоза было оленеводство, которым занимались коряки. 9 февраля 1940 г. «Камчатская правда» писала: «Колхозники-оленеводы... Тоне Хайбава, Пелат Коялэ принимают активное участие в пушных заготовках. Они вдвое перевыполнили свои обязательства, сдав государству на 1 900 руб. ценных шкур. Охотник Тоне Тайнеш сдал пушнины сверх плана на 385 руб.».

В 1945 г. создан оленеводческий совхоз «Соболевский» (по другим данным его формирование завершилось в 1950 г.).

1 апреля 1946 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР путём разукрупнения Усть-Большерецкого района из его северной части образован Соболевский район. В это время в нём жили 13 тыс. чел., из них около 10 тыс. были заняты в рыбной промышленности.

С 1949 г. издаётся районная газета. До 1978 г. она называлась «Камчатский рыбак», затем — «Рассвет». Тираж в 1980-х гг. достигал 1 200 экземпляров.

К 1980-м гг. в Соболево имелись пищекомбинат, молокозавод, ремонтно-строительное управление, школа, детский сад, центральная

районная больница, Дом культуры, узел связи, аэропорт, райкомы КПСС и ВЛКСМ, другие учреждения.

Здесь впервые на Камчатке пущена электростанция, работающая на местном газе, найденном Западно-Камчатской нефтегазоразведочной экспедиции ещё в советское время. В Соболево родилась известная камчатская журналистка Н. Н. Селиванова.

О жизни села в середине XX в. нам рассказал местный уроженец Ливерий Фёдорович Спешнев:

«Дом у нас был всего 25–28 квадратных метров, печка, койка, стол. Все семеро детей и родители жили в этой комнатке. Летом дети спали на полу вповалку на медвежьих и оленьих шкурах. Подушек не было, под голову клали фуфайки, мама их накрывала чистой материей. Зимой спали на нарах: делался настил на козлах, укладывались те же шкуры. В доме были одинарные оконные рамы, а когда отец и мать были маленькие, то у них в домах вместо стёкол была натянута рыбья шкура.

Отец приедет с охоты, привезёт то медведя, то оленя, глухарей, уток-зимовщиков, зайцев. Привозил два-три воза дров. У нас был огород, картофеля хватало до весны. Его хранили в яме, выкопанной в огороде, туда ссыпали клубни, не суша их, накрывали травой и сверху засыпали землёй. Зимой вскрывали. Самым большим лакомством для детей была репа, круглая, большая, сочная. Рос турнепс.

В усадьбе имелся балаган, там сушили и хранили юколу. Мы ели кислую рыбу ещё в 1950-х гг.

Баня была маленькая, топилась по-чёрному печью-каменкой. Дом — рубленный из тёсаной берёзы, крыша — из оцинкованного волнистого железа. Многие крыши делались из травы. Перед войной к нам приехали два мужика, у них было приспособление, специальный нож, которым они из заготовок делали деревянную черепицу толщиной около сантиметра. Потом крыши стали красить. В стайке из дерева содержали корову и бычков.

Держали 8–10 собак разной породы. Мохнатые, большие лайки, некоторые — лопоухие. По вечерам собаки выли, бывало, выли и рано утром. У собак вой бывал высокий и низкий. Тех, у кого был низкий голос, убивали. Мужики говорили, что они колдуют, это нехорошие собаки. Одни собаки выли, другие лаяли и подвывали. Рыбу для них хранили в шайбах, это такое деревянное устройство на столбах. Клички давали по их внешнему виду — Лопоухий, Чёрный, Загривистый, Белогрудка. Она собака звалась Юконом. Летом их уводили на реку, держали ниже села, иногда уводили на речные острова, делали простое укрытие от дождя

и солнца из жердей и травы. Кормили сырой рыбой, но они только грызли головки, брюшки и хвост. Варили опану. Кормили из деревянного корыта, сделанного из ствола.

Обычно в апреле и в августе копали колодец глубиной около метра, опускали туда сруб. Моя сестра упала в колодец, но там было неглубоко, она не пострадала.

Отец нас никогда в жизни не ругал, а мать наказывала за то, что мы что-то не вовремя сделали. Если отец мне что-то поручал, а я заигрался и не сделал, то он только произносил моё имя, я сразу вспоминал и делал. Отец брал меня с собой в лес. У нас был бат длиной метров шесть. Однажды мы поднимались вверх по реке. Когда проходили перекат, у меня шест соскользнул, и я упал в воду, было мелко. Отец поставил передо мной шест, меня водой на него подняло, и отец меня вытащил. Остановились, вышли на берег, разожгли костёр и сушились.

С 10 апреля ловили гольца, уходили на речку часов в пять утра, а к семи привозили улов. Голец называли "горным", он нерестился в горах. Был и голец с оранжевой губой, его для собак ловили и называли "высотинец". Речка вставала в начале декабря, охотники уходили по ней вверх для заготовки осеннего кижуча. Брали отнерестившегося, делали строганину.

Мать сушила сухари, готовила юколу, солёную рыбу, картошку. Раньше избушек не было, охотники зимовали в палатке, картошку хранили в воде.

Охотничьи угодья лежали километрах в семидесяти от села. Отец меня первый раз взял на охоту в зиму 1942/43 г. Мы обложили медведя в берлоге, закрыли её жердями. Отец ушёл в палатку, оставил собаку. Я сидел и ждал, набрал бересту, поджёг. Отец приехал, раза три выстрелили. Собака стала лезть в берлогу. На ней был ошейник, его следовало снять перед охотой, а отец забыл. Медведь схватил собаку за ошейник и затащил её в берлогу, но та смогла выскочить. Приехали на следующий день, медведь уже был мёртвый. Раскопали берлогу, распластали зверя.

Первого соболя я поймал на той же охоте. Однажды ушёл подальше от палатки, где ночевали, увидел много следов, поставил капкан. Через несколько дней пришёл — капкана нет, снег истолчён. Пошёл по следам, нашёл замёрзшего соболя. За него мне, как "юному охотнику", дали грамоту Усть-Большерецкого райкома комсомола.

Запоры ставили на реке. Когда рыба пошла, работал на лове. Сначала навагу брали, потом горбушу. Ловили на морской стороне косы, а солили на речной. Мы, пацаны, через косу таскали рыбу

носилками. Носилки в руках, верёвка — на шею, только руками носилки не удержишь. На сенокосе я работал на конных граблях, у меня это ловко получалось, а другие пробовали, им не нравилось.

К зиме 1943 г. мы готовили дрова для колхоза. Начали в ноябре и почти до Нового года пилили берёзу. Норма — девять кубов на двоих. Пилили двухметровые брёвна, давали по 12 кубов, хотелось заработать. Мы, шестеро, складывали дрова в штабель, другие возили их на лошадях и на быках. Себе домой дрова мы возили на собаках.

В магазинах тогда не было ни мебели, ни хозяйственных товаров, за исключением охотничьего снаряжения и немногих основных продуктов. Селяне часто ездили на собаках в город, чтобы купить разные товары, муку, сахар, масло. До города добирались вдоль берега, сначала до Усть-Большерецка, затем по тракту через Апачу и Начики. Ехали около недели.

Наш колхоз назывался "Пионер Запада", то есть первый, организованный на западном берегу Камчатки. Рыбу сдавали на Кировский комбинат. У него было восемь баз, управление размещалось на косе. Раньше был "Интеграл" (кооператив), при нём был склад и жил один человек, а к 1940-м гг. стали приезжать сезонники».

Сокоч, посёлок. Краевед В. П. Кусков сообщает: «Возник в 1947 г. Назван в 1958 г. по расположению на реке Сокоч». Первоначальное значение слова сокоч — *паук*, по-ительменски *сик'к'ай* (К. Халоймова, 1989). Это слово, как и многие, за столетия исказилось. Так, ещё в середине XX в. можно было услышать из уст камчадалов *шобака* (собака), *шопка горит* (сопка горит) и подобное. В. Л. Комаров (1908) называет хребет и реку *Щокоч*.

Известно, что река Сокоч вытекает из озера Большой Сокоч и впадает в реку Плотникову с севера. Озеро Сокоч состоит из двух: Большого Сокоча и значительно меньшего, соединённых протокой. Озёра находятся в низине, летом здесь очень много комара и мошки, других насекомых.

По современных данным, на Камчатке существует около двух тысяч видов разных насекомых. Г. Стеллер пишет: «Пауков здесь немного, их усердно выискивают те ительменки, которым хочется забеременеть...» Специалисты насчитывают на Камчатке около пятидесяти видов пауков, но ительмены по видам их не разделяли, а называли всех одним словом — *шикач*. *Шикуйка* — по-ительменски человек, удачно ловящий пауков.

Происхождение названия озера и реки сейчас установить трудно, но можно предположить, что их берега были известны местным жителям как места обилия пауков. Аборигены называли водные

объекты, исходя из их особенностей. Так, Вактан — река, которую можно перейти вброд. Много рек с ительменскими названиями Кол, Колю, так, например, раньше называлась река Козыревка, на западном берегу полуострова есть река Кол. По-ительменски это значит *изломанная*, то есть *извилистая* река.

Ещё одну версию названия подсказали знатоки ительменского языка. В устье реки когда-то жили ительмены, возглавляемые «лучшим мужиком» (тойном) Сокочем (Шокочем). Тому есть подобия: Начик — *Начики*, Ганал — *Ганалы*.

В 1935 г. было решено открыть в долине реки Плотниковой отделение совхоза «Петропавловский». Через два года на его основе возник совхоз «Начикинский». Одной из его сложностей стало обеспечение рабочими руками. Их набирали на материке, поселяли демобилизованных военных. Хозяйство пополняли бывшими жителями селений Малка, Ганалы, Начики и других. В 1960-х гг. здесь быстро развивалось сельское хозяйство, строились социальные и жилые объекты. Совхоз выращивал кормовые культуры — турнепс, овёс, горох, располагал большим стадом крупного рогатого скота численностью свыше 4 000 голов.

Сегодня селение развивается и за счёт своего удачного расположения, здесь открыты пункты питания для проезжающих камчатцев и гостей полуострова. На всю Камчатку знамениты великолепные сокочинские пирожки.

Сопочное, село, по-ительменски — *Сузть*, по Дитмару — *Суж*. Этого ительменского селения на современных картах уже нет. Но в истории Камчатки останутся имена людей, родившихся и выросших здесь, впитавших древнюю культуру ительменского народа. Прежде всего, это Татьяна Петровна Лукашкина (Слободчикова), художественный руководитель ансамбля «Эльвель» Борис Жирков, знаток ительменского языка и автор учебников Клавдия Халоймова.

С. П. Крашенинников застал 50 ясачных плательщиков в острожке на реке Сопочной, где тойоном был Тонача. Ближайшие населённые пункты: на юг — Ича, на север — Морошечное. Река Сопочная впадает в Охотское море в 27 милях к северо-востоку от устья Ичи. Она известна русским со времени похода В. В. Атласова (1697 г.). С начала XVIII в. под названием Сопошная наносится на первые чертежи и карты Камчатки. В 1738 г. С. П. Крашенинников записал ительменское название реки — *Петаай*, отметив, что она «от казаков Сопошной называется, течёт из-под высокой горы Ахлан». По сведениям Крашенинникова, в 40 верстах выше устья, на берегу реки стоял острожек Сигикан, называвшийся русскими

Сопочным. Устье реки Сопочной, как и других рыбных рек западнокамчатского побережья, было издавна обжито ительменами.

Сменивший Крашенинникова студент А. И. Горланов отмечал, что местные жители добывали в реке лахтака: «Ходят те лахтаки в Сопочную реку недалеко, которых так же, как и тюленей, ловят сетями, а лежащих на песке колют они спицами костяными, которые спицы делаются из оленьих рогов».

В 1836 г. здесь жили 47, в 1851 г. — 72 чел.

К. Дитмар записал: «Только одна церковь, окрашенная в белую краску, как-то скрашивала собою неприглядную картину камчадальского острожка...» В 1853 г. — 10 домов, 66 жителей, 45 голов рогатого скота и пять лошадей.

В 1868 г. — восемь домов, 33 души мужского и 36 женского пола. Расстояние до Петропавловска отсюда считалось 514 вёрст. По переписи 1876 г. здесь жили 81 чел. (35 мужского и 46 женского пола), из них всего один грамотный, все камчадалы. В селении — одна юрта, 24 хозяйственные постройки, в том числе одна баня; девять лошадей, 21 корова, 85 собак. Добыто четыре соболя, 39 нерп, четыре оленя и два медведя.

Состояние Сопочного в 1894 г., по данным В. Н. Тюшова (со слов жителей): девять домов, 79 жителей (44 мужского и 35 женского пола), 15 голов рогатого скота, пять лошадей. Перепись 1897 г. учла 101 жителя (50 мужского и 51 женского пола).

Тюшов дополнил сведения Крашенинникова и Горланова любопытными деталями: «Река, на которой расположено селение, называется или просто *Ких*, что значит *река*, или *Сужыын-ких* (название, произведённое от *Сужх*, как называют жители острожек на своём языке). Несомненно, что именно *Сужыын-ких*, или теперешняя *Сопочная* река, называлась ранее *Петаай*, как о том говорит Крашенинников, но в настоящее время название это совершенно забыто».

В 1901 г. здесь жили 84 чел.

18 сентября 1914 г. открыто почтово-телеграфное отделение.

К маю 1918 года был организован первый орган советской власти — Сопочный туземный волостной Совет.

Характеристика селения по состоянию на 1923 г.: «Имеет 14 домов, 14 балаганов, 14 тёплых сараев. Численность населения: взрослых мужчин — 32, женщин — 31, детей мужского пола — 20, женского — 23, грамотных имеется 10 чел. Так же, как в селе Ичинском, дети не получают никакой грамоты, школы и учителей нет. Вероисповедание православное, имеется церковь, попов нет. Почтово-телеграфное отделение есть, других учреждений не имеет-

ся. Жители занимаются охотой, рыбным промыслом и животноводством. Предметы охоты сдаются приезжающим коммерсантам и отделению фирмы “Гудсон Бей” в обмен, главным образом, на продовольствие и мануфактуру и на деньги (иены). Приказчик отделения фирмы “Гудсон Бей” — Новиков. Спирт привозится японцами в летнее время. Характер поверхности — большею частью тундра, покрытая лесом, чёрный и белый березняк, лиственница, тополь, кедровник, ольховник и ветла. Протекает река Сопочная шириною 60 саженей, в средние воды глубиной от одного до четырёх аршин; река Россошина (на карте нет), шириною 50 саженей, глубиною от четырёх аршин до двух саженей, обе реки полноводные; река Хикиен, правый приток реки Сопочной, шириною 4,5 сажени, глубиной один аршин; река Киеун шириною три сажени, глубиною один аршин; река Камначх шириною полторы сажени, глубиною до двух аршин. Имеются три озера, величиною каждое приблизительно по 200 квадратных саженей. Также в различных местах простираются болота по тундре неодинаковой величины, приблизительно в полторы версты шириною и от семи до 10 вёрст длиной. Температура зимы в среднем минус 25, лета — плюс 15 градусов. Снег глубокий, падает часто. Ветры сильные, южные и западные. Пурги частые, заносы большие. Почва глинистая и тундристая. Питьевая вода берётся из рек и ключей, качество воды хорошее. Дороги идут на Ичу, расстояние 42 версты, и в Морошечное — 75 вёрст, троп нет. Дороги идут более всего по тундристому месту. Способ передвижения в летнее время — вьючный. Переправа через реки в маловодье возможна бродами, в половодье на паромах (батах). Состояние телеграфной линии, проходящей по болотистым местам, очень плохое. Селение имеет пять лошадей, из них четыре вьючных, 192 собаки, 23 коровы, четыре конских седла, 24 нарты, 24 пары лыж, телег и саней нет, 14 батов. Сведений об ископаемых не имеется. Охота производится на соболя и медведя. Ловля рыбы — средняя. При устье реки Сопочной имеется засольный участок Золотарёва, по морскому берегу много японских участков. В стороне живут кочевники-коряки в количестве 30 чел. Имеют 2 500 оленей, две вьючные лошади, 10 собак. Занятие — размножать и прокармливать табуны оленей, как главный источник у них в жизни для существования. Население благонадёжное».

В докладе о состоянии Хайрюзовской волости с октября 1924 г. по апрель 1925 г. указано: «Часовня в селе Сопочном за ветхостью по решению губернского отдела управления сломана, годный материал употреблён для общественных построек».

В 1926 г. в селении было 14 хозяйств, 104 жителя (поровну мужского и женского пола).

В «Хронике создания рыболовецких артелей в Тигильском районе» указывается: «Сопочная рыболовецкая артель организована на кооперативных началах в марте 1927 г. Членов артели 32 чел., русских — пять, ительменов — 27. Все беспартийные крестьяне, из них бедняков — шесть, середняков — 16, зажиточных — 10. Артель имеет самостоятельный речной засольный участок в трёх верстах от устья реки Сопочной. В сезон 1928 г. артелью добыто и обработано рыбы: кеты и кижуча — 16 000, горбуши — 90 000 штук».

Этнограф Е. П. Орлова так описывает селение: «Последнее, самое южное ительменское селение Сопочное, или Сузть, было расположено при слиянии реки Рассошинской (по-ительменски Хикиген) и Сопочной (Сузть), на правом берегу, в 37–40 км от устья».

В феврале 1930 г. организован колхоз «Ительмен», с 1961 г. он стал именоваться «Дружбой народов». По итогам 1957 г. колхозники на один трудодень получили по 20 руб. 93 коп.

30 июня 1930 г. общее собрание селян под председательством Ивана Данилова при секретаре Иване Трапезникове постановило «расстрелять и сжечь все свои иконы».

В 1933 г. здесь в 15 домах жили 93 чел.

14 июня 1935 г. газета «Камчатская правда» сообщила о расстреле «шпиона»: «Органами НКВД раскрыта шпионская деятельность бывшего председателя колхоза села Сопочная Тигильского района Усачёва Г. И. ...Он установил связь с агентурой иностранного государства и занимался шпионажем. В руководстве колхозом Усачёв проводил вредительскую линию на развал хозяйства. В целях лучшего сокрытия своей гнусной вредительской деятельности пробрался в ряды ВКП(б)».

В 1934/35 учебном году в Сопочной начальной школе занимались 28 ребят.

В отчёте Тигильского райисполкома в разделе «Здравоохранение» указывалось: «В 1934 г. предполагалось открыть фельдшерский пункт в Сопочном из-за его отдалённости от районного центра».

В 1936 г. в колхозе имелись 33 семейные хозяйства, 186 членов, в том числе 111 трудоспособных. Доход на одного работника составил всего 845 руб.

В 1940-х гг. на морском побережье работал Сопочнинский рыбокомбинат, добывавший и обрабатывавший лосося.

В Сопочном в 1918 г. родилась Т. П. Лукашкина, оставившая воспоминания о родине: «...жили одни ительмены. Домов было

18–20. Дома рубленые, деревянные. Народ был очень дружный, весёлый, трудолюбивый. Мужчины вместе охотились, ловили рыбу. Обычаи и быт были как у русских. Праздновали церковные праздники — Масленицу, Петров день, Покров, Рождество. Молились на русского бога. Были все крещены, носили на груди крестики. Была своя церковь и поп Мефодий, а вот школы тогда не было, население полностью неграмотное. Школу организовали лишь в 1924 г. Ительмены, несмотря ни на что, пользовались родным языком. Наш народ был очень трудолюбив. Все, от мала до велика, трудились всё лето. Заготавливали на зиму все виды ягод. Копали сарану, разные коренья, кимчигу, сушили, солили и коптили рыбу. А поздней осенью всей общиной ловили и замораживали гольца. Для этого делали большие шайбы (балаганы). Всю зиму ели строганину из мороженого гольца, из свежего готовили котлеты. Фаршированного гольца с сараной жарили на нерпичьем жиру, делали чуприк. Весной, даже летом, запасались черемшой, бочками заготавливали щавель. Благодаря этому наши люди не знали таких болезней, как цинга, зубы у них никогда не портились, были все целы до самой старости, изнашивались до дёсен. Дикоросы — самое лучшее средство от авитаминоза. С детства нас учили беречь природу, лишнего у леса не брать, собирать только то, что необходимо для жизни».

Среднекамчатск. В солидной книге Г. Богуславского «Памятники Сибири», выпущенной издательством «Советская Россия» в 1975 г., помещена фотография с подписью «Место, где находился основанный В. Атласовым в 1697 г. Среднекамчатский острог». Но дело в том, что Атласов на Камчатке основал только один острог — Верхнекамчатский, а Среднекамчатского на полуострове никогда не было. Имелось лишь небольшое село в среднем течении реки Камчатки.

Оно возникло в 1923 г. и уже в 1926 г. упоминается в Приполярной переписи: здесь жили 120 чел. и имелись десять хозяйств. Численность нового селения быстро росла. Агроном И. Голованов, обследовавший в 1928 г. долину реки Камчатки, застал уже 24 двора. Общая площадь здешних огородов составляла 22 101 кв. м, зерновые культуры занимали 782 кв. м.

Новые дома строились на правом берегу реки Камчатки, несколько ниже современного села Атласово. Первыми поселенцами стали жители села Толбачик: камчадалы Красильниковы, Плотниковы, Бобряковы, Григорьевы и русские, прибывшие с материка, — Чесноковы, Новиковы, Кочергины, Заяц, Терентьевы и другие.

В 1931 г. рыбаки поймали 150 чавыч, 7 128 нерок, 2 035 кетин и 730 кижучей. В этом году в селении жили следующие «хозяева»: Г. И. Ушаков, И. П. Кочергин, И. Е. Новиков, П. И. Садовников, П. П. Артеменко, П. И. Красильников, И. А. Плотников, Д. Е. Плотников, А. И. Молаков, И. М. Новиков, В. А. Ушакевич, П. А. Бобряков, М. И. Григорьев, Пупишев, И. У. Морзаев, Н. Т. Кузнечук, П. Х. Коркин, М. А. Чесноков, В. Е. Бобров, С. М. Заяц, А. А. Карандашев, А. К. Петров, И. М. Терентьев.

Их дома стояли в некотором отдалении от реки Камчатки, на берегу речки Максимовки, получившей название в честь местного жителя Максима, которого некогда на охоте задрал медведь.

В 1933 г. в Среднекамчатске имелись 29 хозяйств и 119 жителей (20 русских и 99 камчадалов): 64 мужчины и 55 женщин, в том числе 85 бедняков, 25 середняков, один рабочий и шесть служащих.

В 1935 г. сельсовет возглавлял Потапов, в селе работала начальная школа. В 1938 г. здесь жили 165, в 1939 г. — 144 чел. Нередкими были многодетные семьи. Так, колхозница Ульяна Григорьева имела 11 детей. Власть оказывала им материальную помощь: райисполком выделил пособие в 5 тыс. руб.

В 1944/45 учебном году в местной школе работали семь классов, их посещали 74 ученика, причём 17 из них не успевали.

В конце 1950-х гг. из небольших колхозов в Долиновке, Макарке и Среднекамчатске сложилось новое хозяйство — совхоз «Долиновский» с центром в селе Долиновка. В повседневных делах колхозникам помогали местные школьники. Газета «Камчатский колхозник» 6 июня 1958 г. сообщала: «Сразу же после окончания учебного года ученики Среднекамчатской семилетней школы включились в полевые работы на полях родного колхоза. По мере подхода в парниках капустной рассады, ребята сразу же высаживают её на поле и поливают. Вместе с ними на колхозных полях работает ученическая производственная бригада учеников восьмого и девятого классов Лазовской средней школы, которой руководит Надя Самсончик».

В 1962 г. в Среднекамчатске стояли 20 домов со 119 жителями.

В ходе кампании укрупнения малых сёл Среднекамчатск был упразднён. 31 марта 1965 г. состоялось решение Мильковского райисполкома «О закрытии села Среднекамчатск».

Вот что сообщала записка, обосновывавшая необходимость такого решения: «Село Среднекамчатск Среднекамчатского сельского Совета Мильковского района Камчатской области расположено на правом берегу реки Камчатки в 18 км от центра сельсовета села

Лазо и в 155 км от районного центра, возникло в 1923 г. На начало 1964 г. в селе Среднекамчатск числилось 26 дворов, жителей 102 чел. Основная часть населения — лица, осуждённые по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. "Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни", являлись работниками Среднекамчатского отделения Мильковского совхоза.

Село Среднекамчатск находится в 12 км от села Макарка (центра отделения Мильковского совхоза), просёлочная дорога между сёлами часто находится в неудовлетворительном состоянии и затрудняет сообщение между сёлами. В связи с тем что в конце 1964 г. население Среднекамчатска переселилось в село Лазо (куда намечено перевести центр Среднекамчатского отделения Мильковского совхоза), в селе закрыты учреждения культурно-бытового назначения и в настоящее время в нём никто не проживает. Учитывая просьбу исполкома Среднекамчатского сельского Совета депутатов трудящихся о закрытии села Среднекамчатск и то обстоятельство, что село Среднекамчатск решением облисполкома № 338 от 30 июня 1964 г. отнесено к расселяемым населённым пунктам, райисполком просит исполком областного Совета депутатов трудящихся утвердить решение о закрытии села Среднекамчатск».

Его жители перебрались в Лазо, Долиновку и Атласово.

Средние Пахачи, селение. Расположено на реке Пахачи. Существовавшие ранее Верхние Пахачи река смыла во время половодья, поэтому было решено расположить его на новом месте, ниже по течению.

7 июня 1968 г. КОИК распорядился «обязать областное управление сельского хозяйства, отдел по делам строительства и архитектуры, институт "Камчатскгражданпроект" выполнить в 1968 г. проект планирования села Средние Пахачи». Объяснительная записка Олюторского райисполкома (1974) сообщает, что «вновь возникший населённый пункт Средние Пахачи находится к северо-востоку от районного центра села Тиличики Олюторского района Корякского национального округа Камчатской области. Расстояние до райцентра — 225 км».

7 апреля 1974 г. «Камчатская правда» сообщала о предстоящем переселении: «Уже готовы принять жителей первые 20 домов. Это благоустроенные жилища со всеми коммунальными услугами. Уютно в школе-интернате, в яслях. Готова больница, исполнился

месяц, как открылась библиотека. Ровно столько же работает и кинопередвижка».

15 августа 1975 г. КОИК зарегистрировал новый населённый пункт. Назван он по расположению между сёлами Верхние Пахачи и Усть-Пахачи. В 1974 г. в Средних Пахачах проживало 420 чел., из них около 350 чукчей, остальные — коряки. Основное занятие населения — оленеводство.

В. И. Алексеев писал: «Теперь построен в условиях вечной мерзлоты на сваях совершенно новый посёлок Средние Пахачи, где дома с центральным отоплением, водоснабжением и канализацией и всеми другими удобствами. Здесь создан совхоз "Пахачинский"... Помню, как кропотливо мы изучали возможности строительства посёлка в районе вечной мерзлоты, неоднократно советовались с местными жителями. Многие считали это дело невозможным. Но Средние Пахачи, как посёлок городского типа, был построен и доставил много радости оленеводам».

Тваян, селение. По-корякски *Твэйэн*, в переводе — *Травянистая река*. Так же называется небольшая река длиной всего 53 км с площадью бассейна 204 кв. км с истоком в болоте у северного подножия горы Интана. Тваян — левый приток реки Ичи, течёт преимущественно в широтном направлении, впадает в Ичу в 80 км от её устья. Бассейн Ичи — традиционные места выпаса оленей. В середине 1920-х гг. этнограф Е. П. Орлова застала здесь семейства Солодяковых и Коерковых.

В 1930-х гг., в ходе коллективизации, здесь образовалось эвенское товарищество по совместному выпасу оленей, впоследствии названное именем Сталина. Это стало началом перехода населения на оседлость, в результате появилось поселение, получившее название от реки, где оно расположено, — Тваян.

Вслед за основным видом деятельности — оленеводством, селяне начали заниматься полеводством. А в 1941 г. здесь появились две первые коровы, начинает развиваться и животноводство. С 1942 г. началось расширение посевных площадей. Если в 1942 г. площадь под картофелем составила 4,7, в 1943 г. — 6,0 (всего 8,9), в 1945 г. — 12,0 га (всего 15,7). В 1950 г. обработано 13,14 га, при этом картофель посажен на 4,65 га. В 1946 г. общий доход колхоза составил 494 317 руб. 60 коп.

Росло и население. Если в 1936 г. оно насчитывало 122, в 1939 г. — 137, то в 1942 г. — 148 чел. В 1939 г. неграмотными были 58 чел. (31 мужского и 27 женского пола), с ними велись занятия по изучению основ грамоты, учились 39 чел.

Из-за отсутствия возможности сбывать молочную продукцию собрание колхозников 12 сентября 1957 г. решило перейти с молочного животноводства на мясное, сохранив поголовье скота. Это решение поддержано райисполкомом. В конце 1950-х гг. Тваянский колхоз неоднократно становился передовиком социалистического соревнования. В отчёте Быстринского райисполкома за 1958 г. указывается: «Лучших результатов в развитии оленеводства добился колхоз имени Сталина (председатель колхоза т. Беляев И. П., председатель сельсовета т. Адуканов М. И.). В этом колхозе перевыполнен план делового выхода поголовья оленей на 154 головы, сохранено 94,6 % взрослого поголовья, забито и продано на мясо 684 головы при плане 425».

В сентябре 1958 г. Е. П. Орлова, к этому времени известный учёный, спустя много лет вновь побывала в Тваяне. По этому поводу «Камчатская правда» писала: «Тогда теперешнего села Тваян не было и в помине. Стояло единственное скромное здание школы, а вокруг ютились юрты... Так было треть века назад, когда приезжала сюда из Ленинграда уполномоченная по переписи населения Е. П. Орлова. И вот Е. П. Орлова, теперь сотрудник Ленинградского государственного музея этнографии, снова в Быстринском районе. Недавно она выступила перед жителями села Тваян с лекцией о тех изменениях, которые произошли в районе за 32 года. С интересом слушали колхозники артели имени Сталина эту лекцию...»

В сентябре 1960 г. эта же газета в заметке «Село в тундре» рассказала о его становлении: «Окружённое невысокими сопками, поросшими березняком, тальником, тополями и ольхой, на берегу тундровой речки Тваян раскинулось небольшое село. Жители его — эвены, коряки, русские и украинцы. Четыре домика в неглубоком котловане у речушке, цвет которой напоминает крепкий чай... Таким был Тваян совсем в недавнем прошлом. В одном из этих домов жил Иван Савич Ичанга, отец Фомы Ивановича, работающего заместителем председателя колхоза. Второй дом занимал Гавриил Васильевич Адуканов, третий служил одновременно складом и пекарней, а в четвёртом размещался магазин.

Вниз и вверх по реке Иче были разбросаны юрты и балаганы рыбаков — так называемые летовки. Шли годы, облик Тваяна почти не изменялся. В 1950 г. здесь прибавилось несколько домов, но многие колхозники продолжали жить в дымных юртах. Ни радио, ни электричества не было. Земледелием колхоз не занимался. Прошло ещё десять лет. Ныне Тваян — сплошная новостройка. Два колхоза, объединившихся в одну артель, создали новое, крепкое

хозяйство. Основная отрасль — оленеводство, но колхозники занимаются и земледелием, и молочным животноводством. Растут на тундровых землях картофель, капуста, другие овощи.

В шести оленеводческих бригадах насчитываются более шести тысяч оленей. Колхозники живут в добротных домах. Не увидишь теперь в Тваяне юрт и землянок. В селе есть радио, построена электростанция, есть отделение связи, библиотека, детясли и школа-интернат. Завершается строительство новой школы и сельского клуба». Доля эвенов тогда в общей численности населения составляла 72 %.

О жизни в селе рассказала Мария Ивановна Солодикова (Ткачёва): «Фамилия мамы Адуканова, отца — Солодиков. В селе был колхоз имени Сталина, богатый. Олени были в основном частные. Ездили в селение Ичу — менять оленье мясо на продукты: чай, муку, табак (махорку). Махорку давали листиками, потом их сушили. Мы, как и наши предки, жили в юрте, но позже построили себе землянку. Летом на рыбалку ездили на Озерную, впадающую в Ичу.

Когда я родилась, меня принимала акушерка Сыч, это случилось в начале октября. Родные на бате отправились в Ичу и привезли её, чтобы она приняла у моей мамы роды.

Баты делали сами, заготавливали ягоду, рыбу, разные травы. Раньше наши бабушки много знали о пользе трав, не то, что в нынешнее время. В Тваяне, кроме эвенов, жили и русские. Они приехали из Ичи на грузопассажирском пароходе “Гоголь”. Они нам помогали, из каменной берёзы умели делать разные предметы быта, мы же их угощали мясом. Мой отец всегда после забоя оленей говорил мне, чтобы я отнесла мясо старикам, соседям. Только успевала бегать и разносить. Семья была богатая, отец никогда не жалел мяса, всегда всем раздавал. У нас были приятели среди камчадалов, мы им мясо давали, а они нам — рыбу или продукты.

Мы кочевали до Алнея (Ичинский вулкан). Обходили вокруг него и возвращались обратно. Я обычно пряталась под шкуры. Была одета в меховую одежду, вся чумазая... Как правило, перекочёвывали через три дня. Выбирали хорошие места, чтобы оленям было что покушать, чтобы вода была рядом. Увижу речку и быстро бегу к ней, а олени за мной. Я воду пью, смотрю: олени уже воду намутили.

Школа была начальная, учителя звали Павел Иванович Фомин. Ученики были комсомольцы, пионеры, октябрята. Хоть и бывали голодными, но старались учиться. Я как-то в начальной школе двойку получила и не пошла из-за этого домой, потому что мне было стыдно — не выучила стихотворение. В школе пели песни:

“Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой...” Пионерский галстук не надела — мне замечание сделали и отправили на дежурство. А что это тогда значило — за свиньями ухаживать, работать на кухне, носить воду...»

В начале 1960-х гг. в ходе кампании «укрупнения» колхозы имени Сталина и имени Ленина из селения Лаучан, что находилось в 80 км от Тваяна, объединились в одно хозяйство. Решением № 176 Быстринского райисполкома от 15 декабря 1960 г. и № 12 КОИК от 6 января 1961 г. село Лаучан было закрыто. Его обитатели переселены в Тваян, после чего общая численность населения здесь достигла 338 чел. Но новый колхоз тоже просуществовал недолго. С учётом отсутствия дорог, сложности снабжения, помимо Лаучана, были упразднены эвенские села Тваян и Кеккук. Жителей Тваяна переселили в Быстрое, селение, находившееся в нижнем течении реки Быстрой, впадавшей в реку Камчатку. Люди с чувством большой досады и сожалением покидали родные места. Этот опыт перемещения эвенов в долину реки Камчатки не удался, оленеводов снова переселили, на этот раз в Анавгай и Эссо.

Тваян исключён из списка населённых пунктов КО 11 июня 1965 г. Его жители помнят родные места и считают, что это лучшее место на Камчатке...

Уроженка села М. Байшуакова, фельдшер скорой помощи Карагинской райбольницы, организатор и руководитель эвенского стойбища Нюлтен, в 2007 г. участвовала в гонке на собачьих упряжках «Берингия».

Тигиль, крепость, село. Первое упоминание о реке Тигиль относится, видимо, к концу XVII в. Б. П. Полевой сообщает, что посланный в 1695 г. В. Атласовым из Анадырского острога казак Морозко «погромил» камчадальский острог на реке Тигиль и взял там «неведомые» (японские) письмена.

В 1716 г. казаком Соколовым и мореходом Треской был открыт морской путь из Охотска по Охотскому морю до устья реки Тигиль. На карте казака-монаха И. Козыревского (1726 г.) река названа *Кигил*. В начале XVIII в. в бассейне реки Тигиль существовали восемь селений коренных жителей, после эпидемии оспы осталось только два. В верховьях рек до эпидемии кочевали необъясаченные коряки. В период эпидемий они откочевали и появились в этих местах вновь в конце 1820-х гг. в числе семи хозяйств, около 90 чел.

В. П. Кусков, указывая дату образования русского поселения, отмечал: «Основано в 1747 г. на месте корякского острожка Шипина...»

П. А. Словцов в «Историческом обозрении Сибири» указывает близкую дату: «Тигильский острог зачат в 1750 г., через два года обнесён палисадом и рвом... Первые жители его были переселенцы из Сибири в числе 37 чел.».

Современный районный центр Тигиль существует на месте Тигильской крепости, возобновлённой на этом месте после её сожжения во время корякского восстания 1756—1757 гг.

Участник Второй Камчатской экспедиции Г. Стеллер сообщает о начале строительства крепости: «...острог в настоящее время закладывается под надзором казака Енисейского повыше Тигиля (имеется в виду выше устья реки. — *В. Б.*) Пенжинского моря, и туда на постройку и для заселения отправлено 37 чел.».

Далее Стеллер сообщает о причинах строительства: «Острог этот основан из трёх соображений: 1) для обуздания... "сидячих" коряков; 2) для установления пути отсюда, с Камчатки, к Охотску... 3) для ограждения коряков-оленеводов... от их главных врагов — чукчей...»

Т. И. Шмалев в «Опыте трудов вольного Российского собрания при Императорском Московском университете» (1774 г.) пишет: «...расстоянием от моря вверх по реке Тигиль вёрст 30. Строения в оной деревянные, крепость, в коей церковь Рождества Христова, командирский дом, казармы, а за крепостью обывательские домы, в коих жительство имеют воинские служители и камчадалы. Команды ж состоит: командир порутчик один, нижних чинов 78. В жалованье, провианте, одежде, обуви и пище, равно ж и в продаже харчевых припасов и товаров равенство состоит против Большерецкого острогу».

В 1773 г. на Камчатку прибыл главный командир премьер-майор Магнус Карл фон Бем. Среди его многих полезных дел числится укрепление острогов и крепостей. А. С. Сгибнев сообщает: «Тигильскую крепость обнёс валом, построил в ней новые укрепления и казармы для нижних чинов».

Сменивший М. К. Бема коллежский асессор Франц Рейнеке предпринял меры по переносу главного управления Камчаткой в Тигиль. Но, по словам А. С. Сгибнева, «по причине постоянного неулова рыбы в реке Тигиле отменил своё намерение».

«Краткое обозрение Камчатки», напечатанное в 1806 г. в Санкт-Петербургском журнале № 12, отмечало: «Крепость Тигильская есть единственная в тамошних местах: она служит оградою и пограничным укреплением против беспокойных чукчей и застроена в 1775 г. для того, чтобы бунтующих неподвижных коряк содер-

жать в послушании и проложить от нея дорогу вокруг Пенжинского моря до Охотска».

По седьмой камчатской переписи 1818 г. в крепости обитали 185 русских: 98 мужчин и 87 женщин. Многое в делах и жизни местных жителей зависело от руководителя крепости. А. С. Сгибнев сообщает: «По распоряжению Голенищева (начальника Камчатки. — *В. Б.*) был послан в 1830 г. в Тигиль капитан-лейтенант Кузьмищев для заведования этой крепостью. Двухлетнее его там пребывание ознаменовалось многими полезными преобразованиями в управлении тех инородцев. Он... научил и приохотил их к огородничеству и, в особенности, к разведению картофеля».

В 1822 г. Тигиль посетил Э. Стогов, оставивший такие впечатления: «Тигиль была крепость во времена первого занятия Камчатки русскими, но теперь крепости и знака нет, хотя там существует комендант из флотских офицеров. В Тигиле есть церковь, больница без доктора, которой управляет фельдшер Дунаев, есть 12 штатных казаков и купец второй гильдии Ворошилов. Казаки — это потомки первых завоевателей Камчатки. Больших патриотов, как эти казаки, я не видел во всю мою жизнь. Сын казака, достигнув 18–20 лет, зачисляется на службу, присягает и служит верою и правдою 25–30 лет, получает солдатский паёк хлеба, и то не всегда полный, более ничего. Одежды, жалованья казак не получает. Обязанности его службы неограниченны — он в полном и безотчётном повиновении ближайшего начальника. Казаки отапливают все казённые здания, обязаны иметь собак для гоньбы и для командировок. Летом казаки ловят рыбу для начальника и обрабатывают его огороды, словом, казак на службе — раб. Таких усердных и ретивых служивых редко можно видеть. Поведения все отличного, даже званием своим гордятся. Я всегда удивлялся патриотизму казаков и любовался их прекрасным характером. Казак вежлив, гостеприимен, усерден, честен и совершенно предан начальнику, и всё за один скромный паёк. Он носит форменную кухлянку с красным воротником и обязан иметь собственную саблю и винтовку. Только старость увольняет его на покой. Чувство повиновения, дисциплина, уважение к старшему казаку — врождённы у этих людей».

К. Дитмар, побывавший в Тигиле в 1853 г., даёт его описание: «27 домов местечка выглядели всё лучше и порядочнее, чем мне пришлось видеть... Они были расположены почти улицами и окружены порядочными огородами и дворами с хозяйственными постройками. Старая церковь погибла от пожара, и теперь как раз в центре

Тигиля строилась новая. От старого бывшего здесь укрепления почти не осталось следа, кроме пары старых пушек с пометкой 1790 г. Балаганы для сушки рыбы... были отнесены от жилых домов далеко на берег реки, что сделало всё местечко здоровее, опрятнее и чище. Я насчитал 150 голов рогатого скота и 12 лошадей, каждый день выгоняемых на тучный выгон, а вблизи расстилались обширные покосы, с которых как раз теперь снимали очень богатый урожай прекраснейших и питательнейших трав. В 1853 г. ...значилось в Тигиле населения 109 душ мужеского пола и 88 женского, большею частью потомков старинных камчатских казаков, однако, благодаря смешанным бракам, с сильной примесью камчадальской и особенно корякской крови...»

Протоиерей П. Громов в работе «Историко-статистическое описание камчатских церквей» рассказывает: «Тигильская церковь, для которой был от архимандрита Хотунцевского оставлен чертёж, окончена строением к началу 1752 г. Она воздвигнута на правом берегу реки Тигиля... Место это прежде называлось Шипиным острогом... а с 1744 г., когда было укреплено против корякских набегов, получило название Тигильской крепости».

Крепость дважды горела и отстраивалась заново. Далее П. Громов отмечал: «Командир крепости, флота лейтенант Сапалович, построил третью церковь, прочную и красивую и соответственную в одной связи с церковною колокольнею. Храм этот освящён был протоиереем Никифоровым 26 декабря 1822 г.». Но и он сгорел. В 1850 г. заложен уже четвёртый тигильский храм.

В декабре 1861 г. Тигиль посетил архиепископ Камчатский Иннокентий Вениаминов. В путевом журнале он записал: «Здание Тигильской церкви, хотя ещё и ново, но южная стена начинает выпучиваться наружу и потому недолго простоит без правки. Дом у священника новый и очень хороший. Книги церковные ведутся старостою исправно, суммы все налицо... Ризницы немного».

В 1868 г. Тигиль уже именовался казачьим постом. Отсюда до Петропавловска считалось 853 версты. Здесь в 38 домах жили 99 мужчин и 118 женщин.

По переписи 1876 г. здесь жили 255 чел., весьма пёстрых по национальному составу: один швед, четверо американских подданных, два финляндца; мещане: один архангельский, один тотемский, один иркутский, 17 гижигинских, два петропавловских; крестьяне: двое гижигинских и семь петропавловских; семеро петропавловских купцов и шестеро камчадалов. Имелось пять «лекарских учеников», шестеро «матросов отставных», шестеро духовных лиц и 185 каза-

ков. В числе 255 жителей имелось 122 мужского и 133 женского пола. Грамотных было всего 34 чел.

В 1888 г. начались занятия в Тигильской школе грамоты, где «обучением закону божию и грамоте занимался местный священник Иннокентий Колегов... без вознаграждения». Здесь обучались только мальчики. В 1892 г. её посещали 25 чел. (шестеро камчадалов, трое духовного сословия и 16 казаков).

В Тигиле тех лет имелась церковь, 41 дом, пять юрт, четыре лавки, четыре магазина, 43 амбара, 44 балагана, 12 бань и три кузницы. Жители содержали 30 лошадей, 107 коров и 394 собаки. Они добыли за сезон 58 соболей, 142 нерпы и трёх оленей.

В 1907 г. в селении побывал рыбопромышленник Г. А. Крамаренко. По его словам, «Тигиль — одно из самых больших селений Камчатки, которое находится верстах в 50 вверх от устья реки».

А вот описание Тигиля как стратегического пункта, сделанное в 1923 г.: «Селение имеет 75 домов, 75 амбаров, 30 бань. Численность населения 360 чел., из них взрослых мужчин 98, женщин 92, детей мужского пола 83, женского 87. Грамотных мужчин и женщин имеется 80 чел. Имеется школа, учитель и учащихся 50 чел. Парторганизаций и партработников нет. Вероисповедание православное, имеется церковь и священник. Имеются почтово-телеграфное отделение, маяк, общественные и государственные учреждения, а также заведения и предприятия. Занимаются охотой, рыболовством и животноводством. Имеются: общественная лавка, отделение фирм “Гудсон Бей” (доверенный Пименов); “Свенсон” (доверенный Флетчер), а также проживают и постоянные скупщики-спекулянты. Пушнина сдаётся названным отделениям и часть в общественную лавку на обмен товара, главным образом, на продовольствие, мануфактуру. В летнее время привозится японцами спирт, спрос велик. Характер поверхности — тундра, покрытая лесом: березняк, ольха, тополь, ветла, тальник, кедровник. Район села Тигиль орошается рекой Тигиль, шириною 20 саженей, глубиной от трёх четвертей до шести саженей. Правые притоки реки Тигиль: Пирожникова, шириною 10 саженей, глубина одна сажень; Седанка, шириною 10 саженей, глубиною одна сажень; Калгауч шириною 10 саженей, глубиной от трёх четвертей сажени до двух аршин, отличается полноводностью; Перевалова, шириною 11 саженей, глубина полтора аршина; Жгецк, шириною пять саженей, глубиной до двух аршин; Белая, шириною 12 саженей, глубина до одной сажени. Имеются озёра и болота. Средняя температура зимы — минус 30, лета — плюс 19 градусов. Снег падает часто, глубина его до полутора аршин.

Ветры западные, северные и южные. Пурги редки, почва песчаная, глинистая и болотистая. Питьевой водой пользуются из рек, качество хорошее. Дороги идут на Напан — 21 верста, на Седанку — 40 вёрст, на Аманино — 41 верста. Способы передвижения: вьючное. Местность гористая и болотистая. Переправа через реки бродами возможна в среднюю воду, в полноводье — на батах. Телеграфная линия дряхлая, ремонт не производили, состояние плохое. Селение имеет 12 лошадей, 12 конских сёдел, 800 собак, 80 нарт, телег и саней нет, 80 батов, четыре шлюпки, 80 пар лыж. Коров 70. Имеется каменный уголь по реке Напан в 20 верстах от селения.

Добыча от охоты и рыболовства средняя. Кочевники-коряки в числе 100 чел. имеют 5 000 оленей, 70 собак, семь нарт. Занятие: оленеводство и охота. Разработка каменного угля даст положительный результат, в связи с этим можно найти и другие полезные богатства. Имеются на морской кошке японские рыбалки и при устье реки Тигиль засольный участок (японский). Рыба принимается японцами за бесценок».

Для ведения хозяйственной деятельности — добычи нерпы, вылова и заготовки рыбы, а также обслуживания прибывающих морских судов, в устье реки Тигиль постепенно из нескольких бессистемно разбросанных строений образуется небольшое селение — Усть-Тигиль.

«Политико-экономическая характеристика Тигильского района Камчатской области», подготовленная 4 марта 1949 г., сообщает: «В 1920 г. в село Тигиль пришла белогвардейская банда в составе семи человек во главе с полковником Савичем, которая свергла органы советской власти, арестовала её представителей. Решительных действий эта банда не произвела, её поддерживали только кулаки и торговцы, и вскоре эта банда была уничтожена силами местных партизан из бедных казаков».

В 1926 г. в Тигиле имелось 93 хозяйства и 429 жителей: 206 мужчин и 223 женщины. В 1933 г. селение составляли уже 103 двора, а жителей насчитывалось 532 чел. До Петропавловска считалось 992 км.

Промысловая кооперация давала возможность рыболовецким и охотничьим артелям с помощью кредитов обновлять инвентарь, способствовала развитию товарности промыслов.

В апреле 1930 г. Тигильский райисполком объявил район ударным и дал указание вовлечь в колхозы 100 % населения к 1 июля 1930 г. Но на деле коллективизация растянулась до 1933 г. При этом не учитывались особенности национального района и органи-

зовывались смешанные артели и даже коммуны. Во время коллективизации по Тигильскому району по состоянию на 1933 г. были лишены избирательных прав 41 чел.: «использующих наёмный труд» — 31, торговцев — два, «служителей культа» — пять, «умалишённых» — трое.

Коллективизация быстро разрушила кооперацию. В Тигиле насильственное обобществление средств производства артелей, где уже существовало имущественное расслоение, привело к распаду этих артелей и массовому убою домашнего скота.

В отчёте Второй Корякской экспедиции Дальневосточного краевого земельного отдела отмечалось: «Кулаки района под руководством кулаков села Тигиль (в прошлом казаки) готовили вооружённое нападение на руководителей советских и партийных органов под лозунгом “Камчатка для камчадалов”. Благодаря бдительности ГПУ все главари подготовлявшегося восстания были своевременно изолированы».

Вначале колхозы организовались по поселково-национальному типу. Камчадалов Тигиля объединял колхоз «Ленинский путь». В связи с проводимой миграционной политикой уже к началу 1950-х гг. в Тигильском районе появилось много переселенцев из России. В 1962 г. на основе экономически слабых колхозов «Ленинский путь» (Тигиль), «Красный партизан» (Палана) и имени Кирова (Седанка) по решению бюро КОК КПСС был образован совхоз «Тигильский».

Важной отраслью здешнего хозяйства являлась охота. Газета «Камчатская правда» 7 марта 1967 г. сообщала: «К 20 февраля промысловики Тигильского госпромхоза сдали пушнины на 116 тыс. руб. при сезонном плане 114 тыс. руб. В течение зимнего промыслового сезона 1966/67 г. госпромхоз принял 2 780 соболей, 77 выдр, 446 горностаев, 180 лисиц, 237 зайцев и другую пушнину».

Этнограф О. Мурашко так охарактеризовал селение: «Современный посёлок по своей планировке как бы распадается на две части — одна на высоком месте, здесь расположена улица относительно старых домов у реки, за ней более новая улица с хорошими односемейными домами, здесь же школа-интернат, детский комбинат для дошкольников, пекарня, старый магазин, аптека. Улица с двух-четырёхквартирными домами постройки 1950-х — начала 1960-х гг. За ними новая часть, середины 1970-х гг., с каменными двухэтажными административными зданиями, гостиницей, новым большим магазином, районной библиотекой, клубом. За ними располагаются двухэтажные восьмиквартирные дома и строительные

площадки новых каменных домов, потеснившие лес, спускавшийся с сопок, окружающих Тигиль.

Вторая часть посёлка — за ручьём, в низком сыроватом месте, здесь расположены жилые дома-клетушки 1950-х и двухквартирные вагончики 1960-х гг., а также сельскохозяйственные постройки, принадлежащие совхозу "Тигильский".

Школа, больница, почта существуют в Тигиле с первой половины XIX в. С этих же пор существуют артезианские колодцы. Водопровод с холодной водой, центральное отопление, асфальт на улицах появились в 1960-е гг., но эти удобства распространяются только на административную часть посёлка, общественные здания и новые многоквартирные дома. Жители старых деревянных домов, а это подавляющая часть старого населения Тигиля, продолжают пользоваться колодцами, печками, туалетами на улицах и утопать в грязи в дождливые дни. Поселковая котельная работает на местном угле, добываемом недалеко от посёлка. Имеется столовая, два магазина, открытые в 1960-е гг. Современный дом культуры работает с 1970-х гг., местный музей появился в 1980-е гг.

Электричество и радио появились в посёлке в 1930-е гг. Освещение на улицах — в 1960-е. Первый авиарейс, сбросивший почту на остров на реке, произошёл в 1960 г. В 1970-е гг. построена ныне существующая грунтовая авиаполоса, начали совершаться пассажирские рейсы. Дюралевые лодки с моторами появились в 1960-е гг., первый снегоход "Буран" — в 1978 г., в 1980-е гг. — несколько частных автомашин».

С мая 1936 г. в селе дважды в неделю выходила районная газета «За новую жизнь». Её первым редактором стал Косарев. В 1943 г. газета выпускалась с приложением «За новую жизнь на уборке урожая», а в 1949—1950 гг. печаталась на двух языках: русском и корякском. Её тираж достигал 1 000 экземпляров. До 1990 г. учредителями газеты были Тигильский райком КПСС и райсовет народных депутатов.

История Тигильской и Ковранской общин развивалась следующим образом. По данным метрических книг, население семи селений, проживающее ныне в посёлках Тигиль и Ковран, представляло собой, по крайней мере с 1801 по 1917 г., единую популяцию. Частота браков между жителями этих семи селений в середине XIX в. составляла 92,18 % от всех браков, заключённых здесь на рубеже XIX—XX вв. (1885—1910 гг.).

Внутри единой популяции существовали субпопуляции: потомки русских старожилов Тигиля и камчадалы (ительмены) трёх близ-

лежащих к Тигилю селений — Аманино, Напана и Хайрюзово. Частота смешанных браков между аборигенами и русскими постоянно колебалась, при этом в первой половине XIX в. русские больше нуждались в партнерах из аборигенной среды, нежели аборигены в русских. В 1979 г. в Тигиле среди ительменов в возрасте 20–49 лет доля имевших детей составляла всего 33,8 %. Среди потомков русских старожилов этот показатель равнялся 89,5 %.

В современном Тигиле живут 3 149 чел., в том числе 87 коряков, 266 ительменов, около пятисот камчадалов, восемь эвенов, двое чукчей. Остальные принадлежат к мигрантному населению — среди них представлено 26 национальностей бывшего СССР.

Тиличики, село. В. П. Кусков считал, что оно, административный центр Олюторского района, возникло в 1910 г., появилось на основе корякского поселения, существовавшего здесь задолго до появления русских первопроходцев. До конца XIX в. это было селение оседлых коряков, занимавших восемь юрт-полуземлянок. Оно располагалось на северном берегу бухты, сейчас называющейся Скрытой. На карте К. Дитмара поселение обозначено как *Теличига*.

Как сообщает В. П. Мартыненко, в 1898 г. здесь построил свою заимку торговец Косыгин. В начале XX в. появился казённый продовольственный склад. Сюда был переселён казачий пятидесятник Падерин, один из представителей широко известной на Севере фамилии.

Иеромонах Нестор приводит ещё одно название поселения — *Тилечики*. В 1911 г. он пишет: «На берегу бухты барона Корфа расположено корякское селение Тилечики, в котором ныне зимой при посещении коряк я окрестил свыше 30 чел. и повенчал шесть свадеб». Он открыл школу и приют в бухте барона Корфа в большом здании из восьми комнат. Материал для них заготовлен во Владивостоке и на пароходе Добровольного флота доставлен в бухту. Нестор рассказывает о сборке первого здания: «Десять плотников едва успели достроить его к прибытию последнего парохода. Помогая им, приходилось работать мне, сестре милосердия, и ребятам. Общими усилиями нам удалось соорудить ещё колонку и оборудовать две ванны».

В 1914 г. по инициативе Нестора здесь проходил Камчатский миссионерский съезд. Перед этим была построена Иоасафовская церковь, а селение получило название *Иоасафовское*. Но оно продержалось недолго, и после установления советской власти селение вновь обратилось в Тиличики.

В отчёте Карагинского районного ревкома за 1927 г. указывалось, что «в селении Тиличики принято участие в организации районной избы-читальни, проведена кампания по выписке материковой литературы». 14 июня 1927 г. Далькрайисполком принял постановление об образовании туземных районов, в том числе Карагинского. Впоследствии из Карагинского выделился самостоятельный Олюторский район Корякского национального округа с центром в селе Тиличики.

Лоция 1938 г. сообщает: «Селение Тиличики является районным центром Олюторского района... В селении имеются все учреждения районного центра, а также радиостанция, больница и метеорологическая станция. В селении живёт около 450 русских и коряков».

3 декабря 1935 г. КОК ВКП(б) принял решение «Об организации Олюторской газеты»: «Разрешить издание газеты “Сталинец” с выходом пять раз в месяц, тиражом 250 экз. Редактором утвердить Ильина». В 1943—1945 гг. выходило приложение к газете «Боевой листок на путине в Олюторке». Затем газета получила название «Заря коммунизма». С 1962 по 1966 г. она не издавалась, но впоследствии была возобновлена. Её тираж в 1987 г. достигал 2 000 экземпляров.

В 1979 г., по данным Всесоюзной переписи населения, в Тиличиках жили 2 587 чел.

О прошедшем здесь субботнике 19 апреля 1981 г. сообщала газета «Камчатская правда»: «Коллектив Олюторского рыбоконсервного завода в день субботника трудился на своих рабочих местах. Выпущено 34 тыс. условных банок консервов. Бригады Тиличикского строительно-монтажного управления в этот день работали на сдаточных объектах — 12-квартирных домах. Было выполнено строительно-монтажных работ более чем на 3 тыс. руб.».

К 1994 г. численность населения несколько уменьшилась и составляла 2 496 чел.

Толбачик, селение. Находилось на левом берегу одноимённой реки, правого притока реки Камчатки. От Козыревска до Толбачика по нартовому пути считалось 83 версты, от реки Камчатки до селения по конной тропе — 15 вёрст. Других селений между Козыревском и Толбачиком до конца 1920-х гг. не было.

Во времена С. П. Крашенинникова острожек назывался *Тулуачь*, «лучшим мужиком» здесь был Канач Кукин, 12 ясачных плательщиков, следовательно, всё население можно оценить в 60 чел. Селение занимало удобное место, здешние охотники были един-

ственными на сотни квадратных вёрст по Восточному хребту, вплоть до берегов Тихого океана.

В 1888 г. в Толбачике действовала часовня во имя Покрова Пресвятой Богородицы, стояли восемь домов, жили камчадалы: 27 мужского и 21 женского пола.

В 1891 г. 77 селян содержали 22 головы крупного рогатого скота, 11 лошадей, 158 охотничьих и ездовых собак. За зиму они добыли 80 соболей, 16 медведей, 32 лисицы, 18 выдр, 141 дикого оленя, семь горных баранов и трёх волков. Улов лосося составил 47 020 шт., то есть 610 хвостов на одного жителя. С огородов сняли 641 пуд овощей.

В 1904 г. селяне возвели четвёртую в долине реки Камчатки церковь, до этого они имелись только в Мильково, Нижнекамчатске и Ключевском.

В 1909 г. в селении имелось 10 домов и 71 житель. Местные охотники славились смелым нравом, в одиночку ходили на медведя. В хозяйствах жителей было 20 лошадей и 40 голов рогатого скота. Участник экспедиции Рябушинского П. Ю. Шмитд сообщал: «Селение это небольшое. Оно одно из наиболее богатых на Камчатке, так как в окрестностях Толбачика сохранилось довольно много соболя; с другой же стороны, благодаря трудной доступности селения, у жителей мало соблазнов и денег бывает некуда девать. В Толбачике нет ни магазина компании (Камчатской торгово-промышленной. — *В. Б.*), ни хотя бы какой-нибудь плохонькой лавки».

В одном из писем в 1910-х гг. епископ Камчатский Нестор так характеризовал возникшие у селян сложности: «Жители Толбачика обсуждали даже на сходе вопрос о переселении всех на новое жительство куда-то за 500 вёрст в глушь, только потому, что с каждым годом рыба уменьшается, и они испытывают серьёзную нужду и голод. Сильный голод и неуловы рыбы заставляют толбачикцев совершенно покинуть своё селение, собственные дома и идти искать где-то себе пропитание, снова строиться и обзаводиться хозяйством. Ведь это же недопустимо! Это просто ужасно!»

В 1918 г. толбачикцы обратились с просьбой о выделении их села из состава Мильковской волости в самостоятельную единицу. КОК 28 марта 1918 г. отклонил просьбу и указал, что если им не нравится состав членов мильковского комитета, то его надо переизбрать.

В начале 1920-х гг. здесь жило в процентном отношении самое большее число коренных жителей — камчадалов, знавших ительменский язык. Одной из самых заметных в начале XX в. была

семья Бушуевых, потомки которых и сегодня проживают в Мильковском районе и областном центре.

В 1922 г. шведский путешественник С. Бергман отметил особенности празднования Рождества: «Женщины надели многоцветные шёлковые платья, а торбаса домашнего изготовления из оленьих шкур с подмётками из медвежьих шкур заменили на купленные туфли на высоких каблуках, которые, как казалось, при ходьбе доставляли им большие мучения. На некоторых женщинах были даже лакированные туфли. Мужчины надели пиджаки, а некоторые даже сюртуки. У настоящих франтов поверх сапог были надеты блестящие каучуковые калоши. Маленькая деревянная церковь оказалась забита людьми. Внутри везде горели восковые свечи, и вся церковь, богато украшенная иконами и всевозможными украшениями, была насыщена запахом ладана. Богослужение продолжалось много часов. Несколько раз священник спускался к пастве, размахивая кадилом. В промежутках, чередуясь с этими действиями священника, прихожане принимали участие в пении. Таким было вечернее богослужение перед Рождеством».

В 1923 г. в Толбачике было зарегистрировано общество верующих, состоявшее из 62 чел.

В 1929 г. в местной школе имелись 20 учеников. С ними занимался бывший священник Ключевской Троицкой церкви Н. Каргопольцев, в свободное время служивший в Толбачикской церкви. По этому поводу газета «Полярная звезда» от 28 октября 1928 г. в духе времени негодовала: «В гуще камчатских лесов приютилась маленькая деревушка Толбачик. Её редко видят и не замечают, как она тает и хиреет за последнее время. Завёлся там червь, который сосёт живые соки этой деревни. Этот червь — гражданин Каргопольцев, бывший поп, а ныне учитель. Он учит в школе и одновременно служит обедни. Старики и старухи любят учителя. Плохому, дескать, не научит. “Добрый паря, — говорила крестьянка Елена соседкам, — слово божие любит”».

В 1933 г. селение значительно выросло: здесь имелось уже 30 хозяйств, жили 163 чел.: 97 мужчин, 66 женщин, в том числе 22 бедняка, 133 середняка, один служащий и семь кулаков. Число последних в процентном отношении в Усть-Камчатском районе было самым высоким. Русских насчитывалось всего трое, камчадалов — 160. Постепенно из-за переселения число жителей стало уменьшаться. В 1938 г. здесь осталось 52, в 1939 г. — 48 чел.

В середине 1930-х гг. организован колхоз. В 1935 г. ему следовало посадить 12,3 га картофеля, капусты, других овощей и зерновых.

Ещё в конце 1920-х гг. окружной отдел здравоохранения поднял вопрос о переселении жителей из-за выброса сероводорода в питьевую воду. На 2-м съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Усть-Камчатского района, проходившем 25—29 мая 1928 г. в Усть-Камчатске, выступающий Григорьев выразил мнение жителей: «Селение Толбачик стоит на месте, неблагоприятном для здоровья. Но данных (о качестве воды в реке. — *В. Б.*) пока ещё никаких нет. Относительно предложения... о переселении в Среднекамчатск, я считаю недопустимым, так как некоторые из сельчан уже перевезлись и начали постройку в местечке Макарка».

Из-за запрета рыбного промысла и в связи с поступлением в реку Толбачик сероводорода селение было закрыто. Камчадалов Слободчиковых, Краснояровых, Еланцевых, Бушуевых переселили в Мильково, Лазо и Макарку. Одна семья перебралась в Долиновку.

В 1937 г. в Толбачике ещё оставались несколько семей, среди которых были известные охотники Слободчиковы, добивавшиеся высоких показателей. Иринарх сдал пушнины на 1 580, Логин — на 1 255, а Александр — на 1 289 руб. Среди охотничьих трофеев иногда попадались и необычные. Так, в мае 1939 г. «Камчатская правда» известила, что камчадал Митевский убил у реки Толбачик белую медведицу, проникшую в глубь полуострова на 100 км от побережья. Впоследствии из её шкуры сделали чучело, выставлявшееся в краеведческом музее Петропавловска.

Тонкий мыс, селение. Возникло более полувека назад на берегу Нерпичьего озера, названо так по месторасположению. За устьем речки Рыборазводной можно наблюдать, как далеко в водоём вдаётся тонкая полоска суши. Это и есть мыс Тонкий. С ближайшим населённым пунктом — Крутоберегово — селение связывала грунтовая дорога протяжённостью 8 км, проходившая по берегу Нерпичьего озера.

После Великой Отечественной войны продолжалось переселение на Камчатку рабочих и специалистов с материка. Рыбные промыслы, строительство, заготовка и переработка древесины требовали всё новых и новых рабочих рук. Велось жилищное и промышленное строительство, росла численность населения на рыбокомбинатах.

До 1960-х гг. основным видом топлива на Камчатке были дрова. Руководство Усть-Камчатского района решило создать село, жители которого занимались бы их заготовкой. Для этого и выбрали живописное место на берегу Нерпичьего озера, поросшее вековой каменной берёзой. На Тонком мысу построили несколько домов,

причал для кунгасов, начальную школу, открыли продуктовый ларёк. В разное время здесь жили семьи Жунтовых, Селезнёвых, Калининых, Михайленко, Маклашевых, Целищевых, Шуплецовых.

Помимо дровозаготовок, жители сажали капусту, во время хода сельди ловили её и сдавали на переработку Усть-Камчатскому рыбокомбинату. Зимой отсюда отправлялись гужевые обозы, гружённые берёзовыми дровами. Так продолжалось несколько лет, затем в райцентр стала поступать новая высокопроходимая техника — автомашины ЗиЛ-157, появилась возможность возить древесину по бездорожью летом. Для этого организовали новое предприятие — райтоп, возложив на него снабжение дровами пекарни, больницы, школы, учителей и врачей.

После начала деятельности райтопа необходимость существования маленького села отпала, и в 1964 г. Тонкий мыс был закрыт, а его жители переселены в другие посёлки. Сегодня о прошлых днях напоминают только два побелевших столба на месте когда-то стоявших здесь домов и несколько заросших метровой травой могил в ближайшем лесу, на которые давно никто не приходит.

Тымлат (*Эвроваям*), селение. Ныне находится при слиянии рек Тымлат и Сигаиэктап, в устьевой части, на берегу бухты Тымлат. В. П. Кусков сообщает, что селение «возникло до 1901 г. Названо по расположению на реке Тымлат». Но, похоже, что селение здесь существовало задолго до указанной даты. Так, Н. В. Слюнин в конце XIX в. отмечал: «Тымлаты, недалеко от устья реки того же имени, три юрты, около двадцати душ». Расстояние отсюда до Петропавловска составляло 1 178 км.

Описывая местность, С. Н. Стебницкий отмечает: «В посёлках Кичига и Тымлат... зимой ветер настолько силён, что между домами протягивают длинные ремни, чтобы во время пурги переходящим из дома в дом жителям не сбиться с дороги, не заблудиться и не оказаться где-нибудь в стороне от посёлка... В 70 км от села Караги находится самое южное поселение приморских алюторцев — посёлок Тымлат. Он состоит из трёх хозяйств».

Лоция 1938 г. сообщает: «На реке Тымлат в двух километрах от её устья расположено селение Тымлат, населённое оседлыми нымыланами. Жители селения Тымлат организованы в рыболовецко-оленеводческо-охотничий колхоз, в который также вошли кочующие нымыланы-оленеводы, живущие в районе реки Тымлат на всём её протяжении. В путинный период часть колхозников-оленеводов спускается к устью, где совместно с оседлыми проводят

путину в селении. В селении Тымлат имеется школа и торговая точка АКОснабторга.

В записке Карагинского райкома ВКП(б) от 8 декабря 1941 г., направленной КОК, говорится: «Колхоз “Турвинэ” (село Тымлат) годовой план вылова рыбы 3 500 ц выполнил на 183 %, выловив 6 420 ц. Валовой доход колхоза в 1941 г. составляет 1 001 400 руб. На трудодень колхозника приходится 53 руб. 26 коп.».

19 марта 1943 г. газета «Корякский коммунист» сообщала о вкладе тымлатцев в оборону страны: «В артели “Турвинэ”... внесли 15 000 руб. Товарищи Суздалова, Черемянин и Лазарев сдали по 1 500 руб. каждый, Чечулина внесла 1 000 руб., тт. Лелюхин, Калинин и Исаев — по 600 руб.». Ранее, 18 декабря 1942 г., «Камчатская правда» писала, что местные колхозника внесли на постройку танковой колонны 38 000 руб.

В лоции 1969 г. приводится такая характеристика селения: «...расположено на левом берегу реки Тымлат приблизительно в восьми кабельтовых к *SSW* от её устья. Жители селения занимаются в основном ловом рыбы, охотой и отчасти огородничеством. В селении есть школа, пекарня, магазин. На правом берегу реки Тымлат против селения расположена молочно-товарная ферма и рыбозавод».

По итогам Всесоюзной переписи населения 1979 г. здесь учтено 512, в 1994 г. — 980 чел.

Ука, селение. На карте В. Н. Тюшова, датированной концом XIX в., обозначено как *Укинское* и расположено на правом берегу реки Уки. Ближайшее к северу селение — Хайлюлинское.

В. П. Кусков полагал, что оно «возникло до 1852 г.». По списку населённых мест Петропавловского округа 1868 г. отсюда до Петропавловского порта считалось 844 версты. Селение составляли пять дворов, в них жили 28 чел. (13 мужского и 15 женского пола).

По переписи 1876 г. в Уке обитали 21 чел., все камчадалы, в том числе один малограмотный. Здесь стояли всего три дома, одна юрта, три амбара, четыре балагана и баня. Жители содержали двух лошадей, одну корову, 44 собаки, выловили 8 100 рыбин лососёвых пород. Они добыли 18 соболей, 54 нерпы и две лисицы. Весь урожай составил пять пудов картофеля, причём посажено было два.

В 1901 г. здесь жили 17 чел.

Иеромонах Нестор отмечал: «Селение Ука расположено на восточном берегу Камчатского полуострова. Жители небольшого Укинского селения занимаются охотой и рыболовством».

Районная газета «Путь Ильича» 22 февраля 1967 г. рассказывала о здешней обстановке во время гражданского противостояния:

«В декабре 1917 г. из Петропавловска пришла нарта. Целый месяц добирался каюр до далёкой Дранки с бесценным грузом — сообщением о свержении Временного правительства, с декретами Ленина о земле и мире».

В Уке после известия о смене власти в Петропавловске был избран сельсовет, который возглавил С. Левченко, прибывший на Камчатку в 1916 г. В 1919 г. власть на Камчатке перешла к колчаковскому управляющему, многие камчатские селения подчинились областному центру. В Уке же всё осталось по-прежнему.

В это время поблизости рыболовный участок арендовал промышленник Козлов. У сельсовета с ним возник конфликт. По официальной версии, узнав, что Козлов не платит населению за сданную рыбу, сельсовет взял в залог его имущество. По жалобе Козлова из Петропавловска прибыло посыльное судно «Якут». Десант с него арестовал пять активистов, а руководителя сельсовета расстрелял. Остальных в качестве наказания высадили на Карагинском острове.

Представитель колчаковской власти так излагал свою версию событий: «Открыто большевики проявили себя только в одном из селений области — Уке. Население там отказалось подчиниться распоряжению восстановить сельское управление и избрать старосту, но после того, как один из главных руководителей этого селения крестьянин Левченко был расстрелян командой посыльного судна “Якут”, порядок и там восстановлен».

Впоследствии в селении был создан отряда самообороны. «В тундровых сопках заложили базу: оружие, боеприпасы, запас продуктов, здесь же хранили часть кооперативной пушнины». После установления советской власти, 21 декабря 1923 г., в адрес Усть-Камчатского райревкома было отправлено письмо: «На ваше отношение Карагинскому сельревкому от 7 сентября сего года № 43 сообщаем, что общество на своём сельском собрании 28 ноября 1923 г. постановило: церковь закрыть, а утварь передать волревкому для отсылки в адрес райкомиссии “Последголод”».

Землеустроитель В. С. Шаталов, побывавший здесь в 1936 г., сообщает: «Это первый из всех населённых пунктов района, который немного напоминает русскую деревню. Здесь деревянные домики на две-три и даже больше комнаты, не считая кухни, обширные тёплые сени с кладовками и чуланами, имеются амбарчики, юкольники, коровники, у некоторых огороженные частоколом и крытые травой дворы. Здесь есть настоящая улица, небольшая площадь со старинной церквушкой, пожарный сарай, три колодца с журавлями, выгонные угодья для крупного рогатого скота. Жильё

и подобные постройки были срублены в основном из тополя и ветлы по-старинному (в чашу), почти все с опиленными углами. Горницы и спальни обращены большими окнами на восток и на юг».

В Уке имелось более гектара огородов.

Лоция Берингова моря (1938) сообщает: «На левом берегу реки почти прямо против входа в неё с моря расположено селение Ука, являющееся одним из наиболее крупных населённых пунктов побережья».

Здесь организовался колхоз, которому дали имя расстрелянного первого председателя сельсовета. Карагинский райком ВКП(б) докладывал КОК: «Колхоз имени Левченко... при годовом плане вылова рыбы 1 500 выловил 2 552 ц, или 170 %. Не имея плана собственной обработки рыбы, колхоз обработал и сдал государству 909 ц готовой продукции».

Побывавший в этих местах в марте 1943 г. вулканолог Б. И. Пийп записал свои впечатления: «Селение Ука — одно из самых крупных в районе. Здесь есть почта, телеграф, больница, школа-семилетка, два магазина. Здесь в Уке всё очень скудно. Колхозники совершенно заморили собак, многие уже подохли от голода. Занимаются они тем, что удочками ловят навагу и бычков для прокорма собак».

Лоция Берингова моря (1969) указывает: «Селение Ука расположено в одной миле к *WSW* от устья реки Ука на её левом берегу. В селении имеется пекарня, магазин, баня, почта, клуб, школа и больница».

Местная уроженка, дочь участника событий 1919 г., Зинаида Бурлакова рассказывала: «Ука был большой посёлок, много населения. Дома стояли по порядку, улиц не было. Выращивали картошку, вырастала крупная. Каждый год приезжали сезонники на завод. В Уке был колхоз, ловили рыбу, был консервный завод, работал только на красной. Был японский завод, стояли японские бараки, хорошие рубленые дома.Когда японцы уехали, они много чего оставили. В лесу начинаёшь дрова пилить, смотришь — проволочка, а проволочка тянется к месту, где они хранили красивую посуду, ткани. Находили бутылки с соевым маслом, водкой, коньяком. На берег пойдёшь — тоже что-нибудь да найдёшь. Каждый день ходи — каждый день что-нибудь попадётся. Они как раз на берегу зарывали, а песок размывается. Однажды пошли мы за ягодой, я нашла бугорок, разрыла его, а там очень много посуды, со мной были подруги, и всё растащили. Через несколько лет приходили эти японцы на кавасаки в шубах, полотенцами завязанные.

У нас были балаган и бат, мы пластали рыбу и вешали, на костре жарили и с солью ели. Ели свежие головки, отрезаешь и с солью ешь. Отец убивал медведя, сало солили, хватало надолго. Охота была хорошая на медведя, оленя, гуся, утку. У нас было восемь собак, с Уки ездили до Ключей, с Ключей к нам дядя Степан Юрьев приезжал. Приезжали корейцы, они съели наших собак. Было много переселенцев из России. Я уехала из Уки в 1956 г., у нас остался там рубленый дом. Всех расселили, кого в Палану, кого в Карагу, многие уехали в Елизово. Мне очень нравилось там жить. В Уке однажды было наводнение с моря, вода наступала».

В 1960-х гг. здесь располагался полк противовоздушной обороны, впоследствии переведённый в Крутоберегово Усть-Камчатского района.

Селение Ука исключено из списков населённых пунктов КО 13 декабря 1974 г.

Урцы, селение. Названо так по реке Урц. В Широком хребте у вершины гор Урцовая, Савульч и Урц двумя истоками берёт своё начало небольшая речка Урц, впадающая в реку Камчатку ниже селения Долиновка.

Лесоучасток Урцы (встречается написание Уртцы) первоначально относился к Козыревскому леспромхозу, затем, с образованием Камчатского леспромхоза, перешёл в подчинение последнего. В годы Великой Отечественной войны участком руководил начальник Н. Бардин. Лесозаготовители добивались больших трудовых побед: более трёх норм вырабатывали возчики Гордеев, Александров, Русанов, Серебряников и Завалин, шофёры Елкин и Перевалов.

План лесозаготовок на сезон 1942/43 г. в 20 050 куб. м был выполнен на 101 %. С заданием на сезон 1943/44 г. — 24 100 кубов — лесозаготовители справились на 120 %. Производительность труда на участке в ноябре 1943 г. составляла 189 %, а в январе 1944 г. — 206 %.

В начале 1950-х гг. здесь образовался небольшой лесозаготовительный посёлок, построили бараки и несколько частных домиков, в 1955 г. появляются социальные объекты — клуб, столовая, магазин, пекарня.

После вырубки основных запасов леса необходимость в посёлке Урцы отпала. Его официально закрыли в 1967 г.

Усть-Большерецк, посёлок. Летом 1911 г. прибывшие с материка рабочие проложили просеку и начали строительство радиотелеграфной линии, связывающей Петропавловск с селениями запад-

ного берега полуострова. В месте впадения ручья Хайковый (Кетовый) в реку Амчигачу, в местечке, называемом Хайковой падью, была построена почтово-телеграфная станция, открытая 16 сентября 1914 г., и несколько типовых домов для техников, обслуживающих линию. Рядом поселились представители промыслового надзора по западному побережью.

Так за короткий срок в безлюдном месте возник новый населённый пункт. Сначала он не имел официального названия, среди населения именовался по месту расположения — Хайковая падь. Усть-Большерецком назван 24 октября 1920 г., но до середины 1920-х гг. употреблялись и старое, и новое названия.

В одном из отчётов, направленных в Камчатский облревком, сообщалось: «Лежит на реке Быстрой. Селение состоит преимущественно из русских. Дворов приблизительно двадцать. Имеются почтово-телеграфная контора, милиция, школа (учитель русский). Есть кооператив, но служить конкурентом фирме “Гудсон Бей” не может за неимением достаточного выбора товаров. Отделение “Гудсон Бей” находится не в селении, а в 22 верстах на кошке и служит не только для Усть-Большерецка, но и для других близлежащих селений... Приезжают и другие коммерсанты. Население занимается, главным образом, рыбной ловлей и отчасти охотой. Рыба сдаётся на рыбалку в обмен на продукты. Разводят также рогатый скот и лошадей. Передвижение зимой — на собаках, последних в селении около двухсот штук; летом — на лошадях и батах. Поверхность в данной местности — тундра, частями покрытая лесом, преимущественно берёзой. Есть небольшие возвышенности. Из Большерецка идут две дороги... тундрой вплоть до кошки, где находится морская рыбалка фирмы “Ничиро”, и дальше проходит по кошке в нескольких саженях от берега Охотского моря. В двух верстах от рыбалки “Ничиро” находится морская рыбалка Накамура; через две версты — третий консервный завод “Ничиро”; через две версты — морская рыбалка “Ничиро”; через две версты — морская рыбалка Грушецкого; через две версты — речной завод Грушецкого, последний находится в восьми верстах от устья реки Быстрой и в шести верстах от села Зуйково».

В январе 1924 г. в Усть-Большерецке образовалась ячейка коммунистической партии.

В 1926 г., в связи с новым районированием КО, Усть-Большерецк становится районным центром Большерецкого района.

По итогам переписи 1926 г. в Усть-Большерецке было 85 хозяйств, 235 жителей (139 мужского и 96 женского пола).

Вот что вспоминала о селении 1930—1940-х гг. Евдокия Лангбург (Логинова): «Во второй половине 1930-х гг. райцентр Усть-Большерецк разросся, стал большим и красивым селом, раскинувшимся по обоим берегам Амчигачи. Значение левого берега в это время выросло. Застраивался он гораздо позднее правого, в основном после сооружения моста. Среди берёзовых рощ выросли сотни домов. По правой стороне реки дома разбежались по живописной холмистой равнине. Это — центр села. Отсюда, от здания почты и ещё нескольких домов старожилов — Кайровых, Нечвогладов, Овечкиных, Федотьевых, начиналась застройка села. Здесь здание райисполкома, магазин, склады, школа...»

Важным этапом в социально-экономическом развитии района стало постановление Совнаркома СССР о строительстве дороги с гравийным покрытием по маршруту Петропавловск — Начики — Усть-Большерецк протяжённостью 260 км. Но строили её крайне медленно.

В середине XX в. важное место отводилось агитации и пропаганде советского образа жизни, в том числе и устно. Как решалась эта задача, 29 января 1950 г. сообщала газета «Камчатская правда»: «Сегодня из Петропавловска в Усть-Большерецк выходит агитбригада лыжников в составе 15 чел., организованная областным и городским комитетами комсомола. Агитаторы-лыжники побывают в девяти населённых пунктах, проведут беседы с избирателями по положению о выборах, о Сталинской Конституции». Другой газетный материал рассказывал о сельской библиотеке: «В центре села Усть-Большерецк стоит аккуратный домик, в котором разместилась библиотека. Первые книги в библиотеку принесли сами читатели. Это было 15 лет назад. Сейчас насчитывается 8 700 книг... В библиотеке более четырёхсот читателей. Это рабочие, служащие, колхозники, рыбаки, домохозяйки, учащиеся школ. Самый давний читатель библиотеки — колхозник т. Лапин, большой любитель художественной литературы. В этом году он прочитал около тридцати книг. В числе читателей — семья бухгалтера Т. Я. Дорошко, комсомольцы Никитюк, П. Макарова, А. Дренин, домохозяйка М. Маценко, бухгалтер Иванченко».

12 мая 1950 г. «Камчатская правда» сообщила о работе сберкассы: «Центральная сберкасса села Усть-Большерецк является лучшей в области. План первого квартала по вкладам и средств по займу она выполнила на 214 %. Сберкассе присуждено переходящее Красное знамя Камчатского обкома ВКП(б) и облисполкома, выделено 2 000 руб. на премирование лучших работников».

В августе 1950 г. учащиеся и учителя средней школы трудились в пришкольном саду. Ещё весной ученики вместе с родителями посадили 2 100 кустов смородины, малины, клубники, много деревьев. В саду регулярно проводились прополка и рыхление почвы.

О былом на страницах газеты «Ударник» в ноябре 1966 г. вспоминал местный старожил Н. Прыткин: «В 1933 г. на рейде Октябрьского рыбокомбината бросил якорь пароход, на котором ехали переселенцы. В Усть-Большерецке, где мы поселились, было всего 30 домов. Сразу же за околицей начинался лес. Редко женщины выходили за село без сопровождения мужчин, так как можно было встретиться с медведем. С первых же дней мы вступили в рыбартель, которая потом стала колхозом имени XVIII партсъезда. Орудия лова были примитивные. Из всей техники — один японский кавасаки с одноцилиндровым двигателем. Добытую рыбу доставляли на комбинат, артель с заданиями справлялась. Летом ловили рыбу, зимой промышляли пушного зверя — соболя, лисицу, выдру, горностая».

Старожил К. Д. Антонюк, с 1914 г. служивший уполномоченным Управления государственных имуществ, в сентябре 1966 г. тоже рассказал в «Ударнике» о ранних годах села: «Первыми на усть-большерецкой земле были Овечкин, Нечвоглад, братья Николай и Степан Башкатовы. Появились первые палатки, а потом стали вырастать землянки». Раньше сюда завозили сушёные овощи, затем попытались вырастить их на огородах. Первые же опыты превзошли все ожидания: «...кочаны весили более шести килограммов, репа достигала четырёх, а турнепс — семь килограммов. Замечательно прижились на огороде другие овощные культуры — лук, чеснок, морковь, свёкла».

25 мая 1966 г. в статье «Больше внимания быту», опубликованной «Ударником», заместитель председателя райисполкома В. Генералов писал: «Жители ещё не имеют возможности приобрести такие предметы, крайне необходимые в домашнем обиходе, как прищепки, скалки, столовые доски, черенки для лопат, топорища. Слабо работает бюро добрых услуг. Оно может вести мелкий текущий ремонт квартир, ремонт мебели, колку и распиловку дров, подвоз воды».

«Ударник», 31 января 1970 г.: «На приёмный пункт Усть-Большерецкого госпромхоза начала поступать пушнина нового года. Первым открыл счёт штатный охотник Константин Корнеев. Он сдал 10 соболей, 11 лисиц, 10 выдр, четыре горностая и восемь зайцев, всего более чем на тысячу рублей».

19 июня 1973 г. «Ударник» опубликовал сообщение о результатах выборов в Усть-Большерецкий районный Совет депутатов трудящихся: «Приняло участие 100 % избирателей. За кандидатов... проголосовало 99,2 % общего числа избирателей, принявших участие в голосовании. Против кандидатов в депутаты голосовало 0,81 %». Персональный состав избранных был следующим: 46 % женщин, 50 % рабочих, 12 % колхозников, 18 % членов ВЛКСМ, 60 % беспартийных, 64 % избранных депутатов не являлись депутатами прошлого созыва».

Со второй половины 1970-х гг. в Усть-Большерецке разворачивается активное жилищное строительство, о котором неоднократно рассказывала «Камчатская правда». Так, 3 апреля 1977 г. помещён следующий материал: «Сегодня в Усть-Большерецке потихоньку убывают дома и домишки деревянные, неказистые. Сейчас появляются в селе дома каменные. Сначала на месте ветхой школы выросла новая, светлая, современная. Затем, рядом с ней появился "небоскрёб" — трёхэтажное (тоже красивое современное) здание узла связи. И вот недавно справили новоселье в своём дворце представители привилегированного класса — детишки. С этих трёх каменных зданий и начинается новый Усть-Большерецк... Уже в этом году начинаем закладывать первые три 16-квартирных двухэтажных дома. Через два года будем строить 28-квартирные с улучшенной планировкой».

19 апреля 1981 г. о ходе прошедшего субботника писала «Камчатская правда»: «Строители Усть-Большерецкого строительно-монтажного управления вместе с работниками других организаций районного центра трудились на строительстве корпуса мясомолочного комбината, детского сада, жилых домов. В коммунистическом субботнике приняли участие 5 700 чел., произведено продукции на 150 тыс. руб., выполнено строительно-монтажных работ на 19 тыс. руб., перечислено в фонд пятилетки более 20 тыс. руб. — таков вклад устьбольшерецев в "Красную субботу"».

С 1932 г. в Усть-Большерецке трижды в неделю издавалась районная газета «Ударник промыслов», орган райкома ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. В 1935—1937 гг. газета выходила под названием «Ударник Большерецка», затем — «Ударник». Отзываясь о работе коллег, «Камчатская правда» 5 мая 1987 г. писала, что это «одна из лучших в области районных газет».

Сегодня Усть-Большерецк — центр одноимённого района.

Усть-Облуковино, селение. По мнению местного уроженца М. Н. Косыгина, оно образовалось так: «На севере Соболевского

района было такое село — Нижне-Облуковино из 30–40 дворов с населением 150–180 чел. Помимо камчадалов (около 80 %), здесь жили русские, украинцы и другие. Многие из них связали свою семейную жизнь с представителями местной коренной национальности. Раньше жили от села в 20–25 км вверх по реке. Там проходила телеграфная линия Петропавловск — Хайрюзово, имелись все другие необходимые службы. Но ловить и сдавать лосось, тем самым обеспечивать семью продуктами и другими товарами, было несподручно — нужно быть ближе к морю. Отец мой, Николай Мануилович, проявил инициативу — построил в четырёх километрах от моря дом с пристройками, перевёз семью. И вслед за ним последовали почти все жители верхнего посёлка».

По данным Приполярной переписи 1926 г., здесь имелось восемь хозяйств, жили 15 мужчин и девять женщин. Сегодня селение не существует.

Утка, селение. Название произошло от ительменского *уут* (деревья), возможно — *река, где много деревьев*. Использовалось также название *Уткинское*, при речке Ут.

С. П. Крашенинников указывает на наличие 14 ясачных плательщиков в острожке тойона Келюге на реке Утке.

В 1836 г. в Утке жили 27, а в 1851 г. — 33 чел.

В 1868 г. в селении было всего четыре дома и 27 чел. (18 мужского и девять женского пола). До Петропавловска отсюда считалось 203 версты.

Перепись 1876 г. учла 41 чел. (29 мужского и 12 женского пола), из них лишь один грамотный. Селение состояло из шести домов и 15 хозяйственных построек, в том числе девяти балаганов, бани и амбара. Жители содержали четыре лошади, девять коров и 86 собак. Урожай составил: 69 пудов 20 фунтов картофеля и 25 пудов репы. Охотники добыли 16 зверей, в том числе семь оленей, по три медведя и выдры.

Описание селения В. Н. Тюшова: «...расположено на левом берегу речки того же имени, на чистом и сухом месте, на склоне большой возвышенности, покрытой березняками и луговинами. Всех домов в селении семь... Дома разбросаны без всякого плана, кому где более казалось место удобным для стройки. Все дома малы, тесны, построены из берёзового лесу, за которым приходится ездить от селения довольно далеко. Домашняя обстановка крайне убога и ясно обнаруживает бедноту их обитателей. Кроватей нет ни в одном доме, так как все спят на полу... Грустное, безотрадное впечатление производит и оставляет на вас Уткинское селение со

своими убогими домишками... Жалкие эти хаты, по большей части даже без сеней, не разгороженные никакими перегородками, представляют собою небольшие квадратные срубы, неплотно, по неумению, ставленые, покрытые травяной крышей и с отверстиями для окон, затянутых тоже неплотно сшитыми полотнищами из рыбьих шкурок и медвежьих кишок, с дверями, прикрывающимися неплотно. Очень часто пола в таком помещении нет, или, вернее, пол земляной, закрытый сухой травою. В таких домах, до невозможности грязных и тесных, влачат своё существование не только здоровые, но и больные жители. Упомянутые окна пропускают только полусвет и, войдя в такую избу в зимнее время, не сразу можно разглядеть, где и сколько народу находится в избе. Страшно сказать, в этом селении с 21 по 24 сентября 1897 г. умерло 14 чел., где всё население достигает какой-нибудь полусотни!»

В 1901 г. здесь обитали 33 чел.

Состояние селения в 1923 г.: «...девять дворов, пять сараев, семь юкольных балаганов. Численность населения: 12 взрослых мужчин, 10 женщин, 18 детей. Грамотных пятеро. Школы, учителей, обучающихся нет. Коммунистические ячейки и союзы отсутствуют. Вероисповедание православное, церкви и попов нет. Общественных государственных учреждений, кооперативов, почты и телеграфа нет. Главное занятие — рыболовство и охота. Продукты рыболовства и охоты, главным образом пушнина, сдаются фирме “Гудсон Бей” и приезжающим коммерсантам на обмен товара: муки, керосина, сахара, мыла, спичек, масла. Спроса на спирт нет. Поверхность — кочковатая, мокрая тундра. Местность лесистая. Род леса — чёрный березняк, кедровник, ольха, ветловник, ива. Протекает река Утка шириною 15 сажен. Начало берёт с хребтов и до устья на протяжении 150 вёрст имеет перекаты. Полноводность бывает четыре раза в лето. Малое озеро. Средняя температура зимы и лета — минус 30 и плюс 15 градусов. Глубина снега от полутора до трёх аршин. Снег падает часто. Ветры сильные, южные, восточные и переменные. Пурги частые, заносы большие. Поверхность почвы — чернозёмная, внизу глинистая. Вода берётся из реки Утки и часть из колодцев. Расстояние до Большерецка 28, до Кихчика — 33 и до Начик — 15 вёрст. Дорога идёт до Кихчика по телеграфной линии, увалистая и тундристая. Мосты через реки Хомутино и Мухино временно переходные. Паромов нет. Среднее наводнение, переправа доступная. Телеграфная линия исправна. Рогатого скота — 12, лошадей — одна, собак — 100, нарт — 10, сёдел — одно, лошадь держится для вьючной переправы, телег и саней нет, лыж — 10 пар,

батов — семь. Залежи угля и золота по предположению и по приметам должны быть. Охота водится на соболя, белку и медведя, но в малом размере. Рыболовство среднее есть: морские японские участки и одна рыбалка Захарова. Кочевников не имеется. Население живёт в недостатке, бедно, ввиду того, что мало развиты рыбные промыслы. Партийные работники отсутствуют».

По отчёту Камчатского губревкома за 1923 г., в селении жили 30 чел., в том числе шестеро больных, из них трое хронических, один страдал глазами.

По Приполярной переписи 1926 г. здесь было 12 хозяйств, 47 жителей (30 мужского и 17 женского пола).

Село Утка исключено из списка населённых пунктов Камчатской области 18 декабря 1957 г.

Утхолок, острожек, по-ительменски *Окальх*. Находился при одноимённой речке. В 1868 г. состоял из восьми жилых домов, населённых 70 чел. (32 мужского и 38 женского пола), имелась православная часовня. Отсюда до Петропавловска по почтовому тракту считалось 742 версты.

В 1876 г. здесь жили 66 чел., все неграмотные камчадалы. В острожке имелось 29 хозяйственных строений, в том числе 15 балаганов, четыре ледника и баня. Жители содержали 16 лошадей, 14 коров и 114 собак. За сезон они поймали 42 475 рыбин, добыли 310 зверей, в том числе 44 соболя, 51 барана, 38 медведей, 142 нерпы и 34 оленя.

В. Н. Тюшов, посетивший острожек в 1890-х гг., оставил его описание: «Отсутствие хорошего строевого лесу сказывается здесь в убогости всех построек. Как-то жалко выглядят маленькие, покосившиеся не то от ветхости, не то от незавидного искусства стройки 11 лачуг и маленькая, выделяющаяся своею новизною меж них, часовенка. Она стоит посреди острожка и, кажется, удивлена сама, для чего она тут находится? Недоумение — в её маленькой фигурке. Острожек расположен на правом берегу извилистой тундровой реки того же имени, верстах в 15 от берега моря и вблизи довольно высокого увала, приблизительно в 200 футов.

По словам жителей, в 1894 г. считалось всего населения около 70 чел., рогатого скота было 15 голов и 20 лошадей. По переписи 1890 г. было жителей 71 чел., по Дитмару — 58 чел. (в 1853 г.), по переписи 1897 г. — 91 чел. обоего пола...

Пушнина принималась по ценам: лучшая шкура большого медведя — 12 руб., лисица — 5 руб., соболь — 15 руб., нерпа — 1 руб.

и волк — 3 руб. В зиму 1894 г., по словам жителей, соболей было добыто всего пять штук, лисиц — 30...»

В 1901 г. численность местного населения составляла 69 чел.

В 1923 г. селение образовывали 10 домов и 16 хозяйственных построек, жили 77 чел.

В 1926 г. здесь учтены 14 хозяйств и 99 жителей.

Е. П. Орлова сообщает: «Кроме... зимнего селения, имелось ещё летнее стойбище, расположенное в самом устье реки. Оно являлось важнейшим местом морского зверобойного промысла и отчасти рыбного. Ительмены Утхолока ловили также рыбу в устье соседней реки Квачины, куда заходило большое количество сёмги... На летовье население Утхолока проводило почти половину своей жизни. Туда съезжались для морской охоты люди из соседних селений, так как вблизи Утхолока находится "вторая лёжка" нерпы, сивуча и других морских зверей».

В феврале 1930 г. здесь был организован колхоз «Победа». В 1936 г. он состоял из 13 хозяйств с 62 колхозниками, из них 27 трудоспособных. По итогам года доход на одного трудоспособного составил 1 210 руб. В 1933 г. в селении в 16 домах жили 84 чел.

В настоящее время Утхолок не существует. После его закрытия жители перебрались в соседние Ковран и Тигиль.

Хаилино, селение. У В. Н. Стебницкого встречается написание *Хайылынон*. В. П. Кусков считал, что оно «возникло в 1932 г. при оленесовхозе. Возможно, что название является искажением корякского *хайиль-инын — маленькая (короткая) шея*. На карте, опубликованной в книге И. С. Гурвича и К. Г. Кузакова «Корякский национальный округ», селение обозначено как *Хайлино*.

В 1967 г. в Хаилино побывал писатель Сергей Баруздин, своими впечатлениями он поделился на страницах книги «Край земли — моя Камчатка»: «Хаилино — центральная усадьба Корфского оленеводческого хозяйства, табуны которого насчитывают более одиннадцати тысяч оленей». В присутствии писателя открылась детская площадка. В это время в селении жили 794 чел., имелось 90 дворов. О перспективах развития рассказал председатель сельсовета камчадал Иннокентий Иннокентьевич Красильников: «В этом году будет построено новых десять домов. Школу закладываем, больницу... Столовая, магазин у нас есть — хорошие. Юрт нет, вернее есть, но так, больше для удовольствия».

В середине 1960-х гг. больших трудовых успехов добивались бригадиры местного совхоза Михаил Велюлю, Иван Коммо, Степан Татхо, Анатолий Гугульгин.

Окружная газета «Корякский коммунист» 4 января 1968 г. в материале «Новосёлы хаилинских “Черёмушек” — оленеводы» сообщала: «Шесть жилых домов появились в этом году... В некоторых из них уже справили новоселье семьи оленеводов. Готов к сдаче и дом № 29. С отчётом об итогах года вернутся скоро в село пастухи, и сельские строители передадут им ключи от нового жилья. Наряду со сдачей жилых домов и культурно-бытовых объектов юбилейного года, строители произвели закладку фундаментов ещё десяти жилых домов для оленеводов Корфского совхоза, а также школы на 80 мест.

Отличными трудовыми достижениями ознаменовали юбилейный год бригадир плотников Хаилинского строительного участка Владимир Викторович Никитин, вожак штукатуров Галина Шимановская, строители Любовь Фёдорова, Галина Зимина, шофёр Николай Зайцев, плотники Иван Васильевич Бодунов, Михаил Иванов и другие».

3 июля 1977 г. «Камчатская правда» писала: «Как и все оленеводческие посёлки и сёла Камчатки, Хаилино стоит у воды — на берегу Тылга-Ваяма, притока Вывенки. Тылга — с чукотского — чешуя, ваям — река. Большинство домов в Хаилино — одноэтажные, на двух-трёх хозяев. Дома под черепицей, железом, аккуратные, тёсом обитые, покрашенные в любимые на Камчатке цвета — голубой, светло-зелёный. Есть здесь и двухэтажные.

Хаилино — село оленеводческое, центральная усадьба совхоза “Корфский”. Живут в селе чукчи, эвены, коряки, русские, украинцы, башкиры, дагестанцы и азербайджанцы... Более 20 тыс. оленей в хозяйстве... Вот-вот закончится отделка ещё одного двухэтажного здания — школы-восьмилетки, которая в будущем станет десятилеткой...»

24 декабря 1978 г. «Камчатская правда» сообщала: «Сейчас Хаилино — центральная усадьба совхоза “Корфский”. Совхоз — одно из немногих хозяйств Корякского автономного округа, где полностью решена проблема кадров в оленеводстве. Совсем недавно, несколько лет назад, жители Хаилино начали выращивать картофель. И сейчас, даже при неблагоприятных погодных условиях, получают неплохие урожаи этой культуры. Есть в Хаилино и ферма крупного рогатого скота, и птицеферма. Дойное стадо здесь небольшое — всего 24 коровы. В Хаилино есть Дом культуры, три магазина, библиотека, больница, школа-интернат. Недавно сдано в эксплуатацию здание быткомбината, успешно идёт строительство новой школы-интерната...»

За 1970-е гг. значительно выросло число местных специалистов, трудившихся в оленеводстве, торговле, на транспорте, ставшими

педагогами. Депутат от Хаилинского округа В. В. Эвьява на сессии Камчатского областного Совета в декабре 1977 г. отметил: «Об уровне образования моих земляков и говорить не приходится. Только в Хаилино из числа местных коренных национальностей трудится 20 чел. с высшим и средним специальным образованием, десятки наших детей учатся в институтах и техникумах и скоро вернутся в родное село грамотными специалистами...»

Хаилино — родина Кирилла Васильевича Килпалина, самобытного корякского художника, собирателя фольклора коренных народов Севера.

По переписи 1979 г. здесь жили 900 чел., в 1994 г. население несколько увеличилось и составило 996 чел.

Хайлюлинское, селение. Располагается на правом берегу реки Халюля, на карте К. Дитмара *Холюла*. По списку населённых пунктов Петропавловского округа, в 1868 г. здесь имелось четыре двора и 43 жителя (18 мужского и 25 женского пола). Название села — *Холюли*.

В 1836 г. здесь насчитывалось 35, а в 1851 г. — 41 чел.

По переписи 1876 г. имелось 18 чел., в том числе восемь мужского и 10 женского пола; 11 строений, среди них два дома и одна юрта, три амбара, три балагана, баня и стая. На всё селение приходилась одна лошадь и 19 собак.

В 1901 г. здесь обитали 20 чел.

На заседании Усть-Камчатского райревкома, состоявшегося 22 февраля 1924 г., указывалось: «В посёлках Хайлюля и Русаке у граждан В. Кримара и П. Простакова имеются домашние соболиные питомники, существующие уже два года, приплода нет».

Лоция побережий РСФСР (1938) указывает: «В двух километрах севернее устья реки на правом берегу западного рукава реки расположено селение Халюля».

В 1943 г. здесь побывал вулканолог Б. И. Пийп, записавший в дневнике: «В устье речки Хайлюля в ряд расположены стандартные домики. Здесь находится засольное производство».

В лоции Берингова моря (1969) отмечено: «Рыбозавод находится на песчаной косе в 1,7 мили к *N* от устья реки Хайлюля. При заводе есть посёлок, в котором имеется почта, магазин, школа и больница. Пресную воду жители посёлка берут из реки, а также из колодцев».

Хайрюзово, острожек, селение. Одно из самых крупных ительменских поселений (по-ительменски *Плахан*). Е. П. Орлова сообщает, что оно расположено у слияния двух рек: Плахан (Быстрой)

и Тулахан (Тихой), образующих реку Хайрюзову, на правом берегу реки Тулухан в 37–40 км от Охотского моря.

Участник Второй Камчатской экспедиции Алексей Горланов записал: «На Хайрюзовской реке мне объявили, что прежде сего на сем месте, где ныне камчадалы живут, жили коряки и построены были не малые острожки, точно те коряки камчадалами в осаде побиты».

Б. П. Полевой, изучив берестяные ясачные книги, писал: «Река Хайрюзова в книге названа Харгузовой. Наличие различных вариантов транскрипции этой реки — Хайрус, Хайрузова, Хорузова... вероятно, что это название произошло от имени жившего здесь коряка Хоруса».

Долгое время Хайрюзово было одним из самых крупных ительменских селений. Сегодня здесь преобладающим населением являются коряки.

Хайрюзово стало одним из первых камчатских острожков, где открылась школа. Вот что 13 июня 1757 г. доносил местный тойон: «Ко обучению же наших детей славенороссийской грамоты определить из обучающихся в Тигильской или Ичинской школах достойного ученика из родников наших, а не русского, которого мы с родниками довольствовать кормом, платьем и обувью, с платежом за него в казну ясака будем».

В 1868 г. в Хайрюзово имелось 19 домов, жили 182 чел. (90 мужского и 92 женского пола). Здесь действовала православная часовня. Расстояние до Петропавловска оценивалось в 661 версту.

В 1876 г. численность жителей составляла 199 чел. (104 мужского и 95 женского пола), все камчадалы. Грамотой владели трое. В селении, кроме часовни, имелись 22 дома, одна лавка. В число 62 хозяйственных построек входили две бани, 34 балагана и 11 амбаров. Жители содержали 33 лошади, 24 коровы и 238 собак. Урожай составил: картофеля — 472 пуда 13 фунтов, репы — 42 пуда 24 фунта. Охотники за сезон добыли 434 зверя, в том числе 235 нерп, 63 оленя, 31 медведя, 94 соболя и одного волка.

В 1901 г. численность населения выросла до 276, а в 1910 г. — уменьшилась до 201 чел.

Событием для сельчан стало открытие здесь в 1902 г. новой школы. Составленная позднее «Летопись Хайрюзовской школы» сообщает, что первым учителем в ней был ительмен-самоучка Александр Максимович Данилов, самостоятельно выучившийся грамоте по церковнославянской азбуке. В «Летописи...» указано, что Данилов заготовлял бересту, на ней писал углём. Летом учитель с детьми

собирал цветы, сушил их, потом выпаривал и получал синюю краску, использовавшуюся вместо чернил.

В 1908 г. в школу, обращённую в церковноприходскую, приехал русский учитель Дмитрий Васильевич Новиков. Он трудился до 1912 г., когда его сменил местный житель Иннокентий Николаевич Косыгин. Но последний показал себя плохо, поэтому с 1913 по 1916 г. учитель снова был приезжим.

В летописи указывается, что этот учитель много внимания уделял естествознанию. В результате школа превратилась в маленький музей, экспонаты для которого собирали местные ребятишки. «Он свои занятия с детьми проводил среди природы: собирал растения, камни, делал чучела птиц, производил раскопки среди давно заброшенных юрт, нашёл орудия каменного века, выкопал человеческий скелет... Учил детей переплетать книги. Школа при нём была обнесена оградой, обсажена деревьями...»

В 1916 г. в Хайрюзово приехал священник. Его жена стала преподавать в школе. Деятельность предыдущего учителя по созданию музея была признана «вредной», и итоги трёхлетней работы были уничтожены в течение нескольких дней.

В 1923 г. составлена следующая характеристика Хайрюзово: «Селение имеет 41 дом, 41 балаган, семь бань, 41 амбар. Численность населения: взрослых мужчин — 85, женщин — 90, детей мужского пола — 20, женского — 35, грамотных — 40 чел. Имеется одна школа, учитель и учащихся 23 чел. Комсомольских ячеек и Союза молодёжи нет. Вероисповедание православное, имеется одна церковь, содержат попа, есть почтово-телеграфное отделение и кооператив, других государственных учреждений нет. Главное занятие — охота, рыболовство и животноводство. Предметы охоты сдаются в кооперативе, имеющемся отделении фирмы “Гудсон Бей”, Свенсону и проезжающим коммерсантам. Торговля происходит на обмен необходимых товаров: продовольствие и мануфактуру. В летнее время привозится спирт японцами. Доверенные отделений фирм: “Гудсон Бей” — Косыгин, Свенсона — Орлов.

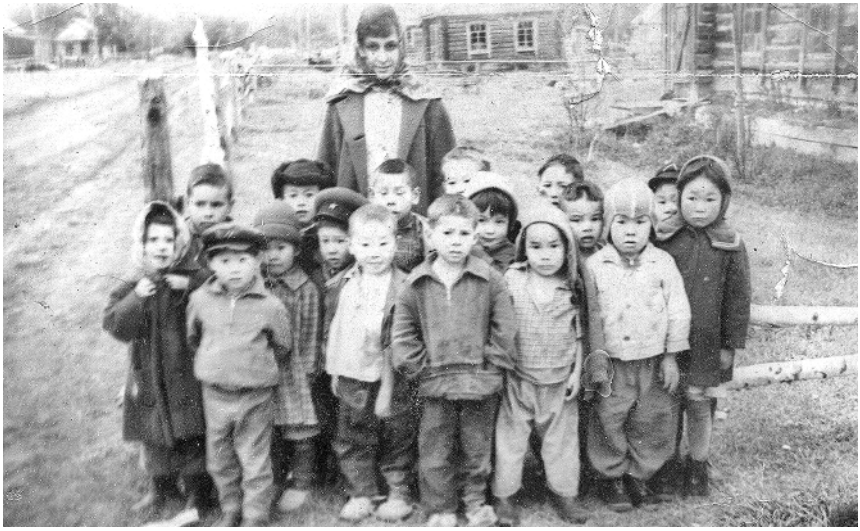
Характер поверхности: тундра, покрытая лесом, чёрный березняк, тополь, ольховник и тальник. Протекает река Туляхен, шириною 50 сажен, глубиною доходит до двух сажен, отличается полноводностью; Быстрая, шириною 40 сажен, глубина до двух сажен, есть озёра и болота. Средняя температура зимы — минус 25, лета — плюс 15 градусов. Глубина снега — полтора аршина, падает часто. Ветры сильные юго-западные и восточные, пурги часты, заносы большие. Состав почвы: глина и суглинок. Питьевой водой пользуются

в зимнее время из рек, в летнее — из колодцев. Расстояние до села Ковран — 35 вёрст, имеются тропы, дорога идёт по гористому болотистому месту. Способы передвижения: в летнее время вьючными, переправа через малые реки возможна бродами, через большие — исключительно на батах. Мостов и паромов нет. Телеграфная линия проходит по крепкому мосту. Селение имеет 10 лошадей, из них девять вьючных, девять конских сёдел, 750 собак, 70 нарт, телег и саней нет. Пять кунгасов, 40 батов, 65 пар лыж; 35 коров. Сведений об ископаемых нет. Охотятся на соболя и медведя. Рыбные промыслы мало развиты. Имеются кочевники, ламутов 90 чел. Имеют 4 000 оленей, 50 собак, пять нарт. Занятие: оленеводство и кустарная работа. Население благонадёжное».

В 1926 г. здесь было 49 хозяйств, преобладающей народностью являлись ительмены. В Хайрюзово жили 247 чел.: 122 мужчины и 125 женщин. Эта же численность населения сохранялась и в 1933 г.

В начале 1930-х гг. создан колхоз имени Сталина. В 1936 г. в нём имелось 56 хозяйств, 160 колхозников, в том числе 90 трудоспособных. По итогам года доход на одного трудоспособного составил 1 552 руб.

15 июля 1960 г. председатель Хайрюзовского сельсовета И. Слободчиков рассказал на страницах «Камчатской правды» о больших переменах, произошедших в селе. По его словам, до революции оно «ничем не отличалось от других сёл того времени, расположенных в нашем районе. Здесь не было ни школы, ни больницы, ни радио, ни клуба. Люди занимались в зимнее время охотой, а летом ловили рыбу для собак и себе на питание... В 1927 г. открылся клуб, а в 1932 г. — медицинский пункт. Это были первые очаги культуры в нашем селе. В 1927 г. был избран сельсовет, а в 1931 г. организована артель. Первым её председателем был Максим Ильич Заев, позднее — знатный охотник, награждённый орденом Ленина за успехи в охотничьем промысле. В настоящее время в селе имеются школа-восьмилетка, больница, прекрасный клуб, библиотека, село полностью радиофицировано, при школе есть интернат, где дети колхозников живут на полном государственном обеспечении. В школе 159 учащихся, которых учат 18 учителей. При больнице работают врач и восемь работников среднего медицинского персонала, оказывая населению квалифицированную помощь. За годы советской власти в колхозе выросли свои кадры животноводов, полеводов, строителей. Многие дети колхозников учатся в высших и средних учебных заведениях страны. Возвращаясь в свой район, они работают в колхозах, больницах, клубах, школах».

Дети села Анавгай, 1960-е гг.

Современный вид села Анавгай

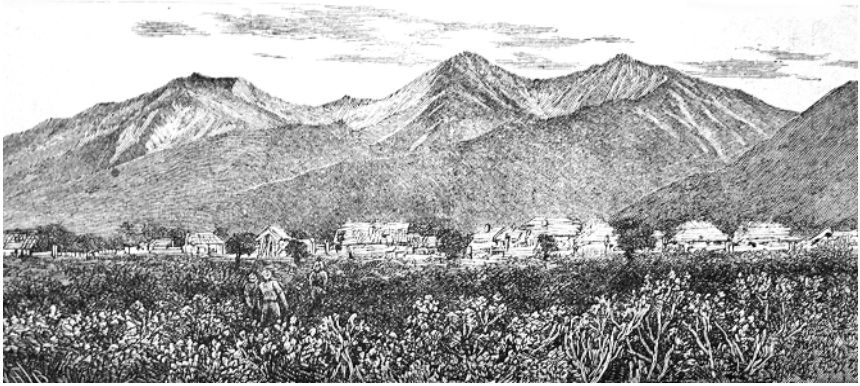
Жилой дом в закрытом селе Быстром, 2008 г.

Детский сад в селе Быстром. Из фондов ККОМ

Типичный камчадальский дом конца XIX в. Сплавлен в Козыревск.
Фото автора

Селение Ганалы, конец XIX в.

Селение Ганалы, 1909 г. Фото П. Крынина

Река Пенжина у села Каменское. Вдали — Пенжинский хребет

Селение Камаки. Фото из альбома А. П. Сильницкого, начало XX в.

В школе селения Кирганик, 1916 г. Фото И. Е. Ларина

Село Манилы. Фрагмент панорамы, 1970 г. Фото Л. Гурского

Халактырка, селение. Находилось вблизи устья одноимённой реки. С. П. Крашенинников указывает, что на север от реки Авачи течёт «...первая речка, называемая *Кылыты*, а от казаков — *Калахтырка*... При ней есть острожек, *Макошху* имянуемой».

Во время эпидемии оспы 1799—1800 гг. население острожка вымерло. Позже на реке стали селиться отставные матросы и солдаты, а также ссыльные.

К. Дитмар во время поездок по Камчатке застал в 1854 г. в устье реки Калахтырки жилую юрту. «Версты на три выше первой юрты на той же реке стоит вторая. Также жилая, а ещё шестью верстами выше последней начинается уже озеро Калахтырка...»

Описывая местных обитателей, он отмечает: «...живут несколько старых отставных матросов, коротающих свою одинокую жизнь в рыбной ловле и охоте. Ещё глубже в этом прекрасном уединении стоит один домик на берегу реки Тойонской... Здесь устроился на жильё сосланный в Камчатку 28 лет тому назад из Гродненской губернии старый поляк Гордеев...»

О хуторе на Халактырке вспоминает Ю. Г. Завойко, жена губернатора Камчатки В. С. Завойко. Это место намеревались использовать для эвакуации жён и детей горожан в случае нападения англо-французской эскадры на Петропавловск.

В 1868 г. Халактырка в официальных документах числилась как «заимка городских обывателей». Здесь по списку населённых мест Петропавловского округа учтено пять хозяйств, 13 мужчин и столько же женщин.

В 1876 г. в селении жили 33 чел. Среди них преобладали отставные казаки с семействами — 19 чел. Кроме них, имелись четверо мещан и трое камчадалов. Грамотных было двое, малограмотных — один. Имелось восемь домов, из хозяйственных построек — четыре амбара, одна баня, пять стай и семь балаганов. Селяне держали три лошади и 28 коров, а также 77 собак. За год местные охотники добыли 20 соболей, четыре лисицы и две выдры.

А. Кириллов, составитель «Географо-статистического словаря Амурской и Приморской областей», изданного в Благовещенске в 1894 г., дал селению такую характеристику: «В 1888 г. в нём было восемь дворов и жителей 18 душ мужского и 20 женского пола; население состоит из отставных нижних чинов и крестьян».

Иеромонах Нестор в начале XX в. записал: «В 16 верстах от Петропавловска находится весьма небольшое селение Халактырка; жители Халактырки занимаются рыболовством и звериным промыслом, чем и прокармливаются».

В период гражданского противостояния (1920—1922 гг.) в Халактырке одно время находился военный совет, руководивший партизанским движением. Местные жители вступили в партизанский отряд. Один из руководителей партизан, И. Е. Ларин, записал в дневнике: «12 июля (1922 г. — *В. Б.*) в четыре часа утра Халактырский отряд числом девять человек обстрелял заставу в здании семинарии (учительской в Петропавловске. — *В. Б.*). Часовой жив. Поставили на Петропавловской (сопке. — *В. Б.*) флаг, с их стороны ответа не было. Со стороны радио тоже были, ничего не видали. Результат перестрелки пока неизвестен...»

С установлением советской власти был организован сельский революционный комитет. В одном из первых отчётов о своей работе с 25 июня по 25 сентября 1925 г. он указывал: «1. Халактырский сельревком находится от волости (Елизовской. — *В. Б.*) в 47 верстах. 2. Сельревком распоряжается одним селом Халактырка, в селе восемь дворов, мужчин 11, женщин 14, взрослых, от 15 лет до 18 лет — 5 чел., детей 17 душ. 3. Сельревком состоит из 3 чел., председатель Василий Александрович Сахаров, 25 лет, малограмотный, беспартийный, избран 17 мая 1925 г.; член Ольга Вл. Стрелкова, малограмотна, беспартийна, 20 лет, избрана 17 марта с. г.; секретарь Иван Ник. Косыгин, 39 лет, грамотный, беспартийный, избран 4 марта».

За 50 лет, прошедших со времени переписи 1876 г., население выросло всего на 13 чел. В 1926 г. были учтены семь хозяйств, 25 мужчин и 26 женщин, всего 51 чел. В хозяйствах имелось восемь сараев, столько же батов и неводов, четыре сети, 17 нарт. Охотники владели 10 гладкоствольными и 12 нарезными ружьями и 41 капканом.

В начале 1930-х гг. в Халактырке создан колхоз, в который вступили почти все жители. О результатах его деятельности «Камчатская правда» 16 февраля 1938 г. сообщала: «Халактырский колхоз (Петропавловский район) закончил составление отчёта за 1937 г. По ведущим отраслям хозяйства план выполнен, а по развитию животноводства перевыполнен. За истекший год колхоз произвёл большие капиталовложения. Неделимый фонд колхоза возрос до 640 175 руб. Трудодень колхоза в этом году оценён в 11 руб. 75 коп., из них 2 руб. 62 коп. продуктами. Хорошо заработали: Косыгин Иван Николаевич, выработавший 392 трудодня и получивший 3 576 руб.; Молокова Мария Николаевна — 220 трудодней и получившая 2 003 руб.; Львова Софья — 206 трудодней и получившая 2 000 руб.».

В этом же номере газета сообщала о достижениях местных охотников: «Семнадцатилетний охотник села Халактырка Николай Косыгин упромышлил восемь лисиц, 16 горностаев и одну росомаху. Свой годовой план он перевыполнил в два с половиной раза. Камчатское отделение Дальзаготпушнины премировало Косыгина 150 руб.».

В 1938 г. лоция Берингова моря извещала моряков о месте нахождения селения: «Река Калахтырка протекает в долине. Длина реки около 4,5 км, и близ устья её расположено небольшое селение».

Постепенно жизнь селян улучшалась, хотя медпункт здесь открылся только в 1950 г. «Камчатская правда» 9 мая 1950 г. в заметке «Медпункт не оборудован» сообщала: «Помещение для него не оборудовано, нет печи. Врачу Михайловскому приходится работать в плохих условиях».

Роковым для Халактырки стало 5 ноября 1952 г., когда после сильнейшего землетрясения на Курилы и восточное побережье Камчатки обрушилось цунами. Морская волна достигла селения и одновременно стала подниматься по реке вверх. Обстановка была близка к панике. Затопило 13 домов. После ухода воды обнаружили, что уничтожено три дома. Были и погибшие: двое взрослых и один ребёнок.

В связи с остававшейся угрозой цунами селение Халактырка в 1958 г. было закрыто. Оно давно исключено из списка населённых пунктов КО.

Харчино, селение. Находилось на реке Еловке, в 25 км от её устья, близ живописного Харчинского озера. Можно утверждать, что селение Харчино существовало ещё до прихода в эти края первых казаков, но под другим названием. Точную дату его образования установить невозможно. Видимо, это произошло ещё в эпоху неолита.

Если спускаться по реке Камчатке с верховьев, то после Красного Яра открывается великолепный вид на Ключевскую группу вулканов, Харчинский и Заречный хребты. Здесь, на северном склоне Харчинского хребта, и располагалось небольшое камчадальское селение Харчино.

Название оно получило в честь Фёдора Харчина, предводителя восстания ительменов в 1731 г. Новокрещённый камчадал Федька Харчин (так в документах) обладал силой и ловкостью. По словам современников, он мог бегом догнать дикого оленя.

Колонизация полуострова протекала болезненно. Христианство у северных народов прививалось не сразу, долгое время после прихода русских харчинцы занимались шаманством. Так, проповед-

нический толмач Василий Мохнаткин в рапорте сообщал, что «...в прошлом 752 году на реке Еловке в Харчинском остроге у тоёна Ивана Брехова с родниками происходило шаманство... Оные иноземцы к прежним своим богам приносят жертвы и мнимое претворяют себе щастие».

В XIX в. жители селения, как и все камчадалы, занимались рыболовством и охотой, завели небольшие огороды.

В 1868 г. от Авачинской губы до Харчино считалось 647 вёрст. В селении стояли восемь домов, жили 25 мужчин и 19 женщин. В 1891 г. здесь имелось восемь детей школьного возраста. Грамоте обучались один мальчик и четыре девочки, а в 1896 г. из семи детей — только два мальчика изучали азбуку. В 1893 г. местные жители носили фамилии Баженовых, Коллеговых, Клочевых, Сновидовых, Привалихиных, Чабаевых.

В 1908 г. участник экспедиции Рябушинского А. Н. Державин отмечал: «Селение сравнительно зажиточное, место уютное, хорошие покосы. По словам старосты, прежде вызревал ячмень и конопля». В начале XX в. здесь стояла небольшая часовня с тремя маленькими колоколами, весившими один пуд, три фунта и один фунт.

Численность населения менялась так: в 1836 г. — 38, в 1851 г. — 50, в 1876 г. — 52 (в том числе один грамотный), в 1901 г. — 47, в 1909 г. — 41 чел.

В 1876 г., согласно переписи, в селе жили восемь гижигинских мещан и один крестьянин, пять местных крестьян и 38 камчадалов. Здесь находились часовня, семь жилых домов, девять балаганов, пять стай, три бани и 13 амбаров.

В 1923 г. Харчино располагалось в 27 км от Ключей, здесь жили 35, в 1930 г. — 42, а в 1936 г. — 60 чел.

В 1928 г. имелось всего восемь хозяйств. Огороды селян занимали площадь 3 553 против 2 731 кв. м в 1925 г.

В 1941 г. местный колхоз «Труженик» посадил 4,3 га картофеля, 1 га капусты, 1,5 га других овощей и 0,5 га зерновых. Его «лучшими людьми» считались Ф. В. Чуркина, Т. Ф. Баженов, М. Д. Десятова, Е. С. Толкачёва, С. Д. Соболев, Л. С. Ушакова, В. Д. Клочева. В 1943 г. «Труженику» вручено переходящее Красное знамя райкома ВКП(б) и Совета депутатов трудящихся Усть-Камчатского района.

Старожил Ключей В. И. Неведомский вспоминал: «Во время войны камчадалы из Харчино говорили: “Мы не позволим немецкому сапогу топтать нашу харчинскую землю!”» На совещании по подготовке к посевной председатель колхоза докладывал: «Цо, паря, у нас один плуг-то готовый, второй начали готовить».

Положение села оставалось крайне неблагоприятным и в 1950-х гг. Так, на сессии Ключевского Совета депутатов трудящихся, состоявшейся 25 марта 1950 г., один из выступавших говорил: «В Харчино люди живут крайне плохо. Они не могут почитать газет, так как их у них нет, нет радио, несколько лет не видели кино. Никакой культурной работы нет. Совершенно отсутствует медицинская помощь». Сессия решила: «Организовать фельдшерский пункт в селе Харчино с обслуживанием за счёт еловского населения».

Харчино исключили из числа населённых пунктов КО в середине 1950-х гг. Людей переселили в Ключи. В конце 1950-х гг. краевед В. И. Воскобойников застал в Харчино двух последних жителей: старого камчадала Тимофея Баженова и его жену. В это время здесь ещё находилась деревянная часовня с характерной старинной сибирской архитектурой. Сегодня в живых осталось меньше десятка уроженцев этого старинного ительменского села.

Хвалёнка. Одно из местечек в отрогах хребта Кумроч имело среди камчадалов добрую славу, считалось красивым. «Хорошо, однако», — хвалили его старые камчадалы. Рядом в распадке лежало озерцо, где нагуливали жир утки. Склоны сопок обильно поросли яркой зеленью и березняком, ягодами и грибами. Отсюда рукой подать до Ажабачьего озера, несколько часов хода до океана, а если перевалить через невысокий хребет, то выйдешь к нерестовому озеру Курсинка. В отличие от ветреных посёлков устьевой части реки Камчатки, здесь преобладает солнечная погода. В прошлые годы путники, преодолев первые 30 км, обычно делали в этом месте привал и чаевали на берегу.

В годы революционной смуты на Камчатку хлынула разная публика: белые и красные солдаты, офицеры-каппелевцы, бывшие каторжане, спекулянты, просто бежавшие от гражданской войны. Много было и иностранцев, особенно азиатских соседей — японцев, китайцев и корейцев. Если японцы после путины уезжали домой, оставляя не более десятка человек для зимовки на рыбозаводах, то для корейцев здесь жизнь оказалась более благоприятной, чем на родине.

Хорошее знание огородничества, навыки в ремесле, охота и рыбалка позволили новым переселенцам прижиться в этих суровых краях. Да и местная власть помогала им, например, установила для корейцев право первоочередной покупки риса, чем вызвала ворчание среди местных хозяек.

В 1928 г. агроном И. Ф. Голованов застал здесь небольшое поселение, состоявшее из 21 двора и 31 жителя. Их основным

занятием было огородничество, площадь огородов превышала 10 тыс. кв. м. В 1933 г. население составляло 21, а в 1936 г. — всего 17 чел. В 1935 г. в Хвалёнке числились 20 хозяйств, все они входили в колхоз. В 1937 г. для корейцев наступили чёрные времена: власти дали им сутки на сборы и выселили отсюда.

Перед началом Второй мировой войны в эти места перевели воинскую часть, принимавшую участие в создании Камчатского оборонительного района. При подготовке Курильского десанта рядовых и сержантов передали в состав 302-го стрелкового полка, высаживавшегося в августе 1945 г. на остров Шумшу. В июне 1948 г. на основе части сформирован пулемётно-артиллерийский полк, которым командовал участник войны полковник Витольд Адольфович Попко, трагически погибший в ноябре 1951 г.

В последующие годы в Хвалёнке находилось сельскохозяйственное отделение рыболовецкого колхоза из Берёзового Яра.

Прошли годы. Теперь ни села, ни воинской части здесь нет. На восточном склоне осталась чудом уцелевшая крыша склада, опёртая на несколько столбов. На западном склоне лет пятнадцать назад ещё сохранялась осыпавшаяся маленькая землянка.

Хомутино, селение. Располагалось на левом берегу реки Хомутиной, впадавшей в Охотское море. Ближайшие населённые пункты: на север — Кихчик, на юг — Утка. Расстояние до Усть-Большерецка — 59 вёрст.

Возникло селение, видимо, в начале XX в. и просуществовало недолго. Перепись 1926 г. учла здесь лишь два хозяйства. Национальность жителей — русские, всего двое мужчин. Но уже в материалах, изданных по итогам переписи, указывалось: «Даже в Петропавловском уезде... наблюдается... исчезновение селений... Совершенно исчезли... Хомутино... в Большерецкой волости».

Хомьчев, селение. Его название удалось встретить только на одном источнике — «Генеральная карта Азиатской России», датированном 1844 г. Селение располагалось в одном из устьев реки Кирганик, ниже по течению реки Камчатки. В то время существовал порядок селить русских крестьян рядом с острожками камчадалов, чтобы те учились выращивать зерновые культуры и возделывать огороды.

Исправник Т. Шмалев в конце XVIII в. отмечал на реке Камчатке четыре крестьянских селения. Кроме Мильково и Ключей, крестьяне жили ещё в устье реки Кирганик и рядом с Машурой, на протоке, вытекающей из озера Плаухчич.

Историк Ф. Г. Сафронов исследовал тему освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. В работе «Тихоокеанские окна» он сообщает о переселении крестьян на Камчатку: «В 1750-х гг. крестьян небольшими группами поселили уже не только по реке Камчатке. Они стали жить при устье реки Кирганик (приток Камчатки)... Крестьяне стали заниматься на новых местах хлебопашеством. Но камчатская земля урожая не давала. Они и их потомки продолжали жить, не принося пользы казне. При понуждении властей ими делались попытки посеять пшеницу, рожь, ячмень, овёс, но труд не всегда вознаграждался: хлеб часто погибал на корню от заморозков. Поэтому в 1812 г. крестьянам предоставили право заниматься хлебопашеством по своей воле».

Данных о русском селении в устье реки Кирганик в разных источниках XIX в. уже не встречается. Видимо, здешние крестьяне переселились в находившееся рядом большое село Мильково.

Хутор, селение. В. П. Кусков считал, что оно «возникло в 1852 г. как ферма Камчатского земледельческого общества». Но по имеющимся у нас данным, в 1852 г. эта компания уже не существовала. Она была основана в 1830 г. по инициативе начальника Камчатки А. В. Голенищева. Учредителями выступили 29 чел., капитал составил 5 700 руб.

По данным И. И. Огрызко, хутор на берегу реки Авачи был основан как участок для сельскохозяйственных опытов в 1830 г. Здесь построили дом и скотный двор, завезли скот и инвентарь, распахали пять десятин земли. Зерновые сеяли с 1830 по 1836 г., но результаты оказались неудовлетворительны: «всё позябло от инеев».

В 1840 г. отставной казак Чарков откупил хутор у Камчатской земледельческой компании и стал успешно выращивать картофель и овощи, занялся животноводством. В 1843 г. у него было 14 голов скота.

В 1868 г. от Хутора до Петропавловска считалось 24 версты. Здесь обитали 31 чел. (17 мужского и 14 женского пола). Перепись 1876 г. учла десять душ мужского и шесть женского пола, из них трое грамотных. По сословной принадлежности, к морскому ведомству относились семеро, к мещанам Петропавловска — девятеро.

Селение составляли три дома и одна юрта, восемь амбаров, четыре балагана, две стаи и баня. Жители содержали одну лошадь, 20 коров и 43 собаки. Они добыли четыре соболя, пять лисиц, поймали 18 100 рыбин.

В. Н. Тюшов в 1890-х гг. отмечал «постройки, которых вместе с вешалами и скотными дворами оказалось 17 штук». Он писал: «Жилых домов только два. В этом селении живут только две семьи... Именно к 1851 г. нужно отнести и самое возникновение посёлка, долженствовавшего быть, по плану В. Завойко, образцовой фермой по скотоводству и земледелию. Семья Ворошилова до сих пор живёт в этом хуторе-ферме, ничем не отличающемся от других камчадальских поселений».

В селе в конце 1920-х гг. жил Герман Васильевич Поротов, отец известного камчатского поэта и писателя Георгия Поротова. Здесь же 3 мая 1929 г. родился и сам камчатский классик.

В 1932 г. в Хуторе организовали первую на Камчатке Петропавловскую машинно-тракторную станцию. В 1938 г. здесь появился плодово-ягодный питомник.

В годы Великой Отечественной войны местные жители оказывали посильную помощь фронту, подписывались на государственный заём, собирали наличные деньги, тёплую одежду для фронтовиков. Готовили и специалистов. В докладной записке заведующего военным отделом КОК ВКП(б) Шевцова, датированной 5 января 1942 г., указывалось: «т. Колегин (фельдшер села Хутор) подготовил всех колхозников села на значок ГСО первой ступени. В настоящее время он подготавливает трёх медицинских сестер запаса из колхозниц, организовал четыре санитарных поста и добился оснащения их имуществом».

После войны селение Хутор вошло в черту города Елизово.

Центральный, посёлок. Экспедиции, снаряжённые АКО на рубеже 1930-х гг., выявили на полуострове три основных лесных массива — Еловский, Козыревский и Среднекамчатский.

Для освоения лесных запасов последнего за короткое время были построены посёлки Лазо, Атласово, Центральный, 13-й, 14-й, 37-й кварталы. Посёлок Центральный появился на месте лесозаготовительного участка в 137 км от Мильково, в 2 км от реки Камчатки и в 16 км от посёлка Щапино. Временем его образования считается 1952 г. Название посёлок получил оттого, что одно время считался центральной базой Лазовского леспромхоза.

К 1955 г. государство построило здесь 200 жилых домов площадью 18 тыс. кв. м, рассчитанных на две и четыре семьи. Индивидуальные застройщики возвели ещё 348 домов. В них провели электричество и радио. В посёлке работали три магазина, столовая, клуб, семилетняя школа, больница.

Лесозаготовители ударно трудились, добиваясь высоких производственных показателей. Достаточно сказать, что в 1955 г. вывоз древесины на одну автомашину составил 7 700 куб. м.

В конце 1950-х гг. начинается строительство ещё одного посёлка лесников на левом берегу реки Камчатки, который затем получил название Атласово. Постепенно центр лесозаготовок перемещался на новое место, а объёмы работ в районе Центрального уменьшались.

В начале 1960-х гг. здесь жили около 1 500 чел., среди них лишь около 50 старожилов, выходцев из Верхнекамчатска, Машуры, Кирганика, Толбачика и Шаром. В 1967 г. посёлок по решению КОИК стал именоваться Таёжным. По данным Всесоюзной переписи населения, в 1979 г. в нём жили 331, а в 2002 г. — только 192 чел.

Летом попасть в Таёжный можно переправившись на барже, зимой действует ледовая переправа.

Чёрный Яр. Географическое понятие *Чёрный Яр* — высокий берег реки Камчатки, сложенный клейкими илистыми отложениями почти чёрного цвета, с очень тонкими прослойками желтоватого песка. Это название местности существовало до появления здесь селения староверов.

Селение Чёрный Яр находилось на левом берегу реки Камчатки в 19 км от её устья. Ещё в конце 1970-х гг. здесь стоял добротный рубленый дом, в котором летом жили рыбаки, ежегодно добывавшие для усть-камчатского рыболовецкого колхоза «Путь Ленина» около 1 000 т лосося.

Профессор В. Ф. Овсянников во время путешествия по реке Камчатке в 1928 г. так описывал селение: «Здесь уже живут выселившиеся с 1912 г. староверы. По внешнему виду можно заключить, что обитатели деревни — народ зажиточный: дома исправны... [есть] бычок симментальской породы, коровы голландского типа, огороды с картофелем. На берегу много рыбацких лодок, снастей. Эта деревня — поставщик судоводителей по реке Камчатке. Дома построены по типу зажиточных сибирских изб. В обстановке — мебель, зеркала, на полу линолеум, швейная ножная машинка, самовар, граммофон. Возле изб и на берегу — группы здоровых, бойких ребятишек».

В первые годы существования Чёрного Яра у обитателей соседних селений бытовало мнение, что новосёлов следует опасаться, о них ходили всякие небылицы. Шведские путешественники, заночевавшие в 1921 г. в одном из домов Чёрного Яра, опасаясь за

свою жизнь, клали под подушки револьверы. Но ночь прошла благополучно, и на следующий день шведы отправились дальше.

В 1926 г. в селении, согласно Приполярной переписи, имелись 20 хозяйств и 97 жителей. В 1927 г. его населяли 47 мужчин, 22 женщины и 52 ребёнка. Селение было чисто русским, здесь обитали семьи Абросимовых, Подрезовых, Селедковых, Матвеевых, Даниловых, Хомяковых. Они содержали 179 ездовых и охотничьих собак, за сезон выловили 27 072 «хвоста» лосося.

Новосёлы быстро освоили правила ведения хозяйства: летом — рыбалка, зимой — охота. Ловили за зиму по 30–35 соболей, но случались годы, когда добывали всего одного-двух зверьков, а то и ни одного.

О доходах, получаемых с рыбалки, писал ещё владелец РКЗ в устье реки Камчатки А. Г. Демби: «Жители села Усть-Камчатска и ближайших селений — Берёзового Яра и Чёрного Яра сдали... 615 000 штук “красной рыбы”, заработав в течение двухнедельного времени на одни рабочие руки в среднем до 2 000 руб. Одна семья из пяти душ (Герасимовы) заработала 12 956 руб. 40 коп.».

Интересна дальнейшая судьба семьи Герасимовых. Заработав на вылове рыбы, она уехала в Канаду. Оставшийся здесь для продажи хозяйства один из её членов не смог воссоединиться с родственниками: в июле 1923 г. на Камчатку прибыл воинский отряд и граница оказалась закрытой. Так что сегодня потомки наших земляков живут в Канаде.

В 1933 г. в Чёрном Яру имелись 19 хозяйств и 122 жителя, в том числе 50 бедняков, 62 середняка и 10 зажиточных. В 1935 г. здесь организовался колхоз «Новая жизнь». Из 15 семей в него вступили восемь, на следующий год колхозниками из 17 хозяйств уже были 12, остальные пять хозяйств числились единоличными. Колхоз просуществовал до 1961 г.

В военный 1943 г. колхозники передали в фонд Главного командования 4 000 пудов рыбы.

Просуществовав всего полвека, 29 марта 1968 г. селение Чёрный Яр было исключено из списка населённых пунктов КО, а его жители переселены в Усть-Камчатск. Сегодня здесь осталось несколько заросших травой ям с остатками битого кирпича и почерневших от времени досок.

Шаромы, село. До середины XX в. в официальных документах и разговорной речи камчадалов селение именовалось *Шеромы* (встречается и написание *Шоромы*). Отсюда до Мильково по тракту в XIX в. считалось 46, до Петропавловска — 266 вёрст.

Шаромы находятся на правом берегу реки Камчатки, расстояние от селения по современной дороге до районного центра, села Мильково, составляет 41 км. В окрестностях села протекают несколько небольших речек — Малая и Большая Клюквенная, Черебокош. Рядом с селом в реку Камчатку на противоположном берегу впадают реки Кенсол и Санопадь (встречается произношение *Шанопадь*).

Речка Санопадь — историческое место. По её долине в 1904 г. прошла дружина мильковских камчадалов, направлявшаяся на защиту западного берега Камчатки от японцев. Поднявшись по ущелью на Срединный хребет, дружинники достигли Перевальной речки, впадающей в Левую Колпакову, далее их путь лежал по охотскому побережью до селения Явино. Здесь им предстояло сражаться с японским десантом. Победа камчатских охотников над врагом была полная.

В 1799—1800 гг. на Камчатке наблюдалась сильная эпидемия «горячки», погибла бо́льшая часть населения долины реки Камчатки. Сёла опустели, «некому было содержать на этом пространстве почтовую гоньбу». Для заселения опустевших Шаром переселили камчадалов с реки Воровской, что на западном побережье. Следовательно, коренные жители Шаром и современного Соболево ранее имели родственные связи.

К. Дитмар так описывал свои впечатления о Шаромах: «Тойоном здесь был… Мерлин, происходивший из проживающей в Машуре отрасли этой фамилии. Здесь царит порядок и здоровье; повидимому, обыватели отличаются даже некоторой зажиточностью. Превосходные сенокосы окрестных мест доставляют более чем достаточно корма для имеющихся здесь 36 голов рогатого скота, а на огородах поспевает достаточно овощей для людей. Точно также богатую добычу дают охота и рыбная ловля. Местность здесь изобилует соболями, река полна лососей…»

Здесь же Дитмар записал устное предание: «В Шаромах… был известен богатырь Божош, и здесь камчадалы прославляли его необыкновенную силу и ловкость. Богатырь этот, охотясь за дикими баранами, догонял на бегу этих быстрых животных и убивал их копьём…»

В 1868 г. селение образовывали семь домов, здесь имелась православная часовня, жил 51 чел. В 1880 г. считалось 45 чел., в том числе 13 взрослых мужчин, плативших ясак. Через десять лет население уменьшилось на семерых. В 1895 г. в селении стояли 11 домов и 15 хозяйственных построек, жили 58 чел. Селяне содержали 34 коровы и семь лошадей, 130 собак. Этот год стал рекорд-

ным для охотников: они добыли 63 медведя, больше, чем в других селениях долины реки Камчатки. Шаромцы поймали 23 965 штук лососей, то есть по 413 рыбин на каждого жителя. В 1897 г. в Шаромах жили 49 чел., в том числе 40 камчадалов и девять русских.

Как и все камчадалы, шаромцы приготовляли в балаганах юколу для себя и собак, солили и заготавливали «кислую» рыбу. Американский путешественник Г. Кеннан так описывает камчатские балаганы: «...строения особой архитектуры... служат кладовыми для запасов рыбы. Это — простые конические постройки из брёвен на четырёх высоких столбах для охранения находящихся в них запасов от собак. Возле каждого дома на горизонтально расположенных жердях висят тысячи сушёных лососей, и характерный рыбный запах, наполняющий атмосферу, свидетельствует о занятии камчадалов и об их пище». Далее он рисует характерную картину: «Несколько лодок лежат опрокинутыми на песчаном берегу, покрытыми большими, искусно сплетёнными неводами. Узкие сани прислонены к каждому дому, и стая больших волкоподобных собак с торчащими ушами, привязанных на некотором расстоянии к длинным тяжёлым шестам, лежит, греясь на солнце, и злобно ловит мух и комаров, которые нарушают их покой».

В. Л. Комаров в 1909 г. описал порядок заготовки рыбы на зиму: «Паёв на девять шаромских хозяйств установлено 14, и та семья, которая по очереди солит рыбу, в этот день получает отборную вне очереди. Обычай этот позволяет весьма быстро справиться с засолкой».

В XIX—XX вв. в Шаромах обитали представители камчатского рода Атласовых. В 1810 г. капитан В. Головнин отмечал, что здесь проживал Яков Атласов, а в 1881 г. родился Иван Атласов. В хранящейся в архиве Мильковского районного отдела ЗАГС церковной книге за 1915 г. есть запись: «17 октября 1915 г. родился Иоанн. Родители — камчадал Шеромского селения Иона Калистратов Атласов и законная жена его Акулина Филаретова, оба православного вероисповедания».

В 1918 г. в Шаромах побывал В. К. Арсеньев, нашедший здесь всего десять домов и 44 жителя, из них лишь двое знали грамоту. Школа и фельдшерский пункт отсутствовали.

В 1923 г. Шаромы состояли из девяти дворов и 52 жителей. В ходе Приполярной переписи 1926 г. в селении учли 13 хозяйств и 89 чел., все камчадалы.

Школа в Шаромах открылась только в 1928 г. Один из первых её учителей, А. М. Копытин, впоследствии так вспоминал о своей

деятельности: «Мы хотели под предлогом неподготовленности школьного здания взять часовню, М. Г. Логинов отдал под школу свой дом. Учащиеся оказались очень смышлёными. Вскоре я разделил их на первый и второй классы. Занимались в одну смену, но по разным программам. Такие ученики, как Нюра Логинова, Даша Машихина, Филарет Атласов, Фёдор Плотников, Иван Зимин и другие, как быстрее усвоившие материал, стали учениками второго класса, и я с ними занимался больше. В стране тогда развернулась культурная революция. Школа наша стала центром борьбы с неграмотностью взрослых. Мои ученики мне очень помогали в ликвидации неграмотности среди своих мам и старших сестёр — мужское население находилось в лесу, на охоте. Всё, что ученики узнавали в школе, они передавали дома родителям. Это я скоро понял, когда, собирая население на занятия по ликвидации неграмотности, с удивлением обнаружил, как быстро усваивают мои учащиеся-взрослые буквы. А потом выяснил, что мои ученики стали мне помощниками. Они дома показывали буквы и рассказывали всё, что слышали от меня...»

12 декабря 1929 г. газета «Полярная звезда» сообщила: «Шаромцы и пущинцы разорили часовню, часть материала использовали на постройку квартиры учителю. Работу закончили. Когда было постановление граждан ломать часовню, её ломали и рубили топорами, и некоторые удивлялись, что ничего в это время не произошло».

В 1938 г. население составляло 65 чел. Камчадальских семей было 11 — Мерлины, Зимины, Машихины, Заочные, Поповы, Атласовы, Докучаевы. Кроме основного занятия — рыбной ловли, важное место в хозяйстве местных жителей занимала охота. Тон промыслу пушных зверей задавали камчадалы: так, Николай Докучаев в 1937 г. сдал пушнины на 1 977 руб., чем превысил норму в 6,5 раз!

Во время Великой Отечественной войны жители села трудились напряжённо, от взрослых не отставали и учащиеся. 9 декабря 1942 г. районная газета «Камчатский колхозник» отметила, что «школьники села Шеромы прислали в райком ВЛКСМ 86 руб. для покупки новогодних подарков воинам Красной Армии».

В 1944/45 учебном году в Шаромской школе в первом классе обучались семеро, во втором — трое, в третьем — семеро и в четвёртом — четверо учеников. Семеро из них не успевали. В 1975 г. распахнула двери новая школа, рассчитанная на 192 учащихся.

Ещё в 1960-х гг. в Шаромах можно было услышать камчадальскую речь. Её, а также характер камчадалов в книге «На меридиане нового дня» показали Л. Иванов и А. Сомах: «Бывало, спросит

случайный путник у шаромца, как пройти до Милькова или Кирганика, а тот набьёт трубочку табаком, угостит и прохожего, усадит его на брёвнышко или на опрокинутую лодку-долблёнку и поведёт неторопливую беседу о том, о сём, о жизни и прочем. И только, выспросив основательно, встанет, поглядит из-под руки на петляющую по лесу дорогу и пояснит, характерно цокая: “А Кирганик-то, паря, за тем лесоцком. Пройдесь три кривуноцка, да два песоцка, тут он и объявится. Блиско, паря, цасов десять хода — и того не будет».

В 1957 г. местный колхоз «Новая деревня» объединился с пущинским «Красным знаменем». Так появился совхоз «Верхнекамчатский». Но не всё вышло так, как было задумано. На комсомольском собрании в 1962 г. представитель Шаром говорил: «Пусть к нам едут настоящие комсомольцы, но не присылайте в Шаромы проходимцев — ведь из 37 чел., начавших с путёвкой обкома ВЛКСМ строительство нового совхоза, остались лишь 17. Остальные сбежали, просеялись сквозь решето трудностей. Причём некоторые “добровольцы”, исчезли, едва получив аванс».

Тем не менее, вклад молодёжи в строительство нового совхоза был оценён как значительный: «Идя навстречу пожеланиям областной комсомольской организации и учитывая активное участие комсомольцев области в строительстве Верхнекамчатского совхоза, бюро обкома КПСС и облисполком постановляет: присвоить Верхнекамчатскому совхозу Мильковского района название “Комсомольский”».

5 января 1964 г. «Камчатская правда» сообщала: «Ещё в 1961 г. это была заброшенная маленькая деревня с одной улицей. Сейчас Шаромы — большое село с благоустроенными домами, общежитием — центральная усадьба одного из лучших совхозов в области. Этот совхоз, носящий гордое и звонкое имя “Комсомольский”, создан руками молодёжи, приехавшей сюда по комсомольским путевкам, её героическим трудом, стойким желанием превратить зелёные просторы тундры в необозримые совхозные поля».

Хозяйство быстро развивалось. Так, в 1970 г. посевные площади составили 1 381, в 1980 г. — 3 969, а в 1983 г. — уже 5 359 га. В 1970 г. собрали 1 696, в 1980 г. — 3 750, а в 1983 г. — 2 961 т картофеля. Урожайность одного гектара в 1970 г. составила 212, в 1980 г. — 150, в 1983 г. — 111 ц.

Больших успехов в труде добивались коллективы, занимавшиеся откормом молодняка крупного рогатого скота с применением бригадного подряда, руководимые И. А. Дементьевой и М. И. Головачом. Для увеличения производства молока в 1968 г. совхоз

«Комсомольский» предпринял попытку сосредоточиться на выращивании телят.

Последние успехи в сельском хозяйстве пришлись на конец 1980-х гг. В 1987 г. валовое производство картофеля составило 9 306 т, или 155,6 % от плана; моркови — 2 834 т (122 %). При плане 16 250 сдано 16 330 ц мяса, вместо 24 200 сдано 24 592 ц молока. Производительность труда выросла на 27 %. Затем начался необратимый кризис, и ныне сельское хозяйство находится в глубоком упадке.

По данным Всесоюзной переписи населения, проходившей в январе 1979 г., село населял 681 чел. В 1994 г. в Шаромах жили 905 чел.

Шиково, селение. Датой его образования считается 1918 г. Шведский путешественник Э. Гультен, называвший его «Сиковая», относил селение «к чисто русским».

В одном из отчётов Камчатскому губревкому, датированном 1923 г., названа причина образования: «От селения Апача отделилось трое жителей, которые образовали новое селение от Апачи в шести верстах к югу на реке Шиково. Селение называется “Шиково”. На этом месте под землёй имеется нефть, которая выступала из дна реки лет шесть тому назад (1917 г.) в виде чистого керосина».

По материалам Приполярной переписи Камчатского округа 1926 г., Шиково относилось к Апачинскому сельсовету, в нём было всего три хозяйства, жили 11 чел. (шестеро мужского и пятеро женского пола). Грамоту знали лишь пятеро. Перепись признала всех жителей камчадалами.

С 1930-х гг. на картах селение более не указывалось.

Шубертово, посёлок рыбокомбината. Находился южнее Усть-Камчатска. Название получил от мыса Шуберта, так наименованного в 1900 г. мореплавателем Ф. Геком.

Расстояние от Шубертово до Петропавловска определялось в 275 морских миль. Ближайшие насёленные пункты: на север — японский РКЗ фирмы «Ничиро», с 1945 г. именовавшийся «Крюгер», на юг — посёлок геологов Кроноки.

До советизации Камчатки здесь находился частный РКЗ фирмы «Торговый дом братьев Люри». В 1933 г. завод перешёл в ведение АКО. Первоначально он входил в состав Усть-Камчатского комбината, но в 1934 г. обрёл самостоятельность. Комбинат имел две рыбообрабатывающие базы, расположенные друг от друга на расстоянии 35 км. Общая протяжённость береговой полосы комбината в Камчатском заливе составляла 96 км.

Комбинат в 1935 г. имел своё подсобное хозяйство: три лошади, 11 голов крупного рогатого скота, 20 свиней. Имелось и 77 ездовых собак. Флот предприятия составляли 10 кунгасов и три катера. Засольное оборудование включало 10 брезентовых чанов общей ёмкостью 1 000 ц.

В 1936 г. начала выходить газета «Коммунист», орган политотдела комбината. План добычи на этот год установлен в 10 000 ц, в том числе 9 600 — лосося и 400 — сельди.

В мае 1939 г. на пароходе «Минск» в комбинат прибыл демобилизованный из Красной Армии П. Т. Передерий. Вначале он работал курибаном (приёмщиком плавсредств), затем — ловцом на ставном неводе, а потом стал трактористом. Спустя много лет, в 1990 г., в Усть-Камчатске ему передали повидавший виды и сменивший многих хозяев списанный трактор, на котором он некогда начал трудиться.

В 1940 г. Шубертовский рыбокомбинат выловил 8 336 ц, выпустил 8 293 ящика консервов, засолил 3 330 ц рыбы. В это время в посёлке имелась небольшая больница на шесть коек.

В начале Великой Отечественной войны на 5-м пленуме КОК ВКП(б) о работе предприятия говорилось: «Шубертовский рыбокомбинат перевыполнил план путины в полтора раза. Трудящиеся внесли до 500 тыс. руб. денег и до 1 500 тыс. руб. облигациями».

Кроме производственной деятельности, много времени на комбинате уделялось политическому воспитанию рабочих и служащих. Так, областная газета «Камчатская правда» 26 мая 1942 г. сообщала: «В Шубертовской парторганизации агитаторами работают член ВКП(б) химик т. Семёнов, инженер-технолог т. Турбаба, директор комбината т. Карев, акушерка т. Водюшкина, главный бухгалтер т. Пасов и другие».

Во время войны руководителям и рабочим приходилось действовать в крайне сложных условиях. Так, в 1944 г. на комбинате имелась всего одна энергоустановка мощностью 10 кВт при потребности в электроэнергии 50 кВт.

Районная газета «Большевистский путь» 13 апреля 1944 г. отмечала: «В честь 1 Мая коллектив Шубертовского рыбокомбината объявил стахановскую декаду. Каждый рабочий взял обязательство — ежедневно выполнять по две нормы. Первые дни стахановской декады показали, что трудящиеся комбината держат своё слово крепко. Так, лесорубы Иванов, Орлов дают по 270 % задания, слесари Соснин и Курдюков — 306 % ...»

В 1944 г. комбинат имел единственный автомобиль ГАЗ-42.

По состоянию на 1 января 1946 г. Шубертово характеризовалось следующими данными: «Посёлок... находится в 50 км от сельсовета. Связь сельсовета с посёлком осуществляется крайне недостаточно. Средствами живой связи служат в навигационный период мелкие промысловые мотоединицы (катера, кавасаки), а в другое время — через обмен пешеходами по труднопроходимой тропе морского берега. На протяжении 17 км этот путь нередко бывает непроходимым, так как здесь скалы близки к морю, и во время прилива, зыби, не говоря уже о морском шторме, на тропе бушуют волны. Таким образом, посёлок Шубертово и сельсовет регулярной связи между собой не имеют. В посёлке расположены РКЗ, неполная средняя школа, больница, детские ясли, почтовое отделение, сберкасса, рыбный кооператив и другое. Рабочих — 750 чел.

В 9 км от посёлка Шубертово находится вновь переданный Шубертовскому комбинату РКЗ № 150, где также в 1946 г. будет строиться рабочий посёлок, рассчитанный на 800 чел. взрослого населения. Посёлок необходим для производственной деятельности рыбоконсервного завода. Вместе с этим, здесь будет разворачиваться и сеть социально-культурных учреждений, призванных обслуживать трудящихся предприятия».

В апреле 1946 г. в Шубертово жили 1 200 чел., из них 711 трудоспособных взрослых и 489 детей. Посевная площадь составляла 13,5 га. Крупного рогатого скота имелось 76 голов. Частный жилфонд включал 92 дома. Социально-культурные учреждения: почта, школа, торговая организация, детсад, больница, заводской комитет, клуб, парикмахерская. Поблизости находились два рыбозавода.

Труд шубертовцев часто освещался в областной печати. Так, 16 июня 1950 г. «Камчатская правда» сообщала: «За один день рыбаки комбината добыли и доставили на обработку около тысячи центнеров высококачественной рыбы. Богатые уловы взяли в этот день бригада ставного невода тов. Егорова, добывшая 350 ц, бригада тов. Бурмака — 270 ц...»

7 июля 1950 г. газета снова поместила материал о работе рыбаков: «Большую трудовую победу одержала ловецкая бригада Шубертовского комбината, возглавляемая т. Бурмаком. Встав на стахановскую Вахту мира, передовые рыбаки 14 июля завершили выполнение годового государственного плана. Сверх задания бригада доставила на обработку 100 ц рыбы».

Молодёжь посёлка занималась его благоустройством. Вот что рассказывала об этом «Камчатская правда» 30 июля 1950 г.: «Комсомольцы и молодёжь... под руководством секретаря комитета комсо-

мола комбината Раисы Молодцевой посадили много деревьев на улицах посёлка консервного завода № 64. Все посадки огорожены».

А вот что о жизни в Шубертово вспоминает М. К. Фомин: «Я имел специальность ветеринарного фельдшера. Мне поручили обслуживание животных подсобного хозяйства и частного сектора. Скота у населения было много. Очень хорошо, по-отечески к нашей семье отнеслись директор комбината Иван Павлович Доний, его заместитель Алексей Мефодьевич Лагоза, секретарь партбюро рыбозавода № 66, начальник планового отдела Григорий Иванович Шилов и заведующий подсобным хозяйством Николай Евменович Сажин. Эти люди мне помогали стать на ноги и, только что отделившемуся от родителей, правильно устроить самостоятельную семейную жизнь. Пока была занята квартира на подсобном хозяйстве, расположенном в полутора километрах от посёлка, нас поселили в квартире секретаря парткома, находившегося в отпуске, а через месяц мы жили уже в своей квартире. Заработная плата у меня была 750 руб., надбавок, разумеется, не было, а коэффициент в то время не действовал... Мешок картофеля стоил 150 руб. Его они мне разрешили выписать со склада. Рыбных продуктов было много, чем мы были довольны. Заключили трудовой договор на три года, и работа пошла. Всё население двух посёлков и ещё рыбозавода № 65 было довольно моей работой... На подсобном хозяйстве дойное стадо состояло из 25 коров, рабочих лошадей было 40 голов, ухаживал за ними замечательный человек, сибиряк, бывший плотогон Иннокентий Иванович Симонец».

Из-за уменьшения подходов лосося к берегам Камчатки в начале 1950-х гг. возникли сложности в обеспечении мощностей комбината сырьём. К тому же неподалеку действовали рыбаки Усть-Камчатского комбината. В итоге было решено закрыть предприятие.

В 1957 г. на Усть-Камчатском комбинате была создана комиссия, в задачу которой входила ликвидация Шубертовского комбината. Часть местных жителей переселилась в Усть-Камчатск, часть уехала в другие места полуострова. Шубертово исключено из списков населённых пунктов КО 14 февраля 1964 г.

Щапино, селение. Вело летоисчисление из глубины веков. Острожек *Шапин* или *Шепен*, где «лучший мужик» Начик, упоминал С. П. Крашенинников. В 1730-х гг. здесь имелось 13 ясачных плательщиков. Селение находилось в 51 версте ниже Машуры, в нескольких верстах вверх по реке Щапино. Отсюда открывался великолепный вид на потухшие вулканы Кинчоклу (Лебедев) и Кунчекла (Комаров).

*Л*етники щапинских жителей находились на реке Камчатке: один выше реки Щапиной, три ниже её устья. Самый верхний *л*етник имел труднопроизносимое по-русски название *Каледвщ*.

В 1896 г. селение состояло из десяти дворов, где жили 54 камчадала. В их хозяйствах имелось шесть лошадей, 15 коров и 100 собак. Охота в этом году оказалась неважной, за сезон добыли всего восемь соболей, пять медведей и столько же лисиц, одного оленя. В огородах собрали лишь шесть фунтов ячменя, восемь фунтов конопли, 225 пудов картофеля, 16 пудов репы и шесть пудов брюквы.

В многочисленных экспедициях, посещавших Камчатку в начале XX в., щапинцы участвовали как проводники. В 1909 г. руководитель ботанического отряда экспедиции Рябушинского В. Л. Комаров застал селение на левом берегу реки Щапиной. Здесь стояли всего семь домов, имелись 33 жителя, 36 голов крупного рогатого скота, 138 собак и пять лошадей...

Он не мог объяснить, что же произошло с селянами несколько лет назад, но ему стало известно, что все сейчас жившие здесь были недавно переселены из близлежащих Мильково, Машуры и Толбачика. Из коренных щапинцев остался только один старик Попов.

Щапино имело телефонную связь с селениями долины, доходившую до Петропавловска.

В. К. Арсеньев, побывавший здесь в 1918 г., записал: «Оспа была в зиму 1916/17 г. Медицинской помощи никому не подавалось. Умерло взрослых восемь, детей 12, третья часть населения».

В 1926 г. жителей стало на девять человек больше по сравнению с 1896 г. В Щапино размещались всего 13 хозяйств, 63 чел. Через два года стало на два хозяйства больше.

В 1933 г. Щапино состояло из 20 хозяйств и 64 жителей, из них 38 мужчин и 26 женщин, в том числе 48 бедняков, 16 середняков; 55 камчадалов, шесть русских и три китайца.

В 1930-х гг. здесь образован колхоз, которому на 1935 г. установили план посадки картофеля 5, капусты — 0,2, прочих овощей — 0,3, зерновых — 8 га.

В 1944/45 учебном году работала двухклассная школа. В первом классе обучались 12, во втором — пятеро детей.

В 1949 г. в Щапино приехали первые переселенцы из Омской области. До этого здесь всё оставалось по-прежнему: рыбалка, охота, огородничество, меньше десятка домов коренных жителей да сохранившаяся часовня без креста. Теперь спокойная и размеренная жизнь древнего камчадальского села закончилась. Застучали

топоры, зазвенели пилы, стала отступать вековая тайга. Новосёлы заложили первую улицу и дали ей название «Омская».

18 мая 1950 г. «Камчатская правда» сообщала: «В Щапинском механизированном лесопункте леспромхоза имени Лазо начался сплав леса. 8 и 9 мая в реку были спущены первые 8 тыс. кубометров леса. Между бригадами сплавщиков развёрнуто социалистическое соревнование. Бригады, которыми руководят мастера Нанако и Безденежных, взяли обязательство выполнять нормы не менее чем на 150–180 %».

По итогам работы в 1954 г. наибольших успехов добились работники леспромхоза — электровальщики Садыков и Кисляк, трактористы Мищенко, Макаров, Мельник, Слюсарь, шофёр Анисенко. Они перевыполняли нормы выработки в полтора, а то и в два раза.

2 июня 1950 г. «Камчатская правда» сообщала: «В этом году в подсобном хозяйстве Щапинского мехлесхоза значительно увеличивается посевная площадь под овощные культуры и картофель. На четырёх гектарах уже посажен картофель, посеян лук. В парниках выращена хорошая рассада капусты. На днях будет производиться высадка её в открытый грунт».

В 1957 г. село образовывали уже 200 строений и 12 улиц. Здесь находились лесничество, магазины рыбкоопа, павильон бытового обслуживания, редакция и типография многотиражки, клуб, школа, больница, сберкасса, пекарня, столовая, почта, аэродром.

К концу 1950-х гг. благосостояние работников местного леспромхоза заметно выросло. В 1957 г. тиражом в 500 экземпляров стала выходить газета «Трибуна лесника». В 12-м номере она сообщила: «Щапинский рыбкооп продал недавно 15 мотоциклов Иж-49 и один М-72. Мотоциклы марки Иж-49 приобрели рабочие Помайбо, Веретенников, Чернов, киномеханик Ломанов, мастер Дурнаев...»

Большим авторитетом в посёлке пользовалась комсомольская организация. В этой же газете была помещена такая заметка: «В ряды ВЛКСМ приняты рабочий Роберт Мелехов, шофёр Пётр Самарин, почтальон посёлка 13-й квартал Виктор Кириллов, Лидия Садыкова».

Щапино явилось центральной базой лесозаготовителей. Рядом возводились новые посёлки-времянки: Лазо, Центральный, 13-й квартал, 14-й квартал, Линейный, 37-й квартал. Намечалось строительство фанерной фабрики.

3 марта 1957 г. образовался Щапинский сельсовет. Во время расцвета в селении жили около 4 000 чел. С 1952 по 1957 г. объёмы лесозаготовок увеличились впятеро. Но за короткий срок сырьевая

база сильно истощилась, упали заработки, люди стали постепенно переезжать в другие места. В январе 1979 г. в селе жили всего пять человек. 13 февраля 1979 г. Щапинский сельсовет был упразднён.

Щёки, селение. Река Камчатка, достигнув Ключевской группы вулканов, круто поворачивает на восток и течёт вдоль хребта Кумроч. Здесь течение значительно усиливается, и дальше река несёт свои воды в Тихий океан, касаясь берегами горных уступов. Это место издавна называют *Щёки*. Протяжённость Щёк около 23 км, оканчиваются они в 4 км от бывшего Нижнекамчатска.

На карте С. П. Крашенинникова в Щёках камчадальских острожков и русских селений не указано. Н. Н. Диков обнаружил здесь пять довольно крупных древних городищ, видимо, существовавших задолго до прихода на Камчатку русских.

Первое упоминание о существовании Щёковского острожка относится к концу XVIII в. Французский путешественник Лессепс указывает, что он располагался в 22 верстах от Нижнекамчатска. Острожек во время зимнего путешествия по Камчатке посетил В. М. Головнин, указавший, что он — один из самых бедных и едва обитаемых. Отсюда до Нижнекамчатска было 18 вёрст.

В исповедальных росписях Нижнекамчатской Успенской церкви за 1812 г. в Щёковском острожке значатся «камчадалы и домашние их» — 15 душ обоего пола, в том числе всего шестеро мужчин. Вновь крещённые ительмены носили фамилии Мешковых, Глотовых, Креницыных, Поповых. Но уже в середине XIX в. К. Дитмар, дважды проезжавший здесь, записал: «На северном берегу находятся остатки Щёковского острога, теперь совершенно оставленного, но в пору процветания Нижнекамчатска он представлял богатое и очень людное место».

Сейчас постоянного населения в Щёках нет, если не считать дежурного связиста. До середины 1980-х гг. здесь находилась рыбалка колхоза «Путь Ленина», куда за кунгасами ходил буксирный катер Усть-Камчатского РКЗ с бортовым номером 242.

Эссо, село. Располагается вдоль устьевой части реки Уксичан при впадении её в реку Быстрая-Козыревка. Уксичан (Хуксычан) по-эвенски значит *Горячая вода*.

До конца XVII в. окрестности рек Быстрой и Колю (названной русскими Козыревкой по имени казака Петра Козыревского, объясачившего местных жителей) были исконным местом обитания ительменов. Здесь издревле находились их поселения. Возраст от-

дельных археологических памятников по современным оценкам превышает 5 000 лет. На правом берегу Уксичан в двух-трёх километрах от её устья расположен ряд археологических стоянок позднего неолита. Здесь во множестве встречаются обсидиановые отщепы и другие следы пребывания древних людей. Ниже по реке Быстрой также встречаются стоянки древнего человека. Известны древние стойбища, расположенные на речной террасе на окраине села, на ручье Раздельном, на речной террасе рядом с Анавгаем, на реке Кававле и в других местах.

Огромная территория верховьев реки Быстрой ещё в начале XX в. не имела оседлого населения. До конца XIX в. в устье Козыревки находилось селение Козыревск. В начале XX в. его из-за частых разливов реки перенесли значительно ниже по течению реки Камчатки на нынешнее место. Отныне козыревцы почти утратили свои угодья на реках Быстрая-Козыревка и Козыревка, хотя имели здесь приоритетное право вылова рыбы.

В верховьях этих рек кочевали со своими табунами ламуты. До 1930-х гг. так в официальных документах и разговорной речи именовались орочи или эвены. Первая группа ламутов, кочевавших по отрогам Срединного хребта, появилась в 1840-х гг.

В январе 1924 г. состоялось собрание делегатов ламутского и корякского обществ восточного и западного побережья Камчатки. Собрание своим постановлением впервые определило территории и границы селений: «Все юрты кочевников разбить на три селения. Первое — от развилки реки Быстрой и до её вершины, название “Анавгай”. Второе селение — от левой вершины реки Быстрой до Ичинской вершины, название “Кеккук”. Третье селение — вершина реки Елкевич, название “Лаучан”».

В 1926—1927 гг. проходила Приполярная перепись населения. На реке Хуксычан учтено два ламутских стойбища Конана Банаканова, включавших три хозяйства. При впадении реки Хуксычан в Быструю находилось стойбище Ивана Инданова из двух хозяйства. Всего в этих двух стойбищах имелось 42 чел.: 24 мужского и 18 женского пола.

Когда же впервые появилось название «Эссо»? Одна из местных легенд гласит: «Приехавший сюда в конце 1920-х гг. из Петропавловска инструктор спросил: “А как называется ваше село?” Эвен улыбнулся: “Однако никак не называется ещё. Видишь — нет ещё села, сплошной эссаг, это лиственница по-нашему”. Инструктору понравилось это звучное слово. Но он записал его неточно: “Эссо”». Эта простая версия не может быть принята, так как мы

знаем, что на карте геолога К. И. Богдановича ещё в конце XIX в. на реке Козыревке обозначено место «Ессо». Горная экспедиция под руководством Богдановича впервые подробно исследовала Срединный хребет на наличие полезных ископаемых. Богданович поднялся на потухший вулкан Анаун, изучил реки Козыревку и Быструю.

Одно из первых упоминаний слова «Эссо» как отдельной территории встречается на географических картах Северной Америки ещё в XVI в. Возможно, так называлась «искомая земля, желательная земля, земля обетованная».

А когда возникло село Эссо? Датой основания населённого пункта обычно считается его первое упоминание в официальных источниках. Начало XX в. характеризовалось быстрым развитием техники и внедрением новых технологий. Появился радиотелеграф, совершенствовались фотография, киносъёмка, авиация, автотехника. Но у кочевников Камчатки жизнь текла так же, как и два-три века назад. Их основным продуктом питания и транспортным средством оставался олень. Из достижений цивилизации у охотников были лишь винчестеры, капканы да чайники с котлами в юртах. Тем не менее, аборигены понимали, что детей необходимо обучать грамоте, чтобы не отстать от быстро меняющейся жизни. Кочевники предприняли немалые усилия, чтобы открыть для своих детей школу.

Первой школой стала большая палатка, затем в 1926 г. построили одноэтажное деревянное здание, просуществовавшее сравнительно недолго. Потом на самом берегу реки Уксичан возвели двухэтажное здание. Оно и сегодня служит людям: вначале здесь помещался райисполком, сейчас — районная администрация. Эта школа и положила начало строительству современного Эссо.

Долгое время при ней действовал интернат, куда на время учёбы приезжали дети из отдалённых населённых пунктов и табунов. Здесь они получали полное государственное обеспечение: жилище, питание, одежду. В интернате выросло несколько поколений, его воспитанники всегда жили дружно и весело, как одна большая семья, часто помогая друг другу и выручая в сложных случаях. Важное участие в жизни школы принимали органы местной власти — райисполком и райкомы КПСС и ВЛКСМ.

Рядом со школой последовательно построили избу-читальню, жилые дома для вновь приезжающих специалистов. Появились органы местной власти, открылся лечебный пункт. С 1920-х гг. началось обустройство конной тропы до Козыревска, затем построе-

на база Крапивная для снабжения товарами и продуктами всего Быстринского района.

На наш взгляд, можно объединить два названных выше важных события из истории района — строительство первой школы и появление села Эссо. Поэтому датой основания села следует считать 1926 г. А официальное его наименование состоялось в 1932 г., когда 20 октября президиум КОИК принял постановление «О присвоении центру Быстринского национального района названия "Эссо"».

Старожил села П. Кузнецов в статье «Эссо сегодня», опубликованной в районной газете 7 ноября 1958 г., сообщил об истории села следующее: «В 1933 г. было начато возведение двухэтажного здания школы... Школа площадью 528 кв. м, на строительстве которой было занято шесть плотников, была готова к 1 сентября 1934 г., то есть спустя десять месяцев после того, как был заложен первый венец. Постепенно, незаметно, входили в повседневную жизнь райцентра радио, кино. Клуб довольно продолжительное время заменяло школьное здание. Здесь демонстрировались кинокартины. Районный Дом культуры был построен в 1941 г.».

Сообщённые сведения об этом времени подтверждает и дополняет официальная архивная справка райисполкома, датированная 10 августа 1967 г.: «В 1932—1935 гг. началась застройка райцентра и также в сёлах. В числе первых зданий появились больница, школа, Дом культуры, районная библиотека и многое другое. Установлена регулярная связь с другими населёнными пунктами района и областным центром. Появились электростанция, баня, создана сеть торговых предприятий, предприятий общественного питания... В 1934—1935 гг. имели избу-читальню... В 1941 г. в ноябре выстроили районный клуб при селе Эссо. Имеются стационарные киноустановки, где регулярно демонстрируется кино. Имеем районную библиотеку, где имеются до 18 тыс. книг различной литературы».

8 марта 1941 г. до Эссо была проложена авиатрасса. Печать тех лет сообщала: «Всё население, включая детей, встречало стальную птицу». Первый самолёт сел на сенокосное поле Быстринского рыбкоооопа. В эти дни на Быстринской земле шла традиционная ярмарка, куда съехались жители из соседних селений и стойбищ.

Первым бортом в Эссо доставили кинооператора. До этого расстояние до областного центра Петропавловска каюры преодолевали по долине реки Камчатки, через Ганальскую тундру и Начики. На это уходило до двух недель. Самолёт добрался от города до райцентра за три часа.

В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. быстринцы внесли большой вклад в общее дело Победы. Официальный документ тех лет гласит: «...мы добились неплохих результатов в помощи фронту. За 1941 г. (вторая половина) собрано и отправлено на склады Усть-Камчатска 1 388 тёплых вещей, собрано наличными в фонд обороны 152 тыс. руб., из них на общий счёт — 71 тыс. руб., на танковую колонну — 38,6 тыс. руб., на самолёты — 14,3 тыс. руб., на подарки бойцам — 27,5 и по подписке на денежно-вещевую лотерею — до 50 тыс. руб. В ходе этой работы выявлен ряд истинных патриотов, преданных Родине до последнего вдоха. Эвен Гилканов Иннокентий Игнатьевич сдал 14,2 тыс. руб. наличными, 18 тёплых вещей, а в 1942 г. Гилканов И. И. внёс на строительство танковой колонны 30 тыс. руб. Эвен Инданов Е. К. сдал 7 тыс. руб. наличными и тёплыми вещами...»

В 1942 г. в Быстринском районе были организованы оленеводческие товарищества имени Сталина, имени Молотова, имени Ленина и «Пионер». Они имели 1 187, 6 159, 1 202 и 324 оленя соответственно. В 1943 г. все эти товарищества перешли на устав сельскохозяйственной артели, то есть стали колхозами.

Численность населения Эссо в конце 1930-х — начале 1940-х гг. менялась так: в 1937 г. — 108, в 1938 г. — 113, в 1939 г. — 132, в 1940 г. — 224 и 1942 г. — 293 чел.

Геолог В. А. Ярмолюк сообщал в 1954 г.: «В селе около шестидесяти одноэтажных домишек. Имеется двухэтажная школа-десятилетка. Есть полный набор районных организаций: райком партии, райисполком и т. д. Возле каждого дома — огород. В огородах — картофель, капуста, свёкла, лук, чеснок, ягодные кустарники и даже подсолнухи. За огородами расстилаются травянистые луга... В Эссо живут в основном русские. В остальных посёлках — ительмены, ламуты, коряки. Кроме них, немало камчадалов, которые произошли в результате браков аборигенов с русскими. Дорога в районе только одна — колёсная от Эссо до Анавгая. С остальными посёлками райцентр связан зимой собачье-нартовым, а летом — конно-вьючным транспортом».

17 ноября 1960 г. газета «За колхозную жизнь» отразила перемены, произошедшие в селе за несколько лет: «Теперь в Эссо более ста жилых домов и культурно-бытовых зданий, в том числе и Дом культуры, районная библиотека, насчитывающая до 12 тыс. книг, детские ясли и детский сад, столовая, баня, электростанция. Эссо связано авиалинией с Петропавловском. С августа нынешнего года между Эссо и Анавгаем осуществлена телефонная связь».

О некоторых особенностях жизни села в 1950—1960-х гг. рассказывают отдельные документы. Вот, например, распоряжение Быстринского райисполкома от 25 апреля 1955 г., адресованное председателю местного рыбкоопа Еременко: «В целях обеспечения населения продовольственными и промышленными товарами в предпраздничные дни, разрешаем, как исключение, продать населению сортовой муки в количестве 12 центнеров, из них: в селе Анавгай — три центнера, в селе Эссо — семь центнеров, на база Крапивной — два центнера... Заместитель председателя Быстринского райисполкома *Батаев*».

Распоряжение райисполкома от 5 сентября 1966 г.: «Обязать комбинат коммунальных предприятий (начальник т. Клеймёнов Г. Н.) оборудовать пожарный сарай в райцентре селе Эссо. Расходы, связанные с оборудованием, отнести за счёт средств благоустройства. Заместитель председателя райисполкома *Н. Алешкевич*».

Распоряжение райисполкома от 13 октября 1966 г.: «С наличием санитарной машины разрешить районной больнице передать по балансовой стоимости рабочую лошадь по кличке Прибой, рождения 1952 г., районному отделу культуры для работы в Анавгайской Красной яранге. Председатель Быстринского райисполкома *С. Костромин*».

Самыми значимыми сложностями в жизни райцентра оставались транспортное сообщение с сёлами района и завоз необходимых товаров и народнохозяйственных грузов. Постепенно сложилась такая схема снабжения: груз доставлялся из Усть-Камчатска по реке Камчатке на баржах. Те разгружались, товары помещались в склады, откуда их на собачьих упряжках зимой и лошадях летом развозили по тропе. Положение переменилось только с вводом в эксплуатацию дороги Крапивная — Эссо.

Важным событием в истории села стала организация совхоза «Быстринский». Хозяйство создано на основании постановления Совета Министров РСФСР № 273 от 22 марта 1966 г. Бывший директор совхоза В. И. Старостин вспоминал: «Первый секретарь Быстринского райкома партии А. А. Евстифеев попросил меня возглавить совхоз “Быстринский”. На то время в совхозе было шесть звеньев, более восьми тысяч оленей. До меня председателем был Птушинский. Совхоз находился в полуразваленном состоянии, работа была поставлена очень слабо. Пришлось сразу браться за самые болевые точки, действовать по всем направлениям, постепенно улучшать работу в птицеводстве, оленеводстве, коневодстве и животноводстве. Хотели мы значительно усилить заготовку мяса.

Одним из направлений было коневодство. Привезли сто голов лошадей якутской породы, часть передали в табуны для оленеводов. При мне звеньевым был Кирьяк Петрович Адуканов, очень грамотный специалист, проработал в совхозе более сорока лет... В семье Адукановых дед, отец — все работали в оленеводстве, мать была чумработницей. В оленеводстве в любую погоду одна и та же работа, каждый день, одни и те же маршруты кочёвок. Меняются только времена года. Надо очень много сил, чтобы выдержать такую жизнь. Оленеводство от руководства совхоза требует особого внимания: людей надо одеть, накормить, обеспечить связь, чтобы они были здоровы. Всегда существует угроза стаду — нападения медведей, волков, отколы. Всё стадо перевели в новый скотник. Всего крупного рогатого скота было 190 голов. А в 1991 г., когда я уходил из совхоза, то было уже 670 голов и 220 лошадей.

Постепенно росло число работающих. Специалисты предлагали увеличить штатное расписание в конторе. Но я выступил против, сказал, что надо увеличивать рабочие профессии, а не конторских работников.

Большое внимание мы уделяли бытовым условиям работников совхоза. В 1984 г. в селе построили новую улицу. До сих пор в тех домах люди живут и не хотят никуда уезжать.

Большую роль в улучшении состояния животноводства сыграли рыбаки колхоза имени Ленина — Виктор Данилович Петренко. Мы тогда ввели телятник на 500 голов с кормокухней. Сразу добились хороших результатов, рыбу варили, у нас весной были большие удои и привесы. И оленей мы стали подкармливать рыбной кормовой мукой».

В 1990 г. в совхозе трудились 164 чел. В этом году валовой сбор картофеля составил 1 400 центнеров, оленеводство принесло 1 335 центнеров мяса в живом весе.

В 1982 г. в селе по почину местных жителей при поддержке районных властей был построен районный этнографический музей. В мае 1985 г. на левом берегу реки Уксичан открыт обелиск Победы, его автор В. А. Данилюк.

В 1995 г. в границах Быстринского района образован природный парк «Быстринский».

В 1996 г. на реке Быстрой пущена ГЭС-4, позволившая в целом обеспечить потребности района в электроэнергии.

Ныне визитной карточкой района являются национальные ансамбли. В Эссо создан и успешно выступает «Нулгур», ему недавно исполнилось 50 лет.

Сегодня село Эссо имеет большие возможности для развития сельского хозяйства, туризма и зимних видов спорта.

Явино, селение. На языке коренного народа называлось *Шохожахойты*, обозначено уже на карте И. Козыревского 1726 г. Расположено у реки Явиной, самое южное на Камчатке в XIX в. В 1868 г. здесь стояли 10 домов, жили 28 мужчин и 33 женщины. Расстояние до Петропавловска — 386 км.

После передачи в 1875 г. Курильских островов Японии айнский народ оказался разделённым. Большая часть айнов осталась в родных местах, а обитатели северных островов не захотели жить под японской властью и решили переселиться на Камчатку. 18 сентября 1877 г. клипер «Абрек» доставил их в Петропавловск, в 1881 г. часть людей переселилась в Явино.

Агроном Кегель так описывает селение: «...имеет в семи домах 15 холостых и 26 женатых жителей, которые в семи стойлах держат 58 штук крупного рогатого скота и одну лошадь, имеют 11 сушилен. Это — лучшее место в округе, находится на возвышенности над озером в местности, покрытой кедрачом, ольхой, ивняком, шиповником, лугами, омывается ключевыми ручьями. Высокие горы находятся в 15 верстах к востоку, к юго-востоку только в шести верстах находится высокий вулканический хребет, внутренняя лавовая часть которого покрыта кедрачом, а другие части — красивейшими лугами. Животноводство, пожалуй, является сильнейшим на этой земле, несмотря на отток населения. На дюнах тойон имеет зимние стойла для скота, там выпадает меньше снега.

В большом количестве там есть ивняки и луга. Но здесь живут только восемь работоспособных мужчин, есть только три мальчика, за сельским хозяйством тут довольно плохой надзор. Насколько красиво и выгодно положение деревни, настолько мало нужно здесь населению. Без помощи других деревень они не могут толком использовать свои байдары. Раньше, когда было 20 человек, это было зажиточное место и снабжалось в изобилии. Но некоторых людей в несколько этапов чиновники и духовенство зимой на больших нартах переправили в отдалённые Начику и Ганалу, отчего здесь осталось мало народу. Детей сейчас мало, но есть много больных, так что скоро эта деревня исчезнет, как и много других».

В 1836 г. здесь жили 28, в 1851 г. — 41 чел.

Приказом начальника Камчатки в 1841 г. для содержания каюрной гоньбы в Начики перевели жителей Явино Василия Дехтерева,

Петра и Василия Лукашевского. В 1843 г. апачинский старшина доносил: «с Явино камчадалы Пётр и Фёдор с сыном Николаем Лукашевские переведены в Ганалы... на постоянное место жительство».

Кегель так характеризует явинский говор: «У явинцев язык очень похож с курильским, но этот язык скоро вымрет. Много ягод и деревьев имеют другие названия, чем в остальной Камчатке. Дед нынешнего тойона за свои заслуги получил личное дворянство. Пергамент об этом хранится в семье, как ценная реликвия. Они всегда занимались разведением скота, и у них всегда было до 60 штук, отличные стойла на дюнах до сих пор существуют и используются. Они являются зажиточными, не тратя много времени на охоту, и тем дают остальным хороший пример».

Перепись 1876 г. учла в селении двоих служителей морского ведомства, одного служащего бывшей Российско-Американской компании, пять петропавловских крестьян, 40 камчадалов, всего 48 чел., из них 22 мужского и 26 женского пола. Здесь было восемь домов, две юрты, девять балаганов, две бани, 11 стай. Хозяева держали шесть лошадей, 53 головы рогатого скота, 97 собак. Охотники добыли 36 медведей, двух соболей, одну лисицу, пять нерп и одного оленя.

В. И. Иохельсон указывает, что «тип жителей южных селений — Явино и Голыгино — ничем не отличается от типа жителей других камчадальских селений, хотя можно было бы ожидать влияния курильцев...»

В 1896 г. в Явино было 10 жилых домов. Их населяли 21 мужчина и 13 женщин. Они держали четырёх лошадей, 39 коров, 99 собак; добыли 80 медведей, одну лисицу, 10 выдр, одного волка, 18 горных баранов, 10 диких оленей, 25 нерп; поймали 80 990 рыбин, посадили 38 пудов картофеля, собрали 106.

Через 30 лет население несколько сократилось. Приполярная перепись 1926 г. учла 13 хозяйств, 13 домов, одну юрту, 19 мужчин (все грамотные), 13 женщин (две грамотных). Огороды занимали 1 085 кв. м, картофеля собрано 70, сена — 1 120 пудов. Жители располагали двумя кунгасами, семью шлюпками, одним батом, 19 нартами, 11 гладкоствольными и девятью нарезными ружьями, 51 капканом.

А. П. Сильницкий, посетивший селение в начале XX в., сообщал: «Явино расположено верстах в четырёх от моря на берегу крайне мелководного пресного озера вёрст пять длины и версты две с половиной ширины. Селение это находится вне камчатских

трактов, и оно поэтому редко посещается чинами окружной администрации. В Явино числится 16 дворов, около сотни голов рогатого скота, до трёхсот собак, есть два десятка лошадей. Посреди села часовня, переделанная из простой камчатской юрты, крыша покрыта травой. Жители... живут зажиточно». Помимо рыбных промыслов, здесь была хорошая охота на пушных зверей, в их числе первое место по добыче занимали лисицы-огнёвки, а по качеству — соболи.

В 1901 г. Явино населяли 51 чел.

В 1904 г. во время русско-японской войны село короткое время занимал японский десант. Жители, спасаясь от врагов, совершили сложный переход в Голыгино.

Участник экспедиции Рябушинского П. Ю. Шмитд в 1908—1909 гг. отмечал: «Селение Явино лежит у самой воды одноимённого озера. В нём восемь домов, выстроенных из наносника, жалких, маленьких; по берегу — ряд островерхих балаганов. Все хозяева ушли на сезонную работу, запасают в окружающем кедровнике дрова. Батов в Явино мало, зато имеются четыре маленьких морских шлюпки — “дорки”, приобретённые от американцев, ловящих каждой весной на банках против селения треску».

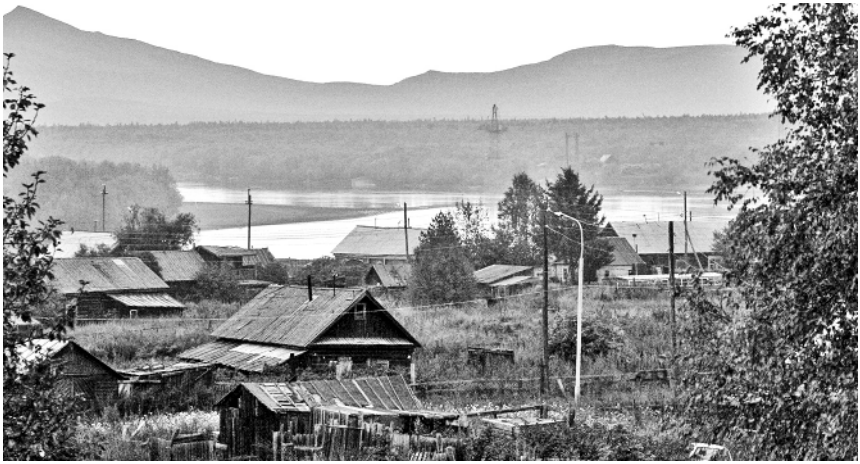
В январе 1925 г. местная часовня перешла в распоряжение председателя Большерцкого волревкома С. Соловьёва. Уже в феврале волостной ревком решил её продать, а деньги использовать на нужды волревкома.

Катер «Камчатка» прибыл с грузом в селение Ключи.
Открытие навигации, начало 1920-х гг.

Город Ключи, конец 1980-х гг.

Козыревск. Вид на реку Камчатку, 2000-е гг. Фото автора

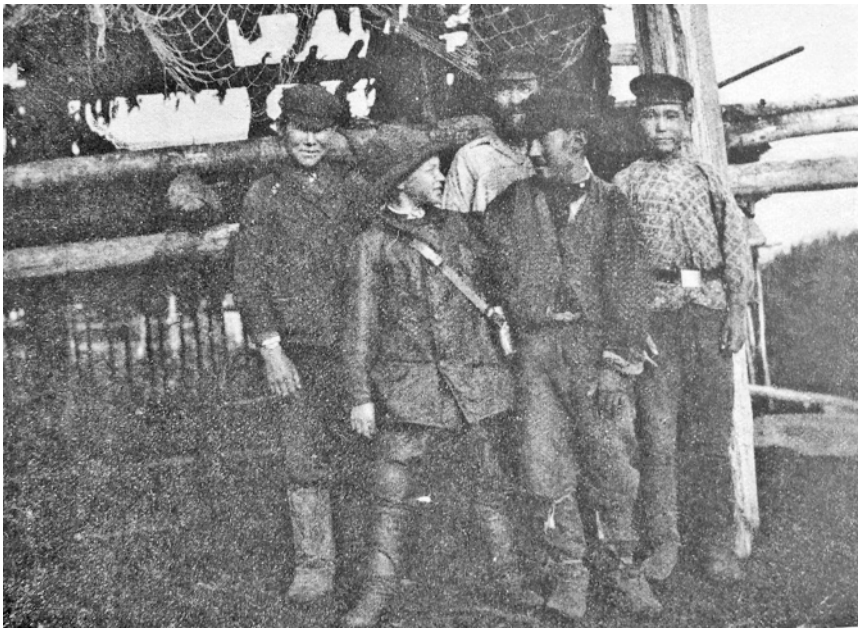
Козыревск. Дом по ул. Советской. Фото автора

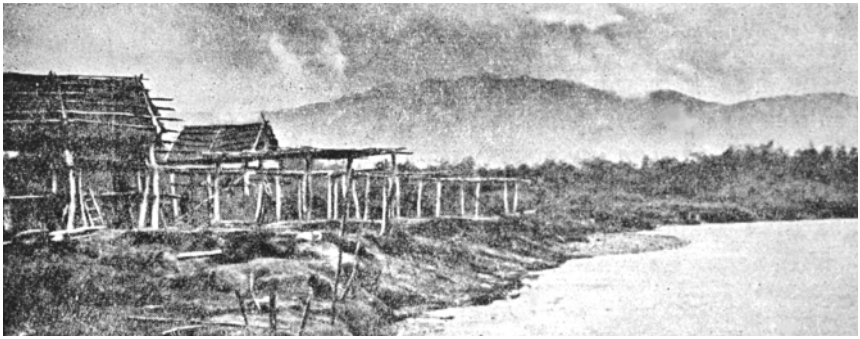
Селение Красный Яр

Житель селения Кресты Лука Рыков с семьёй, 1920-е гг.
Фото С. Бергмана

Гага Крамаренко с жителями Крестов, 1910 г. Из книги «В Камчатку»

Юкольники и собачий лагерь у селения Малка.
Из книги «По Камчатке», 1936 г.

Село Хайрюзово. Конец XIX в. Фото из книги Н. В. Слюнина «Охотско-Камчатский край»

Село Шаромы, начало 2000-х гг. Фото автора

Ключи

Когда возникло русское село Ключевское? Именно так до 1930-х гг. оно именовалось в официальных документах. Место, где находится посёлок Ключи, всегда притягивало к себе людей. Здесь, у подножия величественной Ключевской сопки, в окрестностях местных вулканов Заречного и Харчинского — богатая охота на утку, медведя и соболя. В прошлые годы охотники у подножия вулкана Шивелуч добывали горного барана и оленя. Но главное богатство этих мест — рыба. Окрестности Ключей полны естественными нерестилищами, даже возле современного селения сохранилось множество естественных источников, где ещё полвека назад нерестился лосось.

Летом температура здесь достигает плюс 32–34, а зимой — минус 49 градусов! Среднесуточная температура переходит через ноль в 20-х числах апреля. Снежный покров полностью сходит в первой декаде мая. Климат благоприятный, леса богаты ягодой и грибами, жители собирают много черемши и шиповника.

Через Ключи проходит еловское стадо нерки, с верховьев реки Камчатки идут кета и кижуч. Нерест лососёвых начинается в июне и на многочисленных ключах продолжается даже в декабре. Ещё в 1960-х гг. к Новому году местные хозяйки готовили рыбные котлеты и пельмени из свежемороженого кижуча.

На значительном расстоянии в реке Камчатке и соединяющейся с ней системе проток и озёр вдоль правого берега реки бьют прозрачные, холодные ключи. Именно из-за их обилия первые русские строения в этих местах получили название «На ключах».

Зимовья и остроги здесь появились в самом начале XVIII в. Ещё раньше, во время похода пятидесятника В. В. Атласова, его сподвижник Л. Морозко в устье реки Еловки, в центре пересечения путей с западного и восточного побережья в долину реки Камчатки, основал первое зимовье. Датой постройки первых строений острога принято считать 1703 г.

Зимовье-острог, получивший название Нижнекамчатск, неоднократно переносился с места на место в районе проток реки Камчатки — Домашней, Уачхачь, по-русски Ключевки. Все строения стояли на более высоком — правом берегу реки Камчатки. На территории современного посёлка первые строения появились в 1717 г., когда

И. Козыревский основал здесь Успенскую пустынь. Её восставшие камчадалы сожгли в 1731 г.

В 1728 г. участник Второй Камчатской экспедиции мичман П. Чаплин записал: «Господин капитан и при нём я ездили на Ключи, где имеется церковь и жилых домов с пятнадцать».

В 1741 г. на месте бывшей пустыни Якутско-Спасского монастыря была основана заимка пашенных крестьян, переселённых сюда из Илимского края. Первыми жителями нового поселения стали 10 семей.

В 1752 г. в нескольких верстах выше крестьянской заимки на реке Ключевке в камчадальском острожке по плану архимандрита Иосафа Хотунцевского была построена и освящена Троицкая церковь, сгоревшая в 1780 г. В 1784 г. на многолюдной заимке пашенных крестьян построили другую церковь, «и сама заимка переименовалась в Ключевское село».

П. А. Словцов в труде «Историческое обозрение Сибири» указывает численность местных обитателей мужского пола в 1765 г.: «Ключевская из 10 взрослых, пять стариков и 15 малолетних».

Одно из первых описаний нового поселения и его жителей даёт посланник французского мореплавателя Лаперуза Ж. Лессепс, посетивший Ключи в зиму 1787—1788 г.: «Сей острог довольно велик, а тем более кажется, что разделён на две части, отстоящие одна от другой около ста шагов. Большая часть жителей имеет избы, строением и чистотою лучше, нежели все те, кои видел я до сего времени, и сверх того есть у них довольно великие закромы. Балаганов очень мало и совсем не такие, как у камчадалов. Камчатка течёт мимо сего острога и никогда в сем месте не замерзает: она часто наводняется и из берегов выходит летом, заливает домы, несмотря на то, что они стоят на высоком месте. Жители оной все сибиряки, переселённые из около лежащих мест при Лене и посланные в сии страны для обрабатывания земель за пятьдесят лет назад. Число мужеского полу, как совершенного возраста, так и младенцев, не более пятидесяти. Сии хлебопашцы не менее щастливы были, как и живущие около Верхнекамчатска: жатва их, состоящая изо ржи и ячменю, нынешний год сверх ожидания была прекрасная».

В начале XIX в. численность населения значительно возросла. «К 20-м гг. XIX в. на всём Камчатском полуострове было 407 государственных крестьян обоего пола, причём добрая их половина жила в двух деревнях, население которых занималось земледелием, — Ключевской и Милькове. В первой, например, в 1810 г. мужчин было более 70», — сообщает историк Ф. Сафронов.

В 1868 г. от Авачинской губы до Ключевского селения считалось 622 версты, здесь жили 163 мужчины и 184 женщины. В отчёте исправника указано, что в селе имеется православная церковь и одна лавка.

По описанию Н. В. Слюнина, в конце XIX в. селение «расположено на берегу реки Камчатки у подошвы высочайшего вулкана полуострова Ключевского... Выглядит опрятно и зажиточно, правильно расположено вдоль берега, где тянется ряд рыбных балаганов. Здесь впервые вы находите все принадлежности русского домоводства: огороды, дворы, погреба, амбары, сараи, двухколесные телеги и орудия хлебопашества. Есть даже садик, искусственно посаженный одним крестьянином. Большая церковь чисто содержится и богата старинной утварью и иконами».

А. Кириллов, автор «Географо-статистического словаря Амурской и Приморской областей», изданного в 1894 г. в Благовещенске, отмечал: «Ключевское село на Камчатке — одно из лучших. Расположено на открытой равнине, на правом берегу реки Камчатки, у самого подножия Ключевской сопки. Основано оно в 1733 г. крестьянами с реки Лены, переселёнными на Камчатку в интересах развития земледельческой культуры. В 1888 г. в нём числилось: церковь во имя Живоначальной Троицы, построенная в 1862 г., школа, домов 49 и жителей 177 мужского и 162 женского пола».

Участник экспедиции Рябушинского В. Бианки в «Отчёте о командировке в Камчатку в 1908 г.» указывал: «Ключи, большое селение (более 65 домов), населённое “крестьянами”, то есть русскими, — главнейший населённый пункт Камчатки после Петропавловска. Оно лежит уже на 447 футах абсолютной высоты».

«Материалы по обследованию реки Камчатки» сообщают нам: «Селение Ключи... имеет 268 различных строений, 91 отдельное хозяйство. Число жителей к 1 октября 1925 г. определялось в 351 душу мужского пола и 229 женского, включая сюда детей. Селение Ключи до весны 1925 г. было административным центром Ключевской волости... Имеется хорошо оборудованная литейная мастерская, принадлежавшая раньше фирме “Чурин и Ко”, теперь находится в ведении местхоза. Мастерская может дать полный ремонт любому катеру, механическим двигателям. Тут же проживает хороший механик-токарь гражданин Ширинкин, могущий взять на себя сборку, разборку машин, выточку различных частей, установку моторов и т. д. В прежние времена мастерская имела полный штат сотрудников и производила все работы по ремонту плавучих средств реки Камчатки.

В селе Ключи имеются фактории с магазинами, складами, принадлежащими в настоящее время Дальгосторгу. На так называемом "Казачьем посту" имеется засольный участок Ключевской кооперативной артели. Рыба обрабатывается на балык, в солёном виде всё сдаётся в Охотско-Камчатское акционерное рыбопромышленное общество».

В Государственном архиве Камчатского края (Ф. П-2. Оп. 2. Д. 1778. Л. 263) нами обнаружена характеристика селения, датированная 1929 г. Этот год стал последним, когда село ещё жило по старинному укладу, здесь имелось 133 хозяйства. «Обрабатываемой земли — 78 255 кв. м, ячменя посеяно на 1 087 кв. м, конопли — 120, льна — 11, остальную площадь занимали картофель и капуста. В предыдущем, 1928 г., снято картофеля 7 819 пудов, репы — 232, капусты — 991, прочих овощей — 189 пудов.

Плугов парокопытных 3 шт., одноконных 2 шт. и борон 2 шт., принадлежащих сельсовету, и четыре плуга — гражданам.

Скотоводство — 78 хозяйств, крупного рогатого скота — 250 голов, в том числе коров 99, нетелей и подтёлков 43, остальные — телята. Лошадей 90 голов. Собак 998 штук, ездовых 666.

Население выловило 121 810 шт. рыбы. Рыболовная артель "Вперёд" из 12 чел. выловила 24 200 шт., переработано на балыки на сумму 9 590 руб. В 1928 г. 93 чел. занимались рыбным отхожим промыслом. Сдано на РКЗ 250 000 шт. на сумму 52 710 руб., средний заработок — 565 руб. Охотой на соболя занимались 54 чел. В селе — кооператив, 103 члена. В 1928 г. часть населения Ключей работала на лесозаготовках, семь лесорубочных артелей для крестkома, одна артель для учреждений.

Изба-читальня и клуб, 45 неграмотных, школа первой ступени, учащихся 77 чел., 41 мальчик и 36 девочек, учатся все дети. Имеется больница, ветеринарный пункт, школа крестьянской молодёжи.

В 1930 г. началось строительство лесокомбината и массовое переселение в Ключи рабочих и служащих. В 1933 г. здесь без посёлка лесокомбината было 150 хозяйств, 552 чел. жителей, 295 мужчин, 257 женщин. По социальному положению: 259 бедняков, 278 середняков, два рабочих, 13 кулаков. По национальному составу: 472 русских, 38 камчадалов, 13 татар, 15 корейцев, 11 китайцев, один латыш, два алеута. В 1928 г. было проведено семь общих собраний граждан.

Самообложение на сумму 2 734,95 руб., в том числе: 2 500 — на достройку школы, 50 — на ремонт школы, 150 — на избу-читальню».

Почти двухвековая история крестьянского села завершилась в начале 1930-х гг. Теперь Ключи стали крупным промышленным центром лесной промышленности Камчатки.

Вопрос об открытии в Ключах почтового отделения впервые рассматривался ещё в 1918 г. Камчатский областной Совет 30 апреля на основании телеграммы начальника почтово-телеграфного округа из Хабаровска от 15 апреля разрешил открыть отделения в Усть-Камчатске, Ключевском и Козыревском селениях.

Попытку организовать медицинское обслуживание местного населения надо отнести к 1870-м гг. Тогда в Ключах имелся лекарский ученик с семейством из 8 чел. Затем здесь обитал фельдшер Е. М. Григорьев, но по ряду причин к началу XX в. он помощи населению почти не оказывал.

Участник экспедиции Рябушинского А. Н. Державин, посетивший Ключевское в 1909 г., отмечал: «Мне пришлось посвящать часть досуга медицинской практике, так как населению ждать помощи не от кого, кроме старого, слабого, пьяного отставного фельдшера и нескольких заведомых шарлатанов. А болели здесь все, особенно когда дула холодная “озерная”. Распространены здесь значительно лёгочные заболевания и инфлуэнца».

В начале XX в. в Ключах побывал П. Ф. Унтербергер, записавший: «...находится фельдшерский пункт, должность фельдшера исполняет доктор Пражского университета Вымлетин, не успевший выдержать в России экзамен на врача».

В 1917 г. почти до конца лета на Камчатке свирепствовала оспа. В Ключах, где тогда имелось около 70 дворов, в феврале отмечено 112 заболевших, из них 56 смертельных исходов. Туберкулёзом страдали 12 чел, а всего в этом месяце случилось 238 заболеваний; из 400 жителей умерли 58.

В. К. Арсеньев в 1918 г. отмечал по этому поводу: «В 1916 г. была эпидемия оспы. За последние два года в Ключевском умерло 135 чел. Больницы нет. Есть только фельдшерский пункт. При родах женщины сами помогают друг другу».

Фельдшерский пункт размещался в комнате дома полицейского пристава. Здесь принимали больных командированные в сёла Камчатки и проезжавшие через село медработники. В начале XX в. повивальными бабками в селении были Попова и Тюменцева, оказывавшие пострадавшим первую помощь и принимавшие роды на дому.

Общая санитарная культура населения была низка. Приезжавший фельдшер беседовал с населением, обучал повивальных бабок

навыкам оказания первой помощи при переломах и кровотечениях. Фельдшеры иногда оставались работать в селе по нескольку месяцев.

В 1907 г. сюда был направлен Г. И. Щенников, окончивший школу ротных фельдшеров. Ему выделили дом для фельдшерского пункта рядом с домом пристава.

Снабжение медицинскими препаратами шло крайне неудовлетворительно, почему приходилось использовать народные средства, собирать травы.

Работа фельдшера Щенникова рассматривалась даже на заседании коммунистической фракции при Камчатском окружном профсоюзном бюро 18 мая 1929 г. Здесь, в частности, отмечено, что «Щенников, будучи фельдшером, брал очень дорого, вплоть до одного и больше соболей. Поэтому большинство ключевских граждан за это его ненавидят, и он же объясняет эту вражду тем, что он груб и очень резко обращается с камчадалами». Г. И. Щенников умер 22 февраля 1934 г. в возрасте 49 лет.

В 1923 г. в Ключи направлен первый врач общего профиля, имевший практический стаж свыше двадцати лет, — В. Ф. Выметель. Он по своей инициативе открыл при медпункте первый стационар на пять коек, здесь лечил тяжелобольных и впервые начал принимать роды в больничных условиях. Пациентов в стационар принимали в своём белье и со своим питанием.

В сентябре 1924 г. прибыл ещё один медработник — фельдшер К. П. Коваль. Областное управление здравоохранения начало финансирование Ключевского фельдшерского пункта.

О сложностях с медобслуживанием в Ключах областная газета «Полярная звезда» 4 апреля 1929 г. сообщала следующее: «Дело с лечением в Ключах обстоит плохо. Завбольницей очень стар и свои обязанности выполняет по-казённому, лишь бы отделаться, а ведь ставка-то не маленькая — триста с хвостиком в месяц огребает этот старичок. Обидно становится, когда видишь, как используются трудовые деньги. Кроме доктора, есть и фельдшер Илло (в бок бы ему шило). Сначала он работал по зубной части, многим подставлял зубы за приличную плату, но, как на горе, АКО завезло хороший грецкий орех и некоторые из вставлявших недосчитались илловских зубов. Сейчас он работает в больнице за фельдшера без всякого внимания к больным. По указанию доктора сделает больному лекарство, а как принимать не скажет, пробурчит что-то, проходя мимо больного, и нет его. Наверное, он сам-то ничего не понимает в медицине. Акушерочка также работает прескверно:

во-первых, старая-престарая, а во-вторых, необходительная. Пора бы ей на отдых».

Важным этапом в развитии местного здравоохранения стало проведение профилактических прививок. 31 марта 1943 г. исполком Усть-Камчатского райсовета утвердил план профилактических прививок на год. В соответствии с ним, в Ключах предстояло сделать 600 прививок против дифтерии, 150 — против дизентерии, 500 — против брюшного тифа и прочее.

В 1956 г. в посёлке организована станция скорой помощи со штатом 3,5 врачебных единицы, одного фельдшера, двух санитарок и трёх шофёров.

В 1959 г. местная больница расширена до 75 коек, она имела штат в 12 врачей и 24 средних медработника. В 1961 г. в больнице было 100, а в 1963 г. — уже 120 коек при 22 врачах и 45 средних медработниках. Кроме того, один врач работал в санитарно-лесной школе, один — в здравпункте, два — в детских садах.

Из «Объяснительной записки» к отчёту председателя Усть-Камчатского райисполкома» следует, что за первую половину 1957 г. в Ключах отмечено 104 случая дизентерии и 54 — дифтерии. Причины — неудовлетворительное обеспечение населения питьевой водой. За это же время в Ключах наблюдалось 46 проявлений эпидемического гепатита, а всего в районе — 73.

В начале 1923 г. в Ключах была установлена советская власть. 9 марта 1924 г. по инициативе коммунистов состоялось общее собрание молодёжи села. Решили создать комсомольскую организацию, кандидатами в члены комсомола приняли 14 чел. Первыми ключевскими комсомольцами стали Павел Юрьев, Григорий Штильников, Михаил Кречетов, Константин Тулупов, Константин Машин, Мария Чупина. Председателем ячейки избрали К. Машина. На первых порах не обходилось и без курьёзов. Так, руководитель ячейки, наслышавшись о «свободных взаимоотношениях» между девушками и юношами, входившими в союз, заявил: «Работать в РЛКСМ мы работаем, и будем работать в дальнейшем, но что касается “коммунизма” нас, это вы уже извольте!»

Согласно уставу комсомола, вся его работа строилась по производственному принципу. Первичные организации были созданы на предприятиях и в организациях. Наиболее крупной была комсомольская организация Ключевского деревообрабатывающего комбината. Большое внимание комсомольцы уделяли спорту. Проводились футбольные и волейбольные матчи, соревнования по лёг-

кой атлетике. Большой популярностью пользовался туризм. Особо можно отметить многокилометровые лыжные переходы до Усть-Камчатска и Петропавловска.

В июле 1983 г., когда отмечалось 50-летие камчатского комсомола, было решено установить памятник первопроходцам полуострова. Замысел осуществили ребята из бригады Евгения Забродского — Михаил Павлович Бусаргин, Александр Забаев и Галина Алёхина. Они соорудили памятный знак — 11-метровую мачту, увенчанную металлическим вращающимся флагом. У основания установлена мемориальная доска: «Первооткрывателю Камчатки В. Атласову от комсомольцев Ключей».

Летом 1988 г. комсомольцы Ключевского леспромхоза и учащиеся Ключевской средней школы обновили крест на историческом месте, где в своё время Атласов установил его в знак присоединения Камчатки к России. Он заменил пришедший в негодность поставленный краеведом В. Воскобойниковым и вице-адмиралом Г. Щедриным в августе 1959 г.

Званием лауреата премии камчатского комсомола был отмечен С. Ф. Бут, бульдозерист Ключевского леспромхоза.

В годы Великой Отечественной войны, кроме основной деятельности по обеспечению рыбокомбинатов тарой и строительству кунгасов, Ключевской лесокомбинат выпускал лыжи для фронта. Местные жители собирали для бойцов тёплые вещи и продукты. Сельсовету установили план по сборке вторичного сырья.

Во время войны на Камчатку продолжали прибывать переселенцы из западных областей СССР. Самым острым вопросом тогда было обеспечение их жильём. На 16-й сессии Ключевского Совета депутатов трудящихся 6 июля 1943 г. о подготовке к приёму людей докладывал директор лесокомбината Тимофеев. Сессия решила: на время строительства землянок мобилизовать гужевой транспорт из разных организаций, поддержать инициативу рабочих лесокомбината о строительстве землянок общественным порядком, распространить этот метод и на другие объекты. До 1 сентября колхозу «Вперёд» следовало соорудить две землянки, промысловой артели «Заря», управлению связи, больнице, банку, промкомбинату, лесничеству, сельскому исполкому — по одной, а рыбкоопу — десять. Лесокомбинату разрешено занять для временного размещения переселенцев до 15 августа сельский клуб.

В 1944 г. в селе насчитывалось (без учёта жилья местных жителей) 47 индивидуальных домов и 38 типовых бараков с населением

в 5 417 чел. К середине 1940-х гг. имелись следующие предприятия и организации: лесокомбинат, отделение Госбанка, сберкасса, милиция, отдел НКВД, гидрометслужба, промартель, промкомбинат, отделение связи, телефонная станция, лесничество, вулканологическая станция АН СССР, рыбкооп.

В июле 1946 г. для улучшения транспортной связи с другими населёнными пунктами Камчатки было решено строить аэропорт.

С 1950 по 1954 г. в селе сложились улицы Майская, Свободная, Украинская, Камчатская, Сибирская, Восточная, Вулканная, были построены библиотека, школы, универмаг, магазин, аптека.

Через пять лет после окончания Великой Отечественной войны Ключи по своим промышленным возможностям и численности жителей стали вторым в области после Петропавловска населённым пунктом. В 1950 г. здесь находились следующие предприятия и организации:

— общеобразовательные школы: три начальных, одна средняя, всего 1 402 учащихся. Образование можно было получить и в вечерней школе рабочей молодёжи. Здание средней школы было двухэтажным, с центральным отоплением, площадью 1 590 кв. м, построено в 1949 г. Всего в школах трудились 45 учителей;

— школа фабрично-заводского ученичества, имевшая межрайонное значение, готовившая бондарей, судовых плотников, слесарей и столяров. В 1950 г. здесь обучалось 74 чел. Для школы построили новый двухэтажный корпус;

— колхоз «Вперёд», занимавшийся животноводством, полеводством и огородничеством, в нём состояли 55 хозяйств, 182 чел.;

— электростанция Ключевского лесокомбината, снабжённая четырьмя вертикальными двухцилиндровыми машинами «Бродехуд» общей мощностью 920 кВт. Ежегодная выработка электроэнергии составляла 2 500–2 600 тыс. кВт-часов;

— 166 производственных, хозяйственных и служебных помещений общей площадью 36 492 кв. м;

— 167 жилых помещений разных организаций общей площадью 14 753 кв. м.

Частным лицам принадлежали 704 жилых помещения площадью 21 940 кв. м.

О быстрых темпах жилищного строительства в селе 9 сентября 1951 г. рассказала областная газета «Камчатская правда»: «В прошлом году 160 рабочих и служащих судоверфи и Ключевского комбината построили себе дома. В этом году государство выделило на индивидуальное строительство в два раза больше средств. К концу

года более двухсот рабочих отпразднуют новоселье. Ключевской лесокомбинат для индивидуальных застройщиков выделяет стройматериалы, транспорт, гвозди, краски и кирпич».

С 1967 г. жители Ключей первыми в Усть-Камчатском районе смогли смотреть телевидение. Местную программу готовили диктор Лилина Аксюк, телеоператор Лариса Федюнина, звукорежиссёр Людмила Гриценко и кинооператор Нина Зимеркина.

Развитие населённого пункта к середине 1980-х гг. было признано неудовлетворительным. КОИК 23 июня 1987 г. принял решение № 219 «О комплексном социальном и культурном развитии города Ключи на 12-ю и 13-ю пятилетки». В 1986—1987 гг. построено два 12-квартирных жилых дома общей площадью 1 260 кв. м, введено в эксплуатацию общежитие на 102 места в 1 267 кв. м, сдан детсад на 140 мест. За счёт средств капитального ремонта освоено 218 тыс. руб. на реконструкции котельной леспромхоза.

Объединение «Камчатагропромстрой» в 1986 и 1987 гг. ежегодно сдавало в эксплуатацию по одному 12-квартирному и одному двухквартирному дому общей площадью 1 351 кв. м для совхоза «Ключевской». В 1987 г. построен 32-квартирный дом для ремонтно-технического предприятия в 1 634 кв. м.

В 1987 г. для расширения возможностей управления жилищно-коммунального хозяйства на строительстве гаражей освоено 54,4 тыс. руб. и 47, 5 тыс. — на реконструкции городского водозабора. В этом же году сдано картофелехранилище Ключевского рыбкоопа на 100 т. В 1988 г. передвижная механизированная колонна Облрыболовпотребсоюза строила двухквартирный дом для своих работников площадью 101 кв. м.

Одной из основных отраслей экономики Ключей являлось сельское хозяйство. Ещё Н. В. Слюнин, отмечая деятельность В. С. Завойко, писал: «В Ключевском селении построил водяную мельницу и кузницу. Камчадалов стал обучать ткацкому ремеслу, хотя это было начато при его предшественнике Машине, когда из Петербурга были присланы даже награды за приготовление холста из ключевской конопли».

Ключевские жители возделывали зерновые культуры до 1930-х гг. В. Л. Комаров в начале XX в. отмечал, что «культура ячменя в Ключевском селении — последний остаток напряжённых усилий... насадить земледелие. Удобрение не применяется, почва полей скудная. Возможно, однако, что на тучной почве урожай был бы ещё хуже при склонности культурных злаков в этом климате сильно идти в рост и лишь очень поздно завязывать колосья. На более

скудной ниве эта поспешность роста естественно задерживается, и ячмень колосится ранее».

А. А. Прозоров, посетивший Ключи на рубеже XIX—XX вв., изучил хозяйство местного жителя Григорьева, считавшееся одним из крупных. Тот дал Прозорову такие сведения: «...сеет он 12 пудов ячменя и снимает, в зависимости от урожая, от 60 до 70 пудов. Конопли сеет два пуда и снимает около четырёх пудов семенем и волокном до 10 фунтов. По его словам, ячмень родится сам пять-шесть».

Приморский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер, инспектируя село, застал здесь 60 дворов и отметил усердное занятие земледелием Григория Тюменцева, «который с неослабевающей энергией занимается опытами по разведению хлебных злаков. В 1910 г. озимая рожь уродилась особенно крупная, ячмень, как турецкий, так и местный, созрели хорошо. Удачный результат получился и при посеве клевера, лён созрел и получился хорошего качества. Будет производиться опытный посев ярицы. Тюменцев возбуждает своей работой охоту крестьян вновь возродить земледелие... До сих пор кругом видны ещё старые запущенные поля. Огородные овощи, в особенности капуста, отличные. Картофель родится иногда весом до полутора фунтов (615 г. — *В. Б.*) штука».

Через 150 лет после поселения на ключах местные жители вели комплексное хозяйство, где роль сельского хозяйства занимала третье место после рыболовства и охоты. В 1891 г. крестьяне имели 98 голов крупного рогатого скота, 40 лошадей, 620 ездовых и зверовых собак. Выращено (пудов): 2 512 картофеля, 59 репы, 90,5 конопли, 1 149 ячменя.

Обработка полей до 1920-х гг. производилась примитивными орудиями: однолопастной сохой и связанной тальниковыми прутьями бороной, величиной не более аршина с каждой стороны. Ещё в 1711 г. монах Игнатий Козыревский произвёл первые опыты пчеловодства, хлебопашества и огородничества, давшие хорошие результаты, но вследствие насильного принуждения камчадалов и переселенцев к этому труду (их наказывали ударами плётки) земледелие не прививалось. «К тому же лёгкий способ добычи пушного зверя, соболя и рыбы отвлёк камчадалов от хлебопашества».

К началу XX в. относится и попытка заведения в Ключевском пчёл. В 1911 г. на Камчатку завезли несколько ульев, их распределили среди селян, знакомых с пчеловодством. Два улья попали и в Ключи, где достались священнику и учителю. Иеромонах Нестор положительно оценил пчеловодческую деятельность священ-

ника М. Ерохина, настоятеля ключевской Троицкой церкви. «Его труды увенчались успехом. Пчёлы были им вывезены из Уссурийского Свято-Троицкого монастыря, и благодаря тому, что в Ключах имеются медоносные травы, пчеловодство привилось». Но это дело дальнейшего развития не получило по ряду причин, одной из которых оказалась длинная и суровая зима.

Вся посевная площадь в 1901 г. составляла 613 десятин. В этом сезоне было получено 700 пудов ячменя и 21 000 пудов картофеля. Зерно ячменя толкли в ступах или размалывали на ручных мельницах. Сноп конопли продавался за 1,5–2, пуд ячменя — за 2–3 руб. Пуд картофеля стоил 1–1,5 руб., его хранили только в избах. На каждого оседлого жителя Камчатки в год приходилось немногим более трёх пудов или около 50 кг. К середине 1920-х гг. появились первые молочные сепараторы, первые свиньи и куры. По итогам Приполярной переписи 1926 г. в Ключах имелось два сепаратора и четыре свиньи.

По данным агронома И. Ф. Голованова, в 1928 г. злаки занимали 1 218,5, а общая площадь огородов у 102 хозяев с капустой и картофелем — 78 356 кв. м. Всего хозяйств было 133. Выращено (пудов): 7 819 картофеля, 232 репы, 991 капусты, 189 прочих овощей. Сельсовету принадлежали три парокопытных и два одноконных плуга, две бороны. Ещё четыре плуга имели частники.

В середине 1920-х гг. сельское хозяйство страны находилось в глубоком кризисе. Более пяти миллионов крестьян всё ещё использовали в личных хозяйствах сохи, а производство хлеба составляло лишь 40 % от показателей 1913 г. В декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б) был провозглашён путь на коллективизацию сельского хозяйства. Взятый курс, по мнению руководства страны, должен был заменить ручной труд механизированным и значительно увеличить объём производства продукции.

В 1925 г. в Ключах появилась рыболовецкая артель «Вперёд», а в марте 1932 г. — колхоз с таким же названием. В декабре 1936 г. в него входили 54 хозяйства местных жителей с общим числом колхозников в 227 чел., в том числе 88 трудоспособных.

18 августа 1933 г. «Камчатская правда» сообщила, что «работая по-большевистски, колхоз “Вперёд” идёт к зажиточной жизни». В нём 170 «едоков», из них 105 трудоспособных. Общественное стадо колхоза включает 43 лошади, из них 25 рабочих. Крупного рогатого скота 62 головы, из них 18 дойных коров, есть 13 свиней. Скотный двор рассчитан на 100, свинарник — на 20 голов. У колхозников 45 голов крупного рогатого скота. Есть 13 плугов и семь

борон, одно овощехранилище на 33 т. Валовой доход за 1932 г. исчислен в 79 985 руб., в том числе 22 343 — от огородничества. Колхозники в прошлом году получили за трудодень 5 руб. 49 коп.

Важным для развития Камчатской области стало решение правительства, освобождавшее с 1 января 1934 г. Дальневосточный край на пять лет от обязательной поставки государству зерновых культур и риса. На 20 % повышались цены на рыбу-сырец, сдаваемую рыболовецкими колхозами государству. Заработная плата рабочих и служащих совхозов выросла на 10–30 %.

Областная газета так отразила положительный опыт хозяйствования одного из первых колхозов в области: «В конце селения Ключи, в сторону Ключевской сопки, расположилось хозяйство колхоза “Вперёд”. Большой, построенный по последнему слову зоотехники скотный двор на 100 голов скота, рядом с ним свинарник. От скотного двора, упираясь в зады дворов селения, на 26 с половиной гектаров раскинулся колхозный огород. Сейчас уже видны результаты ударной работы огородной бригады. Вся пашня покрыта дружными, сильными, зеленеющими на хорошо разработанной почве всходами. Сорняков почти нет.

Весь массив пашни для защиты от потрав обнесён новой изгородью. На пастбище гуляет отбитый у зимней голодовки скот. У столовой колхоза “Вперёд” невольно бросается в глаза большая куча обгрызенных ивовых веток. Каждый колхозник расскажет, что в период зимней бескормицы всем колхозом они заготовляли этот грубый корм для того, чтобы спасти скот от падежа. Правление колхоза своевременно учло указания областного земельного управления о кормлении скота веточным кормом. Произведя заготовки грубых кормов, колхоз вышел из положения и сохранил поголовье скота до весеннего подножного корма. Колхоз активно борется с недостатком тех или иных кормов. Нет отрубей и картофеля — собирают крапиву, секут, варят её и кормят свиней.

Колхозное молочное стадо — гордость района. Породистые коровы, несмотря на большую потерю в весе в период бескормицы, дают в день 8–9 литров молока каждая.

В селе Ключи к севу подготовились удачно. Это видно из того, что план сева выполнен на 98 %, почва была своевременно подготовлена. Лошади, хоть и без овса, но показали себя работоспособными. Навоза вывезено 300 т. Недостатка семян не было. Посев произвели тщательно. Местами совсем чистые от сорняков посевы картофеля и корнеплодов, крепкая тёмно-зелёная капуста, любов-

но посаженная на гребнях, и всходы свёклы на ровных грядах — документ борьбы за успешный сев.

12 июля колхоз дал на базар первую редиску, собранную с участка 200 кв. м. С этой площади он собирается получить два урожая, потому что после редиски освободившиеся гряды засадили свёклой, с этого участка колхоз уже получил 1 100 руб. дохода. Колхоз "Вперёд" работает по-большевистски... строит свою работу на основе указаний товарища Сталина».

Районная печать также уделяла много внимания жизни этого хозяйства. Так, усть-камчатская газета «Штурм» 28 мая 1938 г. сообщала: «...недавно состоялось общее собрание колхозников... Приняли план: засеять картофеля 15 га и капусты 4 га, дали обязательство получить в этом году урожая картофеля и капусты по 25 тонн с гектара». 17 февраля 1939 г. «Штурм» известил, что 10 февраля в Ключах завершилась работа курсов бригадиров-парниководов. «Задачей курсов являлось подготовить людей из числа колхозников, которые бы в дальнейшем развивали парниковое хозяйство в наших колхозах... Парники в наших условиях имеют огромное значение в смысле снабжения рабочих и служащих ранними овощами».

Кроме колхозных дел, эта газета уделяла внимание и политическим вопросам. 12 апреля 1939 г. «Штурм» опубликовал следующее: «Колхозница... Брагина призывает всех неграмотных ликвидировать свою неграмотность. В своём письме редакции она пишет: "Мне 60 лет. По указанию нашей великой партии большевиков я ликвидировала свою неграмотность в течение двух лет. Сейчас я самостоятельно читаю газеты и за хорошую учёбу в день 8 Марта была премирована денежной премией..."»

5 марта 1939 г. состоялось очередное заседание президиума Усть-Камчатского райисполкома. Среди других вопросов рассматривалось представление к награде председателя Ключевского колхоза «Вперёд» Егора Ефимовича Шатерникова.

В 1941 г. по плану колхозу необходимо было посадить 2 га картофеля, фактически посажено 2,1, капусты — 7 и 7,5 га соответственно, прочих овощей — 11 и 9,2 га, зерновых — 16 и 20 га. Урожайность составила (ц): картофеля при плане 9,9 — 13, капусты — 16,5 при плане 11,8. В 1941 г. силами Усть-Камчатской МТС предстояло освоить для колхоза 80 га новых земель. Численность крупного рогатого скота (КРС) на 1 января 1941 г. составляла 149 голов, 1 января 1942 г. — 146 голов и 45 лошадей, а 1 января 1943 г. — 164 и 48 соответственно.

В 1943 г. в хозяйство прибыло 145 семей из Удмуртии. В этом же году как эксперимент было посажено 0,2 га яблонь и слив. Хозяйство имело 60 лошадей, 176 голов КРС, 30 свиней и 62 овцы.

«Камчатская правда» 8 мая 1943 г. писала о трудовом подъёме колхозников, отметивших Первомай высокими производственными показателями. «Они успешно закончили яровизацию картофеля по методу академика Лысенко. Колхозницы Тулупова, Юрченко, Ушакова, Волкова, работавшие на яровизации, вырабатывали ежедневно две-три нормы и досрочно выполнили предмайские обязательства. К концу подходит в колхозе и закладка парников. Колхозник Котов и комсомолец Ушаков на подвозке к парникам навоза и земли систематически выполняют нормы на 130 %. Звено Волковой приступило к высадке семенников капусты».

На территории Ключевского сельсовета имелся ещё один колхоз — «Труженик» в селе Харчино. Вместе с «Вперёд» в 1944 г. в них числились 303 чел., имелись 91 га полевых земель. Для обеспечения хозяйств было принято решение об отлове диких лошадей.

За годы в хозяйстве сложился крепкий коллектив. Его лучшими людьми являлись: Павел Андреевич и Пётр Андреевич Бобряковы, Пётр Васильевич Греченин, Алексей Васильевич и Василий Флавианович Коллеговы, Кужанкуй, А. Кубарьков, Владимир и Василий Иванович Удачины, Цо Фун Син, Анастасия Боровик, Мария Волкова, Е. А. Косицына, Наталья Ивановна Коллегова, Варвара Иннокентьевна Колессовая, Марфа Ивановна Тулупова, Параскева Алексеевна и Ф. С. Ушаковы, Ф. А. Филимоненко.

После начала Великой Отечественной войны, в связи с ухудшением продовольственных поставок на Камчатку, у селян значительно возросли площади собственных огородов. Так, семья из шести человек Павла Фёдоровича Горбачева, председателя завкома лесокомбината, жившего на улице Октябрьской, 15, в 1941 г. посадила 350, а в 1942 г. — 700 соток картофеля. Если в 1941 г. капусту они не выращивали, то в 1942 г. посадили 130 соток. Семья работника лесокомбината Ивана Игнатьевича Попова, состоявшая из четырёх членов, в 1941 г. засадила 890 соток картофеля, 60 капусты. В 1942 г. — 1 070 картофеля и 80 — прочих овощей.

Состояние сельскохозяйственного производства часто рассматривалось на заседаниях Ключевского Совета депутатов трудящихся. 25 марта 1950 г. решением № 37 отмечено, что «колхозы добились сохранения поголовья скота, улучшения упитанности, сохранения новорождённого молодняка, правильного расходования кормов... Скот обеспечен кормами до подножного корма. Квартальн-

ный план к годовому плану выполнен в следующем: по колхозу "Вперёд" КРС — на 97, овцы — на 126, лошади — на 98, свиньи — на 81 %. На эту дату на поля уже вывезено навоза 275 т, что составило 55 % к плану».

Для дальнейшего развития сельского хозяйства в районе решено перейти с его колхозной формы на совхозную, то есть на государственную. На основе хозяйства «Вперёд» создано отделение совхоза «Козыревский».

Надой молока в 1957 г. с фуражной коровы составлял 830 кг. Урожайность картофеля в 1958 г. составила 2,8 т с 1 га при плане 9 т. В 1958 г. имелось 250 голов КРС. Зимой не хватило кормов, животных, как встарь, кормили ветками дроблёного тальника.

В 1959 г. урожай капусты достиг 140 т, то есть по 28,5 т с га, посевные площади по сравнению с 1958 г. возросли на 57 га. Если в 1958 г. на одну фуражную корову надоено молока по 800 кг, то за это же время в 1959 г. надои составили по 1 148 кг. К 1959 г. отделение совхоза было обеспечено кадрами и техникой для обработки почвы и механической посадки овощей и других культур. Производственные помещения были освещены, оборудованы автопоилка и новый скотник. Но, тем не менее, отделение совхоза ещё оставалось нерентабельным.

В 1960 г. были объединены подсобное хозяйство Ключевского леспромхоза и отделение совхоза «Козыревский». Появился новый совхоз — «Ключевской». О том, как это происходило, вспоминал его первый директор М. К. Фомин:

«В конце декабря (1959 г. — *В. Б.*) мне позвонила Р. А. Сафронова и заявила: "Михаил Кузьмич, есть мнение обкома партии рекомендовать вас директором создаваемого в Ключах совхоза «Ключевской». Как вы смотрите на это дело?" А я слова ни скажу — растерялся. Она и говорит мне: "Подумайте, посоветуйтесь дома, после Нового года мы позвоним".

Вот так я впервые в жизни стал директором, молодым, 31 год от роду. На мои плечи взвалилась нелёгкая ноша, честно относил её двадцать лет. Думаю, что не зря прошли мои молодые, полные энергии годы. Есть что вспомнить, могу честно смотреть людям в глаза. Жизнь прожита мною не зря. Сейчас, оглядываясь назад, заявляю: если бы начинать жизнь сначала, опять пошёл бы по этому пути.

Начался организационный период объединения двух мелких хозяйств, не оснащённых техникой, без какой-либо механизации трудоёмких процессов. В обоих отделениях коров доили вручную,

на доярку их приходилось по 10–12. Помещения для скота — ветхие. Комплектовался руководящий состав старших специалистов. Их направляли из областного центра, часть подобрали на месте. Начала поступать техника, минеральные удобрения, горюче-смазочные материалы, семена однолетних трав. Складских помещений не было, ремонтной базы тоже никакой, за исключением убогой кузницы да кузнеца — старика Порубенского.

Картофель хранили в ямах и приспособленных помещениях. Не было конторы, магазины в обоих отделениях ветхие, рыбкооп хороших товаров не давал.

Производство росло, а людей не было и взять неоткуда, жилья нет. Пахотных земель хватало только для пропашных культур. Корма готовить приходилось в лесу, на болотах и вручную. На освоение новых земель сил и средств не выделяли, да в то время и не было такой подрядной организации. Но допросились, стали выделять в год 25–50 га для обработки хозспособом. И вот к концу 1968 г. пахотных земель стало более 600 га. В это время появилось отделение Райсельхозтехники. Его первым руководителем был Григорий Архипович Сыченко, затем — Павел Фомкин. При нём был создан небольшой отряд для освоения в нашем совхозе земель за Чёртовым мостом.

Встал вопрос: как по бездорожью (19 км) гнать туда технику, а потом вывозить корма? Жизнь заставила думать. Денег на дорогу нет. Договорился с директором лесхоза Павлом Николаевичем Дьяконовым на прорубку трассы шириной 16 м. В основном шли по просеке, проложенной связистами. Там же, где она тянулась по болотам, обходили по лесу. Дорогу построили, расстояние сократилось до 14 км. Ширина полотна дороги — 10 м. Нарезали кюветы, жизнь облегчилась. Сено стогами уже по первому снегу таскали тракторами на трассу, под стога подкладывали берёзы с ветками. Всё это вместе со мной делали энтузиасты Пётр Маленков (младший) и Геннадий Седин. Дорога эта и поныне служит людям. Михаил Евдокимович Горянов и Николай Николаевич Карчевский построили дорогу от Козыревска через село Майское до Чёртова моста, соединив с нашей трассой.

Силами совхоза осваивали земли в другой стороне посёлка, в районе Данилки. Там тоже лесные заросли, зыбучие пески и сухие речки не давали возможности работать. В 1976—1977 гг. таким же образом построили дорогу в 15 км. На освоении земель там работал Анатолий Кравченко. Два трактора-корчевателя С-100 и корнесобиратель ДТ-54 за лето 1966 г. освоили 66 га. Строились

животноводческие помещения: четырёхрядный коровник на 200 голов с дойной установкой — “ёлочкой”. Во втором отделении возводили водонапорную башню с водопроводом, монтировали поилки, всё поголовье переводилось на автопоение. Внедрили механическую дойку. В обоих отделениях электроэнергию обеспечивала своя дизельная станция. Были построены ремонтные мастерские на шесть боксов, навес для ремонта техники, тёплый гараж на 18 единиц, два склада концкормов и технических материалов, картофелехранилище на 600 т, весовая с 10-тонными весами.

Огородили территорию, по жилому и производственному массивам проложили тротуары. Начали застройку новой улицы с двухквартирными домами со всеми коммунальными удобствами. Назвали её “Имени XXIII партсъезда”. Встал вопрос о снабжении её водой, так как улица размещалась на самой высшей точке посёлка. Нашли наилучшую точку установки водонапорной башни, на бетонном фундаменте сложили сруб из бруса. Подняли на перекрытие 75-кубовую ёмкость, возвели крышу, на берегу реки Домашки установили насосную. Провели 500-метровый водопровод с подъёмом на 50 м. Подключили все производственные и жилые помещения. Сбылась мечта людей: в дома пришла вода, а то ведь ходили с вёдрами на речку, когда невозможно было подвезти воду на транспорте.

Мне такое строительство обходились дорого: треть, половина, две трети оклада штрафа за каждый объект, заложенный самовольно. Потом комиссия разберётся, признает, что личной корысти нет, объект узаконит. А мне хотелось б*о*льшего.

Не было конторы. Приедут шефы, а в нашу конуру не заходят, стыдно за совхоз становится. Решил построить новую под видом общежития, другое помещение использовали как Красный уголок, перестроили под клуб на 120 мест. Открыли в обоих отделениях типовые магазины со свободной выкладкой товаров на самообслуживание. Каждый год вводили до десятка двухквартирных домов.

В посёлке частники драли с людей на рынке за яйцо. Поехал я в лесокомбинат к Марату Егоровичу Шанину, он был тогда директором, а потом на сплаврейд к его начальнику Кириллу Зиновьевичу Пасюкову. Предложил им дело: денег на птичник нет, лес купить у вас не за что, платить за строительство нечем. Предложил лесокомбинату наловить в реке леса, зимой людям на сплаврейде делать нечего, всё равно их содержат на повременке, выделить пиломатериал. Лес за лето на берегу высохнет, мы его ошкурим, а зимой построим птичник. Сделали чертёж на два этажа общей вместимостью на 5 000 голов птицы.

В феврале 1965 г. птичник был готов. Звоню начальнику облсельхозуправления Ивану Ивановичу Андрееву, докладываю, что силами шефов построили птичник, нам в марте-апреле нужны 5 000 подращенных цыплят. Он возмутился: почему самовольно, без проекта, кто будет платить, да и где взять деньги? Объясняю ему, на каких условиях построили. Говорю, что первой продукцией накормлю лесников за их деньги в столовых и буфетах. Андреев пообещал прислать "посла", посмотреть нашу "партизанщину". Приехала комиссия, проверили — крепко, надёжно и красиво. Дали добро на цыплят. Обещание перед лесниками я сдержал. После этого пошло плановое строительство птицефермы. Теперь город Ключи не знает недостатка в этой продукции. Был проведён водопровод и на птицеферму, а от неё — в санаторно-лесную школу. Пробовали мы разводить белую пекинскую утку, но не получилось, от этой затеи отказались.

Так совпало, что одновременно состоялось открытие клуба с залом на 120 мест, перестроенного из Красного уголка и старой колхозной конторы в Дом культуры, и вручение наград за достижение высоких показателей в развитии сельского хозяйства совхозов "Ключевской" и "Козыревский". Второй секретарь обкома КПСС В. И. Алексеев, обращаясь к собравшимся по этому случаю, сказал директору совхоза "Козыревский" Николаю Ивановичу Счастливцеву: "Вы много просите и ждёте, что кто-то чего-то вам будет делать. Вы берите пример с совхоза «Ключевской» и не ждите с моря погоды". В. И. Алексеев вручил мне медаль "За трудовое отличие", бригадиру овощеводов Марии Прокопьевне Маленковой, скотнику-пастуху Владимиру Владимировичу Витушинскому, замечательному труженику, неутомимому, честному, влюблённому в своё дело человеку, другу юности по комсомольской работе 1930—1940-х гг., — медаль "За трудовую доблесть". Николаю Афиногеновичу Космачёву, первому секретарю Усть-Камчатского райкома КПСС, был вручён орден Трудового Красного Знамени. Главный зоотехник совхоза "Козыревский" Екатерина Александровна Сумарева была удостоена ордена "Знак Почёта".

Сложно шло становление совхоза. Люди, перешедшие в него из колхоза, ранее не получали денежной оплаты. Трудно было привлечь их к труду и привить веру в вознаграждение за него. Сложно продвигалось дело с дисциплиной в животноводстве. Бригадир дойного стада Альбина Георгиевна Чудинова своим трудом, личным примером старалась сплотить вокруг себя доярок, но ей одной приходилось тяжело. Направили ей в бригаду старшей дояркой

М. П. Маленкову, после этого дело пошло. Она, дисциплинированная, повела за собой людей. Никак не могли мы наладить дисциплину и порядок в бригаде по выращиванию овощей (звеньевые Зоя Васильевна Козлова и Сима Герасимовна Ушакова). Все усилия с привлечением партбюро и рабочего комитета не приводили к желаемому результату. Тогда решили объединить два звена в одно и назначить звеньевой М. П. Маленкову. После этого наладилась трудовая и производственная дисциплина, стали получать высокие урожаи овощей. В последующие годы Мария Прокопьевна была удостоена орденов Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции.

Скотники-пастухи И. К. Ушаков, В. С. и С. К. Поповы, В. Ф. Поздеев, Ф. Я. Чашленков и другие делали всё, что было в их силах. Совхоз развивался. Благоустраивалась центральная усадьба, построили небольшую, на два котла "Универсал-5" котельную, отапливавшую помещения конторы совхоза, Дома культуры и гостиницы на 16 мест. Гостиницу переоборудовали из помещения старого колхозного каркасно-засыпного здания, как и Дом культуры. Эти помещения возводили, можно сказать, из руин, с большим энтузиазмом и на общественных началах. Вместе с главными специалистами в свободное время, вечерами делали пристройки, сажали деревья.

Нужно отметить неутомимых энтузиастов-строителей Алексея Кужанкуя, Николая Попова и других. Ведь стоило мне только кинуть им какую идею, они уже готовы её воплощать. Следует отметить безупречную работу моего помощника, осуществлявшего идеи в чертежах и проектах, что он делал быстро и грамотно, — прораба Ивана Пантелеевича Атамаса. Всё, что в те годы построено в хозяйстве, — наши с ним идеи, перенесённые на бумагу, согласованные со всеми специалистами совхоза и коллективом рабочих.

В 1967 г. от имени областного управления сельского хозяйства и обкома профсоюза сельского хозяйства меня и главного экономиста совхоза К. Д. Никулова от имени министра сельского хозяйства РСФСР и ЦК профсоюза наградили знаком "Отличник сельского хозяйства".

Очень хорошо в делах и начинаниях меня поддерживали партийные и советские органы в лице В. И. Алексеева, П. П. Полуэктова, Г. С. Танского, И. И. Андреева, Л. Н. Треумова, В. П. Севостьянова, Н. А. Космачёва. С одной стороны, часто наказывали за самовольные действия, но шедшие на пользу хозяйства, с другой — поддерживали. Для меня это было большой честью.

Вспоминаю, что чувствовал, когда пришёл молодым руководить людьми старше себя, с их стороны какое-то недоверие и сомнение.

Но они рассеялись по окончании зимовки скота 1958/59 г. и весеннего сева. Старшие, опытные люди всегда были учителями и наставниками во всех моих делах, от них я черпал науку, всё лучшее, что они достигли в условиях Камчатки. Это — парниковод подсобного хозяйства Михаил Егорович Мирошниченко, овощевод Егор Ефимович Шатерников и другие. Я старался не возвышать себя ни перед кем, быть наравне с ними. Где оказывался ниже их по знаниям, спрашивал, учился, и это приносило мне только пользу. Навечно в памяти остался заведующий хозяйством детского дома Иван Павлович Гиренко, трудолюбивый, простой и человечный...»

В 1979 г. Ключи обрели статус города. 7 декабря 1979 г. под председательством Ю. Л. Коростылёва состоялось первое заседание горисполкома.

Ведущим предприятием лесной промышленности на Камчатке к 1980-м гг. являлся Ключевской леспромхоз. Его производственная мощность составляла 70,7 тыс. куб. м в год, в том числе 9 тыс. бочковой клёпки, 2,5 тыс. ящичной тары. Объём сушки пиломатериалов — 13 тыс. куб. м. Затем хозяйство значительно снизило объём лесозаготовок, а сегодня его основной деятельностью является заготовка дров.

К сожалению, начавшаяся в стране перестройка не только остановила коренную реконструкцию города, но и привела к снижению его статуса до посёлка ввиду кризиса в лесной отрасли и потери экономических возможностей. В Ключах разразился глубокий и затяжной кризис, приведший к тому, что за последние годы численность населения значительно снизилась. В 1994 г. она составляла 11,1, в 2003 г. — 8,6 тыс. чел., а через двадцать лет она сократилась почти вдвое. Статус города Ключи имели недолго. Исходя из экономической целесообразности, в 2003 г. решением городского депутатского корпуса населённый пункт получил статус села.

Удачное расположение Ключей позволит в будущем стать им одним из центров туризма на Камчатке.

Козыревск

В основу этого очерка легли документальные материалы Государственного архива Камчатского края (фонды Р-423, П-19), архива Козыревского леспромхоза. Использованы рабочие документы 1970—1980-х гг. Усть-Камчатского райисполкома, публикации газет «Камчатский листок», «Полярная звезда», «Камчатская правда»; газет Усть-Камчатского района «Штурм», «Большевист-

ский путь», «Ленинский путь»; изданий, выходивших в Козыревске: «Стахановец лесной промышленности», «Камчатский лесник»; труды путешественников и исследователей XVIII—XX вв.: В. В. Антроповой, К. М. Браславца, Н. Н. Дикова, К. Дитмара, С. П. Крашенинникова, Ж. Лессепса, В. Маргаритова, И. И. Огрызко, А. А. Прозорова, А. Сгибнева, М. А. Сергеева, Н. В. Слюнина и других. Часть материалов собрана в ходе бесед с жителями посёлка.

Посёлок Козыревск располагается в среднем течении реки Камчатки. До прихода казаков на реке Колю, названной русскими Козыревкой, находился ительменский острожек. На своём нынешнем месте селение существует уже более ста лет. До 1920-х гг. здесь размещалось всего около десятка домов. Жизнь села начала быстро меняться в конце 1920-х гг., когда Козыревск стал центром заготовки сырья для Ключевского лесокомбината.

Из далёкого прошлого. К концу XVII в. большую часть территории Камчатки населяли ительмены. На севере они граничили с коряками, на юге — с айнами. Ко времени присоединения полуострова к Российскому государству жизни ительменов были присущи основные черты каменного века. В долине реки Камчатки обитали оседлые рыболовы, экономической основой их жизни были вылов и заготовка лосося. Охота и собирательство играли в хозяйстве ительменов вспомогательную роль.

В конце XVII в. в долине реки Камчатки, по данным И. И. Огрызко, насчитывалось 36 ительменских острожков. С. П. Крашенинников в конце 1730-х гг. застал здесь только 19 небольших поселений. Между острожками Тулуач (Толбачик) и Вытылгинским, в 30 верстах вверх от устья реки Колю, впадавшей в реку Камчатку, стоял ещё один небольшой острожек.

Люди селились на месте, где позже находился посёлок Козыревск, ещё в глубокой древности. Археолог Н. Н. Диков обнаружил в районе озера Домашнего крупную неолитическую стоянку возрастом около 800 лет. Она представляла собой остатки полуземлянок в виде углублений диаметром 3–4,5 м и глубиной 20–35 см, размещавшихся на юго-восточном берегу озера. Другая стоянка древнего человека найдена на берегу реки Камчатки рядом с тем местом, где ныне расположена электростанция.

Река Колю стала именоваться Козыревкой в память того, что первым с местных жителей собрал ясак Пётр Козыревский, сын поляка, состоявшего на русской службе. Позже находившееся здесь селение получило по реке название Козыревск. К 1740-м гг. в нём

жили 14 ясачных плательщиков. С учётом этого общая численность жителей селения превышала 70 чел. Тойоном в это время был «лучший мужик» Накша.

В середине 1850-х гг. в Козыревск переселились несколько семей крестьян из материковой России. Они пытались сеять рожь, пшеницу и ячмень, но опыты оказались неудачными.

По данным переписи камчатского населения 1876 г., Козыревск населяли 78 чел., все камчадалы. Селение состояло из 11 домов, 16 амбаров, 13 балаганов и девяти стай. Здесь имелась часовня во имя св. Иннокентия Иркутского. В часовне вместо колокола висела серебряная тарелка, в неё били гвоздём. Эта тарелка с 1711 г. исполняла роль колокола вначале в Камчатской пустыни, расположенной на Ключах, затем была передана в Козыревск, где и находилась до 1910 г.

К 1888 г. численность местного населения несколько уменьшилась: в Козыревске было 12 дворов и 67 чел. (33 мужского и 34 женского пола). В 1891 г. жителей стало ещё меньше, теперь их насчитывалось всего 64 чел. Они содержали 20 голов КРС, 10 лошадей и 119 собак. В охотничий сезон этого года промысловики добыли 50 соболей, восемь медведей, 22 лисицы, семь выдр, 56 диких оленей и выловили 22 310 «хвостов» лососей. С огородов сняли (в пудах): 431 картофеля, 11 репы, 33 конопли и 26 ячменя.

Попытки выращивания зерновых культур продолжались вплоть до 1930-х гг. Так, 21 мая 1936 г. на небольшом поле было засеяно 1,5 га ячменя и немногим более 6 га овса.

Козыревск, как и многие другие селения по реке Камчатке, неоднократно менял место расположения. Для более удобного сообщения местная администрация перенесла его в устье реки Козыревки, где оно находилось до конца XIX в. Частые размывы берегов при половодьях послужили причиной переноса строений ниже по течению, туда, где река делает крутую излучину, называющуюся Владимировкой. Это было ближайшее удобное место ниже реки Козыревки. Здесь находились ключевое озеро и ручей Крекалка, куда вплоть до декабря заходил на нерест зимний кижуч, а окрестности изобиловали дичью.

После образования в июле 1909 г. самостоятельной Камчатской области начались изменения и в жизни камчатской глубинки. В 1909—1910 гг. здесь побывали участник Переселенческой экспедиции И. Г. Протопопов и сотрудники научной экспедиции Ф. П. Рябушинского, изучавшие возможность колонизации долины реки Камчатки и промышленного освоения прилегающих к ней мест.

Первым шагом на этом пути стало строительство телеграфно-телефонной линии по долине реки Камчатки между Петропавловском и Козыревском. Ввод её в эксплуатацию позволил быстрее решать вопросы местной жизни.

В 1909 г. при старосте Г. И. Чёрном в селении имелось всего девять дворов. В 1916 г. на Камчатке свирепствовала эпидемия оспы. Из-за отсутствия врачебной помощи в этом году в Козыревске умерло 17 жителей.

К 1930 г. основную этническую группу населения составляли камчадалы — семьи потомков от браков между русскими крестьянами и ительменами. Как правило, их семьи отличались многочисленностью и состояли из трёх поколений. Так, семьи И. Д. и Ф. С. Кречетовых, М. Турнаева включали по восемь, семья Рыковых — девять, две семьи Черных — в общей сложности 27, а семья М. М. Чуркина — 16 чел.

По географическому положению Козыревск имел ряд преимуществ по сравнению с селениями верховьев реки Камчатки. Рыба здесь шла в большем количестве и лучшего качества. Были здесь и богатые охотничьи угодья, а благодаря сравнительно небольшим расстояниям до экономических центров долины реки — селений Ключи и Усть-Камчатск — цены на товары и продукты держались более низкими, чем в других местах. В 1909 г. куль муки пшеничной 2-го сорта в 1 пуд 15 фунтов стоил здесь 6 руб. 25 коп., кирпич чая — 75 коп., фунт сахара — 25–35 коп., ящик с банками керосина — 13 руб., пуд соли — 1 руб. 60 коп., порох — 1 руб. 75 коп. за фунт, рис — 70–80 коп. за фунт, аршин ситца — 30 коп. Цены на эти же товары в Мильково были вдвое выше.

На рубеже 1919—1920-х гг. на Камчатке широко развернулось кооперативное движение. Первый кооператив был образован в Усть-Камчатске в 1916 г., затем они появились во многих селениях полуострова. Вновь организованные объединения пайщиков (кооператоров) налаживали на местах торговлю, лов и обработку рыбы. Кооператив появился и в Козыревске. Уже в феврале 1921 г. здесь проходил кооперативный съезд, рассматривавший вопросы снабжения населения продовольствием.

Вот что сообщала об этом 27 февраля 1921 г. газета «Известия Камчатского областного исполнительного комитета»: «15 февраля в два часа в Козыревске открылся чрезвычайный волостной кооперативный съезд селений Козыревск, Ушки, Толбачик и Среднекамчатск. Присутствуют представители Центросоюза Кочергин и Витковский, члены Союза камчатских кооперативов — Черняев

и Богомолов, председатель Мильковского кооператива Плотников. На съезде картинно обрисовано экономическое и продовольственное положение на Камчатке. В дальнейшем детально будет рассматриваться вопрос о продовольственном снабжении и перевозимых средствах. Для запечатления памяти съезда президиум с участниками был сфотографирован».

Первые годы советской власти. Она установилась на Камчатке в конце 1922 г. В Козыревске был избран сельский революционный комитет под председательством М. С. Кречетова. В его состав входили член П. Р. Евсеенко и секретарь А. А. Бочкарёв. Сельревкомовцам установили месячный оклад в размере 35 иен.

Для поддержания порядка из молодёжи организован отряд госполитохраны, принимавший участие в подавлении мятежа против новой власти, организованного зажиточной частью населения Ключей. Козыревцы оказали помощь и усть-камчатскому партизанскому отряду под руководством Якова Созутова, осенью 1922 г. отправившемуся в Петропавловск. В постановлении, принятом на общем собрании женщин Козыревска, говорилось: «Организовали женский комитет по сбору пожертвований, для каковой цели избрали комитет из трёх лиц: председательницы Татьяны Никитиной и двух членов — гражданок Варвары Кочергиной и Любови Чуркиной, а также постановили — поддержать всеми возможными мерами, как фронт, так и народную власть в лице областного комитета».

С 1920-х гг. здесь стали оседать русские переселенцы, приехавшие из Центральной России, — бывший офицер царской армии В. Петрухнов, Засухин, В. Борисевич и другие. С их прибытием значительно увеличились площади огородов: если в 1926 г. овощи выращивались на 14 871, то в 1928 г. — уже на 30 843 кв. м.

В январе 1926 г. в Козыревске впервые открылся пункт лесничества, призванный вести учёт одного из главных местных богатств — лесных массивов. В этом же году в местах кочёвок ламутских родов был образован Быстринский район. В связи с отсутствием на территории нового административного образования населённых пунктов решили временно разместить районный центр в ближайшем селе — им-то и стал Козыревск.

В 1928 г. здесь имелось 35 дворов, жили 138 чел.: 38 мужчин, 28 женщин и 72 ребёнка.

В первые годы существования селения жилые дома располагались на берегу реки. Потом постепенно стал образовываться «верхний» ряд улиц. Разделение села на «верхних» и «нижних» произо-

шло не только по месту проживания, но и по имущественному положению. Условной границей между ними считалась берёза, стоявшая на околице села. Нижнюю часть Козыревска звали «слободой», жителей верхних домов именовали «заберёзенцами». «Верхние» и «нижние» часто враждовали между собой, иногда дело доходило до потасовок между детьми. Но потом берёзу срубили, и вражда постепенно забылась. Дальнейшее жилищное строительство велось вверх и «за овраг». Ещё в 1930-х гг. этот овраг, поросший густым шиповником, был восточной границей села. Потом Козыревск стал разрастаться, появился район «Новостройка». Село расширялось и вдоль «старой» дороги в Ключи, и параллельно первой улице.

В 1929 г. в Козыревске побывал московский журналист В. Канторович, в частности описавший свадьбу местных жителей. По его словам, «в свадебном обряде современных камчадалов нет уже ничего, что отличало бы его от свадьбы где-нибудь в российской деревне...» А вот стол имел камчатские особенности. Подавали оленину, баранину, холодец из рыбьих хрящиков, солёные рыбные головки, рыбу, фаршированную рисом, и особенно любимую в старину толкушу — приготовленную из сараны, кипрея, кетовой икры, медвежьего жира, шикши и корней шеломайника.

В 1930 г. на Камчатку вслед за волной рыболовной кооперации и интегральных союзов, решавших снабженческо-заготовительные, кредитные и культурно-бытовые задачи, пришла коллективизация. Появились многопрофильные хозяйства, их деятельность была связана с выловом и обработкой рыбы, охотой и земледелием.

В этом же году областные партийные органы намечали создать 24 хозяйства с новой формой собственности — коллективной. На деле же их появилось 27, в том числе и козыревский колхоз «Ленинский путь», но, как и в других камчатских селах, характер жизни местного населения после этого значительного изменения не претерпел. Летом колхозники заготавливали рыбу и сено, работали на общественных огородах, зимой охотились. 7 февраля 1931 г. областная газета «Полярная звезда» писала: «В Козыревске упромышлено лисиц — 50, выдр — три, горностаев — 27, белок — 17, зайцев — 63. На соболя выходят 15 чел.».

Летом 1930 г. в Козыревске состоялся пленум ламутского туземного райисполкома, обсуждавшего ход коллективизации и бюджет на 1930/31 г. Здесь же проводилась подписка на «Полярную звезду».

В 1931 г. местные рыбаки-колхозники поймали 4 622 нерки, из них 1 932 рыбины пошли в пищу им самим и их семьям.

Отдельные колхозники показывали образцы нового отношения к труду. Так, Иван Петрович Бородин с 1932 по 1938 г. являлся лучшим колхозником-стахановцем Усть-Камчатского района. Он один обеспечивал подвозку сена для всего колхозного стада, насчитывавшего 59 голов крупного рогатого скота и 23 лошади. За успехи в труде И. П. Бородин был представлен к награде.

В 1935 г. в селе имелось 29 семейных хозяйств, из них 16 вступили в колхоз. В 1936 г. прибывшие переселенцы образовали ещё семь новых хозяйств.

В 1939 г. жители Козыревска держали 90 голов КРС, из них в колхозе — 62, в личных хозяйствах колхозников — 19, у единоличников — девять. Свиней насчитывалось 50 голов: в колхозе — 40, у колхозников — семь, у единоличников — три. Имелось всего три десятка кур: 20 из них держал колхоз, 10 — единоличники. На 28 колхозных лошадей приходилось пять личных, собаки делились так: 32 колхозных, восемь хозяйских. В этом году для приготовления юколы козыревцам-колхозникам разрешалось поймать 6,4 тыс. штук лососей, единоличникам — 1,6 тыс. штук.

Уже первые опыты по выращиванию теплолюбивых культур оказались удачными. Об их акклиматизации в мае 1940 г. сообщала усть-камчатская районная газета «Большевистский путь»: «В этом году в колхозе “Ленинский путь” селения Козыревск приготовлено девять котлованов на 100 парниковых рам. В парниках посеяна рассада капусты. Выращенная рассада будет высажена на площади 3 га. После высадки капустной рассады в парниках будет посажена рассада огурцов. В настоящее время в колхозе производится посев моркови на площади 0,5 га, свёклы на площади 0,5 га, редиса на площади 0,2 га. Также будет посажено 8 га картофеля».

В 1980—1990 гг. хороших результатов в земледелии добились семьи Канаевых, Нестеровых, Мешковых, Приваловых, Черновых, Шандоровичей, Щербицких. Помимо привычных культур — картофеля, капусты, смородины, моркови, укропа, разных сортах перца, наиболее трудолюбивые хозяева сумели вырастить на суровой камчатской земле арбузы, облепиху, дыни, яблони, сливы и земляную грушу.

В конце 1920-х гг. жители Козыревска впервые познакомились с кинематографом. В 1928 г. состоялись два сеанса, на них присутствовали 40 взрослых сельчан и 15 ребятишек. Новая форма культурного обслуживания населения внедрялась медленно. Так, в 1939 г. намечалось показать всего четыре взрослых и два детских немых художественных фильма.

В годы Великой Отечественной войны. 22 июня 1941 г. фашистская Германия напала на СССР, началась страшная война. Перед страной встала задача перестройки всей жизни на военный лад. Отныне на несколько лет вперёд главным для советских людей был лозунг «Всё для фронта, всё для победы!» Начало войны явилось новым этапом и в жизни далёкого камчатского села. Теперь в основу деятельности леспромхоза, предприятий и организаций Козыревска легло указание правительства о мобилизации всех сил и средств на разгром врага.

В первый же день войны сессия Камчатского областного Совета депутатов трудящихся призвала всё население полуострова к спокойствию, дисциплине и выдержке. Если до войны большинство материалов, оборудование, продукты питания завозились с материка, то теперь в значительной мере пришлось рассчитывать на собственные средства и возможности. На всех предприятиях области особое внимание было уделено поддержанию производственной и трудовой дисциплины.

Патриотический порыв охватил всех камчатцев. Исключением не стали и жители Козыревска. От местных рабочих и служащих пошли заявления об отправке на фронт. Но воюющая страна остро нуждалась в лесоматериалах, поэтому фронтом для большинства камчатских лесников теперь было их родное производство.

В начале ноября 1941 г. было принято постановление Государственного Комитета Обороны «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». Десятки юношей и девушек приступили к освоению военных специальностей. Местная молодёжь с особым успехом и интересом овладевала стрелковым оружием. И это неудивительно: большинство жителей посёлка были отличными охотниками, поэтому их обучение не представляло большой сложности.

Перед работниками леспромхоза и других организаций встала задача увеличения производительности труда и объёма выпускаемой продукции, полного обеспечения Ключевского лесокомбината сырьём для выполнения военных заказов. Наряду с этим, было необходимо эффективнее использовать местные природные ресурсы, ввести строгий режим экономии топлива, материалов, денежных средств.

В стране родился новый патриотический почин — движение «двухсотников», то есть рабочих, выполнявших дневные нормы не меньше чем на 200 %. Первыми «двухсотниками» в Камчатской области стали лесорубы Козыревского леспромхоза Бадуров и Панов, перевыполнявшие нормы выработки в два-три раза.

Помимо ударного труда на производстве, рабочие и служащие леспромхоза на протяжении всей войны помогали фронту личными средствами. Они отчисляли в фонд обороны однодневные и двухдневные заработки, вносили деньги и облигации государственных займов.

О том, как жители Козыревска своим трудом принимали участие в приближении победы, рассказывала «Камчатская правда». 16 января 1943 г. она сообщала: «Успехи Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны вызвали у охотников Козыревского сельсовета Усть-Камчатского района новый прилив сил и энергии в выполнении государственного плана. Охотник колхоза "Ленинский путь" Фёдор Спиридонович Кречетов в четвёртом квартале 1942 г. сдал государству пушнины на 4 000 руб., выполнив план на 160 %. За два дня первого квартала Фёдор Спиридонович добыл четырёх соболей, лисицу, выдру, четырёх горностаев и выполнил квартальный план на 113 %, заработав 2 839 руб. Сдавая пушнину на пункт "Заготживсырьё", товарищ Кречетов заявил: "Воины Красной Армии крепко бьют врага. Мы, охотники, будем больше добывать пушнины, помогая фронтовикам громить фашистских извергов. Я обязуюсь план первого квартала выполнить на 300 %».

А вот ещё одно свидетельство, датированное 3 февраля 1943 г.: «Приказ Верховного Главнокомандующего товарища Сталина вызвал трудовой подъём среди рабочих лесоучастка Кишкердино. Передовая бригада трелёвщиков комсомольца Миронова добилась выполнения норм на 300 %. Лесорубы товарищи Кузин, Голубкин, Березовский, Сидоров, Рябцев, Горшенин, Гранкин, Копочкин, Губарев, комсомольцы товарищи Жук, Мартынов, Майоров ранее давали 15–17 кубометров леса в день, а сейчас вырубают по 20–30 кубометров».

А вот как местные охотники отпраздновали юбилей родной армии: «Перевыполнением пушных заготовок первого квартала встретили 25-ю годовщину Красной Армии охотники Козыревского куста. Охотник Фёдор Чуркин квартальный план выполнил на 141, Стародубов — на 121, Иннокентий Рыков, Василий Чуркин — на 112 %. Из добытой пушнины охотники Козыревска товарищи Кречетов, Рыков, Василий Чуркин, Прокопий Черных, Егор Черных и Александр Черных на строительство танков передали по соболю».

Ниже приведены материалы о трудовых успехах козыревчан в военные годы, в разное время нашедшие отражение в газете «Камчатская правда»:

13 июля 1943 г.: «Коллектив Козыревского леспромхоза в срок выполнил государственное задание по заготовке деловой древеси-

ны. Предстояла вторая, наиболее важная задача — сплавить лес в срок и без потерь. По решению обкома ВКП(б) сплав леса в этом году по реке Кишкердино проводил Козыревский леспромхоз, а по рекам Уртц и Камчатке — Ключевской лесокомбинат.

10 мая были сброшены в воду первые брёвна. Коллектив сплавщиков Козыревского леспромхоза с воодушевлением взялся за работу. По 14–16 часов в сутки работали стахановские бригады Фомина, Качанова. Лучшая бригада по скатке леса, возглавляемая бригадиром товарищем Самычим, ежедневно выполняла нормы на 250 %. По-фронтовому трудилась команда катера "Сплавщик" (старшина товарищ Ракунов). За весь период сплава катер не имел ни одного часа простоя.

Партийная организация леспромхоза (секретарь товарищ Круглов) возглавила проведение лесосплава по реке Кишкердино, 23 коммуниста работали непосредственно на участке. Они показывали пример фронтовой работы всему коллективу. Коммунисты товарищи Кривихин, Пекарский, Резник, Жаткин были инициаторами социалистического соревнования. Широкой славой в леспромхозе пользуется фронтовая бригада комсомольца Миронова.

За время лесосплава выпущено 28 боевых листков, проведено 48 бесед на разные темы.

Заместитель наркома рыбной промышленности товарищ Шередека дал высокую оценку работе коллективов Козыревского леспромхоза и Ключевского лесокомбината, наградив лучших людей похвальными грамотами и значками "Отличник рыбной промышленности"».

18 июля 1943 г.: «Комсомольцы — учащиеся Козыревской школы под руководством старшей пионервожатой товарища Лысенко заготовили 850 берёзовых веников на корм скоту колхоза "Ленинский путь"».

28 ноября 1943 г.: «Деловая древесина — сверх плана. Трудовыми делами отвечают на призыв вождя трудящиеся Козыревского леспромхоза. Досрочно выполнив годовой план заготовки деловой древесины, коллектив ведёт сверхплановую рубку леса. Уже дано сверх годового задания 4 500 кубометров деловой древесины. В ноябре хорошо работает коллектив лесоучастка Кишкердино. Отлично трудятся лесорубы товарищи Лавренов, Жаманский, ежедневно выполняющие дневные задания на 300–350 %. По-фронтовому работает на трелёвке леса бригада товарища Тюнтякова, дающая по 300–320 % дневной нормы. Сейчас в леспромхозе началась механическая вывозка древесины автотракторной бригадой.

Уже вывезено девять комплектов. Первый поезд с пятью комплектами привезли тракторист Минченко и прицепщик Булатов».

3 декабря 1943 г.: «Новый трудовой рекорд. На днях лесорубы Сергей Алексеевич Волков и Тимофей Иванович Собакин установили новый рекорд производительности труда, заготовив более 43 кубометров леса и выполнив задание на 437 %. Этим они перекрыли рекорд лесорубов товарищей Пушина и Золотарёва, давших 42 кубометра. Сразу после установления рекорда по всему леспромхозу с новой силой разгорелось соревнование. Лесорубы Орёл, Печёнкин, Лавренов, Жмачинский, Бикбулатов, Додонов, Сидоров, Леонов, обсуждая рекорд Волкова и Собакина, включились в соревнование и обещали приложить все силы, чтобы перекрыть установленный рекорд. Слова лесорубов не расходятся с делом. Все они сейчас выполняют задания на 380–400 %».

18 декабря 1943 г.: «Неутомимый труженик Савелий Калистратович Черепанов — лучший рыбак-охотник Козыревского рыбкоопа. В этом году он один поймал 18,5 т рыбы, убил 10 медведей общим весом 1 108 кг, 27 диких баранов, двух диких оленей, много уток и глухарей. Савелий Калистратович неутомим в труде. Он ни минуты не сидит без дела. Если вернётся из дальней охоты и задерживается дома, то ставит сетки на гольца или уходит промышлять глухарей. “Сейчас нужно обходиться своими продуктами питания, — говорит товарищ Черепанов, — поэтому я стараюсь добыть для столовой больше рыбы и мяса, пусть наши рабочие лучше питаются и лучше работают для фронта”».

20 декабря 1943 г.: «Взносы колхозных семей. Единодушно подписались на танковую колонну “Камчатский рыбак” колхозники сельхозартели “Ленинский путь”. Подписка составляет более 15 тыс. руб. Семья колхозников Балышевых внесла 1 066, Бородиных — 1 000, Павлюковых — 838 руб. Колхозник Фёдор Тютин внёс 450 руб.».

Посёлок во второй половине XX в. Семьи в Козыревске, как правило, были многочисленные, состояли из 5–7 чел. Но были такие, где было до десяти детей. В 1954 г. Президиум Верховного Совета РСФСР наградил 13 многодетных матерей. Среди них были Александра Константиновна Брагина (орден «Материнская слава» 1-й степени), Мария Никитична Грибанова (орден «Материнская слава» 3-й степени), Анна Зиновьевна Жировикова («Медаль материнства» 1-й степени), Мария Ивановна Королёва и Евдокия Ивановна Крухмалёва («Медаль материнства» 2-й степени).

В 1950-х гг. в посёлке был построен аэропорт. Первыми самолётами, открывшими воздушную трассу по маршруту Петропавловск — Козыревск, были американские «Аэрокобры» и «Бостоны», а также отечественные Ли-2.

Итогом развития производственной и социальной сфер села стало преобразование его в 1958 г. по решению Камчатского областного Совета народных депутатов в рабочий посёлок. К территории нового поссовета относились сам Козыревск и населённые пункты Крахча, Крапивная, Быстрая, Боровая.

Но вскоре, в 1963 г., из-за низкой рентабельности и истощения сырьевой базы решено закрыть Быстринский лесопункт. Вслед за ним в 1965 г. упразднён Крахчинский, а в 1977 г. — Крапивненский лесопункты.

В 1963 г. в посёлке побывали участники чехословацкой экспедиции — известные журналисты и путешественники Юрий Ганзелка и Мирослав Зигмунд. Они посетили производственные цехи и сплоточный рейд леспромхоза, осмотрели кинотеатр «Ракета», а в местном универмаге купили себе на память о Камчатке торбаса. Особое впечатление на путешественников произвела знаменитая козыревская столовая. Гостей здесь накормили маринованными грибами, оленьей колбасой местного производства, украинским борщом, варениками, пирогами с капустой.

Общественная жизнь в посёлке была насыщенной. Особой популярностью пользовались спортивные мероприятия — соревнования по футболу, волейболу, легкоатлетические кроссы и эстафеты. Неоднократно спортивные команды Козыревска участвовали в районных фестивалях молодёжи.

К 1970-м гг. Козыревск окончательно сложился как один из центров лесной промышленности Камчатки. Основным градообразующим предприятием являлся леспромхоз, среди других выделялись лесхоз, рыбкооп и отделение совхоза «Козыревский». Местный рыбкооп имел цех, выпускавший лососёвую колбасу, пользовавшуюся у населения большим спросом. Летом здесь ловили много рыбы, делали из неё балык. На зиму заготавливали овощи, лесную ягоду, грибы. В 1980-х гг. рыбкооп имел свиноферму, где содержались более десятка маток; производственный холодильник ёмкостью 25 т; участки для посадки кормового картофеля.

С июля 1975 г. по декабрь 1976 г. жители посёлка были свидетелями извержения вулкана Толбачик. Это грозное природное явление представилось им как незабываемое зрелище: огненный столб поднимался над кратером на высоту до километра, в разные стороны

разлетались раскалённые вулканические бомбы. После извержения значительно изменился Толбачинский дол, здесь выросли новые конусы вулканов Северного и Южного прорывов. Жители посёлка оказывали посильную помощь многочисленным экспедициям, работавшим на вулкане, изучавшим уникальное событие.

В окрестностях посёлка на естественном полигоне — Толбачинском долу — испытывался аппарат для исследования лунной поверхности, названный «Луноходом». Старожил посёлка В. И. Кузнецов вспоминал: «Ленинградская экспедиция научно-исследовательского института “Трансмаш” испытывала на шлаках Толбачика “Луноход”. Я сам помогал в аэропорту грузить тележку (колеса на спицах) в вертолёт Ми-8, а корпус грузили отдельно. Это было в 1975—1976 гг.».

В 1980-х гг. большое внимание отводилось благоустройству и содержанию дорог. В 1987 г. в посёлке были отремонтированы 150 и построены 500 м тротуаров, посажены 60 саженцев деревьев, отремонтированы две колодезные будки, огорожена производственная территория и жилой массив участка жилищно-коммунального хозяйства. Но вместе с тем до настоящего времени не решён вопрос полива летом улиц водой.

К 1990-м гг. посёлок обрёл нынешние границы, общая протяжённость его улиц составила 18 км. В это время он имел два детских дошкольных учреждения при обеспеченности 80,4 места на 1 000 жителей (в среднем по Усть-Камчатскому району этот показатель составлял 82,6 места).

Важным этапом в определении направлений дальнейшего развития Козыревска должно было стать совещание, которое 6 января 1989 г. состоялось под руководством заместителя председателя КОИК Б. П. Синченко. На нём присутствовали 14 чел., представлявшие областной агропромышленный комитет, Камчатпромохоту, Камчатлес и другие организации и управления. От Козыревска участвовала депутат В. М. Рудских. Совещание отметило, что Козыревск, как посёлок лесозаготовителей, существует с 1928 г. За прошедшее время из-за долгого бессистемного пользования его лесосырьевая база значительно истощилась. Наличные запасы уже не могли обеспечивать заготовки в ранее привычных объёмах (до 130 тыс. куб. м). Леспромхоз стал планово-убыточным. Из-за ограничения средств, выделявшихся на развитие социально-бытовой и культурной сферы, ряд её объектов пришёл в ветхое состояние.

Определены следующие основные направления дальнейшего развития экономики посёлка:

— развитие лесного хозяйства и промышленности с переходом на более глубокую переработку древесины. В этой связи решено образовать на основе леспромхоза и лесхоза новое предприятие и уменьшить лесозаготовку до 50–60 тыс. куб. м;

— с учётом того, что природные ресурсы и климатические условия в районе Козыревска благоприятствуют ведению сельского хозяйства, начать расширение аграрной отрасли с преобладанием животноводства. Агропромышленному комитету Камчатской области предложено изучить возможность строительства в посёлке нового совхоза с отделением в Крапивной.

Но эти решения не были выполнены.

Глубокий кризис, охвативший экономику всей страны в начале 1990-х гг., привёл к тому, что прекратились авиаперевозки пассажиров. Из-за нерентабельности закрылись отделение совхоза «Козыревский» и столовая рыбкоопа. Сегодня в посёлке многие трудоспособные жители — безработные, преобладающее население — пенсионеры.

Козыревское сельское поселение, помимо собственно Козыревска, включает село Майское, лежащее в 33 км по трассе Мильково — Усть-Камчатск. Козыревск расположен в северной части долины реки Камчатки на расстоянии 494 км по автомобильным дорогам от Петропавловска-Камчатского. От Козыревского сельского поселения до административного центра муниципального района — Усть-Камчатска — 245 км. Численность населения Козыревского сельского поселения — около 1 500 чел.

Посёлок размещается в лесном массиве, одном из самых живописных на Камчатке. Отсюда открывается прекрасный вид на Ключевскую группу вулканов и «домашний» вулкан Толбачик. Какое будущее ждёт Козыревск? При условии качественной перестройки, после ввода в эксплуатацию гидроэлектростанции (ГЭС-7) на реке Быстрой, себестоимость электроэнергии значительно уменьшится, при этом условии может получить дальнейшее развитие лесная промышленность, основанная на глубокой переработке сырья. К наиболее перспективным направлениям можно отнести становление туризма в районе вулкана Толбачик, развитие сельского хозяйства животноводческого направления и коневодства, промышленное использование даров леса, художественные и национальные промыслы.

Козыревские газеты. В связи со сложностью доставки газет в отдалённые сёла и посёлки, для оповещения населения о событиях, происходящих в мире и стране, Козыревский леспромхоз печатал собственные. Первым стал «выездной» листок Усть-Камчатского райкома

ВКП(б) «Штурм», выходивший в 1930-х гг. Ему на смену пришли еженедельники «Стахановец лесной промышленности» (1942—1953 гг.) и «Камчатский лесник» (1954—1959 гг.).

С 1943 по 1959 г. в поселковой типографии работала жительница Козыревска Галина Павловна Иванова. «У нас в газете были редактор, секретарь, старший наборщик, наборщик, печатник, — вспоминала она. — В каждом цехе имелся общественный корреспондент, который писал в газету. Принимали сообщения ДальТАСС — Дальневосточного отделения Телеграфного агентства Советского Союза, имели свою рацию. Где-то в 1950—1951 гг. я тоже наловчилась принимать. Последним редактором был Иван Михайлович Болтенко».

К 1951 г. «Стахановец лесной промышленности» выходил раз в неделю по пятницам тиражом 350 экземпляров. Его основной задачей стала мобилизация трудящихся на выполнение производственных заданий. Так, 26 октября 1951 г. сообщалось: «На днях в леспромхоз прибыла новая техника. В числе её новые грузовые автомашины ЗиС-151, трактор С-80, грейдер и другое оборудование. Автомашины, трактор, дорожное оборудование вступает в строй на лесозаготовках. Задача механизаторов состоит в том, чтобы с первых дней эксплуатации новой техники освоить и добиться хороших результатов».

Впрочем, газета рассказывала не только о производственных задачах. Так, 25 января 1952 г. она известила читателей об итогах недавно прошедших лыжных соревнований. «20 января в Козыревске состоялся лыжный кросс, в котором принимали участие комсомольцы и молодёжь леспромхоза, а также учащиеся Козыревской школы. В кроссе приняли участие 132 чел. Сдали нормы “Готов к труду и обороне!” и “Будь готов к труду и обороне!” (спортивные нормативы, разработанные для разных возрастных категорий населения СССР. Как правило, их сдача превращалась в массовый спортивный праздник, в котором с удовольствием принимало участие большое количество людей. — *В. Б.*) 1-й ступени 51 чел. Хорошие результаты показали в кроссе на дистанции в 10 км комсомольцы леспромхоза Б. Ильин, П. Дёмин, учащийся Л. Черепанов и П. Морковин. На 5 км хорошие результаты показали В. Дубовик, А. Сыроваткин, В. Зенкин, на 3 км — В. Лукьянов, Ю. Балахнин, П. Сочнев, Л. Демина, на 2 км — В. Дёмин, Кожевников, Журавлёв, В. Бочкарёв».

С 1954 г. издавалась газета «Камчатский лесник», так же как и её предшественница, выходившая раз в неделю по пятницам, но

её тираж уже достиг 460 экземпляров. Это издание тоже помещало на своих страницах обзор новостей в стране и мире. Основная же его забота оставалась прежней — направление тружеников на выполнение плановых производственных показателей.

Страницы «Лесника» отражали и местные новости. Новогодний номер от 31 декабря 1954 г. поместил вот такие сатирические куплеты, рисовавшие картинки поселковой жизни:

Радиоузел в Козыревске
По расписанию говорит.
Но понять нам очень трудно,
Почему-то всё хрипит.

Новостройка в Козыревске:
Всё растёт и строится.
О колодцах для воды
Сельсовет не беспокоится.
Нет воды, куда ни кинься,
И пройди все улицы,
Не найдёшь воды ни капли —
Не напиться курице.

В парикмахерскую собрался
И сынишку взял с собой,
Пока очереди дождался,
Сын оброс мой бородой.

В леспромхозе стройбригада
Не работает как надо,
Но и стройка их идёт:
Один дом за целый год.

Понятно, что козыревцы читали не только собственную газету, но и выписывали областные и республиканские издания. Так, в 1955 г. население и организации, в общей сложности, получали 608 экземпляров газет и 492 журнала. В 1956 г. число подписчиков увеличилось на 525 чел., причём на журналы подписались уже 632 абонента.

Из истории поселковой школы. Первая школа открылась в Козыревске в 1924 г. До этого в селе основы грамоты знали лишь два-три человека. А в 1926 г. в школе учились уже 24 ребёнка, да ещё открылся пункт ликвидации безграмотности. Во вновь образованном клубе молодёжь ставила спектакли, при нём же была создана библиотека.

В 1925—1926 гг. в селе возникли первые пионерские и октябрятские отряды. В то время жизнь детей не всегда была сытой, но

очень насыщенной и весёлой, ребята много времени уделяли занятиям художественной самодеятельностью. При этом успевали трудиться в домашнем хозяйстве, помогая родителям заготавливать дрова, обрабатывать огороды, ухаживать за скотом. С теплотой вспоминала те далёкие годы старожил Козыревска Матрёна Николаевна Калашникова.

Одной из первых учительниц стала Анна Ивановна Пересечанская, направленная сюда в 1925 г. Она родилась в 1902 г., окончила восемь классов женской гимназии. В это же время преподавал А. А. Бочкарёв. Бывшие ученики В. Ф. Налётова, И. П. Крупенина, Н. В. Крупениной, Козловой, М. И. Приваловой и других педагогов и сегодня живут в посёлке.

К сентябрю 1940 г. была построена новая школа, состоявшая из четырёх больших классов, спортивного зала, пионерской комнаты и учительской. Но уже через десять лет она перестала отвечать требованиям жизни. К этому времени население Козыревска значительно выросло, в школе не хватало классных комнат. Поэтому решили строить новую двухэтажную на 280 мест. Её сооружение началось в июне 1953 г., но зданию «не везло» с первых же дней строительства. Проект предусматривал установку бутовых столбов квадратного сечения со стороной 80 см на расстоянии 1,3 м друг от друга, но на деле вместо них были через один метр установлены деревянные стулья диаметром 25 см. Неправильно возвели одну внутреннюю капитальную стену, её пришлось переносить. При этом обнаружилось, что нижний венец стены посажен на стулья без шипов. В первый год на сооружение школы было затрачено 140 тыс. руб. Затем стройка замедлилась: леспромхоз время от времени работал здесь несколько лет — с 1953 по 1959 г.

Затянувшееся крайне необходимое строительство потребовало вмешательства общественности. Старожил посёлка В. И. Кузнецов вспоминал: «Новую двухэтажную школу строили всем миром, даже дети помогали на земляных работах, одранковке, штукатурке, разгрузке песка, глины». Стройка завершилась к началу 1959/60 учебного года. Приказом исполняющего обязанности директора Козыревского леспромхоза М. Шанина от 29 августа 1959 г. «за добросовестный и самоотверженный труд в строительстве здания школы и своевременное окончание к учебному году» денежными премиями поощрили И. А. Соломатина, А. В. Новокшонова, П. М. Репина, М. Шевченко, М. М. Козловцева, П. А. Шибаева, Н. Рагуновича, А. Марычева, И. С. Подмогильного, В. С. Евдокимова, Ф. Сафиулину.

К середине 1980-х гг. здание школы износилось и требовало капитального ремонта. Тогда же с учётом предстоящего большого объёма работ решили построить новую школу на 640 мест, определили дату начала строительства — 1990 г. Был подготовлен проект, но в стране начались стремительные политические и экономические перемены, поэтому возведение нового учебного корпуса началось только летом 2001 г. Новая школа открыла свои двери 1 сентября 2003 г. Более тридцати лет директором школы трудилась Н. С. Исайкина.

Козыревский леспромхоз. В июле 1927 г. для развития экономической жизни полуострова, рационального и комплексного освоения богатств Камчатки было создано АКО. В этом же году пущен в эксплуатацию Усть-Камчатский РКЗ. За несколько лет на полуострове появилась сеть консервных заводов и сезонных рыбообрабатывающих баз.

Перед быстро развивавшейся рыбной промышленностью остро встал вопрос снабжения лесоматериалами, деревянной тарой и водными средствами передвижения. Так возникла необходимость в строительстве рядом с селом Ключи деревообрабатывающего комбината. Первые лесозаготовки в районе Козыревска начались в 1928 г.

Летом 1930 г. в Козыревске создаётся леспромхоз. С этого времени небольшое камчадальское село становится одним из центров лесной промышленности на полуострове. Основной задачей вначале Козыревского лесоучастка, а затем леспромхоза, стало обеспечение сырьём Ключевского леспромхоза. Для работы на вновь создаваемом лесозаготовительном участке уже в 1930 г. в Козыревск направили 128 промысловых переселенцев. Они приехали на Камчатку глубокой осенью. Полуостров проверил своих новых жителей «на прочность» — те были вынуждены идти пешком по зимнему бездорожью из Усть-Камчатска. Успешно преодолев более двухсот километров, переселенцы достигли Козыревска и после непродолжительного отдыха приступили к лесозаготовкам.

О первых результатах деятельности нового лесоучастка «Камчатская правда» в апреле 1931 г. писала: «Ударная комсомольская бригада Козыревска, имея контрольную цифру к 15 апреля 12 тыс. брёвен, выполнила к 1 апреля, досрочно на 15 дней, 18 тыс. Нормы выработки дирекции АКО, 10 кубометров на пилу, ударниками повышены до 18 кубометров на пилу в день».

В 1930-х гг. продолжалось переселение людей из Центральной России на Камчатку. Новосёлы не имели жилья, вначале они ютились в наскоро вырытых землянках на окраине села возле протоки

Крекалки. Первые годы все лесозаготовительные работы велись вручную. Трелевали и вывозили лес на лошадях.

В течение первых десятилетий работы леспромхоза применялся молевой сплав (то есть навалом) леса до мест его обработки. Здесь кругляк вылавливали, вытаскивали на берег и направляли в цеха. Лесозаготовительные бригады обслуживались гужевым транспортом, численность лошадиного стада в отдельные годы достигала 2 000 голов. Лошади делились на три группы: рабочие, отдыхающие и подрастающие. На протяжении ряда лет Ключевской лесокомбинат и Козыревский леспромхоз не выполняли производственных заданий. Так, в 1939 г. план по рубке деловой древесины в 60 тыс. куб. м закрыт лишь на 35,85 тыс., то есть всего на 59,8 %; по сплаву (70 тыс. куб. м) — только на 57 %. И это при том, что среди рабочих царил дух соревнования и творческого подхода к делу. Вот что сообщала газета «Штурм» 12 февраля 1938 г.: «Итоги стахановской декады, проведённой в Козыревском леспромхозе в декабре 1937 г., дали значительный рост производительности труда среди лесорубов. 1 января сего года состоялось совещание стахановцев и ударников леспромхоза, на котором присутствовало 112 чел. Совещание приняло на себя обязательство выполнить в январе нормы выработки на 140 %».

В 1940 г. заготовка и вывоз составил 47,5 тыс. куб. м, наибольшая выработка на одного работающего в этом году достигла 160, а к 1966 г. — уже 492 куб. м.

Во время войны Козыревский леспромхоз заготавливал и вывозил древесины почти втрое больше, чем в 1941 г. Вот что писала об этом усть-камчатская районная газета «Большевистский путь»: «Вывозка деловой древесины Козыревским леспромхозом за 1943 г. составила 101,4 тыс. кубометров. Это более чем на 50 тыс. больше, чем в 1940 г.».

Несмотря на военное время, леспромхоз продолжал строиться. К 1945 г. на возведении мастерской водников он освоил 24,0 тыс. руб. из сметных 34 тыс., на сооружении амбулатории — 29,2 тыс. из 47,2 намеченных. Кроме этого, сдан скотный двор стоимостью 85,8 тыс. руб.

Для снабжения работников леспромхоза овощами было раскорчёвано 20 га земли, где посадили картофель, капусту, овёс, турнепс и морковь.

Действовало и своё кирпичное производство: в 1946 г. леспромхоз при плане в 100 тыс. шт. кирпичей выпустил их 117 тыс. Электростанция предприятия выработала 3 200 киловатт-часов

электроэнергии. В этом году лесопереработчики заготовили 133 кокора (технической продукции), 78 т древесного угля, 400 кг дёгтя и 9,6 т смолы и 75 кубометров «газочурки». (Последняя представляла собой отходы лесопромышленного производства, использовавшиеся для получения горючего газа в газогенераторах. Во время Великой Отечественной войны производство газогенераторов было налажено на разных камчатских предприятиях, в частности на Петропавловской судоверфи. Газ использовался как топливо для автомобилей.)

Большое внимание в леспромхозе уделялось воспитательной работе. Так, только в первом полугодии 1946 г. его работникам были прочитаны четыре лекции и доклада на международные темы, восемь — к различным юбилейным датам, проведены две беседы по философии, сделаны три научно-популярных сообщения. На каждой такой встрече в среднем присутствовало около 200 чел.

К концу 1945 г. численность работающих в леспромхозе достигла 1 117 чел. Они распределялись по лесопунктам: Лазовскому (298), Быстринскому (154), Кишкердинскому (164), Кировскому (326). В других цехах трудились ещё 175 рабочих и служащих.

Для обеспечения рабочими руками растущих объёмов лесозаготовок на лесоучастки начали завозить корейских рабочих. В это время в Северной Корее свирепствовал голод. Первые корейские семьи появились в Козыревске осенью 1946 г. При посадке на пароход на родине каждому переселенцу выдавали 500 руб. безвозмездного пособия и денежный аванс также в 500 руб. Их снабжали спецодеждой, одной парой обуви и «суточными» суммами по 5 руб. Для питания в пути на каждого работника выделялись (в г): 500 риса, 220 рыбы, 200 соевых бобов, 250 овощей. Нормы для остальных членов семьи были несколько ниже. По условиям договора, корейским работникам разрешалось переводить на родину до половины своего заработка.

Корейцев поселили в бараке, построенном в Гаражном переулке. В его комнатах находились небольшие печи и двухъярусные нары. Как правило, корейские семьи включали 5–6 чел.: двоих взрослых и 3–4 детей. По состоянию на 1 апреля 1955 г. в Козыревском леспромхозе числились 172 корейских рабочих и 250 иждивенцев.

Когда в 1950-х гг. началась их отправка на родину, многие отказывались уезжать с Камчатки, прыгали с барж в воду, скрывались в лесах. Те, кто смог тогда уклониться от возвращения домой, так и остались на полуострове. Их не преследовали. Сегодня в посёлке осталось всего несколько корейских семей.

После войны заготовка леса получила совершенно новое качество. В распоряжение лесников поступили мощные и современные грузовые американские автомобили марок «Студебеккер» и «Додж», поставленные на Камчатку в рамках ленд-лиза, в частности в распоряжение строящегося в Петропавловске порта. В 1957 г. пришла и новая отечественная техника: 16 мощных лесовозов ЗиЛ-151, 12 трелёвочных тракторов ТДТ-40, два автобуса для доставки рабочих на деляны. Кроме этого, леспромхоз имел трелёвочные тракторы КТ-12, электропилы и бензиновые пилы «Дружба», передвижные электростанции, погрузочные краны, лебёдки, грузовые автомобили, речные катера и сплотные агрегаты.

К 1950 г. Козыревский леспромхоз включал следующие вспомогательные цехи и производства:

— механические мастерские;
— две паросиловые установки;
— конный парк;
— автомобильный транспорт;
— водный транспорт;
— электроустановку;
— лесопиление для собственных нужд;
— смолокуренное производство;
— кирпичное производство;
— вылов рыбы для котлового питания рабочих и корма собак;
— жилищно-коммунальное хозяйство, состоявшее из жилого фонда, сапожной мастерской, бань и дезинфекционной камеры;
— сельскохозяйственную ферму;
— типографию.

Для налаживания более разумной заготовки леса (в связи с отдалением сырьевой базы от центральной усадьбы леспромхоза) создавались новые участки-селения: Боровая, Магнитка, Кировский, 63-й лесоучасток, Кишкердино, Крахча, Старая Крахча и другие. Здесь рабочие жили постоянно. Как правило, такие селения состояли из нескольких бараков, торговой точки — магазина или ларька, нескольких хозяйственных построек. Всего в состав леспромхоза в эти годы входили десять подразделений.

Первыми из перечисленных были созданы участки Кировский и Магнитка. Вот что говорилось в распоряжении по леспромхозу № 41 от 8 декабря 1938 г.: «Приказываю выделить в самостоятельные прорабские участки: а) “Магнитку” — с включением в оперативную деятельность последнего усов №№ 5, 6, 7, 8. Прорабом лесоучастка “Магнитка” назначаю старшего десятника Быкова с окла-

дом 700 руб. в месяц; б) Кировский лесоучасток — с включением в оперативную деятельность последнего 1, 2, 3, 4, 10 и 11 усов и центральной части Кировского лесоучастка... Устанавливаю следующий годовой план по лесоучасткам: ...Кировский — по заготовке деловой древесины — 20 тыс. кубометров, по трелёвке в мехпутях — 25,1 тыс. кубометров».

В 1959 г. открылся Крапивненский лесопункт. На Сталинском участке работало производство древесного угля.

Важным условием успешной работы предприятия являлось обеспечение его квалифицированными кадрми. С этой целью в середине 1950-х гг. в леспромхозе действовала областная лесотехническая школа, готовившая специалистов — мастеров и механизаторов. За два года работы она выпустила около 200 шофёров, трактористов, судовых мотористов, электромехаников и мастеров лесозаготовки. Наибольшая численность работающих в леспромхозе, составившая 1 225 чел., пришлась на 1954—1957 гг. Это была пора расцвета предприятия.

К 1960-м гг. в Козыревском леспромхозе сложился коллектив, способный решать серьёзные задачи. Личный пример в труде показывали вальщики С. Ш. Шакуров, В. И. Ширнаев, тракторист Н. Силин, чокеровщик А. Зенкин, мастер лесовозных дорог М. Н. Гагарин, шофёр А. М. Кротов и многие другие.

Человеческая память на протяжении десятилетий хранит много ярких, а порой и невероятных событий. Одно из них, как рассказывают старожилы, однажды произошло зимой. Мастер Николай Вдовиченко за сутки дошёл на лыжах от Козыревска до Ключей, получил зарплату на весь коллектив и пришёл обратно, преодолев, таким образом, около двухсот километров!

К 1980-х гг. стало ясно, что от простой заготовки леса необходимо переходить к глубокой переработке сырья. Были сделаны определённые шаги в этом направлении, но довести перестройку производства до конца так и не удалось.

Выполняя Продовольственную программу, принятую в 1982 г., леспромхоз построил свинарник, закупил 12 свиноматок и восемь поросят. Намечали довести поголовье свиней до 90 голов. Были разработаны участки под посадку картофеля, турнепса, однолетних культур.

В 1984 г. леспромхоз выполнил плановое задание со следующими результатами: по валовой продукции — на 90,3, по реализации готовой продукции — на 102,6, по производительности труда — на 89,5 %.

Одной из характеристик технической оснащённости предприятия является его обеспечение автотехникой. В 1986 г. леспромхоз имел 32 автомобиля общей грузоподъёмностью 301 т. В 1989 г. в его составе осталось 30 автомобилей, в том числе 14 грузовых, шесть автобусов и девять спецмашин, способных вместить 260 т.

К 1990 г. в связи с общим экономическим и политическим кризисом в стране, сопровождавшимся резким падением потребности в древесине, началось падение производства и численности работников леспромхоза. Теперь здесь трудились всего 182 чел. Заготовка древесины составила 120 тыс. «кубов». Было выпущено 50 тыс. кубометров деловой древесины и 20 тыс. «кубов» дров.

В последующем леспромхоз снизил объёмы производства почти вдесятеро. В 1999 г. заготовка леса упала до 13 915 куб. м, при этом выход деловой древесины составил всего 4 130, а дров — 7 500 куб. м. В 2000-х гг. одно из старейших предприятий лесной промышленности Камчатки не смогло приспособиться к новым хозяйственным условиям и прекратило существовать. Последствия экономического кризиса сильно отразились на всём населении посёлка.

Ушковский рыбоводный завод

В среднем течении реки Камчатки, на её правом берегу, в 15 км от посёлка Козыревск, в 226 км выше устья реки Камчатки лежит Ушковское озеро. Оно издавна служило важным источником пищи жителям окрестных селений. Французский путешественник Лессепс в конце XVIII в. отмечал: «Близ сего острога (Ушки. — *В. Б.*) есть очень рыбное озеро, куда из около лежащих деревень приезжают запастись оною». В ходе археологических раскопок на его берегах найдены материалы 14,5-тысячелетней давности.

Озеро имеет длину около 2,7 км и ширину от 200 до 700 м при средней глубине 0,5–0,7 м. Площадь его зеркала составляет 0,9 кв. км. Водоём находится в зоне затапливаемой поймы реки Камчатки. В полноводье он заполняется водами реки, и его площадь может увеличиваться вдвое. Он имеет сток — протоку шириной до 30 и длиной до 500 м.

Термический режим озера довольно устойчив: среднегодовая температура воды колеблется в пределах плюс 3–6 градусов. Даже в самые сильные морозы озеро не замерзает. Летом вода в нём прогревается до 10–12, а иногда — и до 15 градусов. Особенностью водоёма является наличие значительного количества подземных ключей, равномерно располагающихся почти по всему его ложу.

Воспроизводящиеся в озере лососи отличаются самыми поздними в бассейне реки Камчатки сроками хода и нереста. В озеро штучно заходят и «каюрки» кижуча, прожившие в море всего несколько месяцев. Кроме лососей, в озере Ушковском круглый год обитают гольцы и девятииглистая колюшка, весной, летом и осенью встречаются хариус и микижа, попадаются минога и карась.

Среди многочисленных видов гольцов, обитающих в озёрах и реках полуострова, А. М. Токранов выделяет ушковского гольца. По его словам, последний «обитает лишь в озере Ушки из бассейна реки Камчатки, сегодня, пожалуй, наименее изучен из всех своих собратьев, поскольку к настоящему времени до конца не выяснен даже его видовой статус».

В 1930—1980-х гг. на озере действовал Ушковский рыбоводный завод, при котором находился рабочий посёлок, имевший административный статус. Основным объектом искусственного рыборазведения являлась нерка, или осенняя красная, как дающая лучшие результаты по инкубации икры и выживаемости молоди. При плановом недоборе икры красной закладывалась икра и других лососей — кеты и зимнего кижуча.

Предприятие имеет предысторию, восходящую к первым десятилетиям XX в., когда начала развиваться рыбная промышленность. В связи с быстрым ростом объёма добычи лососей в реке Камчатке, по требованию рыборазводного отдела при Департаменте землеустройства и земледелия рыбопромышленник А. Г. Дембри в 1915 г. построил у озера Нерпичьего завод. Он предназначался для разведения нерки и летней кеты. Первоначально его помещения разместились у входа в озеро Нерпичье на реке Бекет, однако она вскоре пересохла, и поэтому сооружения пришлось перенести выше, на другую речку, также впадающую в озеро Нерпичье. Вновь выбранная речка под названием «Крутая» или «Рыборазводная» брала начало из хребтов Камчатского мыса и отличалась довольно быстрым течением.

Завод находился приблизительно в двадцати верстах от устья реки Камчатки в живописной долине, окаймлённой снеговыми горами с одной стороны и громадным озером Нерпичьим с другой. Предприятие представляло собой одно летнее здание японского типа общей площадью 279,5 кв. м, разделённое на две части. Одну занимал собственно завод, другую — жилые помещения. Здесь размещались комнаты рыбовода и его помощника, а рабочим предоставлялось общее помещение. Кроме этого, имелся сарай для хранения необходимого инвентаря.

Завод был оборудован 88 вырестными аппаратами системы Аткинса. В каждый из них стопками по 10 шт. устанавливались 40 квадратных рамок, изготовленных из дерева, с натянутой металлической сеткой. Рамки, сетка и сам аппарат были покрыты асфальтовым лаком. На каждую рамку в один ряд укладывались икринки: до 1 600 летней кеты и до 2 500 нерки. То есть, в один аппарат входило 64 000 икринок кеты или 100 000 нерки; всего же завод был рассчитан на закладку соответственно 5 632 000 или 8 800 000 икринок.

Описание заводского оборудования оставил юный Г. Г. Крамаренко, посетивший Камчатку в 1918 г.: «Установлены вырестные аппараты с одной стороны завода, одиннадцать рядов, по четыре двойных в каждом ряду; с другой, противоположной стороны, во всю длину стены проходит жёлоб, служащий для раскладывания рамок с развивающейся на них икрой. Вода в завод поступает самотёком, для этого имелись некоторые приспособления. Приблизительно в одной версте выше завода находилась запруда для искусственного подъёма уровня воды. Отсюда проведён деревянный жёлоб, по которому вода поступает в завод.

Жёлоб этот частью идёт над землёю, частью под землёю. Для того чтобы вода в завод поступала чистой, на её пути устроен ряд фильтров и других приспособлений, задерживающих посторонние частицы. В том месте, где вода поступает в жёлоб, поставлен ряд решёт различного диаметра, чтобы задерживать более крупные взвешенные частицы. Затем вода поступает в небольшой колодец и далее идёт по жёлобу и снова вливается в такой же колодец; после этого проходит через фильтр и, наконец, из этого фильтра — в другой, последний, установленный у самого завода. Пройдя этот фильтр, вода распределяется по вырестным аппаратам.

Фильтр устроен так, чтобы вода из жёлоба попадала на дно фильтра и, просачиваясь затем через песок и гальку, попадала в отверстие жёлоба, сделанное сверху фильтра. Несмотря на такую сложную фильтрацию, всё же много ила попадает в вырестные аппараты, покрывая иногда икринки довольно толстым слоем ила. Но это не приносило вреда икринкам.

Обычно раз в сутки (вечером) фильтры чистились. Далее вода спускается в имеющийся возле каждого фильтра колодец, фильтры тщательно моются. Вода в это время по отводной канаве спускается в речку. Решета в начале жёлоба тоже чистились. Чтобы не было причинено вреда заводу во время разливов, он в наиболее опасном месте был обнесён земляным валом.

Завод был приспособлен к работе только летом, таким образом, для перезимовки выведенных мальков устроен бассейн — питомник. Бассейн этот устроен рядом с самим заводом. Он представлял собой деревянный сруб в виде глаголя (то есть буквы *Г*. — *Ред*.), неглубокий, около 30 см. Для того чтобы мальки могли в нём распределяться равномерно, весь бассейн разделён на перегородки. Мальки при желании могли переходить из одного отделения в другое через верх. Конец бассейна тоже не закрыт, так как переборки не доходят до верху; в этом месте устроена отводная канава в речку, и когда мальки подрастут, они имеют возможность сначала попасть в речку, а затем в Нерпичье озеро.

Питается бассейн водой речки, которая поступает по двум желобам, проведённым от ближайшего места речки. Вода может поступать и по отводной канаве, которая проведена от последнего фильтра. Таким образом, вода в бассейне всегда проточная. На зиму бассейн сверху закрывают досками. Рассчитан бассейн только на 3,5 млн мальков. Зимой время от времени рабочие приезжали осматривать бассейн. Температура зимой в бассейне держится плюс один градус Цельсия.

Начинал завод функционировать с середины июля. В это время появляется сначала летняя кета, а затем нерка. Летней кеты сюда, и вообще в Нерпичье озеро, идёт мало, поэтому главная масса икры берётся от нерки. Сначала оплодотворяли летнюю кету, для этого брали производителей в самой речке, возле плотины, так как в озере и в устье рыба ещё незрелая. Нерка нерестилась всюду, где более или менее спокойная вода. Она мечет икру и в устье речки, и в самом озере в некотором расстоянии от берега. Хотя вода в озере на самой поверхности иногда и бывала солоноватой, но масса ключей, бьющих из-под земли, благоприятно влияет на развитие икры.

Впоследствии гидрологический режим озера был изменён, и нерка стала нереститься только в пресных водоёмах и реках, впадающих в озеро. Производителей нерки ловили большим неводом прямо на устье, здесь же и оплодотворяли. Затем оплодотворённую икру в деревянных японских вёдрах с водой переносили в завод, где уже размещали по аппаратам. Все операции по оплодотворению икры обычно заканчивались к концу июля.

Процесс оплодотворения заключался в следующем. Вылавливались вполне зрелые самцы и самки, самок оглушали ударом специальной колотушки по голове, затем распарывали брюшко, брали икру и помещали её в круглую жестяную тарелку, покрашенную асфальтовым лаком (слизь и кровь удаляли губкой). Потом брали самца

и выжимали на икру молоки. Если молоки вполне зрелы, они свободно вытекают при простом поглаживании брюшка.

Через две-три минуты приливают немного воды, перекладывают в указанные выше деревянные вёдра икру и переносят на завод, где тщательно промывают, чтобы не осталось молок, так как они могут загнить. Этим, в сущности, и оканчивался весь процесс оплодотворения.

Затем осторожно раскладывают икру с помощью совка в вырестные аппараты, где она и остаётся до выхода мальков. Развивающаяся икра просматривалась не каждый день. Обычный осмотр каждого аппарата с развивающейся икрой и выборка мёртвых икринок производятся приблизительно через две недели, а когда появляются глазки — три-четыре раза в неделю».

Результаты деятельности завода в 1915—1921 гг.:

— в 1915 г. заложены 510 600 икринок красной и 107 200 кеты, убыль составила 2,6 и 22,3 % соответственно; 17 сентября выпущено 496 827 мальков красной и 83 402 мальков кеты;

— 1916 г. заложены 7 295 000 икринок красной и 233 600 кеты, убыль — 8,7 и 8,2 %; 8 октября выпущено 6 668 074 мальков красной и 24 сентября 214 405 мальков кеты;

— в 1917 г. заложено 2 985 000 икринок красной и 504 000 кеты; с 15 по 20 октября выпущено 2 630 147 и 484 808 мальков соответственно;

— в 1918 г. заложено 2 625 000 икринок красной и 872 000 икринок кеты; выпущено 2 405 020 и 799 245 мальков соответственно, даты выпуска не указаны;

— в 1919 г. заложено 7 387 500 икринок красной и 544 000 икринок кеты, убыль составила в среднем 9,27 %; 25 сентября выпущено 509 945 мальков кеты, а 1 ноября — 6 708 822 мальков нерки;

— в 1920—1921 гг. заложено 2 280 000 икринок красной и 56 000 икринок кеты, убыль составила 9,04 и 9, 73 % соответственно; сведений о выпуске мальков нет.

Известно, что в 1922 г. на завод поступили 60 000 икринок кеты и 3 000 000 нерки, из них погибли 33 800 и 1 020 соответственно.

После революции 1917 г. в газетах Владивостока и Петропавловска развернулась кампания против владельцев рыбоконсервных и рыборазводного завода — предпринимателей Дембри. 8 сентября 1921 г. газета «Известия Камчатского областного народно-революционного комитета» в разделе «Хроника» писала: «Рассматривая доклад рыбовода Зандберга о рыборазводных заводах на Камчатке, областной исполнительный комитет постановил: вновь и вновь

настаивать перед Рыбным управлением на бесполезности рыборазводного предприятия Дембы».

По мнению Зандберга, деятельность завода можно было рассматривать только как формальную: своей цели он не достиг. По нормам, принятым в то время в заграничной практике, отношение выпускаемых мальков к вылавливаемой рыбе должно было равняться 1 : 10, то есть взамен каждой выловленной рыбы следовало выпускать десяток мальков.

14 апреля 1923 г. цунами смыло РКЗ Дембы, после чего предприниматели прекратили хозяйственную деятельность на Камчатке. Рыбоводный завод в 1923 г. отработал последний сезон и в 1924 г. не действовал, а всё его имущество сдали на хранение Усть-Камчатскому волостному революционному комитету.

Затем оборудование завода перенесли на Ушковское озеро. В середине 1920-х гг. озеро детально обследовал Вольтер Иванович Орав, эстонец, родившийся в 1900 г. Он разработал проект нового предприятия, а затем стал его первым директором. Первые опыты по рыборазведению на Ушковском озере состоялись в 1926 г. Они оказались неудачными: гибель икры и мальков достигала 90 %.

Новый завод — Ушковский — был построен в 1928—1930 гг. Постепенно это предприятие приобретало опыт: в 1930 г. потери икры и молодняка снизились до 40,2 %, а в 1933 г. — до 12,8 %. Выпуск молоди лосося в течение 1930—1934 гг. составил (млн штук): в 1930 г. — 5,699, в 1931 г. — 3,879, в 1932 г. — 3,944, в 1933 г. — 8,789, в 1934 г. — 16,289.

Предприятие располагалось на берегу одноимённого озера, соединяющегося протокой с рекой Камчаткой и находящегося в среднем течении реки на её правом берегу. До районного центра — посёлка Усть-Камчатск было 200, до Козыревска — около 20 км.

В 1944 г. заводом руководил директор О. И. Орехов.

Все процессы, связанные с инкубированием икры и подращиванием молоди лососей, проводились на самотечном водоснабжении, хотя завод располагал необходимым оборудованием для перевода его на механическое. Полная мощность после реконструкции (позже 1965 г.) при механическом водоснабжении была рассчитана на одновременное инкубирование 25 млн икринок.

В это время завод располагал:

— инкубатором № 1 производственной мощностью 15 млн икринок с механической подачей воды;

— инкубатором № 2, построенным в 1965 г., ёмкостью 10 млн икринок с самотечным водоснабжением;

— питомниками, состоявшими из трёх последовательно расположенных и взаимосвязанных в водоснабжении отделений. Каждое отделение, в свою очередь, делилось на шесть параллельных секций.

Водой питомники снабжались самотёком. Общая полезная площадь питомников составляла 900 кв. м и рассчитывалась на одновременное содержание в них до 25 млн мальков. Стенки питомников были выполнены из деревянных досок, дном являлось естественное ложе озера. Питомники подобного типа относились к открытому типу, все их секции во время пребывания в них икры или молоди в обязательном порядке должны были сверху накрываться деревянными щитами.

Недостатком процесса воспроизводства являлось естественное ложе озера, изобиловавшее подземными ключами. Они значительно затрудняли регулировку водообмена в секциях, создавая в одних местах сильное течение, а в других — застой воды. Под действием ключей стенки питомника часто подмывались.

В состав завода также входили: забойный цех с живорыбными садками, электростанция с дизелем ЧА-2, электронасосная станция с водоподающей сетью, предназначенной для механического водоснабжения инкубаторов.

Штат завода включал 12 чел.: директора, техника-рыбовода, двух мастеров-рыбоводов, моториста и семи рабочих.

В 1967 г. средний вес выпущенной молоди по видам составил (в мг): нерка —135, кета —285, кижуч — 101.

В 1988 г. Ушковский рыборазводный завод закрыли, а на его основе создали контрольно-наблюдательный пункт, действующий до настоящего времени.

Существование только одного рыбоводного завода в бассейне реки Камчатки было явно недостаточно для воспроизводства облавливаемого лососёвого стада. По оценкам специалистов, Ушковский завод выпускал всего лишь 1 % от численности нерестившегося лосося. Наличие нескольких таких предприятий наряду с охранно-регулирующими пунктами могло бы довольно быстро сказаться на увеличении запасов лососёвых.

Уловы нерки в бассейне реки Камчатки с 1943 по 1950 г. упали с 60 до 6 тыс. ц. Слабым было и заполнение нерестилищ. Так, в 1950 г. нерки зашло сюда вдесятеро меньше, чем в 1947 г., и почти в пять с половиной раз меньше, чем в 1949 г. Численность стада нерки к 1950 г. понизилась настолько, что этот ценный вид лосося стал играть в уловах очень скромную роль.

В 1951 г. введён полный запрет всякого лова нерки в реке Камчатке и Камчатском заливе. Но одной этой меры для восполнения её запасов было недостаточно. В марте 1952 г. вышло постановление Совета Министров СССР, согласно которому Камчатрыбводу предлагалось составить задание на строительство второго экспериментального завода по разведению нерки в бассейне озера Ажабачьего. В соответствии с приказом Министерства рыбного хозяйства СССР от 24 июля 1952 г. построить его следовало в 1954 г.

Первоначально составленное Камчатрыбводом проектное задание, предусматривавшее возведение предприятия на ключе Широком, притоке реки Бушуйки, было отклонено Главрыбводом по причине бездорожья и заболоченности местности. Подходящая, как казалось, под строительство завода площадка была найдена на реке Пономарской, впадавшей в озеро Ажабачье. Её предложила экспедиция института «Гипрорыба», прибывшая в 1952 г., совместно со специалистом Камчатрыбвода М. А. Андреевой. Как позже выяснилось, и эта площадка оказалась неудачной.

Проектируемая мощность завода составила 5 млн икринок нерки, что только и было возможно при тогдашнем состоянии запасов этого вида. В дальнейшем по мере восстановления запасов имелось в виду увеличение мощности до 10 млн.

На новом заводе предполагалось решать такие важные задачи:

— разработка биотехники искусственного разведения нерки с выращиванием молоди до покатной стадии с определением нормативов для отдельных этапов разведения;

— изучение биологии объекта разведения и, что самое главное, — определение эффективности проводимых мер.

До разработки методики выращивания молоди завод должен был производить выпуск сеголеток с подкормкой их части на искусственных кормах в бассейнах. Задуманное так и осталось на бумаге: завод построен не был. Впоследствии выяснилось, что делать этого и не было необходимости ввиду того, что здесь хорошо шёл естественный нерест лососей.

Первоначально строительство завода тормозилось отсутствием необходимого проектного задания, его получили от Главрыбвода только в 1955 г. В этом же году был заключён договор на строительство с Камчатремстроем. Тогда же в селении Ключи заготовили два сруба жилых домов, но на место строительства их из-за обмеления Ажабачинской протоки осенью доставить не смогли. В 1956 г. в план Камчатремстроя включили 1 млн руб. В этом году произвели разбивку на местности основных объектов строительства,

привезли из Ключей и собрали три дома и ряд хозяйственных построек.

Из-за отсутствия технической документации (Гипрорыбпроект разработал только проектное задание) производственные цехи не сооружались. Разработку чертежей поручили Камчатскому отделению института «Гипрорыбпром», однако за неимением всех необходимых данных для проектирования, особенно в части водоснабжения, она не проводилась.

В 1962 г. полностью построили инкубатор и мальковый питомник. Это здание в отступление от проекта, предусматривавшего устройство ленточного фундамента, установили «на стульях». В результате в двух местах в его стенах возникли сплошные вертикальные трещины. Устранение этого дефекта с подводкой сплошного фундамента привело бы к значительному удорожанию строительства. В этом же году построили новое здание электронасосной станции (без монтажа уже завезённого оборудования), выполнили часть работ по проводке летнего и зимнего водопроводов. В 1963 г. возвели второй инкубатор и мальковые питомники.

Следует отметить, что завод сооружался медленно и некачественно. Работы по устранению обнаруженных дефектов были равносильны новому строительству. Много недостатков имел и сам проект. Так, не предусматривались выпускные лотки для мальков, само здание было высоким, как ангар, и плохо сохраняло тепло.

В 1964 г. работы на предприятии не велись, так как средства на это не выделялись. В этом же году Камчатское отделение (КО) ТИНРО представило в бывший Государственный производственный комитет по рыбному хозяйству СССР докладную записку о нецелесообразности завершения строительства Ажабачинского завода. В ответ на запрос комитета Камчатрыбвод совместно с КО ТИНРО и Камчатрыбпромом подтвердили вывод о нецелесообразности его завершения. При этом они сообщили, что достройка с производственной целью не вызывается необходимостью, рекомендовав уже готовую часть сооружений использовать как основу для разворачивания научно-экспериментальной базы.

В феврале 1965 г. была оформлена передача объектов на сумму 187,3 тыс. руб. (58 % общей сметной стоимости в 335,3 тыс. руб.) КО ТИНРО, но оно это имущество не использовало.

Тогда решили: из-за невозможности приспособления недостроенных зданий и сооружений производственно-экспериментальную базу на озере Ажабачьем не создавать. При этом также учитывалась экономическая нецелесообразность значительных капитальных

вложений в окончание стройки. Затраты на незавершённое строительство рыбоводного завода в сумме 187 тыс. руб. было решено списать с баланса КО ТИНРО. В ноябре 1967 г. Ажабачинский завод, так и не заработав, был списан.

Учитывая опыт воспроизводства лососёвых в долине реки Камчатки, на наш взгляд, следует подходить к этой проблеме с научной точки зрения, а именно разработкой комплексной программы. В ней необходимо учесть хозяйственную деятельность, демографический процесс, развитие энергетики в долине реки Камчатки и другие аспекты.

Из истории ительменского селения Утхолок

Слово «Утхолок» с ительменского можно перевести как «Лесное селение», «Селение около леса». Оно располагалось на правом берегу одноимённой реки, в 30 верстах от моря по течению и в 15 верстах по прямой, на нижнем склоне речной террасы, защищённой от холодных северо-западных ветров. Селение находилось на опушке смешанного леса, где преобладали берёза Эрмана, кедрач, ольха и тальник. Через него проходил почтовый тракт Большерецк — Тигиль. В 1911 г. в Утхолок провели линию проводной связи. В долине реки Утхолок имеется несколько террас — удобные места для поселения человека. Здесь протекают небольшие речки, имеются старицы и озёра, болота и тундра.

Река Утхолок начинается в предгорьях хребта Медвежьего, составной части Срединного хребта. Слева и справа Утхолок принимает ряд довольно крупных притоков. Наиболее значительные из них — реки Оклямч и Кувшес, а также ручьи Майский и Алэ'нк, впадающие в Утхолок в верхнем течении, и в нижнем — ручьи Алхэн, Кнхч, Мишкин и Фэтаран. В этих местах обитают гуси, утки и другая дичь. Для всех рек характерны широкие долины, относительно спокойное течение. В низовье реки Утхолок лежит обширная заболоченная долина с множеством пойменных озёр. Озеро Гусиное — справа от реки вниз по течению Окэль (место обитания дичи). Озеро Мэенто — ниже притока Мишкин. Севернее расположено озеро Ключэкэн, западнее от него — Фигурное. По левому берегу Утхолока — озёра Северное и Ичкэвэем, недалеко от берега моря. Все перечисленные водоёмы — благоприятные места для гнездования птиц.

Бассейн реки Утхолок, где хозяйствовали жители одноимённого селения, имеет топонимы, производные от трёх языков —

ительменского, русского и корякского. Их соотношение в процентах, по нашим подсчётам, составляет 42 : 42 : 16. Главное место среди них занимают гидронимы — названия водных объектов (рек, озёр, проток, ручейков). За три столетия географические названия подверглись глубоким изменениям, были приспособлены к современным условиям.

Доктор В. Н. Тюшов уточняет местонахождение селения в конце XIX в.: «Острожек расположен на правом берегу извилистой тундровой реки того же имени, верстах в пятнадцати от берега моря и вблизи довольно высокого увала, приблизительно в двести футов».

В 1987 г. сотрудники Камчатского областного краеведческого музея проводили археологическую разведку реки Утхолок. Они выявили и описали 16 разновременных стоянок, но точной датировки их не проводилось. Предположительно, самая древняя стоянка оценивается началом первого тысячелетия нашей эры. Можно считать, что наиболее раннее поселение на реке Утхолок появилось в 300—400-х гг. нашей эры, что примерно соответствует датировке углей на стоянке Ковран XII. На стоянке Утхолок XIV найдена тонкостенная керамика. Её появление принято определять серединой первого тысячелетия нашей эры. Всего же в пойме реки Утхолок выявлено 13 археологических памятников.

Население Утхолока принадлежало к северной группе ительменов. Почти до закрытия села жители сохраняли родной язык, свою старинную культуру и основные виды занятий. Ещё в 1930-гг. известный учёный М. А. Сергеев указывал: «Проживающая в семи селениях Тигильского района (в том числе в Утхолоке. — *В. Б.*) группа ительменов в 814 чел. не подверглась ассимиляции и сохранила в значительной мере свои племенные признаки...»

В январе 1924 г. в селении проживало всего 19 семей, носители семи фамилий — Ласточкины, Суздаловы. Слободчиковы, Заевы, Уксусниковы, Даниловы, Сысоевы. При этом значительная часть жителей имела первые три фамилии. Почти все они находились между собой в родственных связях. В круг брачных связей Утхолока были вовлечены и обитатели Напаны, Коврана, Хайрюзово. Особой славой в окрестных селениях пользовались утхолокские невесты: об их трудолюбии и скромности знали на всём побережье Охотского моря.

Изменение численности местного населения с 1740 по 1933 г. характеризуется следующими цифрами:

— в 1740 г. — 27 ясачных мужчин, всего 140 чел. (из расчёта, что семья состояла из 5,2 членов);

— в 1811 г. — 10 ясачных, всего 52 чел.;

— в 1853 г. — 30 мужчин и 28 женщин, всего 58 чел.;

— в 1880 г. —29 мужчин и 37 женщин, всего 66 чел.;

— в 1894 г. — 46 мужчин и 43 женщины, всего 89 чел.;

— в 1926 г. — 55 мужчин и 44 женщины, всего 99 чел., самое большое число за все годы;

— в 1933 г. — 49 мужчин и 34 женщины, всего 83 чел.

На число жителей влияли эпидемии и болезни, отсутствие медицинского обслуживания, неполноценное питание, этническая ограниченность.

По сообщениям О. Мурашко (1993), с 1828 по 1898 г. численность коренного населения Камчатки выросла на 1,5 %.

По итогам Приполярной переписи 1926 г., ительмены 11 селений западного побережья Камчатки сохранили родной язык, в том числе и в Утхолоке. На ительменском языке его жители говорили до упразднения селения.

Занятия жителей были полностью подчинены природным циклам. Хозяйственный календарь определялся временем промысла рыбы: с апреля по май — гольца; в июне — корюшки; в июне и июле — чавычи и горбуши; в августе и сентябре — кижуча; в сентябре и октябре — сёмги и гольца; в ноябре — гольца.

В начале XX в., с появлением на побережье соли, жители Утхолока стали в больших количествах солить рыбу, что позволяло её дольше сохранять. Уроженка села Людмила Иосифовна Слободчикова вспоминает: «...мы солили 120-килограммовую бочку рыбьих пластинок. Головы отрезали, солили только пластинки, без костей».

Хозяйственная деятельность начиналась в конце апреля, когда мужчины на собаках выезжали на устье Утхолока, где готовили жильё (кажим), снасти, средства передвижения. Здесь же на привязи оставляли на лето собак. Как только река освобождалась ото льда, на батах перевозили всех домочадцев на берег Охотского моря, где они жили до окончания рыболовного сезона. В селении оставалось несколько человек, как правило, это были старики и больные. В их обязанности входили обработка небольших огородов и уход за скотиной.

В мае, как только прилетали птицы и начинали откладывать в гнёзда яйца, женщины и дети собирали и заготавливали яйца. Предварительно собирали речной лёд, им обкладывали собранное, так сохранявшееся до Нового года, иногда и до марта.

В окрестной тундре женщины и дети запасали ягоды: морошку, бруснику, шикшу, голубицу, жимолость, рябину, клюкву. Ягоду по

нескольку месяцев хранили в берестяных ёмкостях — «беток», в холодном месте. В качестве дров, как правило, использовался сухостой и плавник, а также кедрач, как шишки, так и лапник. Воду для питья и хозяйственных нужд брали из реки.

Этнограф Е. П. Орлова сообщает: «Кроме... зимнего селения, имелось ещё летнее стойбище, расположенное в самом устье реки. Оно являлось важнейшим местом морского зверобойного промысла и отчасти рыбного. Ительмены Утхолока ловили также рыбу в устье соседней реки Квачины, куда заходило большое количество сёмги... На летовье население Утхолока проводило почти половину своей жизни. Туда съезжались для морской охоты люди из соседних селений, так как вблизи Утхолока находится "вторая лёжка" нерпы, сивуча и других морских зверей».

Рыбачили в реке Утхолок, основным орудием лова служил запор, в меньшей мере другие. Например, в 1876 г. рыбы было заготовлено 42 475 шт. общим весом около 85 т, то есть на каждого жителя селения приходилось 1 287 кг, или 643 шт.

От других селений охотского побережья Утхолок отличался тем, что в реку в сентябре и октябре заходила сёмга — редкая на Камчатке рыба. Как правило, её морозили, глазировали речной водой и хранили в холодном помещении, складывая в штабель. Рыбу лососёвых пород заготавливали разными способами: солили, делали юколу, коптили, квасили в ямах, морозили, готовили порсу, то есть рыбный порошок.

Немаловажное значение имел морской промысел. Били нерпу традиционно, тяжёлой ольховой колотушкой (мэлэн), одним точным ударом в переносицу. На суше нерпа была беспомощна, и настичь её не составляло труда. При разделке использовали металлические ножи. Вследствие массового истребления численность нерпы упала ниже критической черты, и в 1970-е гг. охота на неё была запрещена.

В. И. Иохельсон так характеризует морской промысел: «В настоящее время жители западного побережья Камчатки всё ещё охотятся на морских млекопитающих. Камчадалы не выходят в море, не имеют байдар... Они спускаются в своих лодках... называемых батами, к устьям рек и ставят кожаные сети на нерп, белух или сивучей... Нерп также убивают на скалах из ружей или заострёнными палками».

Важное значение имела охота на диких животных. Так, в 1876 г. 66 охотников добыли 51 барана (чубука), 34 диких оленя, 142 нерпы. Численность упромышленной нерпы значительно колебалась.

В 1926 г. было добыто 482 животных. На одного жителя в год приходилось 23 кг мяса дикого барана, 40–50 кг мяса дикого оленя и 43 кг мяса нерпы. Часть мяса оленей и шкуры жители выменивали у кочующих коряков.

Огородничество не играло в хозяйстве заметной роли. Так, в 1876 г. было снято 56 пудов 10 фунтов репы; 14 пудов 20 фунтов картофеля, хотя посажено его было 27 пудов 10 фунтов, то есть урожай оказался почти вдвое меньше посева.

Средствами передвижения, как и в других селениях, летом служили выдолбленные из ствола тополя баты, на которых ходили по рекам, перевозя грузы и людей.

Важное место в хозяйственной деятельности местных жителей играло собаководство: им занимались почти все взрослые мужчины. Каждый имел в среднем по 12–20 собак. Основным маршрутом передвижения на них были поездки в ближайшие селения — Ковран и Напану, но нередко отправлялись в Петропавловск, Тигиль, Соболево и даже на Чукотку.

Уроженец Утхолока Михаил Иванович Ласточкин, родившийся в 1900 г., отмечал, что в начале XX в. в селении не было спичек, сетей, соли, редким был даже хлеб. Обитатели питались только рыбой, корнями растений, орехами и ягодами. Это свидетельствовало о низком уровне жизни. Когда же случались наводнения, вылов рыбы был затруднён, поэтому не хватало и её. Михаил Иванович пережил две эпидемии с очень высокой смертностью.

В середине XVIII в. на Камчатке находилась русская православная миссия во главе с Иосафом Хотунцевским, в задачу которой входило крещение коренного населения. Формально это было сделано, но жители охотского побережья почти не говорили по-русски и православную религию воспринимали лишь по внешним атрибутам.

К середине XIX в. большинство камчатских селений имело часовни и церкви, построенные прихожанами. В Утхолоке часовня, видимо, появилась только в начале 1870-х гг. Причин этому было несколько: во-первых, отсутствие хорошего строевого леса, а во-вторых, всё трудоспособное население летом было занято на рыбалке в устье Утхолока.

В 1861 г. селение посетил архиепископ Камчатский Иннокентий Вениаминов. Он записал в дневнике: «10-е (декабря. — *В. Б.*), воскресенье. В два часа приехали в Утхолокское селение и по случаю праздника и за неимением часовни отправляли часы в доме, после которых я говорил с жителями в назидание их...»

В 1876 г. уже учтена одна часовня, а также десять домов и одна баня. Доктор В. Н. Тюшов в самом конце XIX в. сообщает: «...маленькая, выделяющаяся своею новизною меж них (домов. — *В. Б.*) часовенка».

Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. начал выполняться на Камчатке только в 1923 г., после появления в Петропавловске новой советской администрации. Надо отметить, что воплощали в жизнь положения декрета люди, недавно приехавшие на полуостров, незнакомые с его особенностями и этническим составом населения. Часовня в Утхолоке была закрыта 23 января 1925 г. Она стояла заброшенной и никак не использовалась. До этого, в 1923 г., в ней работала школа. Но уже в докладе председателя Хайрюзовского волостного ревкома о состоянии волости с октября 1924 г. по апрель 1925 г. указано: «часовня в Утхолоке... ни для каких целей ввиду ветхости не приспособлена, и общество возбудило ходатайство о сломе таковой». 3 июня 1926 г. Тигильский райревком решением № 19 распорядился закрыть и уничтожить в районе все здания церквей и часовен.

В книге «Церковь, вера и современная жизнь. Воспоминания и рассказы из Тигиля» приводится свидетельство уроженки Утхолока Анны Александровны Ягановой, родившейся в 1928 г.: «...Я вышла на улицу. А дом наш около озера был в Утхолоке. Смотрю, костёр, большой костёр, и кидают в него что-то. Ну, я любопытная, смотрю — иконы большие такие, красивые, дутые жёлтые. Видимо, из церкви жгли их там. Кто-то топором рубит их, в костёр кидают. Это помню...»

Рассказывая историю Утхолока, нельзя не упомянуть лиц, внёсших вклад в развитие селения. Среди них — семья Рябиковых. И. В. Рябиков был активным участником установления советской власти, делегатом от Хайрюзовской волости и председателем второго уездного съезда Советов. Весной 1922 г. делегирован на Петропавловский чрезвычайный уездный съезд Советов, откуда в составе делегации направлен в областной центр с ультиматумом белым властям. Здесь вопреки обычаям арестован и замучен, его тело сброшено в Авачинскую губу. После гибели мужа в сентябре 1922 г. М. С. Рябикова некоторое время работала в почтово-телеграфном отделении Утхолока, затем переехала в Петропавловск.

Характеристика Утхолока в 1923 г., данная одним из командиров Красной Армии: «Селение имеет 10 домов, 10 балаганов (сараев), четыре амбара, две бани. Численность населения: взрослых муж-

чин — 23, женщин — 24; детей мужского пола — 13, женского — 17. Имеется школа, учитель и учащихся 13 чел., парторганизаций нет. Вероисповедание православное. Часовню оборудовали под школу, попов нет, имеется почтово-телеграфное отделение, государственных и других учреждений нет. Главное занятие жителей — охота, рыболовство и животноводство. Продукт охоты сдаётся японцам и проезжающим скупщикам в обмен на необходимый товар: продовольствие, мануфактуру и оружие. Спрос на спирт есть, доставляется таковой японцами.

Характер поверхности: болотистая и лесистая; род леса: березняк, кедровник, ольховник и тальник. Район селения Утхолок орошается следующими реками: Утхолок, шириною 15 саженей, глубиною до двух саженей; Снатола, шириною три сажени, глубиною до 4 аршин, полноводность бывает. Имеются озёра, из них озеро Мальто (видимо, Мэенто. — *В. Б.*) длиною пять вёрст; Лонэ — величиною три квадратных версты. Средняя температура зимы — минус 25, лета — плюс 15 градусов. Снег падает часто, глубина доходит до полусажени. Ветры сильные, курильские и юго-восточные. Пурги частые, заносы большие.

Состав почвы — тундра, суглинок. Питьевой водой пользуются из рек, качество хорошее. Дорога идёт по кошке 12 вёрст. Способ передвижения — вьючный, дорога болотистая и гористая. Переправы через реки бродами возможны только в мелководье, в большую воду переправляются на батах. Мостов, паромов нет. Состояние телеграфной линии удовлетворительное. Селение имеет 13 лошадей, вьючные, 13 конских сёдел. Собак — 176, нарт — 22, лодок — шесть, лыж — 22 пары. Сведений об ископаемых не имеется. Охота и рыболовство мало развиты. Имеются кочевники-коряки в числе 20 чел., оленей имеют 2 000, собак — восемь, нарт — одна. Занимаются оленеводством и кустарным ремеслом. Население благонадёжное».

В связи с административным переустройством Камчатской губернии селение Утхолок вошло в состав Хайрюзовской волости. 1 апреля 1926 г. был образован Тигильский район. В его составе Утхолок просуществовал всего 32 года.

В 1930-е гг. жители Утхолока не избежали репрессий. Пострадали Василий Яковлевич и Михаил Иванович Ласточкины.

В начале XX в. добычу рыбы на западном побережье Камчатки начали японские промышленники. По сведениям О. Мурашко, рядом с рекой Утхолок существовал их крабоконсервный завод. На участке морского берега от Ичи до мыса Утхолокского 3 мая 1930 г. крабов

промышляли 65 японских судов. Местное население получило возможность продавать часть выловленной рыбы японцам, одновременно с ними торговали и пушниной.

В рамках развития коллективного промысла, 26 марта 1928 г. в селении организована жировая артель «Нерпа» из 23 чел. В неё входили 19 ительменов, двое русских и двое коряков.

Следующим этапом развития селения стала организация в феврале 1930 г. колхоза. Хозяйство, названное «Победой», в 1936 г. объединяло 13 семей в числе 62 чел. В то время дома здесь, как и в других ительменских селениях, располагались неупорядоченно, были разбросаны по склону, между ними шли тропинки, на окраине селения находилось почтовое отделение. По словам заведующей избой-читальней Л. Юшиной, к 1952 г. в селении построили школу, избу-читальню, медпункт и магазин.

Высокие результаты в сельскохозяйственном производстве показывала бригада, возглавляемая Анной Николаевной Заевой. Её коллектив собирал по 114 ц картофеля с гектара, почти вдвое больше плана. На уборке урожая хорошо трудились Дарья Суздалова, Михаил Ласточкин, Анна и Галина Баженовы. Постоянно перевыполняли дневные задания возчики Афанасий Притчин и Иосиф Суздалов.

В последующие годы колхоз по социально-экономическим показателям оказался низкорентабельным. Утхолокский сельсовет был упразднён решением КОИК № 24 от 24 января 1958 г. Жителей переселили в сёла Ковран и Тигиль. Сегодня в разных местах проживают полтора десятка уроженцев Утхолока. Все они с душевной болью и ностальгией вспоминают навсегда потерянную родину.

Усть-Камчатск

В XVI—XVII вв. границы Российского государства значительно расширились на восток. В его состав вошла Сибирь, а в середине XVII в. русские люди достигли берегов Тихого океана. В это время состоялись первые походы казачьих отрядов на север Камчатки, самым знаменитым из них стал поход анадырского пятидесятника В. В. Атласова (1697—1699 гг.).

Из Анадырского острога его отряд вышел в составе шестидесяти служилых и промышленных людей и стольких же «ясачных юкагирей», они были каюрами. Достигнув западного побережья полуострова, с помощью вожей (проводников) казаки перешли через Срединный хребет. По словам аборигенов-ительменов, «по извест-

ной тропе ходу до реки Камчатки было около двух недель» (этим путём в Ключи жители Тигильского района пользовались ещё в 1950-х гг.). Далее по реке Кчанутчш (Кануч) отряд добрался до её устья. Разгромив находившийся там ительменский острожек, казаки вышли к главной реке полуострова — Камчатке. Здесь 18 июля 1697 г. был поставлен крест в знак присоединения полуострова к России.

Издавна полуостров населяли племена ительменов и коряков. В долине реки Камчатки обитали ительмены, относившиеся к северовосточным палеоазиатам. Наиболее заселённой в устьевой части реки Камчатки была территория реки Быстрой и терраса озера Нерпичьего. Основное занятие здешних обитателей — рыбный промысел.

В годы освоения полуострова русскими возникли их зимовья и остроги, служившие опорными пунктами для управления новым краем и сбора ясака с аборигенов. В начале XVIII в. первыми административными центрами Камчатки становятся русские остроги Верхнекамчатский, Нижнекамчатский и Большерецкий. Как раз во время похода Атласова на территории современного Усть-Камчатского района русское поселение появилось в устье реки Еловки. Его основал Лука Морозко-Старицин. В 1703 г. недалеко от нынешнего посёлка Ключи, выше по реке Камчатке, выстроен Нижнекамчатский острог, позже неоднократно переносившийся. Рядом возведён первый на Камчатке Никольский храм.

История возникновения Усть-Камчатска связана с трагической страницей в истории полуострова. В начале XVIII в. и без того болезненный ход колонизации обострился по нескольким причинам. Русскую администрацию в селениях аборигенов представляли сборщики ясака. Они завышали объём сбора и изымали в свою пользу продукты, транспорт, одежду, усугубляя и без того тяжёлое положение местного населения. Пришедшие русские присваивали себе наиболее ценные меха или подменяли их пушниной низкого качества.

Всё оседлое и кочевое коренное население было обязано платить ясак, то есть подушную подать с каждого мужчины, шкурками соболя. А сборщики, помимо того, требовали дать и «в пользу приказчика», да и себя не забывали, из-за чего размер сбора увеличивался в несколько раз. В это время на Камчатке пребывала Первая Камчатская экспедиция В. Й. Беринга. Большинство местного населения зимой перевозило на собачьих упряжках её грузы из Большерецкого острога в Нижнекамчатский. Из-за этого зимний

промысел был упущен, но русская администрация требовала полного внесения ясака.

Устье реки Камчатки, богатое сырьём, стало местом, где казаки заготавливали «корма», то есть ловили и сушили рыбу. Здесь имелись их сезонные хозпостройки. Участники экспедиции Беринга в устье реки достраивали бот «Святой Гавриил», их имущество находилось в Нижнекамчатске, в остроге они и провели две зимы.

14 июля 1728 г. бот «Святой Гавриил» вышел из устья Камчатки. Этим было положено начало эпохе российских географических открытий в северных водах Тихого океана. Значение устья реки как базы для дальнейших вояжей резко возросло после завершения Первой и Второй Камчатских экспедиций. Для предприимчивого люда открылся путь на восток, где в изобилии имелась пушнина — главный экономический фактор, направлявший массовое движение «встреч солнцу».

«Святой Гавриил» зимовал в 1728/29 г. в устье реки Камчатки, здесь же содержался караул. Летом 1729 г. бот снова вышел в море. На Ильин день 1731 г. восставшие ительмены под предводительством еловского тойона Федьки Харчина сожгли Нижнекамчатский острог, что стоял в устье реки Уачхачь (Ключевки) недалеко от Горелой (Ключевской) сопки. Случайно спасшиеся казаки А. Сорокоумов, А. Попов и С. Красавцев приплыли в устье реки Камчатки и «объявили скаскою» о потере острога.

Казаки, направлявшиеся в поход на «немирных чукоч», находились в Камчатском заливе на борту «Святого Гавриила». Поход пришлось отменить, а командир бота Я. Генс направил на усмирение восставших два отряда казаков и солдат. В устье реки для проведения зимовки были построены «...часовня, ясачная изба, государев и казённый амбар», сооружена пристань для бота. Таким образом, образование первого русского поселения в устье реки Камчатки можно отнести к осени 1731 г.

В 1731—1732 гг. из устья уходили отряды для подавления восстаний аборигенов на реки Тигиль, Озерную, Хайрюзово, Уку, Авачу. Здесь содержались под караулом заложники-аманаты, сюда стекался собранный ясак и ждал своей участи захваченный в плен вождь восстания Федька Харчин. На несколько лет поселение в устье Камчатки стало административным центром полуострова.

К 1740-м гг. в устье, по свидетельству С. П. Крашенинникова, уже стояли «четыре казармы, близ которых находились несколько изб. Неподалёку оттуда... построена заимка Якутско-Спасского

монастыря, а в ней — двор житья управителя и три избы людские, да там же две казармы казённые и варница».

Крашенинников, неоднократно бывавший в устье реки Камчатки, застал здесь ительменский острожек тойона Тавача, где насчитывалось 92 ясачных плательщика — 77 «лисичников» и 15 соболятников. Исходя из средней численности семьи коренного населения в пять человек, можно предположить, что острожек в ту пору населяли около 450 чел. На карте, составленной Крашенинниковым, на правом берегу реки Камчатки, перед впадением в Камчатский залив, обозначены четыре камчадальские юрты, а на противоположном берегу — русские строения под названием «Монастырская заимка». Именно в записках С. П. Крашенинникова впервые встречается и само название поселения — «Усть-Камчатской острожек»...

Устье реки Камчатки — известное русским мореходам место, где можно было построить и отремонтировать судно. К тому же оно располагалось в непосредственной близости от Алеутских островов и берегов Аляски. Существенным недостатком Охотского порта являлось то, что плавания оттуда затягивались на многие недели: надо было пройти бурное, без удобных заливов Охотское море и опасные Курильские проливы.

Из устья реки Камчатки начинали путь к далёким землям научные и промышленные экспедиции В. Беринга, Е. Санникова, Н. Трапезникова, А. Толстых, С. Пономарёва, П. Шишкина, М. Лазарева, Д. Левашова, И. Биллингса, Г. Сарычева и многих других. Ушедшими отсюда судами был открыт пролив между Америкой и Азией. Отсюда впервые русские достигли Аляски и Алеутских островов.

На середину и вторую половину XVIII в. пришёлся бум промышленных экспедиций. Причиной столь активной купеческой деятельности явилось одно: вновь открытые земли сулили огромные барыши — там имелись большие запасы дикого пушного зверя. Достаточно сказать, что участники получали за морской вояж до 200–250 руб. и более на пай (при годовом доходе государева чиновника в 60–90 руб.). О масштабах промысла можно судить по некоторым цифрам. Например, совершая второе плавание, Е. Басов и купец Трапезников вывезли пушнины на 112 220 руб.!

Наряду с основным занятием — добычей пушного зверя, промышленники открывали новые земли и описывали их. Немногим более сорока лет понадобилось, чтобы достигнуть и освоить территории в непосредственной близости от Америки и закрепиться на «матёрой земле».